Библіотека Романовъ

[Приключенія на сушѣ и на морѣ]

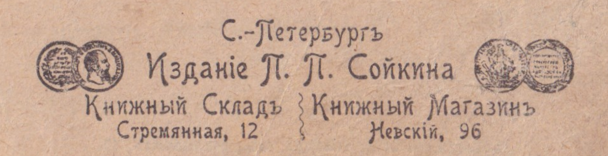
Сердце Міра

Романъ

Райдера Хаггарда

Переводъ съ англійскаго

С. В. Кольцова

С.-Петербургъ

Изданіе П. П. Сойкина

Книжный Складъ Стремянная, 12 | Книжный Магазинъ Невскій, 96

Дозволено цензурою. СПБ, 17 декабря 1902 г.

Типографія П. П. Сойкина СПБ., Стремянная, 12.

I.

Донъ Игнасіо.

Обстоятельства, при которыхъ были написаны настоящія строки, достаточно любопытны и заслуживаютъ повѣствованія Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ англичанинъ, котораго мы назовемъ Джонсомъ, хотя онъ назывался иначе, былъ управляющимъ одного рудника недалеко отъ рѣки Усумачинто, верховья которой раздѣляютъ мексиканскій штатъ Кіапасъ отъ Гватемальской республики.

И въ настоящее время жизнь на Кіапасскомъ рудникѣ, несмотря на нѣкоторыя улучшенія, не можетъ удовлетворить европейскому идеалу благополучія. Начиная съ того, что работа отчаянно тяжелая, и хотя климатъ въ горахъ довольно здоровый, но въ долинахъ свирѣпствуютъ смертельныя лихорадки. Охоты не существуетъ вслѣдствіе необычайной густоты лѣсовъ; при томъ, если даже проникнуть въ чащу, то миріады ядовитыхъ насѣкомыхъ всякихъ наименованій, кишащихъ тамъ, дѣлаютъ это занятіе совершенно невозможнымъ.

Общество, какъ его принято понимать въ европейскомъ смыслѣ, также блещетъ своимъ отсутствіемъ, и даже если кто-либо женится, то онъ не рѣшается привезти сюда свою жену по незаселеннымъ областямъ, черезъ пропасти и рѣки безъ мостовъ, по лѣснымъ тропинкамъ вмѣсто дорогъ; отъ всѣхъ этихъ препятствій содрогнется душа даже смѣлаго путешественника.

Когда мистеръ Джонсъ прожилъ съ годъ на рудникѣ Ла-Консепсіонъ, то сознаніе своего одиночества овладѣло имъ съ необыкновенной силой; онъ не былъ въ состояніи удовольство-

ваться обществомъ американскаго конторщика и индѣйцевъ рабочихъ. Въ первые мѣсяцы своего пріѣзда онъ пытался завязать знакомства съ владѣльцами сосѣднихъ *fincas*, или фермъ, но самъ не замедлилъ отъ этого отказаться, такъ какъ эти люди представляли собою отбросы низшихъ классовъ всю свою жизнь прожигавшія въ самой порочной обстановкѣ.

Поставленный въ подобное положеніе, Джонсъ прибѣгъ къ умственнымъ развлеченіямъ и посвятилъ всѣ свои досуги собиранію древнихъ рѣдкостей и изученію многочисленныхъ раскинутыхъ по сосѣдству развалинъ городовъ и храмовъ древнихъ ацтековъ. Чѣмъ дольше онъ занимался этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе оно его увлекало. Поэтому, когда онъ услышалъ, что по ту сторону горъ живетъ въ собственной гасіендѣ одинъ индѣецъ, по имени Донъ-Игнасіо, который, больше чѣмъ кто-либо во всей Мексикѣ, знаетъ про исторію и святыни прежнихъ жителей, онъ рѣшилъ при первой возможности къ нему поѣхать.

Донъ-Игнасіо пользовался прекрасною репутаціею, и Джонсъ уже давно охотно-бы познакомился съ нимъ, но его останавливала дальность пути. Это препятствіе было устранено предложеніемъ одного индѣйца показать ближайшій путь по горной тропинкѣ, требовавшій всего трехъ часовъ ѣзды верхомъ, вмѣсто десяти часовъ по общей окружной дорогѣ. Въ одну изъ субботъ Джонсъ пустился въ путь, предварительно извѣстивъ Дона-Игнасіо о своемъ визитѣ и получивъ отъ него приглашеніе пріѣхать въ гасіенду, «гдѣ всякій англичанинъ всегда желанный гость».

Приближаясь къ гасіендѣ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ большое бѣлое каменное зданіе въ полумавританскимъ стилѣ, съ башнями надъ воротами, сдѣланными со всѣхъ четырехъ сторонъ, и большимъ куполомъ, возвышавшимся посрединѣ плоской крыши. Проѣхавъ по окружавшимъ это зданіе прекрасно раздѣланнымъ хлѣбнымъ полямъ и плантаціямъ кофе и какао, Джонсъ въѣхалъ по спущенному подъемному мосту во внутренній дворъ, по срединѣ котораго нѣсколько высокихъ деревьевъ раскидывали пріятную тѣнь надъ широкимъ колодцемъ. Его встрѣтилъ индѣецъ, очевидно его поджидавшій, и,

принявъ лошадь, сказалъ, что сеннорь Игнасіо теперь въ домовой часовнѣ у вечерни, вмѣстѣ со всѣми жителями, но что служба скоро кончится. Джонсъ самъ направился туда, и какъ только его глаза привыкли къ царившему въ часовнѣ полумраку, невольно залюбовался ея незаурядною красотою, ея архитектурою и живописью.

Молящихся было около трехсотъ, исключительно индѣйцевъ, работавшихъ на плантаціяхъ; они такъ были сосредоточены, что появленіе незнакомца осталось для нихъ незамѣченнымъ. Больше всего, однако, его поразила большая плита изъ бѣлаго мрамора, вдѣланная въ стѣну надъ алтаремъ, на которой большими буквами была высѣчена испанская надпись: «Посвящается Игнасіо, индѣйцемъ, памяти его самаго любимаго друга, Джемса Стрикленда, англичанина, и Майи, Царицы Сердца, его жены, которую онъ впервые увидѣлъ на этомъ мѣстѣ. Странникъ, помолись о нихъ».

Пока Джонсъ размышлялъ, кто бы могли быть Джемсъ Стриклендъ и Майя, Царица Сердца, не нынѣшній-ли хозяинъ гасіенды соорудилъ эту плиту, священникъ произнесъ отпустъ, и прихожане стали выходить изъ церкви. Первымъ вышелъ старый индѣецъ, котораго Джонсъ призналъ за Игнасіо; ему было лѣтъ шестьдесятъ, но на видъ можно было дать больше, такъ много слѣдовъ оставили на немъ испытанныя горести и лишенія. Онъ былъ высокаго роста и держался съ рѣдкимъ достоинствомъ; его одежда, европейскаго покроя, отличалась простотой, и на ней не было ни одного серебрянаго украшенія въ видѣ пуговицъ или пряжекъ, до которыхъ такіе охотники всѣ мексиканцы; на головѣ была мягкая панамская шляпа. Поражало только одно лицо, дышавшее чистотою всей проведенной жизни; черты лица были тонкія, черные глаза— мягкіе и внушавшіе полное довѣріе. Онъ остановился на паперти, опираясь на толстую палку, пропуская мимо себя всѣхъ остальныхъ молящихся; всѣ ему привѣтливо кланялись, а нѣкоторые, въ особенности дѣти, съ почтительною лаской цѣловали тонкую руку стараго индѣйца, котораго при своихъ пожеланіяхъ ему покойной ночи всѣ они называли «отцомъ».

Джонса очень поразило совершенное отсутствіе раболѣпства, которое привило этому племени вѣковое подчиненіе бѣлымъ пришельцамъ. Въ эту минуту Донъ-Игнасіо обернулся и замѣтилъ гостя.

— Тысячу извиненій, сенноръ,—сказалъ онъ по-испански, съ самою привлекательною улыбкою снимая сомбреро, подъ которымъ обнаружились бѣлые, какъ и борода, густые волосы.— Вы должны сѣтовать на меня, но у насъ въ обычаѣ, чтобы послѣ недѣльной работы вмѣстѣ собираться на богослуженіе... Не толкните, дѣти, англичанина... Къ тому же, я не думалъ, что вы пріѣдете до заката!

— Пожалуйсте, не извиняйтесь,—отвѣтилъ Джонсъ,—я очень заинтересовался вашею часовней. Какое красивое сооруженіе! Можно-ли ее осмотрѣть, пока еще двери не закрыты?

— Конечно, сенноръ. Она хороша, какъ и весь домъ. Строившіе все это два вѣка тому назадъ монахи—здѣсь былъ большой монастырь—были знатоки этого дѣла. Работа же была тогда подневольная и ничего не стоила. Я, впрочемъ, многое починилъ и поправилъ, такъ какъ прежніе владѣльцы объ этомъ не заботились... Вы съ трудомъ повѣрите, что лѣтъ двадцать тому назадъ это мѣсто было притономъ разбойниковъ и убійцъ, и что эти самые люди, которыхъ вы сегодня видѣли, или ихъ отцы были рабами, съ правами меньше, чѣмъ у собаки... Не одинъ путникъ лишился здѣсь жизни. Я самъ едва не нашелъ здѣсь смерти... Посмотрите на эти колонны у алтаря... Не правда-ли онѣ хороши? А мой предшественникъ, Донъ Педро Марено, котораго я лично зналъ, привязывалъ къ нимъ свои жертвы, чтобы мучить раскаленнымъ желѣзомъ!

— А къ кому относится эта надпись на плитѣ?—спросилъ Джонсъ.

Лицо Дона Игнасіо омрачилось, но онъ все-таки отвѣтилъ:

— Она относится, сенноръ, къ самому лучшему моему другу, который съ опасностью собственной жизни спасъ мою и который былъ любимъ мною большею любовью, чѣмъ всякая женская. Но его также любила одна женщина - индѣянка, и онъ больше думалъ о ней, чѣмъ обо мнѣ, что такъ естественно

Развѣ не сказано, что человѣкъ долженъ оставить друзей, отца, мать и прилѣпится къ женѣ?

— Они были женаты?—спросилъ заинтересованный Джонсъ.

— Да, очень страннымъ образомъ... Это уже давнее прошлое, и, съ вашего позволенія, сенноръ, я не стану вамъ его разсказывать. Одно воспоминаніе наполняетъ меня скорбью о понесенныхъ утратахъ и неосуществленныхъ честолюбивыхъ надеждахъ. Быть можетъ, когда-нибудь, если проживу еще, я соберусь съ мужествомъ и напишу все, что случилось. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я было началъ, но мнѣ было очень тяжело и то, что я писалъ, могло казаться безумнымъ бредомъ, поэтому я бросилъ... Я прожилъ тревожную жизнь и подвергался многимъ приключеніямъ, но послѣдніе годы, сенноръ, благодареніе Господу, прожилъ въ мирѣ. Теперь близится конецъ, чему я радуюсь, заботитъ меня только судьба этихъ людей... Однако, пойдемте, сенноръ, вы должны быть голодны, а добрый пасторъ, обѣщавшій раздѣлить нашу трапезу, долженъ отправиться въ путь еще до свѣта къ одному больному. Я велѣлъ торопить ужинъ. Ваши вещи положены въ отведенную вамъ комнату, которую мы зовемъ настоятельскою; я сейчасъ проведу васъ туда!

Черезъ небольшую дверь въ стѣнѣ они поднялись по узенькой лѣстницѣ и дошли до задѣланнаго рѣшеткою широкаго отверстія въ стѣнѣ, черезъ которое настоятели могли невидимо наблюдать за всѣмъ, что дѣлалось въ церкви.

— Отсюда мнѣ пришлось однажды видѣть зрѣлище, котораго я никогда не забуду!—замѣтилъ Донъ-Игнасіо.

Потомъ онъ провелъ гостя черезъ нѣсколько темныхъ проходовъ и ввелъ въ уютную, по-испански обставленную комнату.

— Ваша спальня рядомъ, сенноръ!—проговорилъ Донъ-Игнасіо, открывая тяжелую дверь.

Глазамъ Джонса представилась довольно мрачная комната съ толстыми рѣшетками на окнахъ, отстоявшихъ къ десять футовъ отъ полу. Стѣны были разрисованы фресками и картинами, изображавшими мрачныя сцены инквизиціи. Раскину-

тые на полу ковры нѣсколько смягчали первое жуткое въ чатлѣніе.

— Я боюсь, что вамъ не понравится это помѣщеніе,— продолжалъ Донъ-Игнасіо,—но эта наша лучшая комната для гостей. При этомъ она можетъ васъ заинтересовать: люди говорятъ, что въ ней бываютъ призраки; я знаю, что вы, англичане, не вѣрите этому. Они имѣютъ нѣкоторое основаніе, знал что творилось здѣсь во время Педро Морено. У него был замыселъ убить меня и моего друга; хотя ему это не удалоно впослѣдствіи, когда я купилъ это помѣстье, я нашелъ съ сколько скелетовъ подъ поломъ, подъ тѣмъ мѣстомъ, стоитъ кровать; я распорядился предать ихъ христіанской погребенію...

Джонсъ поспѣшилъ увѣрить своего хозяина, что не придаетъ никакого значенія всѣмъ подобнымъ розсказнямъ, новъ чемъ онъ ему никогда не сознался—первую ночь въ настоятельской опочивальнѣ онъ провелъ не совсѣмъ спокойно, вѣроятно, вслѣдствіе слишкомъ крѣпкаго выпитаго на ночь кофе. Тѣмъ не менѣе въ свои послѣдующія посѣщенія гасіен онъ всегда просилъ отвести ему эти комнаты.

Ужинъ пріятно поразилъ Джонса, послѣ той грубой и чеснокомъ приправленной пищи, которая составляетъ основу мекан-канской кухни. Закуривъ чудную сигару домашняго приправленія и простившись съ торопившимся священникомъ, Джонсъ свелъ разговоръ на мѣстныя древности и съ удовольствиемъ замѣтилъ, что познанія его собесѣдника очень обширны, онъ знаетъ не только исторію многихъ исчезнувшихъ племенъ но владѣетъ ключемъ къ чтенію іероглифовъ древнихъ надписей, считавшимся между учеными навсегда утраченнымъ.

— Грустно подумать, что ничего живого не сохранилосъ отъ всей этой цивилизаціи,—замѣтилъ Джонсъ.—Если бы хотъ сказаніе о Золотомъ Градѣ, «Сердцѣ Міра», скрытомъ гдѣ-то среди неизслѣдованныхъ мѣстъ Центральной Америки, была правдою, то я отдалъ бы десять лѣтъ моей жизни, чтобы въ немъ побывать. Я бы съ наслажденіемъ оглянулся въ глубь вековъ и осмотрѣлъ дѣяніе народа, прекратившаго свое су

ствованіе, о которомъ мы всѣ утратили всякое представленіе. При всемъ богатствѣ воображенія, нѣтъ возможности возстановить исчезнувшее съ помощью однихъ только сохранившихся развалинъ и преданій... Я удивляюсь вамъ, Донъ-Игнасіо, какъ вы, никогда, конечно, не видавшій древнихъ жителей, можете говорить о нихъ съ такою опредѣленностью!

— Дѣйствительно, сеннорь, это было бы удивительно, если-бы я ихъ самъ не зналъ. Вы можете счесть меня за разсказчика сказокъ, но случилось такъ, что я видѣлъ Золотой Градъ и его цивилизацію и могу засвидѣтельствовать, что его диковинки гораздо больше, чѣмъ разсказы преданій или испанскихъ романистовъ!

— Какъ? Что?—воскликнулъ Джобъ.—Или я выпилъ лишній стаканъ вашего превосходнаго вина? Или я сплю и вижу сонъ? Я слышу, что человѣкъ, сидящій противъ меня, видѣлъ тайный городъ индѣйцевъ?

— Дѣйствительно, я это сказалъ, но вы можете мнѣ не вѣрить. Я никогда не говорю объ этомъ, чтобы не прослыть лжецомъ. Вамъ также ничего не скажу, не желая, чтобы мой вѣроятный будущій другъ былъ о мнѣ нелестнаго мнѣнія. Я сожалѣю, что сказалъ ненужное, но прошу васъ вспомнить, это среди дѣвственныхъ лѣсовъ, пустынь и сіерръ Центральной Америки, гдѣ никогда еще не ступала нога бѣлаго, есть достаточно простора для многихъ древнихъ городовъ. Около двухсотъ миль отъ того мѣста, гдѣ мы теперь сидимъ, вѣдь, живетъ же племя Лакандонцевъ, не крещенныхъ индѣйцевъ, никогда не видѣвшихъ ни одного блѣднолицаго, исповѣдующихъ вѣру своихъ отцовъ. Нѣтъ, сеннорь, мы больше не будемъ говорить объ этомъ, такъ какъ у меня нѣтъ никакихъ доказательствъ подтвержденіе моихъ словъ, кромѣ развѣ одного...

— Какое?

— Я покажу вамъ, если желаете!—сказалъ Донъ-Игнасіо вставая и выходя изъ комнаты.

Вернувшись обратно, онъ протянулъ Джонсу кожаную коробку, изъ которой досталъ чудный изумрудъ рѣдкой величины, въ золотой оправѣ, хорошо полированный, но не гра-

ненный. Съ одной стороны оправы были выгравированы черты человѣческаго лица, съ какими-то іероглифическими надписями кругомъ. На другой сторонѣ также были такія же надписи.

— Вы можете это читать?—спросилъ Джонсъ, внимательно осмотрѣвъ камень.

— Да, сенноръ. Здѣсь впереди написано: «Очи и уста, смотрите на меня, молите за меня». А на оборотной сторонѣ: «Сердце неба, въ тебѣ мой домъ».

— Удивительно!—сказалъ Джонсъ со вздохомъ, такъ какъ онъ отдалъ бы все, что имѣлъ, до башмаковъ включительно, чтобы только получить этотъ рѣдкій камень.—А теперь вы, можетъ быть, сдѣлаете для меня исключеніе и разскажете мнѣ исторію города?

— Боюсь, что не смогу васъ удовлетворить!—произнесъ Игнасіо, качая головой.

— Но вы уже такъ много открыли мнѣ!—настаивалъ Джонсъ.

— Хотите еще кофе?—перебилъ его хозяинъ.—Нѣтъ? Въ такомъ случаѣ, выйдемте на крышу и полюбуемся видомъ. По преданію, монахи тамъ даже обѣдали. Потомъ они построили тамъ еще одну стѣну, послѣ того какъ съ трудомъ отразили одно нападеніе индѣйцевъ, доведенныхъ до отчаянія ихъ притѣсненіями... Завтра я вамъ покажу всю окружающую мѣстность. Въ Мексикѣ всѣ гонятся за рудниками, но здѣсь земля богаче всякихъ рудниковъ: я это зналъ и продалъ другіе изумруды, которые имѣлъ, чтобы купить это помѣстье. Оно очень возросло въ цѣнѣ и увеличится еще, когда поспѣютъ молодыя посадки какао... Вотъ мы и одолѣли лѣстницу. Я уже старъ и съ трудомъ поднимаюсь... Неправда ли, здѣсь чудный воздухъ? Великъ и прекрасенъ Божій міръ, хотя въ немъ много грѣха и зла... Мнѣ жаль оставлять его красоту, но я надѣюсь, что тамъ, выше, у Господа, есть еще лучшія мѣста!

Послѣ этого, много ночей провелъ Джонсъ подъ радушнымъ кровомъ индѣйца и съ каждымъ посѣщеніемъ все сильнѣе привязывался къ хозяину, главная забота котораго заключалась въ томъ, чтобы дѣлать какъ можно больше добра другимъ. Они часто совершали совмѣстныя поѣздки, осматри-

вая ближайшія развалины, и во время одной изъ нихъ Джонсъ пригласилъ Донъ-Игнасіо къ себѣ; показывая ему рудники и шахты, онъ жаловался на трудность имѣть рабочія руки. Благодаря Дону-Игнасіо это затрудненіе немедленно исчезло, къ немалой выгодѣ той компаніи, на службѣ которой находился Джонсъ. Донъ-Игнасіо послалъ за ближайшимъ кацикомъ и о чемъ-то съ нимъ переговорилъ; по прошествіи недѣли у Джонса не было больше никогда нужды въ усердныхъ рудокопахъ индѣйцахъ, хотя раньше они избѣгали его.

Годы брали свое надъ бодростью Донъ-Игнасіо; онъ уже не могъ покидать своего дома и однажды, приблизительно послѣ двухлѣтняго знакомства съ англичаниномъ, неожиданно послалъ за нимъ, сообщая, что умираетъ и будетъ радъ видѣть своего друга передъ смертью. Нечего и говорить, что Джонсъ немедленно отправился въ путь черезъ горы; онъ засталъ старика очень слабымъ, но въ полномъ сознаніи.

— Я собираюсь въ послѣдній путь, другъ,—сказалъ онъ вошедшему гостю, — и доволенъ, такъ какъ достаточно уже выстрадалъ отъ боли въ спинѣ, влѣдствіе одного давняго ушиба. Къ тому же, пора старику дать дорогу болѣе молодому и дѣятельному...

Джонсъ собирался сказать, что онъ навѣрное проживетъ еще долго, но индѣецъ съ улыбкою его перебилъ:

— Не надо тратить времени, другъ! Лучше слушайте: съ самой первой встрѣчи нашей я видѣлъ желаніе ваше узнать исторію моего путешествія въ Сердце Міра и про моего друга Джемса Стриклэнда, котораго я скоро опять увижу. Я видѣлъ, какъ мое молчаніе огорчаетъ васъ, но боялся, что послѣ этого разсказа перестану интересовать собою. Каюсь въ этомъ чувствѣ... Затѣмъ я опасался слишкомъ живо еще разъ переживать тяжелыя ощущенія; вы, англичане, не понимаете этихъ нѣжностей... Но больше всего я хотѣлъ, чтобы разсказъ былъ точенъ до мелочей, а этого трудно достигнуть на словахъ, поэтому я дописалъ все, что помнилъ и видѣлъ, и кончилъ эту работу всего нѣсколько дней тому назадъ, когда у меня еще

не отнялась рука... Прошу открыть тотъ ящикъ въ столѣ, тамъ лежатъ исписанные листы... Благодарю... Вотъ здѣсь написано, какъ мнѣ и моему англійскому другу удалось посѣтить Золотой Городъ и о многомъ другомъ. Я писалъ по испански, и прошу не смѣяться надъ ошибками. Теперь прошу положить листы на мѣсто: одинъ видъ ихъ причиняетъ мнѣ волненіе. Да у меня есть еще и болѣе важное дѣло. Когда вы собираетесь вернуться въ Англію?

— Вернуться въ Англію! Зачѣмъ? Тамъ нѣтъ рудниковъ для управленія... Я слишкомъ бѣденъ для этого!

— А если разбогатѣете?

— Все-таки нѣтъ, я уже слишкомъ давно уѣхалъ оттуда!

— Я очень радъ это слышать, потому что я сдѣлалъ васъ своимъ наслѣдникомъ. Я увѣренъ, что моимъ индѣйцамъ будетъ хорошо жить, а позаботиться объ этомъ мой первый долгъ. Если же вамъ придется уѣхать, то обѣщаете передать гасіенду въ хорошія руки?

— Я не знаю, какъ благодарить...

— И не надо. Теперь идите и оставьте меня одного. Но зайдите завтра, послѣ того какъ уйдетъ священникъ!

Войдя небогатымъ работникомъ, Джонсъ вышелъ богатымъ собственникомъ помѣстья, съ ежегоднымъ доходомъ въ нѣсколько тысячъ, какъ это могутъ удостовѣрить многіе въ Санта-Круцѣ. Три дня послѣ этого Донъ-Игнасіо мирно скончался и былъ погребенъ въ часовнѣ гасіенды.

Такимъ образомъ у Джонса оказалась исторія Золотого Града—«Сердца Міра» и путешествія Донъ-Игнасіо и его друга Джемса Стриклэнда.

Вотъ переводъ этой рукописи.

II.

Неудавшійся заговоръ.

Мнѣ, Игнасіо, пишущему эти строки, теперь шестьдесятъ второй годъ, и родился я въ селеніи, лежащемъ среди горъ между городками Пихаукалько и Тіапа. Для всей этой области

мой отецъ былъ наслѣдственнымъ касикомъ; индѣйцы его очень любили. Когда я былъ еще ребенкомъ, лѣтъ девяти, въ странѣ возникли волненія. Я не понималъ тогда ихъ причины или забылъ обстоятельства, ихъ вызвавшія. Случались они нерѣдко, и надо думать, что причиною былъ какой-нибудь налогъ, несправедливо наложенный на индѣйцевъ мексиканскимъ правительствомъ. Отецъ мой отказался платить налогъ, къ намъ явился отрядъ конныхъ солдатъ, нѣкоторыхъ изъ насъ перебили, а другихъ, главнымъ образомъ женщинъ и дѣтей, увели съ собою.

На слѣдующій день мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ они посадили моего отца въ яму; направивъ на него дула нѣскольких ружей, мексиканцы требовали, чтобы онъ открылъ имъ какую-то тайну. На это онъ попросилъ только его поскорѣе пристрѣлить, такъ какъ ему очень надоѣли москиты. Но они не убили его и опять отвели въ тюрьму; меня ночью привелъ къ отцу одинъ священникъ, тоже Игнасіо по имени и нашъ близкій родственникъ. Я помню, что въ комнатѣ была нестерпимая жара, а за дверью пьяные мексиканцы грозились, что надо перевѣшать всѣхъ индѣйскихъ собакъ. Священникъ тихо исповѣдывалъ моего отца въ углу, а потомъ велѣлъ приблизиться и мнѣ. Обнявъ мою голову, отецъ что-то надѣлъ мнѣ на шею, но только на нѣсколько мгновеній; онъ тотчасъ снялъ этотъ предметъ и, передавая священнику на храненіе, замѣтилъ:

— Когда мальчикъ подростетъ, отдай ему и сообщи, что надо!

Я больше не видалъ своего отца. Его на слѣдующій день разстрѣляли. Послѣ этого моя мать переселилась вмѣстѣ съ о. Игнасіо въ небольшой городокъ Тіапа, гдѣ былъ его приходъ. Отъ горя мать скоро умерла, и мы остались жить вдвоемъ, въ большомъ хорошемъ домѣ, почти на берегу вѣчно клокочущей каменистой рѣчки. И теперь ничего нельзя сказать про Тіапа, а тогда въ немъ жили, кажется, одни только разбойники и такіе они были тяжкіе грѣшники, что мой дядя часто не соглашался дать имъ отпущеніе грѣховъ, даже передъ

смертью. Пути сообщенія по большей части были очень плохи, и мы жили точно отрѣшенные отъ міра. Воспитаніе я получилъ довольно хорошее благодаря о. Игнасіо, который сообщилъ все, что зналъ. Достигнувъ пятнадцати лѣтъ, я возымѣлъ неожиданное желаніе сдѣлаться священникомъ и вотъ по какому случаю. Въ нашемъ городкѣ случилось убійство, были зарѣзаны три странствующихъ торговца и сопровождавшій ихъ мальчикъ. Убійство было звѣрское, всѣ знали виновныхъ, но они были на свободѣ, такъ какъ подѣлились съ властями частью добычи. Дядя мой въ ближайшее воскресенье произнесъ въ церкви проповѣдь на тему «не убій» и говорилъ такъ горячо, такъ убѣдительно и искренно, что большая часть молящихся заливалась слезами. Я видѣлъ передъ тѣмъ убійство мальчика и вдругъ понялъ, что насъ всѣхъ ожидаетъ смерть, что свѣтъ полонъ зла и преступленій и что лучше всего отъ зла отойти и въ качествѣ священника придти на помощь преступнымъ людямъ. На слѣдующій денъ я сообщилъ свое намѣреніе дядѣ, который къ моему удивленію отвѣтилъ мнѣ слѣдующее:

— Мнѣ тоже это было бы очень по душѣ, сынъ мой, но оно невозможно по причинамъ, которыя ты узнаешь, когда выростешь. Когда я исполню свой долгъ, ты самъ рѣшишь тогда и, если захочешь, сдѣлаешься священникомъ...

Прошло еще пять лѣтъ, я росъ сильнымъ и ловкимъ и многому научился, такъ какъ дядя выписывалъ для меня книги изъ самой Испаніи. Въ числѣ ихъ были книги про прошлое моего племени и покореніе его испанцами. Я никогда не уставалъ отъ ихъ чтенія, хотя мнѣ грустно слышать, какъ гордый нѣкогда народъ сталъ жалкими рабами. Когда мнѣ исполнилось двадцат лѣтъ, меня призвалъ дядя, совсѣмъ уже старый и слабый и сказалъ:

— Наступило время, когда я долженъ открыть тебѣ тайну, завѣщанную твоимъ отцомъ. Прежде всего скажу тебѣ, что ты древняго, царскаго рода, что твоимъ предкомъ въ одиннадцатомъ колѣнѣ былъ знаменитый Гватемакъ, послѣдній царь ацтековъ, котораго испанцы предали смерти. Это подтверждается несомнѣнными доказательствами!

— Слѣдовательно, я по праву мексиканскій императоръ!?— воскликнулъ я съ гордостью.

— Сынъ мой, въ этомъ мірѣ сила — единственное право. Ты только получишь особый почетъ среди индѣйцовъ, которые не перестаютъ чтить память о древней независимости и чтутъ того, кто является старшимъ представителемъ царскаго рода. Отъ Гватемака къ тебѣ переходитъ только одинъ предметъ... Быть можетъ, ты припомнишь, что отецъ въ ночь передъ смертью возложилъ на твою шею одну вещь, а потомъ снялъ и отдалъ мнѣ на храненіе?

Это я хорошо помнилъ. Тогда дядя передалъ мнѣ половину большого изумруда, имѣющаго форму половины сердца; камень не былъ сломанъ, а точно разрѣзанъ сверху до низу и такимъ искуснымъ образомъ, что подобрать вторую половину можно было, лишь имѣя передъ собою первую. Камень былъ оправленъ въ золотую цѣпь съ странными надписями и изображеніемъ половины человѣческаго лица.

— Что это такое?—спросилъ я.

— Святыня, которую чтили твои предки, надо полагать. Отецъ твой говорилъ мнѣ, что у индѣйцевъ живетъ еще преданіе, что когда соединятся обѣ половины камня, то бѣлолицые будутъ изгнаны изъ Центральной Америки, и индѣйскій царь будетъ править отъ моря до моря!

— А гдѣ же, отецъ, другая половина?

— Почемъ я знаю? Твой отецъ мнѣ почти ничего не говорилъ. Я священникъ и не могу принадлежать къ тайнымъ обществамъ. Но такое общество существуетъ и, владѣя этимъ талисманомъ, ты будешь во главѣ его, какъ были твои предки, хотя эта почесть принесла имъ мало радостей... Я ничего больше про это не знаю, но дамъ тебѣ письмо къ одному старику-индѣйцу, который живетъ въ округѣ, гдѣ твой отецъ былъ касикомъ. Я думаю, что при видѣ знака онъ посвятитъ тебя во всѣ тайны. Но всетаки совѣтую тебѣ пренебречь ими... Слушай, сынъ мой, ты очень богатъ. Насколько, не знаю, но нѣсколько поколѣній собирали и хранили сокровища для неизвѣстной мнѣ цѣли, и эти сокровища отдадутся въ твое

распоряженіе хранителями, которымъ это поручено. Изъ-за нихъ былъ убитъ твой отецъ и дѣдъ и многіе другіе, такъ какъ правители Мексики, узнавъ про эти богатства, стремились наложить на нихъ свою руку, но безуспѣшно... И вотъ что поручилъ мнѣ передать тебѣ твой отецъ: «скажи моему сыну, когда онъ войдетъ въ лѣта, чтобъ онъ никогда не отказывался отъ мысли возстановить корону Мексики, или хотя бы изгнать испанцевъ и устроить индѣйскую республику. Для этой цѣли имѣются собранными большія богатства. Я умру, но не открою, гдѣ они спрятаны. Передай моему сыну, что я надѣюсь, что онъ посвятитъ свою жизнь, чтобы отомстить притѣснителямъ нашей родины. Но пусть онъ знаетъ, что онъ полный хозяинъ своихъ дѣйствій, потому что всѣ слѣдовавшіе по этому пути терпѣли невзгоды и несчастья»!

Послѣ минутнаго молчанія, дядя добавилъ:

— Вотъ почему я говорилъ, что тебѣ еще не время произносить священническіе обѣты. Теперь ты все знаешь и свободенъ сдѣлать выборъ. Что же ты скажешь?

— Пока не отомщена кровь отца, я не могу сдѣлаться священникомъ!—отвѣтилъ я послѣ непродолжительнаго колебанія.

— Этого я и опасался,—замѣтилъ дядя съ глубокимъ вздохомъ.—Талисманъ произвелъ свое дѣйствіе, и ты вступаешь на обагренный кровью путь, быть можетъ, и тебя ожидаетъ насильственная смерть... И почему человѣкъ не можетъ довольствоваться отдѣленіемъ добра отъ зла, предоставивъ судьбы народовъ усмотрѣнію Всемогущаго?

— Потому,—отвѣтилъ я,—что Всемогущій избираетъ людей орудіями для Своихъ цѣлей!

Недѣлю спустя за мною пришло нѣсколько индѣйцевъ, чтобы отвести въ тотъ округъ, гдѣ жилъ отецъ. Дядя со слезами простился со мною, я его больше не видѣлъ: онъ скоропостижно умеръ въ мое отсутствіе. Я могу сказать, что, за однимъ только исключеніемъ, не было лучшихъ на свѣтѣ людей.

Черезъ три дня пути черезъ большія горы мы пришли къ хижинѣ одного очень стараго индѣйца, Антоніо, къ которому у меня было письмо отъ о. Игнасіо. Онъ радушно принялъ

«Донъ Игнасіо показалъ Джонсу чудный изумрудъ» (къ стр. 9).

меня и познакомилъ съ нѣсколькими окрестными касиками, для чего-то собравшимися у него. Когда ушли всѣ посторонніе, одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ со словами, которыхъ я не понялъ, и спросилъ, имѣю-ли я «сердце»? Я отвѣтилъ, что «весьма вѣроятно», и мой отвѣтъ вызвалъ ихъ общій смѣхъ. Тогда они посвятили меня въ общество «сердца», котораго я сдѣлался наслѣдственнымъ главой, и не смотря на свою молодость, неограниченнымъ повелителемъ многихъ тысячъ людей, братьевъ и членовъ общества, разбросанныхъ по всей странѣ.

На другой день мнѣ были показаны золотыя богатства, оцѣненныя въ болѣе чѣмъ милліонъ долларовъ. По совѣту Антоніо, я прожилъ нѣкоторое время въ ближайшей деревнѣ, чтобы познакомиться со многими приходившими ко мнѣ. Въ это-же время я совершилъ величайшую ошибку своей жизни. На разстояніи трехъ миль жили двѣ сестры-индѣянки въ небольшой деревушкѣ. По случаю какого-то праздника жители всѣ ушли въ сосѣднюю деревню. Случайно проходя по близости, я услышалъ крики о помощи и, бросившись въ домъ, увидѣлъ, что двое разбойниковъ, убивъ одну женщину, стараются нанести смертельный ударъ и другой. Выхвативъ ножъ, я неожиданно бросился на нападавшихъ и, положивъ удачнымъ ударомъ одного изъ нихъ, хотѣлъ обезоружить второго, но въ начавшейся борьбѣ, одинъ на одинъ, убилъ и его. Ихъ тайно похоронили, и никто ничего не узналъ объ этомъ происшествіи. Оставшаяся въ живыхъ оказалась дѣвушкой поразительной красоты. Мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ нею, такъ какъ она поселилась въ той же деревнѣ, гдѣ и я жилъ. Черезъ короткое время она совершенно плѣнила мое сердце, и я на ней женился, вопреки совѣтамъ Антоніо и другихъ стариковъ. Для счастья всего индѣйскаго племени и, пожалуй, для моего собственнаго, было бы лучше, чтобы она умерла за часъ до того времени, когда рядомъ со мною предстала передъ алтаремъ.

Я весь отдался возложенной на меня миссіи. Мечтой всей моей жизни сдѣлалось составить громадный заговоръ и поднять возстаніе всѣхъ индѣйцевъ въ опредѣленный заранѣе день, а, по изгнаніи испанцевъ и ихъ пасынковъ, испанскихъ мек-

сиканцевъ, положить основаніе Американскому царству. Это не было безнадежнымъ сумасшествіемъ—ждать успѣха, гдѣ мои предки терпѣли неудачу; я былъ почти у самой цѣли. Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ я странствовалъ по всей странѣ, и не было деревни, гдѣ бы меня не знали, какъ Хранителя Сердца и наслѣдственнаго вождя индѣйскихъ племенъ. Вездѣ я старался пробудить народъ отъ вѣковой спячки. Хранившееся золото могло быть мнѣ большимъ подспорьемъ, но я берегъ его, довольствуясь для дѣла тѣми приношеніями, которыя стекались ко мнѣ со всѣхъ сторонъ. Годъ или два я былъ самымъ могущественнымъ лицомъ во всей Мексикѣ. О моемъ заговорѣ ничего не узналъ ни одинъ шпіонъ испанцевъ. Но неудача меня сторожила, и я потерпѣлъ пораженіе.

Женщина, которую я спасъ отъ смерти, на которой женился, которую любилъ, которая была посвящена во всѣ мои дѣйствія, измѣнила мнѣ и выдала меня. Передъ самымъ началомъ возстанія, для лучшаго наблюденія за властями, было, съ общаго согласія, рѣшено, что моя жена подъ видомъ служанки поступитъ въ домъ того человѣка, который тогда управлялъ всею Мексикою. Между тѣмъ она слюбилась съ нимъ и открыла ему весь нашъ заговоръ. Однажды ночью меня схватили и связаннаго привели въ домъ губернатора.

Меня тотчасъ же провели въ его кабинетъ, и мы остались одни. Подойдя ко мнѣ съ пистолетомъ въ рукѣ, онъ сказалъ:

— Я знаю всѣ твои замыслы, другъ, и могу только похвалить за ихъ прекрасное выполненіе. Знаю также, что у васъ спрятано большое сокровище. Женщина, которую приставили ко мнѣ и которой имѣли безуміе довѣрять, не знаетъ только, гдѣ вы его храните. Это вы скрыли отъ нея, что доказываетъ, что вы еще не совсѣмъ спятили... Теперь я хочу сдѣлать тебѣ великолѣпное предложеніе: откажись отъ этого сокровища и ты будешь свободенъ, конечно, не раньше, чѣмъ минуетъ день, назначенный для возстанія: овцы безъ пастыря не опасны. Въ противномъ случаѣ тебя ожидаетъ судъ и казнь!

— Какъ можете вы ручаться за другихъ?—спросилъ я.— Вѣдь вы не одинъ бѣлый здѣсь!

*

— Во-первыхъ, я ихъ начальникъ! Во-вторыхъ, они ничего не узнаютъ, иначе мнѣ придется подѣлиться съ ними тѣмъ, что я хочу оставить себѣ одному. Такъ вотъ, другъ мой, рѣшайся, отдай мнѣ золото и возьми свою жену. Я не останусь здѣсь больше, и ты можешь начать новый заговоръ противъ моего преемника. Только стой смирно, пока будешь думать, иначе я спущу курокъ!

— А мои товарищи?

— Трое или четверо изъ нихъ уже того... умерли отъ тифа, надо полагать. Зданія тюрьмы такъ плохи! Но если золото окажетъ свое цѣлебное дѣйствіе, то эпидемія, конечно, прекратится!

Я сдѣлалъ выборъ, разсудивъ, что смогу накопить новое золото, но новой жизни не вернешь. Если я погибну, то пострадаютъ и другіе, и всѣ мечты о независимости рухнутъ навсегда. И я зналъ, что этотъ разбойникъ сдержитъ свое слово.

Черезъ десять дней онъ получилъ золото, а я былъ воленъ начинать дѣло снова, такъ какъ никто изъ обреченныхъ къ смерти ничего не узналъ. Но зданіе, которое я созидалъ съ такимъ трудомъ, съ такою любовью, рухнуло, деньги потеряны, и мое обаяніе, какъ освободителя народа, померкло навсегда. И все это случилось благодаря женщинѣ, измѣнившей мнѣ. Когда я все снова передумалъ, то далъ клятву никогда не имѣть ни съ одной женщиной никакого дѣла и отстраняться отъ нихъ даже въ помыслахъ. Я сохранилъ эту клятву. Что сталось съ моей женой, — не знаю. Я разсказалъ все моимъ товарищамъ, и, вѣроятно, одинъ изъ нихъ отомстилъ ей за всѣхъ насъ. Я же самъ лежалъ нѣсколько недѣль больной, между жизнью и смертью...

При мнѣ оставалась только тѣнь прежней власти. Я пробовалъ возобновить попытку, но безъ друзей, безъ средствъ ничего не могъ сдѣлать. Иногда я вспоминалъ свое желаніе быть священникомъ, но было поздно начинать ученіе. Я странствовалъ по всей странѣ, участвовалъ въ трехъ войнахъ и, наконецъ, сдѣлался управляющимъ одного рудника.

Тутъ-то я познакомился съ Джемсомъ Стриклэндомъ, съ которымъ совершилъ странствіе въ Сердце Міра.

III.

Сеннор Стриклэндъ.

Двадцать два года тому назадъ я, Игнасіо, посѣтилъ небольшую деревню Кумарво въ штатѣ Тамаулинасѣ, гдѣ жилъ одинъ изъ нашихъ братьевъ. Онъ звалъ меня, чтобы вручить одну хранившуюся у него рукопись, написанную древними письменами, которую никто не умѣлъ прочесть. Въ ней будто бы заключалось точное обозначеніе мѣстности, гдѣ было спрятано, по распоряженію Гватемока, моего предка, большое сокровище съ цѣлью скрыть его отъ Кортеса, вождя испанцевъ. Старый Антоніо научилъ меня этимъ письменамъ, хотя это искусство умретъ со мною. Я не думаю, чтобы кто-либо еще зналъ его. Но и здѣсь меня ждала неудача; старикъ индѣецъ, хранитель рукописи, умеръ до моего прихода, и его сынъ не могъ найти, гдѣ она спрятана.

Тутъ же я узналъ, что по сосѣдству живетъ одинъ инглезэ, англичанинъ, прибывшій всего съ полгода предъ тѣмъ; онъ былъ управляющимъ серебряныхъ пріисковъ, которыми владѣло какое-то иностранное общество. Положеніе его было трудное, такъ какъ сосѣдніе владѣльцы старались отвадить отъ него рабочихъ, потому что онъ, въ противоположность съ ними, хорошо обращался съ служащими и аккуратно расплачивался. Населеніе деревушки мирно работало шесть дней въ недѣлю, но въ воскресенье предавалось такому разгулу, что не проходило недѣли безъ преступленій и убійствъ. Я самъ сдѣлался очевидцемъ одного изъ нихъ. Проходя по деревнѣ, я замѣтилъ, что на улицѣ лежало два трупа индѣйцевъ, около нихъ на колѣняхъ стояла молодая красивая дѣвушка, а немного въ сторонѣ какой-то человѣкъ, оказавшійся потомъ цирульникомъ и врачемъ, обвязывалъ голову четвертаго, повидимому, тяжело раненаго.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я цирюльника.

— Если не ошибаюсь, вы—Донъ-Игнасіо?—перебилъ онъ меня, дѣлая условленный знакъ братства.—Мы знали, что вы

прибудете къ намъ, и очень радовались. Быть можетъ, вы положите предѣлъ этимъ безобразіямъ...

— Въ чемъ же дѣло?—переспросилъ я.

— А вотъ эта дѣвушка должна была выйдти замужъ за этого,—отвѣтилъ онъ указывая на того, кого перевязывалъ,—но потомъ дала слово тому, что лежитъ тамъ дальше. Напившись пьянымъ, первый женихъ убилъ второго, а дѣвушка побѣжала къ брату убитаго, который захотѣлъ отомстить, но неудачно: первый женихъ его также убилъ. Пришла стража и накинулась на убійцу, но плохо исполнила свое дѣло, не добила его!

— Это дѣло твоихъ рукъ! Или ты не имѣешь страха?—обратился я къ женщинѣ.

— Почему?—отвѣтила она спокойно.—Чѣмъ я виновата, если я хороша, и мужчины рѣжутся изъ-за меня... Кто же вы такой, чтобы мнѣ бояться?

— Безумная!—остановилъ ее цирюльникъ.—Развѣ ты смѣешь такъ говорить съ Повелителемъ Сердца?

— Отчего же нѣтъ? Или онъ и мой господинъ?

— Слушай, дѣвушка!—отвѣтилъ я ей.—Это не первое убійство изъ-за тебя; другія случались раньше...

— Откуда вы знаете? Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ спрашивать. Если вы Повелитель Сердца, то знаете чары, чтобы читать всѣ тайны!

— Слушай же! Ты немедленно покинешь эту страну, иначе умрешь! Или если гдѣ-либо ты причинишь еще кому-нибудь зло, тоже умрешь!

— Развѣ вы правительство, что имѣете право убить меня?

— Нѣтъ, я не правительство. Но среди твоего народа я значу больше, чѣмъ всякое правительство. Мое слово будетъ исполнено тамъ, гдѣ цѣлый отрядъ солдатъ вызоветъ только насмѣшки, и если я говорю тебѣ, что ты умрешь, то ничто не спасетъ тебя. Ты оступишься въ пропасть, или тебя унесетъ смертельная лихорадка, или ты потонешь въ рѣкѣ!

— Замолчите, господинъ мой!—дрожащимъ голосомъ заговорила дѣвушка,—И не смотрите на меня такъ страшно. Но что

дѣлать бѣдной дѣвушкѣ, если мужчины заглядываются на нее, а она ненавидитъ ихъ всѣхъ... Впрочемъ, того, убитаго, я не ненавидѣла, а искренно хотѣла быть ему вѣрной женой... Этого же я теперь отравлю, непремѣнно отравлю!

— Нѣтъ, ты его не отравишь, и не сдѣлаешь ему никакого зла. Теперь иди и помни мои слова!

Женщина поклонилась мнѣ въ ноги и молча удалилась. Повернувшись, я увидѣлъ около себя безшумно подошедшаго человѣка, котораго еще никогда не встрѣчалъ. Онъ мнѣ сразу очень понравился, хотя по внѣшности былъ мнѣ совершенною противоположностью: средняго роста, но крѣпкаго сложенія, ясный взглядъ синихъ глазъ, бѣлокурые волосы и очаровательная веселая улыбка.

— Прошу прощенья, сенноръ,—обратился онъ ко мнѣ, снимая шляпу, на хорошемъ испанскомъ языкѣ,—но я случайно слышалъ часть вашихъ словъ. Я невольно удивляюсь, что вы, пришелецъ здѣсь, можете имѣть такую власть. Научите меня, что надо сдѣлать для прекращенія этихъ преступленій? Оба убитые были моими лучшими работниками, и я затрудняюсь, кѣмъ ихъ теперь замѣнить...

— Я не могу объяснить вамъ источника своей власти, сенноръ; скажу только, что занимаю нѣсколько особое положеніе среди индѣйцевъ... При этомъ прошу васъ, хотя знаю, что не имѣю права такъ обращаться къ иностранцу, — забудьте мои слова про здѣшнее правительство. Оно очень ревниво къ такой тайной власти!

— Разумѣется! А теперь adios, сенноръ, зрѣлище здѣсь не настолько привлекательно чтобы на немъ останавливаться!

Онъ поклонился и ушелъ. Цѣль моего путешествія въ Кумарво не была достигнута, но я рѣшилъ пробыть еще нѣсколько дней, въ надеждѣ, что рукопись гдѣ-нибудь найдется. Въ сущности, я искалъ случая сблизиться съ англичаниномъ. Вскорѣ мнѣ пришлось оказать ему большую услугу. Его завистливые соперники рѣшили убить неприятнаго имъ сосѣда и составили для этой цѣли цѣлый заговоръ; къ участью въ немъ они привлекли нѣсколько рудокоповъ, соблазнивъ ихъ со-

общеніемъ, что въ домѣ англичанина находится большое сокровище, которое они всѣ подѣлятъ между собою въ случаѣ его смерти. Слухъ объ этомъ дошелъ до меня чрезъ одного изъ братьевъ нашего общества. Злоумышленники предполагали въ полночь окружить домъ Стриклэнда, въ которомъ онъ жилъ съ пятью или шестью слугами, и всѣхъ перебить. Я собралъ нѣсколько вѣрныхъ помощниковъ и отправилъ ихъ поздно вечеромъ по двое и по трое, чтобы не возбуждать подозрѣній, по дорогѣ къ руднику Стриклэнда, приказавъ дожидаться моего прихода близь сада, который окружалъ жилой домъ. Потомъ я расположилъ ихъ по обѣ стороны отъ входа, спрятавъ въ кусты и за заборомъ.

Ждать пришлось не долго. Не успѣли пропѣть первые пѣтухи, послышались шаги цѣлой кучки народа. Они такъ боялись англичанина, что пришли въ большомъ числѣ, хотя каждый зналъ, что всякій лишній участникъ уменьшаетъ долю изъ добычи.

— Не разбудить-ли англичанина? — спросилъ меня мой сосѣдъ.

— Нѣтъ, мы это сдѣлаемъ, когда все кончимъ. Пусть никто не стрѣляетъ, пока я не прикажу!

Злодѣи были совершенно близко. Они остановились для послѣдняго совѣщанія, и въ эту минуту я свистнулъ. Напуганные убійцы хотѣли броситься назадъ, но побоялись и вбѣжали въ садъ, гдѣ мы встрѣтили ихъ выстрѣлами и ножами. Многіе полегли, нѣкоторымъ удалось скрыться!

— Что здѣсь за шумъ?—раздался громкій голосъ англичанина, выскочившаго изъ дома съ револьверомъ въ рукахъ.— Убирайтесь вонъ, или я буду стрѣлять!

— Я надѣюсь, что сенноръ извинитъ насъ за шумъ, такъ какъ втихомолку нельзя было сдѣлать дѣло... Надѣньте мой плащъ, сенноръ, а то вы простудитесь: ночью холодно!

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Стриклэндъ закутываясь въ плащъ, — а теперь вы можете дать объясненіе мнѣ, почему избрали мой садъ мѣстомъ битвы?

Я разсказалъ ему все, что было. По мѣрѣ моего разсказа,

лицо англичанина омрачалось. Когда я кончилъ, онъ воскликнулъ:

— Приходится васъ благодарить, сенноры, хотя я не просилъ вашей услуги. Ваше поведеніе мнѣ всетаки очень странно: стрѣлять въ моемъ саду, даже не предупредивъ меня! Caramba! Или я дѣвушка, которая всего боится?

Тутъ онъ весело разсмѣялся и крѣпко пожалъ мою руку. Въ тотъ же день онъ прислалъ мнѣ приглашеніе обѣдать съ нимъ.

— Я обязанъ вамъ спасеніемъ своей жизни, донъ-Игнасіо,— сказалъ онъ при видѣ меня, — хотя не понимаю, зачѣмъ вы такъ заботились объ иностранцѣ?

— Вы мнѣ сразу полюбились, сеннорь, кромѣ того вы хорошо обращаетесь съ своими рабочими, что очень не нравится здѣшнимъ шахтовладѣльцамъ. Они собирались васъ убить, навести страхъ на другихъ. Теперь-же они долго не забудутъ полученнаго урока!

— Тѣмъ лучше, такъ какъ у меня и безъ того много хлопотъ, чтобы еще заботиться о собственной безопасности. Теперь скажите, чѣмъ вы сами занимаетесь?.. Ничѣмъ въ настоящую минуту?.. Хотите занять здѣсь мѣсто помощника, собственно надсмотрщика надъ индѣйцами-рабочими? Жалованіе сто долларовъ въ мѣсяцъ, средства общества не позволяютъ давать больше!

Послѣ нѣкотораго размышленія, я отвѣтилъ:

— Это не такія деньги, чтобы меня соблазнить, хотя я соглашаюсь на ваше предложеніе, только на одномъ условіи: въ любое время я могу покинуть вашу службу. Я не совсѣмъ свободенъ, такъ какъ самъ на службѣ у большого общества. Временно я свободенъ, но меня могутъ призвать въ любой часъ!

Тутъ я пробылъ годъ съ небольшимъ, много работая вмѣстѣ съ Стриклэндомъ. За этотъ годъ не случилось ничего особеннаго. Вотъ въ короткихъ словахъ исторія самого Стриклэнда.

Сынъ небогатаго англійскаго священника не нашей, а еретической церкви, онъ послѣ смерти отца съ небольшимъ

капиталомъ отправился въ Америку, устроилъ ферму въ Техасѣ, занимался скотоводствомъ, но прогорѣлъ. Нѣкоторое время онъ бѣдствовалъ и даже—мнѣ больно это писать—былъ слугою въ одной панамской гостинницѣ. Потомъ онъ попалъ на рудники, быстро освоился съ этимъ дѣломъ и вскорѣ сталъ управляющимъ у одного американца, на границѣ Гондураса. Здѣсь онъ выучился говорить по испански и на нашемъ индѣйскомъ языкѣ Майя. Заболѣвъ тамъ лихорадкою, онъ пріѣхалъ въ Мексику и здѣсь принялъ мѣсто въ Кумарво.

Металла было достаточно, но работы затруднялись отсутствіемъ воды для промывки. Съ самаго пріѣзда Стриклэндъ старался отвести воду и рылъ для этого особый водостокъ. Съ моимъ прибытіемъ число рабочихъ рукъ увеличилось, и работа была скоро окончена. Доходность сильно возрасла. Вода, однако, послужила причиною нашего несчастья! По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ она хлынула однажды съ такою силою, что залила всѣ шахты. Откачать ее не было никакой возможности, паровыхъ насосовъ въ то время во всей Мексикѣ не существовало ни одного. Мы послали донесеніе правленію общества, прося отпустить средства на исправленіе дѣла. Отвѣтъ долго заставилъ себя ждать. Наконецъ, пришло рѣшеніе. Несчастная случайность приписывалась нерадѣнію Стриклэнда, его отставляли отъ должности и отказывались заплатить жалованіе, которое онъ почему-то не бралъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Кромѣ того, они выражали намѣреніе предъявить къ нему искъ въ размѣрѣ понесенныхъ потерь.

— У этихъ людей нѣтъ стыда! — воскликнулъ я, когда Стриклэндъ прочелъ мнѣ бумагу. Я былъ возмущенъ, зная, какъ много трудился мой другъ, не покладая рукъ.

— Не волнуйтесь, Игнаціо! Я потерпѣлъ неудачу и долженъ смириться. Таковъ общій законъ во всемъ мірѣ. Знаете ли вы, что у меня всего тысяча долларовъ въ мексиканскомъ банкѣ? Изъ нихъ восемьсотъ принадлежатъ вамъ. Вѣдь, я тратилъ здѣсь свои деньги, пока работы были пріостановлены, и не получалось отвѣта отъ хозяевъ. Я удалюсь отсюда безъ большихъ милліоновъ!—докончилъ онъ весело.

— Замолчите! Или вы считаете меня воромъ, способнымъ отнять у васъ почти все ваше состояніе? Не повторяйте такихъ сужденій, если не хотите меня обижать!

Съ этими словами я вышелъ и въ раздумьи пошелъ въ горы.

IV.

Приглашеніе.

Я едва прошелъ нѣсколько сотъ шаговъ, какъ встрѣтилъ хозяина того дома, у котораго жилъ въ Кумарво въ первые дни своего пребыванія.

— Господинъ,—обратился онъ ко мнѣ,—такъ часто звали меня посвященные братья, давая иногда, совершенно наединѣ, даже титулъ царя,—я шелъ къ тебѣ, свитокъ найденъ!

— Какой свитокъ?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Тотъ самый, изъ-за котораго ты сюда прибылъ. Вчера чинили крышу на моемъ домѣ и подъ нею нашли спрятаннымъ свитокъ. Я несу его тебѣ!

— Хорошо. Я прочту его сегодня ночью!

Мы разошлись, и я пошелъ дальше, думая больше всего о дѣлахъ Стриклэнда. На поворотѣ узкой тропинки у крутого склона горы я неожиданно увидѣлъ вооруженнаго незнакомца. Я быстро схватилъ свой ножъ и принялъ оборонительное положеніе.

— Удержи свою руку, Донъ-Игнасіо, господинъ мой!—послышался знакомый голосъ, и я призналъ въ незнакомцѣ своего родственника Моласа.

— Что привлекло тебя сюда изъ Хіапаса?

— Дѣла Сердца, господинъ мой, великій повелитель Сердца міра... Но гдѣ я могу говорить съ тобою безъ свидѣтелей?

Я повелъ Моласа къ себѣ домой, накормилъ и напоилъ утомленнаго путника и тогда опять спросилъ о цѣли его долгаго путешествія.

— Скажи мнѣ, господинъ, какое пророчество связано съ тѣмъ символомъ, котораго ты являешься хранителемъ?

— А то, что когда соединятся его обѣ половины, царство

индѣйское возстановится отъ моря до моря, какъ было тогда когда Сердце еще не разбили пополамъ!

— Такъ! Мы всѣ это хорошо знаемъ изъ «откровеній Сердца». Та половинка, которая у тебя, видимая всѣмъ, носитъ названіе «Дня», а другая, утраченная, именуется «Ночью»... Соединенныя вмѣстѣ, онѣ составятъ сплошную поверхность, и тогда возродится наше царство...

— Да, Моласъ, это все такъ!

— Теперь слушай. «Ночь» появилась въ странѣ, и я видѣлъ ее собственными глазами; чтобы тебѣ это передать, я и пришелъ сюда!

— Говори дальше...

— Близъ Хіапаса есть развалины храма, построеннаго древними, и туда пришелъ одинъ старикъ съ дочерью. Старикъ зловѣщій, а дѣвушка—красавица, какихъ я еще не видѣлъ. Онъ лечитъ больныхъ разными травами и много помогаетъ, хотя кажется точно безумнымъ У меня заболѣла жена моя, и я пошелъ къ этому цѣлителю за помощью, хотя жена отговаривала меня, сказавъ, что она уже видѣла лицо смерти, и дни ея сочтены. Но я все-таки пошелъ. Черезъ день пути я дошелъ до мѣста его жительства.

— «Что привело тебя ко мнѣ, братъ мой,—спросилъ меня старикъ на нашемъ родномъ языкѣ, но съ немного различнымъ говоромъ.—Или ты боленъ «сердцемъ»?

Услышавъ эти слова, господинъ мой, я весь обомлѣлъ. Я поспѣшилъ отвѣтить установленнымъ въ нашемъ обществѣ образомъ, и также дѣлалъ на второй, третій и слѣдующіе вопросы, спрашивая и его самого. Такъ до двѣнадцатаго, со всѣми знаками. Дальше я не зналъ. Я слышалъ слова, понималъ ихъ значеніе, но на тайный смыслъ не могъ отвѣтить. Очевидно, онъ былъ выше меня въ нашемъ обществѣ. Я поклонился ему. Тогда онъ меня спросилъ:

— «Кто выше тебя въ этой странѣ»?

— Я отвѣтилъ: никого нѣтъ, кромѣ одного, самаго высокаго!

— Онъ посмотрѣлъ на меня съ большимъ любопытствомъ,

но ничего на это не сказалъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ добавилъ:

— «Мнѣ грустно огорчать тебя, но твоя больная уже кончила свой путь на этой землѣ. Я чувствовалъ сейчасъ ея душу среди насъ».

— Въ это время подошла дѣвушка, дѣйствительно поразительной красоты, точно явленіе съ неба.

— Къ дѣлу, Моласъ, къ дѣлу! Что мнѣ до этой дѣвушки?!— нетерпѣливо перебилъ я своего собесѣдника.

— Я повѣрилъ словамъ Зибальбая, такъ зовутъ этого врача. Мнѣ было очень грустно, потомъ оказалось, что въ этотъ именно часъ умерла моя жена. Старикъ меня утѣшилъ:

— «Ты вскорѣ соединишься съ нею, въ Сердцѣ Неба, не сокрушайся».

— Дѣвушка что-то сказала отцу, и онъ пригласилъ меня подкрѣпить силы передъ обратнымъ путемъ. Пока мы ѣли, онъ опять обратился ко мнѣ:

— «Я вижу, что ты одинъ изъ нашихъ братьевъ. То, что я скажу, ты сохрани про себя. Мы сюда пришли издалека и не то, чѣмъ кажемся. Но еще не насталъ часъ, чтобы говорить. Пришли мы за тѣмъ, что едино, но раздѣлено, что не утрачено, а только спрятано. Быть можетъ, ты намъ укажешь, куда идти»?

— Я понялъ о чемъ онъ говорилъ. Взявъ свою палку, я начертилъ на полу комнаты, гдѣ мы сидѣли, половину сердца, и передалъ палку Зибальбаю.

— «Докончи, дочь моя!»—сказалъ старикъ дѣвушкѣ, и та тотчасъ дочертила остальное.

— «Нужны ли тебѣ еще слова?—Или ты вѣришь видѣнному»?

— Я отвѣтилъ утвердительно.

— «Теперь скажи мнѣ, гдѣ находится спрятанное»?

— У того, кто его законный хранитель. Я пойду къ нему и скажу все, чему былъ свидѣтелемъ. Но онъ живетъ очень далеко!

— «Хорошо. Передай ему, что насталъ часъ для соедине-

нія «Дня» и «Ночи», и что настало время, чтобы въ обновленномъ небѣ засіяло новое солнце!»

— А если онъ мнѣ не повѣритъ и не захочетъ придти?— спросилъ я.

— «Въ такомъ случаѣ смотри»!—проговорилъ старикъ. И онъ отстегнулъ воротъ своего плаща; я увидѣлъ вторую половину того символа, первую половину котораго ты унаслѣдовалъ отъ предковъ, о, господинъ, повелитель мой!..

— Больше мнѣ нечего добавить!

Я былъ пораженъ.

— Больше онъ ничего не велѣлъ тебѣ передать?—спросилъ я Моласа.

— Ничего. Онъ сказалъ, что ты истинный хранитель тайны, но или самъ придешь къ нему, или его призовешь къ себѣ!

— А ты что сказалъ ему про меня?

— Ничего. У меня не было никакихъ указаній. Подкрѣпившись сномъ, на слѣдующій день я ушелъ отъ старика домой. Зибальбаю я сказалъ, что чрезъ восемь недѣль надѣюсь быть обратно. Узнавъ, что у меня нѣтъ денегъ, онъ взялъ изъ лежавшаго въ углу мѣшка двѣ большихъ пригоршни золотыхъ монетъ съ изображеніемъ сердца на каждомъ изъ нихъ и отдалъ мнѣ.

— Покажи мнѣ хоть одну изъ нихъ?—спросилъ я Моласа.

— Увы, господинъ! У меня нѣтъ больше ни одной. Не очень далеко отъ развалинъ храма, гдѣ нашелъ себѣ пріютъ Зибальбай, лежитъ гасіенда Санта-Круцъ, а тамъ, какъ ты, можетъ быть, самъ слышалъ, живетъ шайка разбойниковъ съ Донъ-Педро Морено во главѣ. Эти люди поймали меня на дорогѣ и, найдя золото, отвели къ своему вождю. Я отказался отвѣчать, откуда у меня необыкновенные кружки. Тогда онъ посадилъ меня въ темный подвалъ, обѣщая не выпускать, пока я не открою, откуда у меня такія рѣдкія деньги. Меня очень заботила судьба жены, я точно обезумѣлъ, и языкъ мой произнесъ тѣ слова, которыхъ добивались грабители!

— Пресвятая Матерь Божія!—воскликнулъ Донъ-Педро,—

Я слышалъ про этого безумца, но не зналъ, какой у него хранится товаръ. Я непремѣнно его навѣщу и тогда...

Меня они отпустили съ миромъ. Глубокое раскаяніе овладѣло мною, я боялся, что ты, господинъ мой, не увидишь этого старика, и великая тайна исчезнетъ на вѣки!

— Быть можетъ, Господь сохранитъ ихъ дни, хотя ты совершилъ безумное преступленіе! Теперь скажи, какъ ты добрался сюда безъ денегъ?

— Дома я добылъ немного денегъ. Похоронивъ жену, я распродалъ свое имущество, дошелъ до моря, а въ портѣ Фронтера сѣлъ на корабль, въ качествѣ матроса, до Вера-Круцъ. Въ городѣ Мексикѣ я обратился къ нашему старшему тамъ брату, который сказалъ мнѣ, гдѣ ты находишься. Я пробылъ въ пути мѣсяцъ и два дня, теперь прошу тебя дать мнѣ ночлегъ, я умираю отъ усталости и завтра скажу еще, если что-либо припомню!

Въ эту ночь я долго не могъ заснуть, раздумывая надъ всѣмъ слышаннымъ отъ Моласа. Чтобы нѣсколько отвлечь свои мысли, я принялся за старый свитокъ. Съ нѣкоторымъ затрудненіемъ я прочиталъ старинныя письмена о томъ, что близъ Кумарво находятся большія залежи золота, и описаніе пути и примѣтъ входной пещеры. Свитокъ передавался съ незапамятныхъ временъ отъ одного касика этой мѣстности къ другому и такимъ образомъ дошелъ до меня: въ теченіе многихъ вѣковъ удалось сберечь сокровища отъ алчности испанцевъ.

На другой день рано утромъ я вошелъ къ моему англійскому другу и сказалъ ему:

— Сенноръ, припомните, что я говорилъ вамъ, когда поступалъ къ вамъ на службу. Теперь мой часъ пробилъ, за мною пришелъ посланный, чтобы вести на другой конецъ Мексики. Я не могу ничего сказать объ этомъ дѣлѣ, но завтра утромъ я долженъ быть уже въ пути!

— Мнѣ грустно это слышать, Игнасіо, вы были мнѣ всегда добрымъ и вѣрнымъ товарищемъ. Но вы хорошо дѣлаете! Зачѣмъ связывать свою судьбу съ неудачникомъ?

— Меня обижаютъ ваши слова, сеннор, но я прощаю ихъ,

такъ какъ знаю, что они исходятъ отъ удрученнаго сердца. Теперь скажите, согласны ли вы отправиться со мной въ горы не очень далеко?

— Хорошо. Но куда?

— На другой рудникъ, черезъ два часа ѣзды отсюда. Я только ночью узналъ про него, зато въ дни Монтецумы онъ славился обиліемъ золота!

— Въ дни Монтецумы?—удивился Стриклэндъ.

— Да. Съ того времени его не разрабатывали. И вы можете объявить его, дайте только нѣсколько долларовъ тому индѣйцу, который сообщилъ мнѣ указаніе. Онъ бѣдный человѣкъ!

— Но отчего вы этого не сдѣлаете?

— По двумъ причинамъ. Во первыхъ, мнѣ хочется оказать вамъ услугу. А, во-вторыхъ, я не могу самъ заняться имъ, такъ какъ спѣшу въ другое мѣсто. Если я вернусь, вы удѣлите мнѣ часть прибылей, и я тоже тогда буду богатъ. Я сейчасъ покажу вамъ, какъ я нашелъ слѣдъ этого сокровища!

Тутъ я подробно объяснилъ содержаніе свитка.

— Не будемъ же терять времени...

— Не взять ли съ собой людей?

— Нѣтъ, сенноръ, нѣтъ! Мѣсто еще не найдено, пойдутъ толки, и кто-нибудь перебьетъ у васъ все дѣло. Я могъ бы положиться еще на вчерашняго своего посланнаго, но онъ такъ утомленъ, что еще спитъ. И намъ къ тому же предстоитъ длинный путь!

Черезъ часъ мы уже ѣхали въ горы. Моласу я велѣлъ передать, что вернусь къ ночи. Поднявшись черезъ первую гору, мы вступили въ довольно широкую долину, по которой текла быстрая рѣчка. Перебравшись черезъ нее въ бродъ въ мѣстѣ, указанномъ въ моемъ свиткѣ, мы двинулись прямо къ одной высокой выдающейся скалѣ. У ея подножья должно было расти широко раскинувшееся дерево.

— Здѣсь долженъ быть входъ въ рудникъ!—сказалъ я, еще разъ провѣривъ рукопись

«Донъ Хозе, выхватилъ ножъ»... (къ стр. 67).

— Но я не вижу дерева!—замѣтилъ Стриклэндъ.

— Вѣроятно, оно погибло отъ времени, но, судя по описанію, входъ здѣсь или по близости. Привяжемъ лошадей и будемъ искать!

Послѣ короткихъ поисковъ я нашелъ остатки корней большого дерева и противъ него на скалѣ увидѣлъ очень искусно приставленные обломки камней, заросшіе ползучими растеніями.

Подойдя еще ближе, мы уже могли видѣть слѣды ударовъ молотомъ по этимъ камнямъ. Входъ нами былъ найденъ. Оставалось только отвалить камни. Однако это оказалось намъ не подъ силу. Обойдя нѣсколько разъ кругомъ, мы обратили вниманіе у подножья стѣны на небольшую, но довольно глубокую впадину въ скалѣ.

— Не это ли входъ?—спросилъ Стриклэндъ.

— Возможно, что это отверстіе было оставлено для обращенія воздуха въ рудникѣ. Намъ остается только войти и посмотрѣть. Принесите, сенноръ, заступы и ломы, и мы сейчасъ увидимъ!

Черезъ четверть часа работы мы нѣсколько расширили отверстіе, и нашимъ глазамъ представился узкій, длинный и темный входъ. Взявъ съ собою привезенныя свѣчи и молотъ, мы смѣло одинъ за другимъ, вползли въ пещеру.

V.

Сказаніе о Сердцѣ.

Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ отверстіе неожиданно расширилось, такъ что мы могли встать во весь ростъ и зажечь свѣчи. Не было никакихъ сомнѣній, что мы во входномъ корридорѣ заброшеннаго рудника. На пути намъ встрѣчались большія каменныя глыбы, повидимому, отвалившіяся отъ потолка. Пройдя еще немного, я остановился и сказалъ своему спутнику:

— Не лучше ли намъ, сенноръ, уйти обратно? Въ рукописи говорилось, что рудникъ изъ опасныхъ, и время, кажется, со-

вершенно уничтожило всѣ подпорки, если даже онѣ и были поставлены!

— Разумѣется. Мнѣ тоже не нравится видъ верхняго свода. Онъ полонъ трещинъ!

При этихъ словахъ къ его ногамъ свалился камень, величиною съ дѣтскую голову.

— Не говорите громко!—прошепталъ я.—Звукъ вашего голоса вызываетъ опасныя колебанія!

Нагнувшись, чтобы поднять упавшій камень, я ощутилъ подъ руками нѣчто острое. Это оказалась берцовая кость человѣческаго скелета, пожелтѣвшая отъ времени. Немного дальше лежали и другія кости.

— Вѣроятно, несчастнаго пришибло упавшимъ осколкомъ!— замѣтилъ Стриклэндъ.

Мы медленно подвигались назадъ къ выходу.

— Вотъ, посмотрите сюда, Игнасіо!—остановилъ меня мой другъ, наклоняясь и поднимая небольшой самородокъ чистѣйшаго золота въ нѣсколько унцій вѣсомъ.

— Не подлежитъ сомнѣнію, что это очень богатый рудникъ,—отвѣтилъ я,—но я слышу вдали зловѣщій гулъ, и намъ лучше скорѣе уходить!

Двигаться было очень неудобно при мерцающемъ свѣтѣ свѣчи, и Стриклэндъ нечаянно наткнулся колѣномъ о выступъ стѣны. Вѣроятно, ударъ былъ довольно сильный, потому что, забывъ всякую осторожность, онъ громко вскрикнулъ. Надъ самой моей головой отозвался рѣзкій шумъ, точно раздиралась крѣпкая ткань и, мгновеніе спустя, я лежалъ на землѣ, придавленный большою тяжестью. Эта каменная масса удержалась на томъ выступѣ, о который ударился Стриклэндъ. Темень кругомъ была полная, такъ какъ мой спутникъ также упалъ, и свѣча погасла. Первою моею мыслью было, что онъ умеръ. Такъ прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ я услышалъ его тихимъ голосомъ произнесенный вопросъ:

— Игнасіо!.. вы живы?

Я замедлилъ отвѣтомъ. Мнѣ было ясно, что и остальной сводъ долго не выдержитъ. Я не могъ шевельнуться, и если

Стриклэндъ останется со мною, то и онъ обреченъ на смерть Меня ничто не могло спасти, а онъ могъ уйти. И все-таки я отвѣтилъ, хотя зналъ, что онъ не уйдетъ.

— Бѣгите, сенноръ! Я живъ. Только зажгу свѣчу и послѣдую за вами!

— Вы говорите неправду, Игнасіо! Вашъ голосъ доносится съ земли!

Пока онъ говорилъ, я опять услышалъ шумъ. Когда онъ засвѣтилъ свѣчу, внимательно осмотрѣлъ мое положеніе и сводъ надъ нами, то могъ увидѣть висѣвшій на выступахъ стѣны огромный камень, слегка качавшійся при его малѣйшихъ словахъ.

— Ради Бога, уходите! — шепталъ я. — Черезъ нѣсколько часовъ будетъ поздно, а мнѣ ничѣмъ помочь нельзя. Я обреченъ на смерть, и меня надо предоставить собственной участи!

Послѣ минутнаго колебанія, онъ опять собрался съ мужествомъ и едва слышно заговорилъ:

— Мы вмѣстѣ вошли, вмѣстѣ выйдемъ или вмѣстѣ погибнемъ. Камень только придавилъ васъ, а не разбилъ кости, иначе вы не могли бы ни слова сказать!

— Нѣтъ, другъ, я получилъ смертельный ушибъ, хотя кости мои, можетъ быть, цѣлы. Бѣгите отсюда, умоляю васъ!

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ рѣшительно:—Я постараюсь приподнять камень!

Но какъ онъ ни былъ силенъ и крѣпокъ, онъ ничего не могъ сдѣлать!

— Я отправлюсь за помощью! — сказалъ онъ тогда. — И приведу людей!

— Да, да, сенноръ!—поспѣшилъ я укрѣпить его въ этой мысли, зная, что онъ не успѣетъ вернуться. Зато онъ самъ будетъ спасенъ!—Но погодите одну минуту. Я передамъ вамъ одинъ предметъ; нагнитесь ниже, чтобы я могъ возложить на вашу шею эту цѣпь. Если вы когда-нибудь будете нуждаться въ услугѣ индѣйцевъ, покажите этотъ предметъ какому-нибудь начальнику, и онъ умретъ за васъ, если это потребуется. Я сдѣлалъ васъ своимъ преемникомъ по мексиканскому царству въ

сердцахъ всѣхъ индѣйцевъ, потомковъ свободныхъ нѣкогда ацтековъ. И пусть васъ Богъ хранитъ!

Стриклэндъ молча положилъ въ карманъ мой талисманъ и быстро ушелъ.

«Вѣроятно, онъ слишкомъ испуганъ и боится говорить!»— подумалъ я.—«Впрочемъ, онъ долженъ скорѣе спасать свою жизнь!»

Но этими мыслями я жестоко оскорблялъ своего друга. Потомъ онъ говорилъ мнѣ, что, выйдя изъ пещеры, онъ былъ въ полномъ недоумѣнiи, какъ меня спасти. Эта мѣстность была необитаема, и потребовалось бы нѣсколько часовъ, чтобы добраться до Кумарво и привести оттуда людей. Онъ неподвижно стоялъ нѣкоторое время, когда его взоръ случайно упалъ на росшiй неподалеку, близъ небольшого журчащаго ручейка, стволъ дерева мимозы. Его осѣнила блестящая мысль: съ помощью рычага ему удастся то, чего онъ не могъ достигнуть простыми руками. Перескочивъ ручей, онъ ухватился за дерево, нагнулъ его и надломилъ у самаго корня. Надрѣзать и очистить вѣтки охотничьимъ ножомъ было дѣломъ минуты. Но въ это время изъ пещеры до него донесся новый шумъ. Чувство робости овладѣло имъ, и онъ готовъ былъ бѣжать. Но другое чувство опять взяло верхъ, и онъ вошелъ въ пещеру. Большой камень висѣлъ по-прежнему; свалился другой, ближе къ выходу.

— Вы живы, Игнасiо?

Эти слова вызвали меня изъ забытья, въ которое я впалъ отъ боли. Но спасенiе все-таки казалось немыслимымъ. Даже съ помощью принесеннаго рычага Стриклэндъ не могъ приподнять камня.

— Подвиньте рычагъ немного правѣе: тамъ больше мѣста!— посовѣтовалъ я, ощупавъ положенiе камня.

Онъ такъ и сдѣлалъ, и перевѣсившись всею своею тяжестью на другомъ концѣ, рискуя сломать дерево, Стриклэндъ слегка приподнялъ давившiй меня гнетъ. Съузившись, какъ только возможно, извиваясь, какъ змѣя, я выползъ изъ-подъ камня. Но встать на ноги я не былъ въ силахъ.

— Меня надо нести, сеннoръ!—сказалъ я.

Англичанинъ быстро взялъ меня на руки и торопливо направился къ выходу. Новые глухіе раскаты послышались за нами, но мы были уже у самаго выхода; а минуту спустя лежалъ на берегу ручья, вдали отъ страшной пещеры.

— Клянусь Господомъ Богомъ, что нѣтъ на землѣ человѣка благороднѣе васъ!—воскликнулъ я и тотчасъ же упалъ въ глубокій обморокъ.

Десять дней прошло послѣ того, какъ меня принесли въ Кумарво на носилкахъ, прежде чѣмъ Стриклэнду и Моласу удалось въ первый разъ посадить меня на постели. Я лежалъ это время между жизнью и смертью, теперь я былъ уже на пути исцѣленія.

— Кстати, Игнасіо, я еще не отдалъ вамъ вашего талисмана!—сказалъ мнѣ Стриклэндъ.—Можетъ быть, вы объясните мнѣ теперь тѣ странныя слова, которыя вы говорили въ пещерѣ? Или это было бредомъ больного?

— Слушайте, сеннoръ, только посмотрите, хорошо ли закрыта дверь, и подойдите ближе... Этотъ сломанный драгоцѣнный камень есть треугольный камень—символъ большого общества. Вы теперь одинъ изъ самыхъ старшихъ въ немъ, хотя еще и не посвящены во всѣ тайны. Но обрядъ вѣдь выполненъ, такъ какъ онъ заключается въ возложеніи этого камня на грудь посвященнаго и только мною, царемъ и потомственнымъ Хранителемъ Сердца. Я скажу вамъ потомъ больше, но теперь знайте, что первая обязанность каждаго служителя общества—это молчаніе, и этого я требую отъ васъ. Люди часто предпочитали умереть, чѣмъ проронить слово; ихъ жгли и пытали отцы инквизиціи, но они безмолвствовали!

— А если кто-нибудь откроетъ ваши тайны?—спросилъ Стриклэндъ.

— Для тѣхъ есть страна, куда они отправятся раньше, чѣмъ это суждено въ книгѣ жизни!

— То есть, вы такого убиваете?

— Нѣтъ, но онъ случайно умираетъ вскорѣ, какъ фальшивый братъ, будь онъ хоть самый высшій въ обществѣ. А потому мы говоримъ: имѣющій уши, да слышитъ!

— Имѣю уши и слышу!—повторилъ Стриклэндъ и тѣмъ самымъ произнесъ клятву молчанія.

— Теперь я могу открыть вамъ нашу тайну, насколько я самъ ее знаю, и какъ мнѣ ее передавали!

— Вы слышали, быть можетъ, преданіе про бѣлаго человѣка, или бога, котораго индѣйцы зовутъ Кветцаломъ или Кукумацъ, Онъ посѣтилъ эти страны и устроилъ жизнь здѣшнихъ народовъ. Потомъ отплылъ въ море на кораблѣ, обѣщая вернуться послѣ многихъ поколѣній. Когда онъ отбылъ, основанное имъ царство перешло во власть двухъ братьевъ; жители чтили какъ и мы, христіане, единое божество, Сердце Неба, которому поклонялись и приносили безкровныя жертвы. Но вотъ одинъ изъ братьевъ взялъ жену изъ сосѣдней страны, какое-то исчадіе дьявола, но дивной красоты, и по ея внушенію сталъ приносить жертвы ея божествамъ и жертвы даже человѣческія. Въ народѣ произошло смятеніе, и народъ раздѣлился на двѣ части: поклонниковъ Сердца и поклонниковъ дьяволовъ. Междоусобіе было продолжительно и кровопролитно, пока, наконецъ, они всѣ не пришли къ рѣшенію разойтись въ разныя стороны. Поклонники чужихъ боговъ ушли на сѣверъ и сдѣлались родоначальниками ацтековъ и другихъ племенъ, а поклонники Сердца остались въ странѣ Тобаско. Обѣимъ половинамъ не было удачи. Ацтеки нѣкоторое время процвѣтали, но пришли испанцы и покорили ихъ Другая половина сдѣлалась жертвою нашествія дикихъ и погибла, а съ нею исчезла или, повидимому, исчезла и старая вѣра.

— Это очень интересно, но какое отношеніе имѣетъ вашъ талисманъ?

— Когда Кветцалъ оставлялъ царство, то оставилъ въ наслѣдіе царямъ камень, который онъ самъ носилъ; вы видите теперь его половину. И онъ сказалъ, что пока изображающій сердце камень будетъ цѣлымъ, то и народъ его будетъ въ единствѣ и нераздѣльности. Если же онъ разобьется или сломается, или будетъ раздѣленъ, то царство распадется и соединится опять въ одно только тогда, когда соединятся части камня. Братья-цари поссорились и распилили камень. У меня

та часть, которая досталась женатому брату, ушедшему изъ родной страны. Много есть преданій про этотъ камень. Имъ неизмѣнно владѣли всѣ ацтекскіе цари вплоть до Гватемока, ихъ послѣдняго царя. Отъ него оно дошло до меня!

— Какое вамъ дѣло до Гватемока?

— Въ одиннадцатомъ поколѣніи я его прямой потомокъ!

— Слѣдовательно, вы имѣете всѣ права быть мексиканскимъ императоромъ?

— Да, сенноръ. Но о мнѣ потомъ. Я еще не кончилъ о камнѣ. Онъ никогда не былъ утраченъ, и его знаетъ народъ во всей странѣ. Тотъ, кто его носитъ, зовется «хранитель сердца» или «упованіе бодрствующихъ». И можетъ случиться въ наши дни, что обѣ половины соединятся!

— И тогда?

— Тогда, по словамъ преданія, индѣйцы снова будутъ могущественнымъ народомъ, они изгонятъ своихъ притѣснителей въ пучину моря, и вѣтеръ разсѣетъ ихъ прахъ!

— Вы всему этому вѣрите?—спросилъ сенноръ.

— Да, или большей части! Мнѣ недавно сказали, что нашлась и другая половина сердца, и какъ только я немного поправлюсь, я пойду къ тому, кто ее хранитъ и кто пришелъ, чтобы меня найти!

— Откуда явился этотъ человѣкъ?

— Я еще не знаю навѣрное. Но думаю, что онъ пришелъ изъ того священнаго индѣйскаго города, который такъ старательно искали испанцы, но не могли найдти. Повидимому, Золотой Городъ еще существуетъ среди горъ и пустынь внутри материка; я надѣюсь, что отправлюсь съ нимъ туда!

— Игнасіо, вы съ ума сходите! Этого города нѣтъ и никогда не было!

— По вашему мнѣнію, можетъ быть. Но я мыслю иначе. Я знавалъ человѣка, дѣдъ котораго видалъ Городъ. Это былъ уроженецъ изъ Санъ-Хуанъ-Батиста въ Тобаско. Въ юности онъ совершилъ какое-то преступленіе и, опасаясь преслѣдованій, бѣжалъ въ горы. Я не знаю всѣхъ его приключеній, но однажды онъ очутился на берегу большого озера, кажется, не-

далеко отъ нынѣшней Гватемалы. Утомленіе совершенно лишило его силъ, и онъ впалъ въ забытье; когда онъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ многихъ людей. Это были индѣйцы, но бѣлолицые и одѣтые въ нарядныя бѣлыя одежды, съ изумрудными украшеніями и въ мѣховыхъ шапкахъ. Они посадили пришельца въ большую лодку и отвезли въ знаменитый городъ съ большою высоко возвышающейся пирамидою посреди. Это и было Сердце Міра. Но онъ мало видѣлъ, такъ какъ его держали взаперти, какъ плѣнника. Только иногда его приводили на засѣданіе царей или старшинъ и подробно разспрашивали про его родину, ея обычаи, а больше всего про бѣлыхъ, которые ее покорили. По его словамъ, въ одной только этой залѣ было болѣе золота, чѣмъ можно найти во всей Мексикѣ. Когда ему нечего было болѣе сообщать, ему стала грозить смерть, такъ какъ жители боялись, чтобы онъ не убѣжалъ и не открылъ ихъ тайны. Онъ спасся, благодаря помощи одной женщины, которая перевезла его на лодкѣ черезъ озеро. Сама она умерла въ пути. Тогда онъ поселился въ небольшой деревушкѣ, близъ Паленки, никому ни слова не говоря про свои странствія: онъ боялся мести жителей Сердца Міра. Только на одрѣ смерти онъ разсказалъ своему сыну, который умирая также передалъ ее своему сыну, а этотъ мнѣ... Сеннор, мечтой моей жизни было посѣтить этотъ городъ и я думаю, что теперь я нашелъ способъ и случай туда добраться.

— Зачѣмъ это нужно?

— Чтобы меня понять, вы должны знать, сеннорь, мою собственную исторію,—отвѣтилъ я и разсказалъ ему все, что касалось моего неудачнаго заговора.—Хотя меня одолѣли, но я еще не хочу сдаваться и попрежнему попытаюсь создать большое индѣйское царство. Вы смотрите на меня, какъ на безумца. Можетъ быть, правы вы, а, можетъ, быть—я. Я могу гнаться за мечтой, но иду по пути, указанному руководящимъ лучомъ. Я не ищу своихъ выгодъ, не стремлюсь къ собственной пользѣ, а забочусь только о благѣ народа!

— Но чѣмъ вы поможете своему дѣлу, если посѣтите

таинственный городъ, который допустимъ даже, дѣйствительно существуетъ?

— А такъ, сенноръ, что среди этого народа Зибальбай, какъ зовутъ старика, долженъ быть царемъ или однимъ изъ старшихъ, а народъ этотъ—прямые потомки древняго племени Когда они узнаютъ мои предположенія, то дадутъ мнѣ средства чтобы образовать великое царство для нихъ-же самихъ!

— А если они разсудятъ иначе, Донъ-Игнасіо?

— Одною неудачею больше, одною меньше, стоитъ ли объ этомъ думать? Я, какъ пловецъ, который видитъ, или ему кажется, что онъ видитъ, единственную доску, на которой онъ спасется!

— Онъ можетъ не доплыть до нея, доска можетъ не сдержать его тяжести, но если у него нѣтъ другой надежды, то онъ плыветъ къ доскѣ. Такъ и я, сенноръ. Тамъ городъ полонъ богатствъ, а безъ большихъ, очень большихъ средствъ я безсиленъ. Корабль, на которомъ были нагружены мои богатства и мои надежды, пошелъ ко дну. Я въ отчаянномъ положеніи и рѣшаюсь на отчаянное средство... Прежде всего, я повидаю старика. Потомъ, если обѣ половины сердца сойдутся, то, вѣроятно, отправлюсь съ нимъ въ Сердце Міра. Если мнѣ суждено погибнуть, то это будетъ все-таки въ борьбѣ за исполненіе завѣта возстановить индѣйское царство отъ моря до моря!

— Мечта, но мечта благородная. Кто же отправится съ вами въ это путешествіе!

— Кто пойдетъ? Моласъ доведетъ меня до храма, гдѣ живетъ старикъ. А дальше никто, я одинъ. Кто же послѣдуетъ за человѣкомъ, котораго даже любящіе его считаютъ безумцемъ?! Если я буду разсказывать свои планы, то люди поднимутъ меня на смѣхъ, какъ дѣти смѣются надъ лишеннымъ разума. Я пойду одинъ, вѣроятно, на встрѣчу смерти!

— Что касается смерти, то мы всѣ должны умереть, рано или поздно, а время и способъ смерти въ рукахъ Провидѣнія. Но вы будете не одинъ, возьмите меня!

— Васъ, сенноръ? Вѣдь это безуміе!

— Игнасіо, я буду совершенно откровененъ съ вами. Вашимъ мечтамъ о Золотомъ Городѣ, вашимъ надеждамъ на старика, вашимъ планамъ основать великое царство,—всему этому я не придаю никакой цѣны. Индѣйцевъ надо раньше перевоспитать, заставить ихъ забыть то угнетеніе, въ которомъ они находились эти вѣка... Но это васъ касается, я здѣсь ни при чемъ. Вы меня слушаете?

— Да, сеноръ!

— А вотъ что касается меня. Я по влеченію скиталецъ. Меня манитъ мысль о новыхъ мѣстахъ, о приключеніяхъ. Возможно, что мы сложимъ наши кости въ дремучихъ лѣсахъ Гватемалы, но что же изъ этого? Я пока еще ничего не достигъ и ничѣмъ не рискую. Словомъ, я готовъ двинуться въ путь въ Тобаско, какъ только вы это сможете!

— Клянетесь Сердцемъ, сенноръ?

— Чѣмъ хотите! Я же предпочитаю дать вамъ свою руку!

— Я не могу желать лучшаго товарища. Обѣщаю, что если мы найдемъ этотъ городъ, то вамъ будетъ много пользы! Я самъ неудачникъ, и ваше участіе поможетъ мнѣ. Даю клятву быть настоящимъ, искреннимъ товарищемъ. А препятствія какія будутъ, увидимъ!

VI.

Начало поисковъ.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ между сеннором Стриклэндомъ и мною было заключено такое соглашеніе, мы оба и Моласъ были уже въ Вера-Крусѣ, въ поискахъ за судномъ, которое доставило-бы насъ въ Фронтеру, откуда по рѣкѣ Гріяльви мы могли на лодкахъ добраться близко къ тому мѣсту, гдѣ жилъ Зибальбай. Въ настоящіе дни многое тамъ совершенно измѣнилось, но тогда бѣлыхъ въ этой мѣстности было немного, и они по большей части жили вдали отъ городовъ, занимаясь разбоями, какъ это испыталъ Моласъ на себѣ.

Въ Вера-Крусѣ мы пріобрѣли все необходимое для дале-

каго путешествія въ дикой странѣ, въ томъ числѣ три ружья и револьверы. Послѣ этого у насъ осталось около полуторы тысячъ долларовъ, которые мы раздѣлили на равныя части и зашили въ свои пояса. На многочисленные вопросы любопытныхъ въ Вера-Крусѣ мы отвѣчали, что сенноръ Стриклэндъ одинъ изъ тѣхъ англичанъ-путешественниковъ, которые интересуются историческими развалинами, а я, Игнасіо, его проводникъ, Моласъ же—нашъ слуга.

Мы условились отплыть на одномъ прекрасномъ американскомъ пароходѣ, но онъ почему-то задержался на недѣлю, и намъ, для выигрыша времени, пришлось сѣсть на гораздо худшее мексиканское судно, какъ теперь помню, названное «Санта-Марія», обращенное своими хозяевами въ пароходъ изъ стараго, расшатаннаго парусника. Помню, какъ я спрашивалъ у капитана:

— Вашъ пароходъ заходитъ въ Фронтеру?

— Конечно, заходитъ!—былъ отвѣтъ.

Старый мошенникъ не сказалъ только, что «Санта-Марія» идетъ кружнымъ рейсомъ и заходитъ въ Фронтеру только на возвратномъ пути. Но все это выяснилось лишь въ пути, во время хода. Среди десятка-двухъ пассажировъ наше вниманіе привлекъ одинъ, очень статный, красивый и молодой, но съ какимъ-то непріятнымъ взглядомъ черныхъ блестящихъ глазъ. Моласъ отвелъ насъ въ сторону и сказалъ:

— Это Донъ Хозэ Морено, сынъ того Дона Педро Морено, который ограбилъ меня и захватилъ данное мнѣ Зибальбаемъ золото. Я слышалъ, какъ говорили въ этомъ притонѣ, что молодого орленка нѣтъ въ гнѣздѣ. Остерегайтесь его, сенноръ: онъ, какъ и отецъ его, не хорошій человѣкъ!

Немного спустя, раздался колоколъ, извѣщавшій объ обѣдѣ. Я направился въ общую каюту, служившую и столовою. Въ дверяхъ я столкнулся съ капитаномъ, который остановилъ меня съ вопросомъ:

— Что вамъ нужно?

— Обѣдать!—отвѣчалъ я.

— Обѣдъ подадутъ вамъ на палубу,—заявилъ капитанъ —

я не хочу васъ обижать, сеннорь, но вѣдь вы знаете мексиканцевъ, и какъ они относятся къ индѣйцамъ. Я самъ испанецъ и ничего не имѣю противъ вашего общества за столомъ, но если сядете съ ними, то будутъ непріятности!

Я это хорошо зналъ и, не желая вызывать непріятностей, поклонился и отошелъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Не видя меня за столомъ, Стриклэндъ освѣдомился про меня.

— Если вы спрашиваете про своего слугу,—отвѣтилъ ему капитанъ,—то я запретилъ ему войти сюда, когда онъ хотѣлъ. Ему дадутъ обѣдъ наверху: мы не садимся съ индѣйцами за общій столъ!

— Если мой другъ индѣецъ, то, слѣдовательно, онъ ничѣмъ не хуже, чѣмъ всѣ здѣсь присутствующіе джентльмэны. И если онъ заплатилъ за проѣздъ въ первомъ классѣ, то имѣетъ право на всѣ удобства перваго класса. Я настаиваю, чтобы онъ сидѣлъ рядомъ со мною!

— Какъ вамъ угодно,—отвѣтилъ миролюбивый капитанъ,—но если онъ войдетъ, то будутъ непріятности!

За мной послали, и, когда я вошелъ, сеннорь Стриклэндъ громко обратился ко мнѣ:

— Вы опоздали, другъ мой, но я оставилъ вамъ мѣсто. Садитесь сюда, а то кушанье простынетъ!

Мнѣ пришлось помѣститься наискосокъ противъ Дона-Хозе который немедленно рѣзко заявилъ капитану:

— Здѣсь происходитъ, повидимому, ошибка, капитанъ. Противъ обычая, чтобы индѣйцы садились за общій столъ съ нами!

— Не лучше ли вамъ рѣшить это дѣло съ сеннорромъ англичаниномъ?! Я бѣдный морякъ и привыкъ ко всякому обществу!

— Прикажите, сеннорь Стриклэндъ, вашему слугѣ уйти изъ каюты!—повелительно заявилъ мексиканецъ моему другу.

— Сеннорь – отвѣтилъ ему вспыльчивый англичанинъ,—вы будете въ преисподней прежде, чѣмъ я это сдѣлаю!

— Caramba! — воскликнулъ мексиканецъ, хватаясь зъ рукоять ножа.—Вы за это дорого поплатитесь!

— Когда и гдѣ хотите! Я всегда плачу всѣ свои долги!

Тутъ вмѣшался капитанъ. Онъ, не торопясь, вынулъ изъ

бокового кармана револьверъ и, положивъ его передъ собой, съ чарующею улыбкою и нѣжнымъ голосомъ сказалъ:

— Сенноры, я долженъ вмѣшаться въ вашу ссору. Хотя я только бѣдный морякъ, но не допущу кровопролитія на бортѣ своего парохода и застрѣлю перваго, кто обнажитъ оружіе!

Всѣ присмирѣли. Опасаясь все-таки дальнѣйшихъ осложненій, я поднялся съ мѣста и, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, спокойно сказалъ имъ поиспански:

— Я ухожу добровольно, такъ какъ вижу, что мое общество не всѣмъ здѣсь пріятно. Но считаю долгомъ замѣтить, что хоть я только индѣецъ, но во мнѣ течетъ несравненно болѣе благородная кровь, чѣмъ у Дона-Хозе, который только метисъ, а отецъ его—разбойникъ съ большой дороги!

— Собака!—прошипѣлъ онъ сквозь зубы, зеленѣя подъ общими обращенными на него взглядами.—Погоди, я вырѣжу тебѣ твой лживый языкъ!

— Я сказалъ только правду про вашего отца! На пароходѣ съ нами ѣдетъ одинъ индѣецъ, который только что былъ ограбленъ въ гасіендѣ Дона Педро. А что касается до угрозъ, то берегитесь: на пароходѣ вся прислуга индѣйцы, которые меня хорошо знаютъ, и если вы меня тронете, то не вернетесь домой живымъ...

Я поклонился и вышелъ изъ каюты.

— Благодарю васъ, другъ,—сказалъ я сеннору Стриклэнду, когда онъ вышелъ потомъ на палубу.—Я привыкъ къ такому обращенію, а теперь вы сами могли убѣдиться, что я не имѣю основаній любить притѣснителей моего народа!

— Согласенъ, Донъ Игнасіо, но лучше всетаки остерегаться этого испанца. Онъ ни передъ чѣмъ не остановится!

— Не бойтесь за меня,—возразилъ я смѣясь надъ его страхами.—На пароходѣ болѣе двадцати индѣйцевъ, среди нихъ есть два-три изъ общества Сердца. Впрочемъ дѣйствительно, намъ безопаснѣе спать на палубѣ, а не въ каютѣ!

Ночь была великолѣпная, и мы долго не спали, любуясь красотою неба, сіявшаго легіонами звѣздъ. На разсвѣтѣ, когда

мы уже спали, насъ разбудило неожиданное полное затишье. Пароходъ стоялъ неподвижно среди безбрежнаго залива, на западѣ еще виднѣлись слабыя звѣзды, а на востокѣ, вмѣсто ожидаемаго дневного свѣтила, мы увидили небольшую, но темную полосу тучи.

— Что случилось? — спросилъ сенноръ Джемсъ проходившаго мимо капитана.

— Машина поломалась, а идти на парусахъ нельзя: нѣтъ ни вздоха вѣтерка. Впрочемъ, все ничего, машинистъ давно на пароходѣ и знаетъ слабыя стороны своей машины!

— Да, но простой, задержка въ пути! — замѣтилъ сенноръ.—А вы не боитесь шквала?—спросилъ онъ опять, видя, что капитанъ тревожно всматривается въ горизонтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не мы, бѣдные моряки, дѣлаемъ погоду. El norte? Нѣтъ, нѣтъ!—повторялъ капитанъ, точно отгоняя отъ себя непріятную мысль.—А впрочемъ, кто знаетъ, quien sabe?

Опасенія не сбылись. Машина заходила опять, и около трехъ часовъ пополудни Моласъ указалъ намъ вдали узкую береговую полосу. Немного вправо былъ молъ рѣки Гріяльви, а затѣмъ и цѣль нашего путешествія, Фронтера.

— Хорошо,— сказалъ сенноръ Джемсъ, — я принесу свои вещи снизу!—и черезъ нѣсколько минутъ вернулся къ намъ, неся связанный узелъ.

— Развѣ вамъ понадобятся ваши вещи сегодня?—спросилъ, повидимому, очень удивленный капитанъ, видя наши приготовленія.

— Разумѣется. Вѣдь это же Фронтера!—отвѣчали мы.

— Совершенно вѣрно!—отвѣтилъ капитанъ.— Но туда мы заѣдемъ только на нашемъ возвратномъ пути, черезъ недѣлю, или, если святымъ угодникамъ будетъ угодно явить намъ свои милости, то и на шестой день!

— Но намъ выданы билеты до Фронтеры! -- запальчиво возразилъ сенноръ Джемсъ.

— Я знаю!—хладнокровно продолжалъ капитанъ, — и не требую съ васъ никакой доплаты, но мнѣ приказано идти прямымъ рейсомъ на Компехъ и уже на обратномъ пути зайти

въ Фронтеру. Если только буря не заставитъ меня измѣнить курса!

— Пусть буря потопитъ васъ, вашъ пароходъ и вашихъ хозяевъ!—кричалъ мой другъ, призывая на голову своего собесѣдника всякія напасти.

Капитанъ оставался совершенно спокойнымъ. Онъ пожималъ плечами и, наконецъ, произнесъ:

— Что за странный народъ англичане! Вѣчно они торопятся! И стоитъ-ли говорить такъ много о столь маломъ времени? Не все-ли равно, что завтра, что сегодня, а иногда оно и лучше!

Тѣмъ временемъ полоска тучи росла и ширилась, расползаясь по всему небу. Капитанъ сталъ тревожиться, и самъ сенноръ Джемсъ, забывая о неудачѣ, сказалъ мнѣ:

— Мнѣ не нравится небо, Игнасіо!

Я ничего не отвѣтилъ, такъ какъ мы оба явственно разслышали вопросъ Моласа къ одному матросу:

— El norte?

— Si, el norte!—послѣдовалъ отвѣтъ.

El norte—буря и шквалъ—было неизбѣжно. Я внимательно всматривался въ дѣйствія капитана и слѣдилъ за его распоряженіями. Было два исхода: повернуть на Фронтеру, но, по словамъ капитана, намъ угрожала большая опасность, что шквалъ насъ догонитъ и выброситъ на прибрежные утесы, не давъ пройти молъ въ установленномъ мѣстѣ. Другой исходъ былъ—держаться подальше въ открытомъ морѣ. Капитанъ избралъ послѣднее, вполголоса браня сеннора Стриклэнда, будто-бы сглазившаго погоду и навлекшаго на насъ эту бурю.

— Матросы того мнѣнія, что мы потонемъ!—сказалъ я, подходя къ своему другу.

— Какъ вы хладнокровно относитесь къ этому, всѣ вы индѣйцы!—съ горячностью упрекнулъ меня сенноръ.—Какъ далеко до берега?

— Около двѣнадцати миль, какъ я слышалъ... А что касается гибели, то Господь, если захочетъ, спасетъ насъ, а не захочетъ, то мы потонемъ. Нельзя идти противъ судьбы!

«Донъ Хозе съ угрозою подошелъ къ старику»... (къ стр. 75).

— Настоящее индѣйское міросозерцаніе! Но я и мои соотечественники думаемъ иначе. и хорошо дѣлаютъ, а то отъ Англіи осталось бы не больше слѣда, чѣмъ отъ вашего царства. Я предпочитаю умирать въ борьбѣ, а не сложа руки!

— Какіе здѣсь матросы?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Мнѣ кажутся они людьми опытными, и самъ капитанъ тоже старый морякъ... Смотрите!

За спиной Стриклэнда блеснула яркая молнія, за которою раздался громовой ударъ, и на насъ налетѣлъ первый порывъ сильнаго вѣтра. Потомъ—минута полнаго затишья. Издали на насъ надвигались движимыя какою-то невѣдомою силою волны, и, при видѣ ихъ, капитанъ, опасаясь, чтобы онѣ не захватили парохода боковою качкою, распорядился поставить его въ разрѣзъ волнъ. Онъ велѣлъ также запереть наглухо всѣ входы внутрь каютъ, чтобы вода не вливалась туда. На кормѣ осталась только команда, Моласъ, сеньоръ Джемсъ и я. Остальные пассажиры были внизу.

Пѣнистая водяная стѣна быстро приближалась къ намъ. Твердо, обѣими руками ухватившись за канатъ, я далъ тотъ же совѣтъ моимъ товарищамъ:

— Держитесь крѣпче! Идетъ el norte и многимъ изъ насъ угрожаетъ смертью!

Буря была ужасная. Я не видывалъ второй такой. Машина вскорѣ перестала работать, и пароходъ былъ предоставленъ на произволъ стихіи. Перекатывавшіяся черезъ палубу волны выбили дверь на лѣстницу, и вода широко полилась внизъ. Оттуда послышались раздирающіе душу крики. На палубу, спасаясь и давя другъ друга, полѣзли перепуганные пассажиры, которые были заперты внизу. Но я думаю, что двое или трое нашли себѣ смерть въ каютѣ, захлебнувшись водою. На верху положеніе не было лучше.. Только крѣпко держась за канатъ, можно было противиться силѣ волнъ. Время отъ времени онѣ сметали кого-нибудь, и несчастная жертва находила неизбѣжную могилу въ морской пучинѣ. Къ нашему счастью, свалившаяся гротъ-мачта лежала вдоль палубы, и

крѣпкій канатъ, привязанный къ ея основанію, служилъ большинству изъ насъ относительно надежною опорою. Въ числѣ этихъ лицъ оказался и Донъ-Хозе, искаженными глазами глядѣвшій на моего друга, котораго онъ считалъ виновникомъ несчастья!

— Проклятье! Maldonado!—повторялъ онъ.—Но ты умрешь тоже съ нами!

Мексиканецъ пододвинулся ближе къ мачтѣ, вытащилъ ножъ изъ-за пояса и принялся рѣзать канатъ, за который мы держались. Дѣйствія сумашедшаго замѣтилъ ближайшій матросъ-индѣецъ; сильнымъ ударомъ кулака по его рукѣ онъ заставилъ его выронить ножъ. Иначе намъ всѣмъ угрожала смерть.

— Что говорятъ ваши индѣйцы? — спросилъ меня Стриклэндъ.—Вѣдь можно же что-нибудь предпринять?

— Они думаютъ, что теченіемъ насъ отнесетъ за тотъ островъ, который можно видѣть направо, и мы попадемъ въ болѣе тихія воды, гдѣ можно продержаться въ лодкѣ.

Эти предположенія оправдались. Началась усиленная качка. Все ходуномъ ходило по палубѣ, пароходъ кренило такъ, что ежеминутно онъ угрожалъ опрокинуться. Отъ всего экипажа осталось теперь въ живыхъ только шесть матросовъ, насъ трое, обезумѣвшій Донъ-Хозе, и въ сторонѣ, запутавшись въ снастяхъ, лежалъ трупъ капитана, убитаго упавшею мачтою. Всѣ остальные были унесены волною. Съ каждымъ новымъ валомъ наша опасность увеличивалась, такъ какъ вода все больше вливалась въ трюмъ.

— Пароходъ скоро потонетъ, скорѣе къ лодкѣ!—крикнулъ Стриклэндъ.

Единственная уцѣлѣвшая лодка болталась на бакѣ. Матросы, держась другъ за друга, бросились къ ней, наскоро вычерпывая накопившуюся воду.

Вдевятеромъ мы усѣлись въ лодку и торопливо отчалили отъ «Санта-Маріи». Индѣйцы-матросы дружно заработали веслами. Немного успѣли отойдти, какъ услышали съ парохода отчаянные вопли о помощи. То кричалъ Донъ-Хозе.

— Ради самаго Бога, не покидайте меня!

Рулевой обернулся, но не останавливая лодки, только замѣтилъ:

— Греби дружнѣе! Пусть помираетъ эта собака!

Но тутъ вмѣшался мой другъ.

— Нельзя дать погибнуть этому несчастному. Поверните обратно!

— Но вѣдь онъ хотѣлъ убить васъ!—возразилъ рулевой.— Къ тому же насъ затянетъ въ круговоротъ, когда потонетъ пароходъ!

— Не можете ли вы приказать имъ вернуться?—обратился онъ ко мнѣ.

— Разъ что вы этого желаете, мнѣ остается только повиноваться!

Молча, но все-таки послушались матросы моего распоряженія. На палубѣ метался Донъ-Хозе, не перестававшій кричать:

— Спасите меня! Спасите меня!

— Бросайтесь въ воду!—кричали мы ему съ лодки, по настоянію нашего рулевого не рѣшаясь близко подойти къ пароходу.—Мы васъ вытащимъ!

— Я боюсь! Спасите меня..,

— Что же намъ дѣлать?—спросилъ рулевой, обращаясь къ сеннору Стриклэнду.—Если мы будемъ медлить, то смерти не миновать!

— Слушайте!—крикнулъ тогда Стриклэндъ Дону-Хозе.—Я сосчитаю до трехъ, и при словѣ «три», вы бросайтесь въ воду или мы повернемъ обратно... Разъ! Два!..

— Я готовъ!—уже въ воздухѣ послышался намъ отвѣтъ несчастнаго, затѣмъ плескъ воды, и среди волнъ показалась голова мексиканца. Мы еще ближе подвинулись къ нему и схвативъ за руки Дона-Хозе, втащили его въ лодку.

— А теперь ради всего святого налегайте на весла!—крикнулъ рулевой, и мы, пользуясь попутнымъ волненіемъ, понеслись къ берегу. Было пора. На нашихъ глазахъ «Санта-Марія» еще больше затонула кормой, носъ высоко поднялся на волнахъ, и потомъ все покрылось водою. Нашего парохода не стало. По

мы еще не избѣжали всѣхъ опасностей. Двигаться къ берегу можно было только съ величайшимъ трудомъ, въ ночной темнотѣ и при сильномъ холодѣ. Нашу лодку нѣсколько разъ заливало водой, и мы съ трудомъ ее постоянно откачивали. Я не выдержалъ и впалъ въ безпамятство. Съ удивленіемъ очнулся я черезъ нѣсколько часовъ на твердой землѣ. Матросы усиленно растирали мое окоченѣвшее тѣло, говоря:

— Проснитесь! проснитесь! Мы спасены!

— Спасены отъ чего?—спросилъ я, открывая глаза и ничего не соображая.

— Отъ смерти, господинъ нашъ!

— Гдѣ мы находимся?

— Въ устьѣ, рѣки Узумачинто, благодареніе Богу!—говорилъ Моласъ.

И, дѣйствительно, оглядываясь кругомъ, я увидѣлъ зеленую траву, кучу высокихъ пальмъ и ясное солнце. Потомъ я взглянулъ на своихъ товарищей. Сеннорь Стриклэндъ лежалъ, точно мертвый, на днѣ лодки, Донъ-Хозе, съ блуждающимъ взоромъ, сидѣлъ на одной изъ скамеекъ, очевидно ничего не понимая, или все еще опасаясь за свою жизнь. Двое гребцовъ неподвижно сидѣли на своихъ мѣстахъ, какъ бы застывъ, съ веслами въ рукахъ. Дѣятельнѣе и жизненнѣе другихъ былъ Моласъ. Приведя меня въ чувство, онъ принялся за моего друга. Я еще не могъ ему помочь, такъ какъ былъ очень слабъ. Открывъ глаза и узнавъ о положеніи дѣла, сеннорь Джемсъ обратился къ рулевому:

— Вы—благородный человѣкъ—Вамъ мы обязаны спасеніемъ нашей жизни!

— Я ничего не сдѣлалъ особеннаго—отвѣтилъ тотъ.—Вы забываете, что съ нами былъ Хранитель Сердца!

Нѣсколько въ сторонѣ отъ рѣки виднѣлись крыши ранчо, откуда не замедлили показаться люди. Узнавъ о нашемъ несчастіи, они вернулись обратно домой, чтобы принести намъ пищи и вина. За этимъ ранчо была расположена цѣлая индѣйская деревня; ея алькадъ былъ знакомъ съ Моласомъ, и такимъ образомъ мы вскорѣ узнали важныя для насъ новости.

— Я узналъ отъ него,—говорилъ мнѣ Моласъ,—что одинъ индѣецъ изъ ихъ деревни, нѣсколько дней тому назадъ вернувшійся изъ путешествія, разсказывалъ, какъ старый индѣецъ и его дочь были схвачены Домомъ Педро и теперь содержатся плѣнниками въ его гасіендѣ!

Когда я передалъ это все сеннору Джэмсу, онъ удивился:

— На что понадобился этому разбойнику старый индѣецъ?

— Сеньоръ забываетъ,—отвѣтилъ ему Моласъ,—что Донъ Педро утащилъ у меня золото, которое далъ мнѣ этотъ индѣецъ, и что онъ знаетъ, откуда оно у меня. Повидимому, онъ надѣется выпытать у него и про самый кладъ. Кромѣ того, есть еще и дочь, которую иные люди въ Мексикѣ могутъ цѣнить еще дороже золота. Я опасаюсь теперь, что наше путешествіе будетъ совершенно безплодно, такъ какъ плѣнники Дона Педро рѣдко разстаются съ нимъ!

— Я полагаю, что мы должны всетаки продолжать нашъ путь!—возразилъ сеннорь Джемсъ.

— Разумѣется!—присоединился и я.—Придя такъ издалека, чтобы видѣть этого чужеземца, мы не должны возвращаться. Къ тому же, мы пережили опасности большія, чѣмъ тѣ, которыя ожидаютъ насъ въ Санта-Крусѣ!

VII.

Гасіенда.

Наши матросы предложили намъ на лодкѣ вдоль берега добраться до Компеха, куда они сами направлялись, чтобы прежде всего сообщить жившимъ тамъ хозяевамъ парохода о его гибели. Они сами были, впрочемъ, уроженцами того округа и торопились вернуться къ своимъ семьямъ. Ихъ предложеніе насъ не устраивало, такъ какъ отвлекало въ сторону. Мы рѣшили направиться въ городокъ Петрерилло, чтобы запастись всѣмъ нужнымъ, такъ какъ, кромѣ бывшаго на насъ, все остальное погибло. Въ полной нищетѣ оказались всѣ матросы съ «Санта-Маріи», и всегда щедрый Стриклэндъ, желая имъ помочь, распоясалъ свой поясъ и, вынувъ изъ него пригоршню золо-

тыхъ монетъ, передалъ старшему, чтобы онъ раздѣлилъ между всѣми.

— Счастливый вы, что сберегли столько золота! — съ затаенною завистью проговорилъ Донъ-Хозе. — Я же все потерялъ, что имѣлъ!

— Потому, что вы не поступали, какъ мы,—отвѣтилъ сенноръ.— Все, что у насъ было, мы раздѣлили на три части, и каждый зашилъ къ себѣ одну треть. Наше, впрочемъ, счастье, что намъ не пришлось спасаться вплавь, какъ вамъ, а то лишняя тяжесть могла быть роковою... А что вы сами намѣрены дѣлать?

— Если вы мнѣ дозволите, то я отправлюсь съ вами до Потрерилло,—отвѣтилъ мексиканецъ,—такъ какъ домъ мой лежитъ на этомъ пути. Быть можетъ, сенноръ Стриклэндъ, васъ не оскорбитъ, если я, отъ имени своего отца, приглашу васъ принять наше гостепріимство для себя и своихъ спутниковъ?

— Чтобы говорить откровенно,—замѣтилъ ему сенноръ,— ваше прошлое не облегчаетъ принятія этого предложенія. Могу ли я напомнить вамъ, что еще прошлою ночью вы хотѣли меня убить?

— Сенноръ, я такъ поступилъ по безумію и теперь униженно прошу простить все старое. Вы спасли мою жизнь и отплатили добромъ за зло. Я знаю, что вамъ сообщили невыгодныя свѣдѣнія о моемъ отцѣ. Когда онъ выпьетъ, онъ, дѣйствительно, нехорошій человѣкъ. Но онъ любитъ меня и полюбитъ всѣхъ, кто былъ добръ ко мнѣ. Поэтому я убѣдительно прошу васъ посѣтить домъ отца, гдѣ мы дадимъ вамъ оружіе и все нужное для дальнѣйшаго путешествія!

— Намъ нужно купить ружья и муловъ, — отвѣтилъ сенноръ,—и если мы это достанемъ въ домѣ вашего отца, то готовы провести у него день или два!

— Нашъ домъ въ вашемъ распоряженіи!—вѣжливо сказалъ Донъ - Хозе, но я хорошо видѣлъ, какъ недобрый огонекъ пробѣжалъ въ его глазахъ.

— Это очень хорошо,—вмѣшался я въ ихъ бесѣду,—но я не рѣшусь воспользоваться всѣмъ извѣстнымъ гостепріимствомъ

Дона Педро, пока вы не поручитесь за мою жизнь. У насъ, кромѣ ножей, нѣтъ никакого оружія!

— Вы оскорбляете меня!—рѣзко воскликнулъ Донъ-Хозе.

— Нисколько! Я только нахожу страннымъ, что два дня тому назадъ вы отказались сидѣть за однимъ столомъ съ собакою-индѣйцемъ, а теперь желаете принять меня въ свой домъ!

— Развѣ я не сказалъ, что раскаиваюсь въ томъ, что произошло? — возразилъ онъ. —А что можетъ человѣкъ сдѣлать больше? Слушайте, вы всѣ здѣсь присутствующіе, если какое-либо зло будетъ причинено этому человѣку въ домѣ моего отца. то я отвѣчаю своею жизнью!

— Этого вполнѣ достаточно!—заключилъ сенноръ.—Теперь скажите, какъ далеко отсюда эта гасіенда.

— Если мы двинемся сейчасъ, то будемъ дома къ солнечному закату, хотя верхомъ отсюда не болѣе трехъ часовъ ѣзды!

— Будемъ же собираться!—рѣшилъ сенноръ.

Мы дружески простились съ алькадомъ деревни, который отвелъ Моласа въ сторону и сказалъ ему:

— Это мѣсто имѣетъ дурную славу, тамъ живутъ воры и разбойники. Еще на прошлой недѣлѣ по рѣкѣ прошелъ туда транспортъ товаровъ, которые никогда не были оплачены. Говорятъ, что самъ сатана усыновилъ Дона-Педро...

— Намъ необходимо быть въ этомъ домѣ,—сказалъ я ему, подходя,—но если мы не вернемся черезъ нѣсколько дней, то вы, можетъ быть, предупредите власти въ Компехѣ о нашемъ исчезновеніи!

— Власти его самого очень боятся,—сказалъ алькадъ, —онъ такъ задариваетъ ихъ всѣхъ, что они ничего не видятъ на его дорогѣ. Но разъ что съ вами есть inglese, англичанинъ, то и власти примутъ свои мѣры!

Путь въ жару оказался очень утомительнымъ, хотя у насъ, кромѣ платья, не было никакой ноши. Небольшимъ, захваченнымъ отъ алькада, количествомъ пищи мы подкрѣпились въ полдень. Къ вечеру мы дѣйствительно добрались до гасіенды, въ которой мнѣ пришлось впослѣдствіи прожить столько лѣтъ. У самаго входа на насъ накинулась стая собакъ, которыхъ не

безъ труда отогналъ Донъ-Хозе; потомъ онъ одинъ вошелъ въ домъ, прося насъ обождать. Наконецъ, онъ вернулся и пригласилъ войти вслѣдъ за нимъ. Въ большой, повидимому, пріемной комнатѣ и общей столовой гасіенды сидѣло за длиннымъ столомъ нѣсколько человѣкъ, съ довольно мрачными лицами, слегка освѣщаемыми уже зажженными вслѣдствіе сумерекъ лампами. Въ этой же комнатѣ, но въ самомъ дальнемъ углу, мы замѣтили лежащаго въ подвѣшенномъ гамакѣ человѣка и около него молодую дѣвушку-индѣянку, какъ показалось мнѣ, очень красивую. Она качала гамакъ взадъ и впередъ.

— Подойдите познакомиться съ моимъ отцомъ,—обратился къ намъ Донъ-Хозе.—Отецъ, вотъ храбрый англичанинъ, который спасъ мнѣ жизнь, и съ нимъ вотъ индѣецъ, который не хотѣлъ спасти моей жизни. Я уже говорилъ тебѣ, что предложилъ имъ гостепріимство у насъ!

При этихъ словахъ Донъ-Педро проснулся или сдѣлалъ видъ, что проснулся, а индѣянка перестала качать гамакъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, крѣпко сложенный, но очень маленькаго роста, такъ что, сидя, онъ не доставалъ ногами до пола. Бѣлые волосы, тщательно расчесанные, придавали ему благородную осанку. Глаза были скрыты подъ темными очками. Онъ поклонился въ отвѣтъ на наше привѣтствіе.

— Такъ это вы приказали, чтобы лодка вернулась къ тонущему пароходу? Дѣйствительно, это мужественный подвигъ, на который, сознаюсь, я бы самъ не рѣшился. Я больше забочусь о собственной жизни, нежели о чужой. Впрочемъ, мнѣ приходилось быть очевидцемъ, что англичане думаютъ иначе. Я очень радъ вашему посѣщенію, сеннoръ! А теперь скажите мнѣ что привело васъ въ наши края?

— Меня интересуютъ древнія развалины близь Паленки, и я направлялся туда съ моимъ другомъ, Griffin Игнасіо, когда случилась страшная катастрофа, чуть не стоившая намъ всѣмъ жизни. Въ нашемъ безпомощномъ положеніи мы приняли приглашеніе вашего сына, въ надеждѣ, что вы продадите намъ нѣсколько ружей и муловъ!

— Развалины, развалины! — повторилъ хозяинъ.—Какъ

онѣ привлекаютъ къ себѣ васъ, англичанъ... Я же ихъ не переношу, можетъ быть, потому, что мнѣ сказали, что я найду смерть подъ развалинами. Какъ бы то ни было, вамъ посчастливилось спасти себѣ жизнь и деньги? Мы скоро будемъ ужинать, а ты, Хозе, отведи нашихъ гостей въ ихъ комнату, они, вѣроятно, пожелаютъ привести себя въ порядокъ послѣ дороги!

Онъ сдѣлалъ знакъ служившей ему дѣвушкѣ, и она пошла впередъ. Вы, сеннoръ Джонсъ, которому я пишу свои воспоминанія, часто спали въ той бывшей настоятельской кельѣ, куда насъ тогда привели, и мнѣ нѣтъ надобности подробно описывать это помѣщеніе. Мебель только перемѣнилясь, а сама комната была въ томъ же видѣ. Нѣсколько скамеекъ, простой умывальникъ и двѣ американскихъ постели, недалеко одна отъ другой, по обѣ стороны аббатскаго портрета,—вотъ и все!

— Боюсь, что вамъ это покажется слишкомъ скромнымъ, послѣ роскоши въ городѣ Мексикѣ, но у насъ нѣтъ лучшаго помѣщенія!—заявилъ Хозе.

— Благодарю васъ, мы прекрасно устроимся,—отвѣчалъ сеннoръ.—Вѣроятно, вашимъ гостямъ только снятся страшные сны!—добавилъ онъ, указывая на картину и на мучимыхъ на кострѣ индѣйцевъ, изъ тѣлъ которыхъ черти вынимали сердце.

— Я хотѣлъ закрасить эту картину, но отецъ не позволилъ. Замѣтьте, что поджариваются только одни индѣйцы, ни одного бѣлаго нѣтъ среди нихъ, а отецъ ненавидитъ ихъ отъ всей души. Приходите же ужинать, какъ управитесь; вы не ошибетесь дорогою, такъ какъ запахъ кушаній васъ направитъ въ столовую!—сказалъ онъ со смѣхомъ и вышелъ.

— Постой,—обратился я къ дѣвушкѣ, которая тоже собиралась уходить,—не принесешь ли ты немного пищи нашему слугѣ,—указывая на Моласа,—такъ какъ твои господа не хотятъ, чтобы онъ ѣлъ съ ними за общимъ столомъ?

— Si, хорошо!—отвѣтила дѣвушка, стараясь поймать мой взглядъ.

Дона Хозе въ комнатѣ не было, и я поспѣшилъ запереть дверь, такъ какъ вспомнилъ, что въ нашемъ обществѣ мо-

гутъ быть и женщины. Я сказалъ нѣсколько установленныхъ словъ служанкѣ, которую звали Луизою, и она мнѣ отвѣтила, какъ слѣдовало по нашему уставу. Въ моемъ лицѣ она не замедлила признать Держателя Сердца и вся прониклась почтеніемъ и послушаніемъ. За стѣной послышался голосъ Дона Хозе, звавшаго Луизу.

— Сейчасъ, иду,—отвѣтила она громко и затѣмъ, обратясь ко мнѣ, шепотомъ продолжала,—Господинъ, вы подвергаетесь большой опасности. Не знаю, какой, но я постараюсь узнать. Вино не опасно, но кофе не пейте и не спите, когда ляжете въ постель. Осмотрите полъ и вы поймете... Иду, сенноръ! — опять громко отвѣтила она на зовъ молодого хозяина.

— Что это значитъ, Донъ Игнасіо?—спросилъ меня сенноръ Джемсъ, когда мы остались одни.

Я молча отодвинулъ одну изъ кроватей и на полу увидѣлъ темныя пятна, пятна крови.

— Люди умирали насильственно на этомъ мѣстѣ!—пояснилъ я моему другу.—Гостей прежде усыпляютъ, а потомъ убиваютъ въ этомъ домѣ. Насъ ожидаетъ то же!

— Пріятная перспектива. Но мы приглашены особо, и потому Донъ Педро не рѣшится...

Движеніемъ руки по горлу онъ показалъ, какъ рѣжутъ.

— Конечно—рѣшится! И у Дона Хозе не могло быть иной цѣли, приглашая насъ сюда. Донъ-Педро естественно полагаетъ, что англичанинъ не будетъ путешествовать безъ крупной суммы денегъ!

— Стоило спастись отъ опасности потонуть, чтобы быть зарѣзанными, какъ бараны!

— Не отчаивайтесь, сенноръ! Насъ во время предупредили, и я не теряю надежды на бѣгство при помощи этой дѣвушки и другихъ индѣйцевъ. Потомъ, мы нашли, что искали. Намъ остается только не показать виду, что о чемъ-нибудь догадываемся. Ничего съ нами не сдѣлаютъ раньше глубокой ночи... Ты все слышалъ, Моласъ?—обратился я къ нашему спутнику.

— Да, господинъ!

— Теперь постарайся узнать отъ этой дѣвушки, когда она

принесетъ тебѣ пищу, все, что она знаетъ про стараго индѣйца. Покажи ей, что ты членъ общества, и она заговоритъ. Узналъ тебя кто-нибудь?

— Не думаю. Было уже слишкомъ темно, когда мы прибыли!

Въ столовой, бывшей монашеской трапезной, за столомъ сидѣло девять человѣкъ уже видѣнныхъ нами людей; среди нихъ только одинъ бѣлый, остальные были метисы. Донъ-Педро продолжалъ сидѣть на прежнемъ мѣстѣ, занятый оживленнымъ разговоромъ съ сыномъ. Ни одно лицо не внушало ни малѣйшаго довѣрія; приходилось полагаться только на самихъ себя.

— Позвольте познакомить васъ съ моимъ управляющимъ, сеннoромъ Смитомъ изъ Техаса. Онъ американецъ и будетъ радъ возможности поговорить поанглійски, тѣмъ болѣе, что не смотря на долгую практику, испанскій языкъ у него сильно хромаетъ!

Американецъ поклонился, и я еще отчетливѣе увидѣлъ его лицо. Что это было за выраженіе! Донъ-Педро велѣлъ подавать ужинъ и самъ повелъ сеннора Джемса на почетное мѣсто Меня посадили отдѣльно, немного въ сторонѣ, за особымъ столомъ. Такимъ образомъ я имѣлъ возможность кое-что сообразить и еще больше наблюдать. Я видѣлъ, какъ хозяинъ старательно подливалъ вино въ стаканъ сеннора Джемса, говоря:

— Отвѣдайте этого вина, оно великолѣпно, хотя ни гроша за него не заплачено... въ таможнѣ. Ваше здоровье!.. А вы знаете, что на «Санта-Маріи» считали, что у васъ «черный» глазъ, и что вы сглазили погоду?

— Я ничего не слышалъ объ этомъ,—отвѣчалъ сеннoръ Джемсъ, — но полагаю, что вамъ не долго будетъ смотрѣть на нихъ... Вѣдь завтра мы соберемся въ дальнѣйшій путь!

— Все это глупости, другъ! Неужели вы думаете, что мы вѣримъ въ такіе нелѣпости? Многое говорится для шутки. Вотъ, напримѣръ, вашъ товарищъ тотъ индѣецъ, Донъ-Игнасіо, если не ошибаюсь, тоже шутилъ, когда порочилъ мое имя на пароходѣ. Я думаю, что самъ онъ не вѣрилъ тому, что говорилъ, не такъ-ли, индѣецъ?

— Если вамъ нужно мое мнѣніе, Донъ-Педро,—отвѣтилъ я съ своего мѣста громко, при общемъ молчаніи—то я полагаю, что нѣкоторыя сказанныя слова и нѣкоторыя совершенныя дѣйствія должны быть забыты подъ вашимъ гостепріимнымъ кровомъ!

— Вы отвѣчаете, какъ оракулъ, какъ, вѣроятно отвѣчалъ послѣдній индѣйскій царь Монтецума завоевателю Кортесу, пока тотъ не нашелъ способа развязать ему языкъ. Великій былъ человѣкъ Картесъ, онъ умѣлъ обращаться съ индѣйцами!

Послѣ нѣкотораго молчанія, хозяинъ снова обратился къ сеннору Джемсу:

— Скажите, пожалуйста, сколько насъ сидитъ за столомъ? Мнѣ кажется, что...

— Считая моего друга, тринадцать!—отвѣчалъ Стриклэндъ.— Вотъ еще недавно у меня гостили два американца, земляки Дона-Смита, желавшіе завести здѣсь большую торговлю. Насъ тоже было тринадцать и что-же? Выпили они лишнее и потомъ повздорили въ отведенной имъ комнатѣ. На утро мы нашли ихъ обоихъ мертвыми; они, вѣроятно, въ ярости перекололи другъ друга. Намъ пришлось испытать даже нѣкоторыя непріятности по этому поводу!

— Дѣйствительно странно, что двое пьяныхъ взаимно убили другъ друга!

— Такъ, именно такъ, сенноръ! Одно время я думалъ, что это дѣло рукъ моихъ индѣйцевъ. Но гдѣ имъ! Это народъ разслабленный. Теперь правительство нянчится съ ними, а я того мнѣнія, что наши отцы умѣли лучше обращаться съ ними. Къ счастью, мы живемъ здѣсь вдали отъ всякихъ волненій и можемъ...

Онъ не договорилъ, что онъ можетъ и выпивъ стаканъ вина, продолжалъ:

— Между ними есть, впрочемъ, какіе-то чародѣи, знающіе мѣста, гдѣ лежатъ несмѣтныя сокровища, но они ничего не хотятъ сказать, ни слова!.. Вотъ въ моемъ домѣ теперь живетъ одинъ такой индѣецъ, даже не крещеный, а съ нимъ дочь, прекраснѣе ночи... Я, пожалуй, покажу вамъ ее завтра,

но въ такомъ случаѣ вы навсегда пожелаете остаться съ нами. Какъ она хороша, какъ хороша, хотя въ сердцѣ ея вселился самъ сатана. Я ни одному изъ этихъ господъ не показалъ этой дѣвушки, но сегодня ночью Хозе сдѣлаетъ визитъ къ ея отцу, и къ ней... Я очень разчитываю на его убѣдительность!.. Повѣрите-ли, этотъ старикъ знаетъ, гдѣ лежатъ сокровища, которыя каждаго изъ насъ сдѣлаютъ богаче англійскаго короля. Я самъ слышалъ объ этомъ отъ нихъ... Отчего же вы не пьете?—Налейте себѣ стаканъ... Ваше здоровье!

VIII.

Послѣ ужина.

— Послушайте, сенноръ!—продолжалъ хозяинъ послѣ новаго стакана,—Если вы интересуетесь развалинами и индѣйцами, то, вѣроятно, слышали разсказы про народъ, живущій въ долинахъ области, внутри страны, куда не проникала нога ни одного бѣлаго. Тамъ, говорятъ, настроены роскошные города, полные золота. Другіе говорятъ, что это сказки, но я всегда думалъ, что въ этомъ есть доля правды... И вотъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я услышалъ про одного индѣйскаго врача, пришедшаго съ какою-то женщиною извнутри страны, онъ часто здѣсь скитался и меня мало интересовалъ. Только вотъ два мѣсяца предъ сегодняшнимъ днемъ, одинъ индѣецъ далъ моимъ людямъ, въ уплату сбора, который я установилъ со всѣхъ проходящихъ по моимъ владѣніямъ для покрытія расходовъ по устройству дорогъ... далъ, говорю я, монету изъ чистаго золота съ изображеніемъ на ней сердца...

Донъ-Педро осушилъ еще стаканъ вина.

— Вы, можетъ - быть, не знаете, что сердце у индѣйцевъ есть символическое изображеніе чего-то, но чего именно, знаетъ развѣ одинъ сатана. Я очень заинтересовался и допросилъ индѣйца; онъ сказалъ мнѣ, что получилъ монету отъ стараго врача, указалъ и мѣсто, гдѣ живетъ этотъ пришелецъ, но здѣсь совралъ мнѣ, такъ какъ я тщетно искалъ его долгое время. Пришлось прибѣгнуть къ хитрости... Я отыскалъ отца

и дочь. И очень просто!.. Я подослалъ своего довѣреннаго къ одному индѣйцу, который былъ у стараго врача и черезъ него заманилъ хитрую лису къ себѣ подъ предлогомъ леченія больного ребенка, которымъ оказался вашъ покорный слуга, Донъ-Педро!

Донъ-Педро громко расхохотался, и ему вторили прочіе его друзья.

— Когда я заперъ ихъ, съ помощью двухъ моихъ людей, то старикъ пришелъ въ такую ярость и угрожалъ намъ такими проклятіями, что волосы мои стали дыбомъ, а одинъ изъ моихъ подручныхъ, тотъ самый, который такъ ловко провелъ исторію о ребенкѣ, сошелъ съ ума и отъ страха отдалъ Богу душу на слѣдующій день. Узнавъ объ этомъ, другой участникъ этого дѣла испугался подобной участи и бѣжалъ отсюда... неизвѣстно куда, такъ что теперь я одинъ знаю, гдѣ спрятаны заморскіе звѣри. Я поджидалъ сына, потому что не могу вполнѣ довѣриться остальнымъ... Когда мои плѣнники немного успокоились, я спросилъ ихъ, откуда они добыли извѣстные мнѣ кружки золота. Но старикъ упорно говорилъ, что онъ ничего не знаетъ. Для меня не было сомнѣній, что онъ безсовѣстно лжетъ и я прибѣгнулъ къ другой хитрости: келья, въ которую они были заключены, имѣла особыя потаенныя окна въ сосѣднее помѣщеніе,—такихъ много тайниковъ въ домѣ,—откуда можно было видѣть и слышать все, что въ ней дѣлалось. Я однажды нѣсколько часовъ провелъ въ подобномъ помѣщеніи, по мнѣ прыгали крысы, но я терпѣливо ожидалъ и, наконецъ, услышалъ разговоръ между отцомъ и дочерью, которая подошла къ позолоченному распятію на стѣнѣ.

— Посмотри, отецъ, какъ много золота!

— Это только позолота, а не золото! Я знаю, какъ это дѣлается, но у насъ употребляется только на крыши и купола... Что бы сказалъ этотъ сѣдовласый тиранъ, если бы онъ зналъ, что въ любомъ нашемъ храмѣ имѣется больше золота, чѣмъ сколько нужно, чтобы пять разъ наполнить эту комнату отъ пола до потолка!

— Тише, отецъ!—остановила его дочь.—Здѣсь стѣны мо-

гутъ имѣть уши. Только притворяясь, что мы ничего не знаемъ, можно разсчитывать на спасеніе!

— Ну, и что же отвѣтилъ Зибальбай?—спросилъ сеннoръ.— Вы, кажется, сказали, что старика зовутъ Зибальбаемъ? — попытался онъ поправить свою неосторожность.

— Зибальбай?! Нѣтъ, я ни разу не произносилъ этого имени!—подозрительно возразилъ Донъ-Педро.—Ничего не отвѣтилъ старикъ. На слѣдующее утро, когда я пришелъ въ клѣтку, птички уже улетѣли. Очень досадно, а то я спросилъ бы у старика, дѣйствительно-ли его зовутъ Зибальбаемъ. Я думаю, что индѣйцы открыли ему двери и способствовали его бѣгству!

— То есть, какъ это, Донъ-Педро? Вы только что сказали, что они еще въ домѣ у васъ?

— Развѣ? Значитъ, я ошибся, какъ и вы относительно имени. Вино очень крѣпкое, и оно ударило мнѣ въ голову. Теперь выпьемъ, сеннoръ, по чашкѣ кофе!

— Благодарю васъ, Донъ-Педро, но я никогда не пью кофе на ночь. Онъ не даетъ мнѣ заснуть!

— Все-таки отвѣдайте нашего. Мы его сами производимъ и гордимся кофе съ нашихъ плантацій!

— Для меня это ядъ, и я не смѣю выпить хотя бы одной чашки. Но позвольте спросить: на плантаціяхъ работаютъ эти джентльмэны, которыхъ я вижу за столомъ?

— Да, да! Они собственноручно выращиваютъ плантаціи кофе и какао, занимаются при случаѣ и еще кое-чѣмъ другимъ. А сердце у нихъ самое нѣжное. Вы не смотрите на ихъ немного грубыя лица: сердце у нихъ золотое, и меня они любятъ, какъ отца... Впрочемъ, отъ васъ я не стану таиться. Мы обрабатываемъ здѣсь самыя различныя дѣла... Хорошія времена миновали безвозвратно, но и теперь случается, что милостью Провидѣнія намъ кое-что перепадаетъ и мы безконечно благодарны небесному Промыслу!

— Вродѣ двухъ американцевъ, которые напились пьяны и убили другъ друга! — сказалъ сеннoръ, не всегда умѣвшій держать языкъ за зубами.

…лался трескъ, — и каменная гранада упала внизъ»... (къ стр. 87).

Лицо Донъ - Педро мгновенно омрачилось, оживленіе отъ выпитаго вина исчезло смѣнившись прежнимъ угрюмымъ взглядомъ.

— Я чувствую усталость, сеннорь, и вы, вѣроятно, также. Я выкурю еще одну сигару и отдохну въ своемъ гамакѣ, а вы побесѣдуйте съ остальными джентльмэнами!

Донъ Педро ушелъ на старое мѣсто, а его сынъ и американецъ Смитъ, оба немного выпившіе, подошли къ сеннору съ предложеніемъ сыграть партію въ карты. Вѣроятно, они хотѣли убѣдиться, сколько у него спрятано денегъ, но Стриклэндъ притворился пьянымъ и сказалъ, что онъ потерялъ большую часть денегъ на переходѣ.

— Вы хотите сказать, что обронили ихъ на дорогѣ, другъ, такъ какъ забыли о щедромъ подаркѣ матросамъ съ «Санта-Маріи»?! Впрочемъ, въ этомъ домѣ не въ обычаѣ принуждать къ игрѣ. Мы можемъ бесѣдовать и смотрѣть, какъ играютъ другіе.

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ сеннорь, присаживаясь къ столику играющихъ.

Повидимому, игра велась совершенно невинная, на бобы какао, но, судя по тѣмъ ругательствамъ, которыми сопровождались всѣ ставки, было правильнѣе предположить, что подъ бобами скрывалось золото. Я продолжалъ сидѣть въ сторонѣ, наблюдая и соображая про себя о предстоящей намъ участи. Меня вывелъ изъ задумчивости Донъ Смитъ, со смѣхомъ говорившій своимъ товарищамъ:

— Посмотри на этого индѣйца, который нахохлился, какъ индѣйскій пѣтухъ! Не напоминаетъ-ли онъ того идола, котораго мы видѣли съ тобою, Хозе, въ прошломъ году, въ тѣхъ развалинахъ, гдѣ мы такъ весело кутили?.. Идолъ, не выпить-ли намъ?

— Gracias, сеннорь, я уже пилъ!—отвѣтилъ я.

— Такъ выкурить сигару?

— Gracias, сеннорь, я больше не буду курить!

— Мой господинъ-касикъ, верховный повелитель всѣхъ здѣшнихъ индѣйцевъ, не хочетъ ни пить, ни курить, такъ мы воскуримъ ему ѳиміамъ!

Онъ насыпалъ на тарелку сухого табаку и, поднося ко мнѣ, зажегъ кусокъ папиросной бумаги. Меня всего обдало дымомъ, но я терпѣливо молчалъ.

— Принесемъ ему жертвоприношеніе, — продолжалъ Донъ Смитъ,—помнишь ту дѣвушку, которая пыталась бѣжать прошлою ночью, и которую мы поймали съ собаками. Она...

— Оставь свои шутки на сегодня, не забывай, что у насъ гость... Хотя, говоря откровенно, я былъ бы не прочь изъ этого чорта-индѣйца сдѣлать жертвоприношеніе ему самому! Онъ оскорбилъ на пароходѣ меня, моего отца и мать...

— И ты это спокойно сносишь, на твоемъ мѣстѣ я бы изъ него сдѣлалъ рѣшето, чтобы вывѣтрить всю его ложь!

— Я это и собираюсь сдѣлать!—воскликнулъ Донъ Хозе выхватывая ножъ и замахиваясь на меня.

Я не шевельнулъ бровью, такъ такъ зналъ, что если проявлю тѣнь страха, то мнѣ не сдобровать. Поэтому я спокойно отвѣтилъ:

— Вамъ угодно шутить, сенноръ, и ваши шутки нѣсколько грубоваты, но я не обращаю на нихъ вниманія, такъ какъ знаю, что я вашъ гость, а личность гостя священна для всякаго джентльмэна, какимъ является почтеннѣйшій Донъ Хозе. Иначе это былъ бы не джентльмэнъ, а убійца...

— Побей эту свинью, Донъ Хозе! — крикнулъ Смитъ. — Онъ тебя опять оскорбляетъ!

Донъ Хозе опять приблизился ко мнѣ съ обнаженнымъ ножомъ, но въ это время на него кинулся сенноръ Стриклэндъ.

— Постойте, другъ! Шутка шуткой, но вы заходите слишкомъ далеко!

Съ этими словами онъ схватилъ его за плечи и со всею своею необыкновенною силою отбросилъ далеко на землю Къ намъ, быстро перебирая ногами, приближался проснувшійся Донъ Педро.

— Тише, дѣти, тише! Не забывайте, что это наши гости... А вамъ, джентльмэны, пора спать, вы должны отдохнуть. Завтра вы будете ощущать полнѣйшій покой!

— Принимаю ваше любезное пожеланіе!—съ принужденною

улыбкою отвѣтилъ сенноръ. — Пойдемъ, Игнасіо, высыпаться отъ выпитаго славнаго вина.—Желаю вамъ, джентльмэны, пріятныхъ сновидѣній!

Уходя и закрывая за собою дверь, я еще разъ оглядѣлъ всю компанію и замѣтилъ, что будто бы всякое опьяненіе сошло съ лицъ всѣхъ присутствующихъ. Смитъ о чемъ-то говорилъ на ухо Дону Хозе, продолжавшему держать ножъ въ рукѣ. Остальнымъ что-то сообщалъ Донъ Педро, очевидно, отдавая приказаніе на слѣдующій день.

Въ отведенной намъ комнатѣ мы застали дожидавшагося насъ Моласа.

— Развѣ сюда не приносили ужина?—спросилъ сенноръ.

— Нѣтъ, та женщина принесла мнѣ поѣсть... Слушайте лучше, и вы, сенноръ! Ваши опасенія совершенно основательны. Есть планъ убить насъ сегодня; въ этомъ женщина увѣрена; она перехватила нѣсколько словъ, сказанныхъ между Донъ Педро и тѣмъ бѣлымъ, котораго зовутъ Смитомъ. Она также видѣла, что одинъ метисъ бралъ лопаты изъ сарая, чтобы вырыть наши могилы подъ тѣмъ самымъ поломъ, на которомъ мы теперь стоимъ!

У насъ сердце упало, наша участь была рѣшена, и близкая смерть казалась неизбѣжною.

— Я боюсь, что наше прибытіе сюда было безумнымъ поступкомъ,—сказалъ я своимъ товарищамъ,—и намъ предстоитъ заплатить за это цѣною жизни!

— Не надо приходить въ отчаяніе!—возразилъ Моласъ.— Вы не слышали еще всего. Женщина показала мнѣ способъ, какимъ мы можемъ спастись хоть на эту ночь. Идите сюда...

Онъ подвелъ къ самой стѣнѣ, почти напротивъ страшной картины, и съ силою нажалъ ногою о полъ, на одинъ изъ квадратовъ деревянной настилки. Вслѣдъ затѣмъ передъ нашими глазами стѣна раздалась, и мы увидѣли убѣжище, достаточное для насъ троихъ, но только чтобы въ немъ стоять неподвижно.

Я никогда не открывалъ вамъ этого тайника, сенноръ Джонсъ, но часто пользовался имъ потомъ для храненія бу-

магъ и документовъ. Вы его легко сами найдете и увидите тамъ тотъ изумрудъ, который я вамъ показывалъ.

— Но какъ же намъ спастись въ этой крысиной клѣткѣ?— спросилъ я тогда Моласа.—Вѣдь этотъ тайникъ долженъ быть хорошо извѣстенъ всѣмъ живущимъ въ домѣ!

— Луиза говорила, что она совершенно случайно открыла его мѣсяца два тому назадъ, когда она метлою, которою убирала комнату, неожиданно надавила на скрытую въ полу пружину. Намъ нужно выйти въ садъ, чтобы немного осмотрѣть мѣстность. Теперь всего одиннадцать часовъ, и намъ нечего бояться раньше полуночи!

— Какой-же дальнѣйшій планъ нашего бѣгства?

— Луиза не ручается за успѣхъ, но говоритъ, что когда убійцы увидятъ наше отсутствіе, то или сочтутъ насъ за привидѣнія, или подумаютъ, что мы бѣжали. До разсвѣта они не предпримутъ преслѣдованія, а тогда спустятъ собакъ... Луиза постарается войти въ комнату черезъ потаенный ходъ и проведетъ насъ въ часовню, откуда уже можно бѣжать и скрыться въ лѣсу!

— А гдѣ тайный ходъ, Моласъ?

— Не знаю. Я не успѣлъ спросить, но убійцы войдутъ черезъ него. Она говорила еще, что около часовни содержатся еще двое индѣйцевъ: одинъ старикъ и съ нимъ молодая дѣвушка. Я думаю, что это Зибальбай съ дочерью. Если вы останетесь въ живыхъ, то вамъ удастся увидѣться съ ними!

— Отчего ты говоришь, «если *вы* останетесь въ живыхъ»?

— Потому что я думаю, господинъ, что я уже буду тогда мертвымъ: смерть уже сторожитъ меня!

— Почему такъ?—спросилъ его сеннoръ.

— Сейчасъ я вамъ разскажу. Когда Луиза ушла, я немного вздремнулъ, но вскорѣ меня разбудилъ неожиданный свѣтъ. Я открылъ глаза и противъ себя увидѣлъ человѣка съ моими чертами, моимъ лицомъ и одѣтаго такъ же, какъ я. Холодный потъ охватилъ меня, я съ трудомъ поднялся и, держа зажженную свѣчу въ дрожащей рукѣ, пошелъ на встрѣчу своему двойнику, но онъ исчезъ!

— Сонъ послѣ обильной пищи!—замѣтилъ Стриклэндъ.

— Легко смѣяться,—отвѣтилъ Моласъ,—но что я видѣлъ, то видѣлъ, и знаю, что это вѣстникъ смерти. Я еще не старъ, но жилъ уже достаточно, и пора уходить. Пусть только небо сжалится надъ моими прегрѣшеніями!

Всѣ наши старанія его убѣдить, что видѣніе было только сномъ, оказались тщетными. За нѣсколько минутъ до полуночи мы потушили огонь и, одинъ за другимъ, спрятались сквозь отверстіе въ стѣнѣ, въ сдѣланную въ ней выемку, затѣмъ задвинули стѣну внутренней задвижкою. Темь была совершенная, воздуха было мало, а выпитое вино еще больше разгорячало наше дыханіе. Эти часы показались намъ настоящимъ адомъ. Мнѣ лично представлялись разные ужасы, и минуты казались вѣчностью. Мое разстроенное воображеніе рисовало картину убійства двухъ американцевъ и надъ ними лицо торжествующаго Дона Педро.

— Тише!—прошепталъ мнѣ на ухо сеньоръ. — Я слышу шумъ въ комнатѣ!

— Ради всего святаго, будьте безмолвны! — едва слышно обратился я къ своимъ товарищамъ.

IX.

Поединокъ.

Мы приложили уши къ стѣнѣ и стали прислушиваться; мы услышали какой-то трескъ въ стѣнѣ, потомъ шумъ, похожій на то, когда кошка вспрыгнетъ на полъ съ высоты, потомъ осторожное движеніе людей по комнатѣ и, наконецъ, звуки отъ ударовъ колющими орудіями по чему-нибудь мягкому. Все происходило въ полномъ молчаніи, которое нарушилъ голосъ Донъ-Хозе:

— Берегитесь! Постели пусты!

Минуту спустя, были зажжены свѣчи; мы видѣли свѣтъ сквозь небольшія щели въ деревянной стѣнѣ и черезъ эти же щели могли наблюдать теперь за дѣйствіями нашихъ враговъ. Кромѣ отца и сына было еще четверо людей, вооруженныхъ

кинжалами и ножами. Донъ-Педро, высоко поднявъ свѣчу, старался заглянуть въ каждый уголокъ комнаты, съ неистовствомъ повторяя:

— Куда они дѣлись? Найдите ихъ скорѣе и убейте!

Люди метались по комнатѣ, но ничего не находили.

— Они ушли!—сказалъ Донъ-Хозе.—Этотъ индѣецъ, должно быть, чародѣй. Я это уже давно замѣтилъ!

— Они не могли скрыться!—настаивалъ Донъ-Педро.—У всѣхъ входовъ поставлена стража, и ни одно живое существо не имѣло возможности выскользнуть изъ дома. Ищите здѣсь, они куда-нибудь спрятались!

— Ищи самъ,—сквозь зубы процѣдилъ Смитъ,—они, вѣроятно, узнали про тайный проходъ въ часовню и прошли туда!

— Нѣтъ!—возразилъ Донъ-Педро.—Я только что оттуда, и слѣдовъ ихъ тамъ нѣтъ... Среди насъ завелся предатель, это вѣрно! Если я только узнаю, кто...

— Не привести ли собакъ?—предложилъ Донъ-Хозе.—Онѣ почуютъ ихъ слѣдъ.

Вся кровь застыла у меня въ жилахъ, но Донъ-Педро, къ нашему счастью, отвергъ планъ сына.

— Что здѣсь подѣлаютъ собаки, когда мы обшарили всю комнату?! Оставимъ до утра, а на разсвѣтѣ начнемъ наши поиски. Этихъ людей надо найти, во что бы то ни стало! Если они ускользнутъ, то мы погибли. Уже и такъ по поводу обоихъ americanos мы едва отвертѣлись, а теперь здѣсь еще злополучный inglese!.. Осмотримъ еще чердаки и крышу!

Они ушли, оставивъ комнату въ полной темнотѣ. Мы вздохнули свободнѣе. Но опасность еще сторожила насъ, такъ какъ минутъ десять спустя отецъ и сынъ вернулись опять, но одни. Между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Ты былъ безъ ума, Хозе, когда приглашалъ ихъ сюда! Вѣдь ты зналъ, что я не хочу денегъ, связанныхъ съ жизнью бѣлаго!

— Я желалъ мести, а не денегъ!

— Хороша месть, которая угрожаетъ намъ всѣмъ смертью!

Когда я поймаю завтра и расправлюсь, то немедленно брошу эту страну и переселюсь подальше внутрь, гдѣ буду больше въ безопасности. Я вовсе не желаю быть повѣшеннымъ, какъ собака. А теперь намъ надо, не теряя времени, заняться старикомъ-индѣйцемъ, потому что, подъ вліяніемъ вина, я проболтался о немъ англичанину. Я не думалъ, что онъ останется живъ и сможетъ повторить мои слова...

— Да, сегодня ночью, или никогда!

— А что если эти скоты не захотятъ говорить?

— Найдемъ какое-нибудь средство! Во всякомъ случаѣ, будутъ-ли они разговорчивы, или нѣтъ, но ихъ надо тоже сдѣлать безмолвными... Теперь идемъ!

Прошелъ цѣлый томительнѣйшій въ моей жизни часъ, когда въ комнатѣ опять раздались легкіе шаги Луизы. Она подошла къ нашей стѣнѣ и тихо спросила:

— Вы здѣсь, господинъ мой?

— Да, Луиза!—отвѣтилъ я.

Она нажала пружину и открыла дверь.

— Они всѣ разошлись, но передъ разсвѣтомъ опять примутся за поиски. Вамъ поэтому нужно или скрываться здѣсь въ теченіе, быть-можетъ, нѣсколькихъ дней, или спасаться бѣгствомъ сейчасъ!

— Какъ можно выйти отсюда?

— Только однимъ путемъ, черезъ часовню. Дверь въ нее закрыта, но я могу показать вамъ мѣсто въ стѣнѣ, откуда настоятели наблюдали за монахами; если вы храбры, то тамъ можно соскочить на полъ и черезъ окно въ алтарѣ выйти на улицу. Собаки привязаны, но вы должны спѣшить, чтобы выиграть время!

— Хотя эта женщина и не говоритъ ничего, но я думаю, что мы найдемъ въ часовнѣ большое общество!—сказалъ я сеньору.—Донъ-Педро и его сынъ отправились бесѣдовать съ плѣнниками. Рискъ очень великъ, но не лучше-ли ему подвергнуться, чѣмъ ждать здѣсь?

— Да, это лучше!—отвѣтилъ Стриклэндъ послѣ минутнаго раздумья. — Лучше сразу дѣйствовать, чѣмъ по дюймамъ чах-

нуть въ этой дырѣ. Къ тому-же мы прибыли сюда, чтобы встрѣтиться съ индѣйцемъ и слѣдовательно...

— А что скажетъ Моласъ?—спросилъ я своего товарища.

— Слова сеннора мудры, а мнѣ совершенно безразлично, куда меня поведетъ тропа жизни: направо или налѣво, смерть все равно стережетъ меня!

Не безъ нѣкотораго труда взобрались мы въ потаенную дверь и очутились въ длинномъ проходѣ. Впереди шла Луиза, ведя меня за руку, остальные также слѣдовали другъ за другомъ. Женщина вся дрожала, такъ какъ между индѣйцами было повѣріе, что въ часовнѣ бываютъ привидѣнія. Но когда мы завернули за уголъ узкаго прохода и очутились въ окнѣ среди стѣнныхъ карнизовъ, Луиза остановилась, какъ вкопанная, съ ужасомъ глядя впередъ и шепча заплетающимся языкомъ:

— Матерь небесная! Привидѣнія, привидѣнія!

Она упала бы безъ чувствъ, если бы я не поддержалъ ее. Здѣсь мѣсто было шире. Я показывалъ вамъ его, сеннорѣ Джонсъ, еще въ первое ваше ко мнѣ посѣщеніе. Я осторожно пробрался впередъ, за мною слѣдовали сеннорѣ Стриклэндъ, а за нимъ Моласъ. Могу поручиться, что ни одинъ монахъ, наблюдавшій отсюда, никогда не видѣлъ болѣе страшнаго зрѣлища. Вся алтарная часть была освѣщена луною, свѣтившею черезъ высокое окно, и большимъ фонаремъ, который Донъ-Педро держалъ въ рукахъ; но вскорѣ поставилъ на престолъ Его свѣтъ освѣтилъ группу изъ четырехъ лицъ: самаго Дона-Педро, его сына, старика индѣйца и молодую дѣвушку. Они оба были привязаны къ колоннамъ у алтаря. Дѣвушка приковала къ себѣ все мое вниманіе. Распущенные волосы окаймляли изможденное лишеніями лицо, но лицо это было такъ прекрасно, отъ него вѣяло такимъ благородствомъ, что сразу хватало за душу. Она была индѣянка, но такихъ я еще никогда не встрѣчалъ въ своемъ народѣ, цвѣтъ ея кожи былъ почти совершенно бѣлымъ, а волосы черными волнистыми прядями спадали ниже колѣнъ. Все лицо озарялось яснымъ взглядомъ большихъ темносинихъ глазъ. При довольно высокомъ ростѣ удивительная стройность еще сильнѣе подчеркивалась скла-

ками бѣлаго платья. Лицо Зибальбая было вполнѣ согласно съ описанiемъ Моласа. Худое, длинное, съ бѣлыми волосами и бородой, лицо, съ орлинымъ носомъ, высокiй, худощавый станъ съ какою-то царственною осанкою. Его одежда была разорвана, обнажая мускулистое тѣло, на рукахъ и на открытой груди виднѣлись кровавыя полосы, источникъ которыхъ для меня несомнѣнно заключался въ лежавшемъ на полу окровавленномъ бичѣ. Учащенное дыханiе и струившiйся потъ съ лица Дона-Хозе показывали, кто былъ палачемъ старика.

— Этотъ мулъ молчитъ! Спроси ты у дочери, вѣдь не захочетъ-же она подвергать отца новой пыткѣ!—проговорилъ сынъ, обращаясь къ отцу по-испански.

— Моя милая, — обратился къ дѣвушкѣ Донъ-Педро на майскомъ языкѣ,—не упрямься и пожалѣй своего отца! Скажи, гдѣ лежитъ золото?

— Дочь! Приказываю тебѣ до послѣдняго издыханiя хранить молчанiе!

— Замолчи, собака! — крикнулъ на него Хозе, закрывая ему ротъ рукою.

— Еслибы я только могла замѣнить тебя! — воскликнула дѣвушка, подаваясь впередъ, но не будучи въ силахъ порвать стягивавшихъ ее веревокъ.

— Не торопись, красавица! — обратился къ ней Хозе. — И до тебя дойдетъ очередь, я съумѣю заставить тебя говорить, и, если нужно, прибѣгну къ силѣ. Хотя жаль, ты очень, очень хороша!

Дѣвушка метнула на него взглядъ, полный ужаса и ненависти.

— Что мы примѣнимъ къ ней?—спросилъ сынъ отца.— Накаленный клинокъ? Передай мнѣ, пожалуйста, твой ножъ... хорошо... А теперь, старый чортъ индѣецъ, въ послѣднiй разъ спрашиваю тебя: гдѣ находится храмъ, полный золота, о которомъ ты говорилъ съ своею дочерью въ невидимомъ для тебя присутствiи моего отца?

— Нѣтъ такого храма, бѣлый человѣкъ!—спокойно отвѣтилъ старикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но какъ ты объяснишь, откуда у тебя золотые кружки, которые мы захватили въ твоемъ жилищѣ? Откуда у тебя этотъ ножъ, осыпанный драгоцѣнностями?

И онъ указалъ на большой кинжалъ, дѣйствительно, очень цѣнный, который онъ теперь держалъ въ рукахъ, съ рукоятью изъ литого золота.

— Онъ былъ данъ мнѣ однимъ другомъ! Я не знаю, гдѣ онъ его получилъ!

— Неужели? Я постараюсь помочь твоей памяти... Отецъ, погрѣй остріе клинка, а я тѣмъ временемъ немного отдохну и разскажу нашему гостю, какъ мы имъ воспользуемся!

Онъ близко подошелъ къ старику и что-то говорилъ ему на ухо. У того глаза широко раскрылись, какъ отъ невѣроятнаго ужаса, потомъ голова поникла на грудь, и онъ весь осунулся. Если бы не веревки, то онъ упалъ бы на полъ. До насъ едва слышными донеслись сказанные имъ съ глубокимъ вздохомъ слова:

— Развѣ бѣлые люди—злые духи? Или на землѣ нѣтъ больше ни правды, ни справедливости?

— Нисколько, другъ!—весело отвѣчалъ Хозе.—Мы добрые парни, но по нынѣшнимъ временамъ трудно жить... Что же касается до правды и справедливости, то и въ этой странѣ есть законы, но они не относятся до некрещенныхъ собакъ-индѣйцевъ. Теперь въ послѣдній разъ спрашиваю: отведешь-ли ты насъ на мѣсто золота, оставивъ дочь здѣсь заложницею?

— Никогда! Пусть лучше испытаемъ мы сто смертей, чѣмъ выдадимъ тайну нашего народа такимъ людямъ, какъ вы!

— Значитъ, вы имѣете тайны?—воскликнулъ Хозе.—Отецъ, готовъ ножъ?

— Еще минуту!—отвѣтилъ Донъ-Педро, поворачивая лезвіе на огнѣ.—Дай подогрѣть еще немного!

Вотъ что мы видѣли и слышали.

— Намъ пора вмѣшаться!—сказалъ сеннoръ, берясь за перила съ намѣреніемъ спрыгнуть внизъ.

— Можетъ быть, нижняя дверь открыта!—шепотомъ сказалъ я ему, удерживая за руку.

— Неужели вы хотите туда спуститься?—дрожащимъ голосомъ спросила Луиза.

— Разумѣется! Мы должны помочь этимъ людямъ, или умереть съ ними!—отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте! Меня ожидаетъ мучительная смерть, если меня увидятъ съ вами, а у меня есть ребенокъ, для котораго я должна жить. Будьте счастливы!

Съ этими словами она быстро исчезла въ проходѣ, а мы безъ шума сошли по лѣстницѣ и, дѣйствительно, нашли дверь открытою. Въ это время Хозе подошелъ къ Зибальбаю, держа въ рукѣ раскаленный кинжалъ.

— Смотри, красавица, какъ я буду крестить твоего отца въ нашу христіанскую вѣру. Я раскаленнымъ лезвіемъ начерчу на его лицѣ знаменіе креста!

Въ это самое мгновеніе Моласъ схватилъ его сзади за руку и принудилъ бросить ножъ. Съ своей стороны я бросился къ Донъ-Педро и, охвативъ его руками, сжималъ, какъ желѣзнымъ обручемъ, не давая сдѣлать ему ни малѣйшаго движенія.

— При первомъ словѣ, вы будете немедленно убиты!—заявилъ имъ сенноръ, поднимая оброненный Хозе кинжалъ и приставляя раскаленное лезвіе къ его груди. Послышался запахъ спаленнаго сукна, и Хозе сталъ молить о пощадѣ.

— Вы джентльмэнъ и англичанинъ, вы не можете, какъ мясникъ, зарѣзать беззащитнаго человѣка!

— А вы сами собирались прирѣзать насъ, какъ быковъ, въ нашей комнатѣ? Моласъ, отпусти эту собаку, но если онъ попытается бѣжать, то всади ему ножъ поглубже. Хозе Марено, у васъ есть ножъ на поясѣ, у меня тоже. Я не хочу васъ зарѣзать, но мы рѣшимъ наше дѣло поединкомъ, на этомъ мѣстѣ и сію мунуту!

— Сенноръ, вы съ ума сошли рисковать вашею жизнью подобнымъ образомъ. Я собственноручно заколю этого негодяя!

— Они хотѣли убить насъ, пусть умрутъ сами!—вставилъ Моласъ, но сенноръ упорно твердилъ.

— Я буду драться на равныхъ условіяхъ!

— Хорошо!—отвѣтилъ я и обращаясь къ Моласу добавилъ:— Отпусти его, но держи ножъ на готовѣ!

Хозе осмотрѣлся кругомъ, точно ища способа бѣжать, но предъ нимъ былъ кинжалъ сеннора, а сзади ножъ Моласа. Послѣдовала странная сцена, при странномъ освѣщеніи луны и пламени фонаря, довольно ярко освѣщавшихъ нѣкоторыя части часовни и оставлявшія прочія въ совершенной темнотѣ; страненъ былъ и самый поединокъ между человѣческими представителями добра и зла. Первымъ сталъ нападать Донъ-Хозе, стараясь нанести ударъ въ голову, но, въ свою очередь, сенноръ Стриклэндъ, удачно увернувшись отъ грозившаго удара, задѣлъ лѣвую руку мексиканца, вызвавъ у него сильный крикъ боли. Тотъ сталъ отступать, пока не дошелъ до ступеней алтаря. Здѣсь ему поневолѣ пришлось остановиться и принять рѣшительный бой. Я съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми перипетіями борьбы и съ облегченіемъ вздохнулъ, когда увидѣлъ, что моему другу удалось пронзить сердце своего врага, и тотъ замертво упалъ къ ногамъ индѣйской дѣвушки, которую онъ такъ долго мучилъ. Здѣсь я долженъ сознаться въ большой оплошности, которая надѣлала много бѣдъ, и за которую я не перестаю себя обвинять. Я уже сказалъ, что крѣпко держалъ Дона-Педро, но по какой-то необъяснимой для меня причинѣ, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ радости побѣдѣ друга, я нѣсколько ослабилъ свои руки, и мой плѣнникъ стремительно вырвался и побѣжалъ въ глубь часовни. Я бросился за нимъ, но онъ уже успѣлъ достигнуть потаенной двери и захлопнуть ее передъ моимъ носомъ. Изъ часовни въ ней не было ни ручки ни ключа, и мнѣ не было возможности ее открыть.

— Бѣгите!—крикнулъ я, бросаясь къ алтарю.—Онъ вырвался и теперь вернется со всѣми остальными!

Сенноръ видѣлъ все, что произошло и поспѣшно рѣзалъ веревки, связывавшія обоихъ несчастныхъ плѣнниковъ. Я вскочилъ на престолъ—да простится мнѣ мое прегрѣшеніе—и съ трудомъ, при помощи подсадившаго меня Моласа, на рукахъ поднялся до окна, пролѣзъ черезъ него и очутился по ту сто-

рону часовни. Вслѣдъ за мною былъ подсаженъ Зибальбай, котораго я не безъ труда протащилъ сквозь окно, такъ онъ былъ слабъ и измученъ. Послѣ него прошла его дочь, потомъ сенноръ, наконецъ, Моласъ, такъ что три минуты послѣ бѣгства Дона-Педро, мы всѣ невредимыми стояли въ саду около часовни.

— Куда же теперь? — спросилъ я, не зная, куда направиться.

Дѣвушка Майя внимательно, но быстро осмотрѣлась кругомъ и сказала:

— Идите за мной! Я узнаю дорогу!

Мы быстро дошли до стѣны, высотою съ человѣка, за которою шла изгородь изъ кустовъ алоэ. Мы перелѣзли стѣну и пробрались сквозь кусты, не безъ того, чтобы не порвать своей одежды и не поцарапать тѣла, такъ какъ иглы были очень остры. Тогда мы очутились на пашнѣ, въ открытомъ полѣ. Майя снова осмотрѣлась по звѣздамъ и рѣшительно свернула въ сторону виднѣвшагося вдали темнаго лѣса.

— Куда?—остановилъ я ее.— Направо идетъ дорога въ городъ, и тамъ мы можемъ найти спасеніе...

— Чтобы быть арестованными въ качествѣ убійцъ?—возразилъ сенноръ. — Вы забыли, что Хозе Морено погибъ отъ моей руки. Въ лучшемъ случаѣ, насъ посадятъ въ тюрьму, а отецъ явится грознымъ обвинителемъ. Нѣтъ, намъ лучше спрятаться въ лѣсу!

— Господа,—произнесъ Зибальбай свое первое слово, — я знаю въ лѣсу скрытое мѣсто, гдѣ мы можемъ найти себѣ временный пріютъ. Это развалины стариннаго храма... Но скажите, кто вы такіе?

— Вы должны меня знать, Зибальбай,—сказалъ Моласъ,— такъ какъ я тотъ посланный, который долженъ былъ привести къ вамъ Держателя Сердца!—и онъ указалъ на меня.

— Вы этотъ человѣкъ?—спросилъ старикъ.

— Да, и я много перенесъ, прежде чѣмъ нашелъ васъ. Но теперь не время разговаривать. Проведите насъ въ болѣе надежное мѣсто, такъ какъ мы подвергаемся большой опасности!

Въ подтвержденіе моихъ словъ со стороны гаціенды послышались учащенные выстрѣлы. Майя опять заняла мѣсто впереди, и мы ускореннымъ шагомъ дошли до лѣса. Выстрѣлы замолкли, и мы немного передохнули. На востокѣ начинался разсвѣтъ.

X.

Смертъ Моласа.

Наши новые спутники очень устали даже отъ небольшого пройденнаго разстоянія, и намъ пришлось ихъ поддерживать. Сеннорь велъ за руку нашу проводницу, а сзади шли мы съ Моласомъ, взявъ Зибальбая подъ руки съ обѣихъ сторонъ. Время отъ времени мы останавливались, чтобы передохнуть; было еще удивительно, какъ они вообще могли передвигать ноги, такъ какъ Донъ Педро пять дней почти не давалъ имъ пищи, желая голодомъ вызвать у нихъ интересовавшую его тайну. Ему, вѣроятно, это удалось бы, или по крайней мѣрѣ они умерли бы отъ истощенія, если бы не бывшій съ ними небольшой запасъ смѣси изъ листьевъ муки и толченаго сухого мяса, соединенной еще съ другими веществами. Зибальбай зналъ этотъ индѣйскій рецептъ и пользовался имъ, проходя большія пустыни. Питательная сила этого вещества такъ велика, что достаточно небольшого шарика, чтобы въ теченіе цѣлаго дня поддержать силы человѣка даже въ усиленной работѣ. Но, въ сущности, это скорѣе возбудительное средство, чѣмъ питательное. Поэтому и наши спутники, даже спасаясь отъ неминуемой опасности, старались сорвать попадавшія подъ руку колосья и наполняли ротъ полузелеными зернами.

Въ дѣвственномъ лѣсу чаща была такъ густа, что лучи солнца почти не проникали до насъ; толстые стволы деревьевъ были переплетены кустарникомъ и вьющимися растеніями, такъ что мѣстами мы только съ большимъ трудомъ двигались впередъ. А въ листвѣ ютился сонмъ разнообразныхъ птицъ, одурявшій насъ несмолкаемымъ гомономъ голосовъ. Внизу, на землѣ, кишѣли массы различныхъ насѣкомыхъ, а вдали, из-

рѣдка раздавался глухой трескъ ломавшихся подъ чьими-то тяжелыми шагами сухихъ вѣтвей.

Часа черезъ два мы добрались до небольшой рѣчки. Зибальбай въ полномъ изнеможеніи опустился на песчаный берегъ, а Майя усѣлась на небольшомъ камнѣ, опустивъ ноги въ воду, которая нѣсколько успокоила ихъ. Движеніемъ руки она подозвала къ себѣ сеннора и, посторонившись, чтобы дать ему мѣсто рядомъ съ собой, спросила:

— Какъ ваше имя, бѣлый человѣкъ?

— Джемсъ Стриклэндъ, лэди!

— Джемсъ... Стрик-лэндъ!—повторила она съ нѣкоторымъ затрудненіемъ.—Благодарю васъ, Джемсъ Стриклэндъ, за спасеніе моего отца отъ мученій, а меня отъ позора. И за это ваше дѣяніе, я Майя, царица Сердца, которой многіе служатъ, буду вашею вѣчною слугою!

— Вамъ надо благодарить моего друга, Дона Игнасіо!—сказалъ онъ, указывая на меня.

Она нѣсколько мгновеній пристально смотрѣла на меня и потомъ произнесла:

— Я благодарю также и его, но васъ еще больше, такъ какъ вы избавили меня отъ того ненавистнаго человѣка и спасли насъ!

— Еще рано благодарить, лэди,—отвѣтилъ сенноръ, — мы далеко еще не въ безопасности!

— Теперь я почти не боюсь,—возразила она равнодушно,—наше пристанище не далеко, да и какъ они могутъ найти насъ въ этомъ дремучемъ лѣсу... Но, слушайте! Что это такое?

До насъ донесся отдаленный лай.

— Вотъ какъ они найдутъ насъ! — отвѣтилъ сеннорь. — Намъ нельзя терять ни минуты... Какъ идетъ наша дорога?

— По берегу рѣки, внизъ!

— Слѣдовательно, нужно войти въ воду и пойти русломъ. Собаки потеряютъ нашъ слѣдъ, и мы будемъ въ безопасности прежде, чѣмъ насъ поймаютъ. Намъ нѣтъ другого исхода!

Мы такъ и сдѣлали и пошли съ тою скоростью, какую допускала слабость Зибальбая Къ счастью, рѣка была не очень

«Мы очутились въ узкомъ проходѣ»... (къ стр. 110).

широка и глубока, но иногда мы съ трудомъ могли держаться въ быстромъ теченіи. Дважды мы пускались вплавь, не смѣя выйти на берегъ и въ тоже время опасаясь сдѣлаться добычею алигаторовъ. Цѣлый часъ мы двигались въ водѣ. Наконецъ, Майя остановилась и предложила сойти на берегъ, такъ какъ здѣсь былъ поворотъ къ спасительному убѣжищу. Это придало намъ бодрости, но мы все-таки были вынуждены на рукахъ нести Зибальбая: онъ совершенно выбился изъ силъ. Вскорѣ передъ нашими глазами появился высокій покрытый деревьями холмъ, на вершинѣ котораго высились полуразрушенныя стѣны большаго каменнаго зданія.

— Мы дошли,—сказалъ Зибальбай,—а вотъ и лѣстница, ведущая на верхъ!

Мы стали осторожно подниматься, потому что ступени, большія и широкія, не вездѣ лежали достаточно твердо. Моласъ несъ Зибальбая на спинѣ, такъ какъ тотъ не могъ подняться самъ. Надъ верхнею площадкою еще уцѣлѣла часть большой арки, которая, повидимому, нѣкогда высилась надъ фронтономъ зданія, но выдающаяся часть ея свода была соединена съ общею стѣною сильно потрескавшимися плитами; соединявшій ихъ цементъ мѣстами выпалъ, и вся эта каменная громада точно висѣла на воздухѣ, окутанная зеленью и плющемъ.

Съ верхней площадки Майя провела насъ въ отдѣльную комнату, каменныя стѣны которой были украшены высѣченными изъ камня изваяніями змѣй, полъ былъ устланъ деревянными досками; въ одномъ углу прикрытые плащемъ, serape, находилось нѣсколько отравленныхъ дротиковъ, глиняный горшокъ для варки пищи и кинжалъ, подобный тому, которымъ сеннорь убилъ Хозе, а также небольшое количество сушенаго мяса и тѣста изъ муки.

— Все осталось въ цѣлости,—сказала Майя,—сядемте и подкрѣпимъ наши силы ѣдою, чтобы быть крѣпкими для встрѣчи опасности!

— Я думаю, что наши преслѣдователи оставили насъ въ покоѣ!—замѣтилъ сеньоръ.

— Вы плохо, видно, знаете этихъ людей, — отвѣтилъ я

ему. — Они должны догнать насъ ради собственной жизни, а Донъ-Педро долженъ еще отомстить за смерть сына. Вся наша надежда, что мы скрыли свои слѣды въ рѣкѣ, или что полуденное солнце осушило мѣсто, гдѣ мы вышли на берегъ, такъ что собаки не почуютъ насъ. Но я опасаюсь противнаго, такъ какъ земля подъ деревьями была влажная!

— Что-же намъ дѣлать? Пережидать здѣсь, или двигаться дальше?

— Сенноръ, намъ нѣтъ выбора, потому что нельзя покинуть здѣсь Зибальбая и его дочь. Къ тому же, здѣсь легче защищаться, чѣмъ въ лѣсу, безъ всякаго прикрытія. Тѣмъ не менѣе намъ нужно приготовиться къ худшему!

— Намъ нечего и готовиться, такъ какъ нечѣмъ защищаться, кромѣ нашихъ ножей. Порохъ отсырѣлъ, и мы не можемъ даже воспользоваться нашими револьверами. Если на насъ нападутъ, то мы обречены на вѣрную смерть!

— Оно не совсѣмъ такъ, сенноръ, — возразилъ я ему. — Внизу лежитъ много камней, принесемъ ихъ сюда побольше, быть можетъ, бросая камни, мы и поразимъ кое-кого изъ нашихъ враговъ!

Мы такъ и сдѣлали, пока Майя была на часахъ. Нашу работу прервалъ лай собаки снизу, около рѣки, а вслѣдъ затѣмъ послышался трескъ кустовъ, раздвигаемыхъ проходомъ нѣсколькихъ людей. Мы молча переглянулись, и Моласъ выразилъ общую мысль:

— Они идутъ!

— Въ такомъ случаѣ, пусть приходятъ скорѣе! — сказалъ сенноръ.

— Почему, бѣлый человѣкъ? Или вы боитесь? — спросила Майя.

— Да, очень! — со смѣхомъ отвѣтилъ сенноръ Стрсклэндъ. — Насъ, вѣроятно, скоро перебьютъ. Васъ не пугаетъ такой исходъ?

— Нисколько! Я, слѣдовательно, тоже буду убита, и мнѣ не придется дѣлать длиннаго обратнаго путешествія!

— Какъ можно быть увѣреннымъ въ этомъ? — усомнился сенноръ.

— Очень просто!—отвѣтила дѣвушка, показывая на шейную артерію.—Если я проткну здѣсь, то черезъ минуту усну, а черезъ двѣ перестану жить!

— Понимаю. Но вы такъ просто говорите о смерти, хотя такъ еще молоды и прекрасны!

— А это потому, сенноръ, что жизнь мнѣ была не очень сладкою. И потомъ, развѣ я знаю, что готовитъ мнѣ будущее? Но я знаю, что когда мы уснемъ для Небеснаго Сердца, то найдемъ покой, если не что-нибудь большее!

— Будемъ надѣяться,—сказалъ сенноръ.—Смотрите, вотъ они идутъ!

Внизу показалось нѣсколько человѣкъ, семь или восемь, изъ нихъ трое были верхомъ на мулахъ, которыхъ они привязали къ деревьямъ, а сами всѣ подошли къ холму.

— Интересно знать, кто изъ насъ уцѣлѣетъ къ закату солнца?—сказалъ сенноръ.

Сопровождавшая ихъ собака быстро подбѣжала къ нашему холму и обнюхавъ первыя ступени, залилась громкимъ лаемъ, поднявъ морду къ верху. Между тѣмъ наши враги не спѣшили подниматься; они собрались вмѣстѣ и стали совѣщаться. Бѣжать мы не могли и защищаться было нечѣмъ. Это положеніе заставило сеннора высказать мысль:

— Нельзя-ли вступить съ ними въ переговоры?

— Невозможно! — отвѣтилъ я ему. — Что мы можемъ имъ дать, чего бы они не могли взять сами?

Тутъ вмѣшался старый индѣецъ.

— Друзья, отчего вы не спасаетесь бѣгствомъ? Сзади должна быть тропинка, а въ лѣсу вамъ легче спрятаться отъ этихъ людей!

— Какъ же можемъ мы бѣжать, если вы такъ слабы!—замѣтилъ ему Стреклэндъ.—Намъ остается только храбро встрѣтить смерть и тѣмъ окончить поиски Золотого Города!

— Я уже старъ,—продолжалъ Зибальбай,—и мнѣ не долго жить. И ты, дочь моя, ступай съ ними. На тебѣ нашъ священный символъ, и если этотъ чужеземецъ докажетъ тебѣ, что онъ и есть, кого мы искали, то ты отведешь его къ намъ домой и все исполнится, какъ предсказано!

— Нѣтъ, отецъ, мы будемъ жить вмѣстѣ или вмѣстѣ погибнемъ! Эти сенноры могутъ идти, если хотятъ, но я останусь съ тобою!

— Я также,—сказалъ Моласъ,—такъ какъ не хочу избѣжать смерти, которая сторожитъ меня... Да и поздно бѣжать, смотрите, вотъ они поднимаются по лѣстницѣ, Донъ-Педро и americano во главѣ ихъ!

Я выглянулъ. Моласъ говорилъ вѣрно. Разбойники уже поднялись до половины перваго этажа.

— Еслибы у насъ были ружья!—вздохнулъ сенноръ.

— Не зачѣмъ печалиться о томъ, чего у насъ нѣтъ!—отвѣтилъ я ему.—Богъ можетъ помочь намъ, если захочетъ, а если нѣтъ, то намъ приходится только преклониться предъ Его волею!

Мы всѣ замолчали, и слышались только слова одного Зибальбая, который, поднявъ руки къ небу, молился своимъ богамъ объ отмщенiи врагамъ. Сквозь кусты я видѣлъ, что наши противники поднимались уже на второй этажъ.

— Надо дѣйствовать!—воскликнулъ сенноръ.

Онъ быстро подбѣжалъ къ тѣмъ камнямъ, которые мы съ такимъ усердiемъ собирали, и просилъ насъ всѣхъ помочь ему сбросить внизъ по лѣстницѣ самый тяжелый изъ нихъ. Но, на наше несчастье, корни кустовъ задержали движенiе камня, а вслѣдъ затѣмъ нападающiе открыли непрерывный огонь изъ своихъ ружей, и мы были принуждены искать прикрытiя за высокимъ карнизомъ арки.

Враги продолжали подниматься, пока не дошли до третьяго этажа, гдѣ остановились, чтобы отдохнуть. Моласъ, не говоря ни слова, схватилъ отравленный дротикъ и подбѣжавъ къ краю лѣстницы, съ силою метнулъ его въ нападающихъ, сенноръ зачѣмъ-то послѣдовалъ за нимъ, схвативъ другой дротикъ, хотя не умѣлъ пользоваться этимъ оружiемъ. Дротикъ Моласа попалъ въ шею Смита, и онъ зашатался на мѣстѣ, стараясь обѣими руками вырвать засѣвшее острiе. Но силы ему измѣнили, и онъ свалился внизъ. Въ отвѣтъ на это нападенiе раздался дружный залпъ, и хотя сенноръ Стриклэндъ и Моласъ спѣшили укрыться за наше прикрытiе, но увы! На этотъ разъ

дѣло не обошлось благополучно. Моласъ упалъ, и сеннорь остановился, чтобы помочь ему подняться, потомъ они оба добѣжали до насъ. На лицѣ сеннора струилась кровь. Я очень испугался.

— Вы ранены?

— Пустяки! Пуля едва задѣла меня... Но Моласъ раненъ въ бокъ!

— Ничего, ничего! Я чувствую себя хорошо!—говорилъ Моласъ, но я видѣлъ, что онъ испытываетъ большую боль.

Майя подошла къ сеннору, стараясь кускомъ отъ своего платья остановить кровь съ его щеки.

— Не стоитъ!—отвѣтилъ онъ ей,—Такъ какъ скоро будутъ болѣе серьезныя раны, которыхъ не залечишь.—Что же намъ дѣлать?

Вмѣсто отвѣта она указала рукою на отравленный дротикъ, который держала въ рукѣ.

— Я также не могу дать вамъ иного совѣта, но говорю вамъ, что очень радъ тому, что встрѣтилъ васъ, и надѣюсь, что встрѣчу васъ еще потомъ, а теперь воспользуйтесь временемъ, чтобы проститься съ вашимъ отцомъ!

Майя утвердительно кивнула головою. Подойдя къ Зибальбаю, она нѣжно обняла старика. Я видѣлъ, что наши противники совѣщались. Смерть Смита заставила ихъ быть осторожнѣе, они, повидимому, опасались засады, но, немного погодя, все-таки стали подниматься по ступенямъ третьяго этажа. Мы всѣ стояли въ полномъ безмолвіи и неподвижности. Моласъ приложилъ руку къ своей ранѣ, чтобы нѣсколько утишить страданія. Потомъ онъ опять ушелъ на внутреннюю площадку и вернулся съ большимъ мѣднымъ топоромъ, который лежалъ въ кучѣ вещей Зибальбая, найденныхъ нами при входѣ.

Молча, не говоря ни слова, онъ взобрался, пользуясь трещинами сводовъ на самый верхъ арки и лежалъ, придерживаясь одною рукою и раздвигая еще больше самую дальнюю трещину.

— Сойди скорѣе внизъ, Моласъ!—крикнулъ ему сеннорь.— Вѣдь, если арка свалится, то и ты свалишься съ нею!

— Ничего!—отвѣтилъ Маласъ. — Сегодня, все равно, мой судный день: попавшая въ меня пуля поразила меня на смерть, и я больше не жилецъ на этомъ свѣтѣ!

— Прощай, благородный человѣкъ!—сказалъ ему сеннорь.— У меня нѣтъ другого орудія, а то я былъ бы съ тобою!

— Прощай, возлюбленный братъ мой, вѣрный слуга Сердца!— послалъ я ему свой послѣдній привѣтъ.—Твой поступокъ получитъ свою награду!

Три сцѣпленія были разрушены, но оставалось еще одно, самое, казалось, прочное.

— Далеко они?— спросилъ Моласъ.

Мы осторожно заглянули за край карниза и увидѣли, что футовъ за шестьдесятъ подъ нами опять остановились наши враги, точно опасаясь неизвѣстно чего. Одинъ изъ нихъ о чемъ-то горячо говорилъ съ Дономъ-Педро, стараясь его убѣдить, но тотъ, повидимому, не соглашался. Наконецъ, онъ сдался и отдалъ просимое приказаніе. Этихъ нѣсколькихъ минутъ промедленія было достаточно, чтобы дать Моласу время справиться съ его работою.

— Скорѣе!—шепнулъ ему сеннорь.— Они идутъ!

Моласъ отбросилъ топоръ и теперь уже работалъ своимъ охотничьимъ ножемъ, стараясь разъединить цементную связь, сковывавшую камни столько вѣковъ.

— Назадъ, Моласъ, назадъ! — повторялъ ему сеннорь, но тотъ не слушалъ, быть можетъ, и не слышалъ.

Сцѣпленіе становилось все тоньше и тоньше, но все еще держалось. Тогда Моласъ переползъ на внѣшнюю сторону свода, и вѣсъ его тѣла пересилилъ сцѣпленіе. Раздался трескъ, потомъ глухой шумъ, и каменная громада пала внизъ, на ступени лѣстницы, увлекая съ собою и великодушнаго Моласа. Нашимъ глазамъ представилась перемѣшанная груда камней и человѣческихъ труповъ: ни одинъ не избѣгъ своей участи, только Донъ-Педро, впереди всѣхъ шедшій по лѣстницѣ, оставался въ живыхъ. Но одинъ новый, неожиданно оторвавшійся обломокъ карниза свалилъ его съ ногъ, и онъ съ высоты третьей площадки полетѣлъ внизъ.

Все было кончено.

— Пойдемте искать тѣло нашего спасителя!—предложилъ сенноръ, и мы всѣ послѣдовали за нимъ.

Внизу мы нашли трехъ привязанныхъ муловъ съ большимъ запасомъ провіанта, потомъ не постѣснялись отобрать у павшихъ враговъ ихъ ружья, которыя могли еще пригодиться, и снаряды.

Всѣ они были убиты на повалъ, еще шевелился и стоналъ Донъ-Педро, упавшій на мягкій грунтъ.

— Воды, воды!—послышались его мольбы.

Сеннорь подошелъ къ нему и влилъ въ ротъ немного водки изъ фляги, которую мы нашли на одномъ изъ муловъ.

— Какъ вы милосердны!—замѣтила ему Майя.—Я бы, кажется, ничего не сдѣлала, чтобы облегчить участь этой собаки!

— Кто изъ насъ безъ грѣха, — отвѣтилъ сеннорь,—и потому мы должны быть склонны къ милосердію!

— Я умираю!—слабымъ голосомъ произнесъ Донъ-Педро,— Мое предчувствіе, что я погибну подъ развалинами, оправдалось! Но какъ могу я умереть, бывши убійцею и разбойникомъ съ самаго дѣтства?

Сенноръ только пожалъ плечами, не находя отвѣта на этотъ вопросъ.

— Отпустите мнѣ грѣхи! — продолжалъ взывать Донъ-Педро.—Ради самаго Христа, отпустите мнѣ грѣхи!

— Не имѣю власти! — отвѣтилъ ему сенноръ. — Молитесь Богу, потому что время ваше коротко!

Но тотъ не внялъ этому совѣту, и до насъ еще долго доносились вопли и страшныя проклятія умирающаго нераскаяннаго разбойника.

XI.

Разсказъ Зибальбая.

Когда мы немного успокоились и пищею подкрѣпили наши силы, я, видя, что у насъ имѣется полная возможность въ тотъ же вечеръ двинуться въ путь, обратился къ Зибальбаю:

— Мѣсяца два тому назадъ ты послалъ, Зибальбай, Моласа, который погибъ ради насъ, къ тому изъ индѣйцевъ, котораго они признаютъ Владыкою Сердца. Твой посланный странствовалъ по сушѣ и по морю и, наконецъ, передалъ твое порученіе!

— Кому?

— Мнѣ, такъ какъ именно я есть тотъ человѣкъ, котораго вы ищете, и я съ моимъ товарищемъ пустился въ путь, претерпѣвъ многія опасности!

— Докажи это! — предложилъ Зибальбай и сталъ задавать мнѣ наши тайные вопросы, на которые я давалъ установленные отвѣты.—Ты очень свѣдущъ,—сказалъ онъ, наконецъ,—но если ты дѣйствительно Господинъ Сердца, открой моимъ глазамъ тайну!

— Нѣтъ! Ты искалъ меня, а не я тебя. Моласу ты показалъ символъ. Покажи его и мнѣ; до тѣхъ поръ я ничего не сдѣлаю!

Онъ подозрительно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Тебя я испыталъ, эта женщина—моя дочь, знающая всю тайну. Но этотъ бѣлый? Имѣю-ли я право открыть сердце передъ нимъ?

— Имѣешь, потому что этотъ бѣлый человѣкъ мой братъ, и мы одно до самой смерти. Онъ также посвященъ въ наше общество и одно время былъ даже Держателемъ Сердца и Господиномъ, когда я, опасаясь смерти, передалъ ему нашу тайну. Его уши—мои уши, его уста—мои уста. Говори намъ обоимъ, какъ одному, или промолчи обоимъ!

— Такъ ли это?— спросилъ Зибальбай сеннора, дѣлая знакъ братства.

— Да, такъ! — отвѣчалъ мой другъ, повторивъ установленный знакъ.

— Тогда я буду говорить во имя Сердца! И горе тому, кто передастъ сказанное ему подъ этой тайной! Подойди сюда, дочь моя, и дай мнѣ то, что я отдалъ тебѣ на сохраненіе!

Майя засунула руку въ густыя пряди своихъ волосъ и передала отцу какой-то спрятанный тамъ предметъ.

— Это ли ты хотѣлъ видѣть?—спросилъ онъ, показывая мнѣ талисманъ при свѣтѣ заходящаго солнца.

Я взглянулъ: передъ моими глазами была какъ разъ недостающая половина того, что перешло ко мнѣ отъ предковъ.

— Кажется, это оно, если только глаза меня не обманываютъ! А ты за этимъ-ли пришелъ такъ далеко? — спросилъ я Зибальбая, снимая съ шеи свою половину разбитаго сердца.

Старикъ внимательно сравнивалъ, переводя глаза отъ одной половины къ другой. Лицо его все больше и больше прояснялось, и, обращая свои взоры къ небу, онъ съ умиленіемъ проговорилъ:

— Благодарю тебя, безымянный богъ моихъ отцовъ, что ты направилъ мои стопы по истинному пути. Пошли славное окончаніе такъ славно начатому!

Потомъ опять онъ повернулся ко мнѣ, продолжая:

— Теперь, когда День и Ночь снова соединились, должно засіять новое солнце, солнце славы нашего народа. Возьми обратно свое, а я оставлю у себя свое, потому они не здѣсь должны быть соединены, но много дальше. Теперь слушайте, братья мои, мой разсказъ, который будетъ кратокъ, такъ какъ мои слова станутъ ясны, когда ваши глаза увидятъ должное, а если нѣтъ, то чѣмъ меньше сказано, тѣмъ оно легче забывается. Быть можетъ, вы слышали уже сказаніе о древнемъ невидимомъ городѣ, послѣднемъ убѣжищѣ народа, еще не завоеванномъ бѣлыми людьми, таинственномъ святилищѣ истинной вѣры нашихъ отцовъ, дарованной имъ божественнымъ Кукумацемъ, иначе именуемымъ Квецаломъ?

— Да, мы слышали объ этомъ и стремимся попасть въ этотъ городъ!—отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ, въ насъ вы имѣете проводниковъ въ этотъ городъ, въ которомъ я состою наслѣдственнымъ касикомъ и верховнымъ жрецомъ, а моя дочь — единственная наслѣдница. Я вижу, вы удивляетесь, какъ это мы, люди такого положенія, странствуемъ одни, какъ нищіе, по землѣ бѣлыхъ людей?.. Слушайте! Сердце Міра, самый древній и

великолѣпный городъ, былъ нѣкогда столицею всей здѣшней страны, отъ моря до моря, его стѣны были возведены однимъ изъ двухъ братьевъ, которымъ перешелъ престолъ Кукумаца. Между ними возникла междоусобная война, и они раздѣлились. Въ старые годы власть Сердца Міра была такъ велика, что всѣ города, развалины которыхъ намъ здѣсь встрѣчаются, были его данниками. Съ теченіемъ времени, сюда стали проникать орды варваровъ, и постепенно онъ утрачивалъ свои владѣнія, но враги никогда не могли добраться до стѣнъ самого города, и онъ всегда оставался гордымъ и независимымъ!

— Самый городъ расположенъ на островѣ, посреди большого озера, но многія тысячи его подданныхъ жили въ окрестной странѣ, обрабатывая поля и добывая золото и драгоцѣнные камни. Такъ прошло двѣнадцать поколѣній, когда до города дошли слухи, что пришлый бѣлый народъ явился завоевателемъ и что онъ убиваетъ жителей и грабитъ ихъ имущество. Дошло также извѣстіе, что новые люди, узнавъ о сказочныхъ богатствахъ Сердца Міра, рѣшили завоевать и этотъ городъ. Правящій тогда касикъ, удостовѣрившись въ этихъ слухахъ, собралъ совѣтъ старѣйшинъ и, выслушавъ оракулъ боговъ, рѣшилъ, что всѣ жившіе внѣ города должны быть созваны въ самый городъ, чтобы не было никого, кто бы могъ указать путь къ нему. Такъ и было сдѣлано: пришельцы нѣсколько лѣтъ возобновляли свои поиски, но безуспѣшно, и тогда они пришли къ заключенію что всѣ сообщенія о Сердцѣ Міра не болѣе, какъ сказки. Но въ городѣ, вслѣдствіе скученности населенія, появилась страшная болѣзнь, которая унесла столько жертвъ, что, наконецъ, всѣмъ, оставшимся въ живыхъ, было достаточно простора. Послѣдствіемъ этого всего было то, что дѣтей рождалось очень мало. Но законъ, что никто, подъ страхомъ смерти, не можетъ искать себѣ ни мужа, ни жены внѣ города, остается въ полной силѣ и теперь. Въ наши дни число жителей достигаетъ всего нѣсколькихъ тысячъ, тогда какъ раньше населеніе считалось многими десятками тысячъ. И вотъ я, Зибальбай, правящій городомъ съ юныхъ лѣтъ, увидѣлъ, что еще черезъ сотни-двѣ годовъ прирость совершенно прекра-

тится, и нашъ славный городъ будетъ пустынею и обширнымъ кладбищемъ. Но до насъ дошло отъ нашихъ предковъ сказаніе, что когда обѣ части разбитаго сердца соединятся вновь на нашемъ священномъ алтарѣ, то наше царство опять станетъ сильнымъ и великимъ. И я сталъ долго думать объ этомъ сказаніи, моля бога, которому служу и котораго я здѣсь верховный жрецъ, чтобы онъ ниспослалъ мнѣ мудрость и силы найти то, чего недостаетъ, и спасти народъ, погибающій, какъ гибнутъ цвѣты въ засуху отъ недостатка дождя. Однажды ночью я услышалъ голосъ, который приказывалъ мнѣ идти по старому пути къ морю, гдѣ я могу обрѣсти то, что утрачено. Я собралъ нашъ совѣтъ старѣйшинъ и открылъ имъ свой сонъ. Они сочли меня сумашедшимъ, но сказали, что я могу идти, если хочу, они не имѣютъ власти надо мною, такъ какъ я ихъ касикъ, но что никто изъ народа не долженъ мнѣ сопутствовать, такъ какъ это противно закону страны.

— Я отвѣтилъ, что и сдѣлаю, но здѣсь заговорила моя дочь, сказавшая, что и она пойдетъ со мною, что они и ее не имѣютъ права задержать. Всѣ молчаливо согласились, только одинъ голосъ раздался противъ,—моего племянника, который былъ обрученъ съ моей дочерью. Не такъ-ли, Майя?

— Да, это было именно такъ!—подтвердила дѣвушка съ улыбкою.

— Короче говоря, послѣ моего рѣшенія и согласія отпустить со мною дочь, мой племянникъ Тикаль былъ назначенъ править страною, вмѣсто меня, въ качествѣ моего замѣстителя впредь до моего возвращенія. Въ назначенный для отъѣзда день можество знатныхъ и народа провожали меня по ту сторону озера и даже дальше, цѣлый день, до тайнаго прохода черезъ горы. Они заливались слезами, считая, что, по нашему безумію, мы идемъ на вѣрную смерть.

— Мы одни перешли горы и пошли по слѣдамъ старой дороги, по пустынѣ, пока не дошли до этого самаго мѣста, гдѣ мы теперь сидимъ. Остальное вамъ уже извѣстно, и я не стану разсказывать. Вотъ все, что я могу о себѣ сказать. Позвольте мнѣ, въ свою очередь, узнать о васъ и о вашихъ предположеніяхъ!

Тогда я пересказалъ Зибальбаю все, что касалось меня, то самое, что я написалъ для васъ, сеннoръ Джонсъ, въ началѣ своего разсказа.

— Ты говоришь слова, которыя идутъ къ моему сердцу. Но я хотѣлъ бы знать, какъ это исполнить?

— При твоей помощи:—отвѣтилъ я,—у насъ здѣсь есть люди, но у меня нѣтъ золота, чтобы ихъ вооружить, а отъ тебя я слышалъ, что у тебя много золота и нѣтъ людей. Поэтому я прошу у тебя частицу твоихъ богатствъ, и я подниму весь народъ!

— Иди со мною въ нашу страну, и ты получишь все, что хочешь! Братъ мой, у насъ съ тобой одна цѣль, и судьба не даромъ свела насъ съ разныхъ концовъ. Пророчество истинно и мой сонъ былъ правдивъ, скоро въ священномъ храмѣ соединится Сердце, и исполнится воля неба! Я недаромъ прожилъ свой вѣкъ и на старости испыталъ насмѣшки людей. День и Ночь теперь сошлись. Дай мнѣ руку, и поклянемся оба, что мы приложимъ всѣ наши силы къ исполненію пророчества! О, небо, благодарю тебя!

Съ этими словами онъ отошелъ и сталъ молиться. Ко мнѣ обратился сеннoръ, до того все время внимательно слушавшій:

— Все это очень хорошо, Игнасіо, но я думаю, что есть вещи еще болѣе важныя, чѣмъ возрожденіе индѣйскаго народа. Завтра, не позже какъ послѣ завтра, люди отправятся на поиски тѣхъ, что лежатъ тамъ. И естественно, что насъ станутъ преслѣдовать. Надо прежде всего подумать о собственномъ спасеніи!

— Я предлагаю, сеннoръ, на разсвѣтѣ выступить въ путь. У насъ есть три мула, и это очень облегчитъ дорогу. Въ дремучемъ лѣсу трудно напасть на нашъ слѣдъ, а мы имѣемъ три дня впереди нашихъ преслѣдователей!

— Скажите, Госпожа Сердца, вы знаете дорогу?

— Да, знаю,—отвѣтила Майя на мой вопросъ.—Но прежде чѣмъ мы вступимъ на нее, я должна дать вамъ нѣкоторое предупрежденіе, чтобы вы не подумали, что мы зломъ заплатили за спасеніе вами нашей жизни. Вы слышали слова моего

отца. Онъ говорилъ только одну правду, но не всю правду. Онъ правитъ этой страной, но среди знатныхъ есть много недовольныхъ его правленіемъ, подчасъ суровымъ и деспотичнымъ. Вотъ почему они согласились отпустить его на поиски для исполненіи пророчества, въ которое никто изъ нихъ не имѣетъ вѣры. Они были увѣрены, что онъ погибнетъ въ пустынѣ или на чужбинѣ!

— Почему же они отпустили васъ, его наслѣдницу?

— Потому, что я этого захотѣла. Я люблю своего отца и считаю, что должна быть рядомъ съ нимъ даже въ опасности. Я должна еще сказать, чтобы не утаивать ничего, что ненавижу свою страну и того человѣка, за котораго должна идти замужъ. Я была рада уйти хоть на время...

— А этотъ человѣкъ тоже ненавидитъ васъ?

— Нѣтъ! Но если онъ и любитъ меня, мнѣ кажется,— еще больше любитъ власть. — Если бы я осталась, то вмѣсто отца правила бы страною, и Тикаль былъ бы ближайшимъ къ трону, но не на тронѣ. Онъ и согласился на мой уходъ... Изъ вашей бесѣды съ отцомъ я знаю, что вы рѣшились сопровождать его. Я этому радуюсь по многимъ причинамъ, но предпочла бы, чтобы наши лица встрѣтились въ другомъ мѣстѣ. Вы ищете золота, чтобы исполнить пророчество, и время для этого должно наступить, когда сойдутся обѣ части Сердца въ назначенномъ для этого мѣстѣ?

— А развѣ вы не вѣрите этому пророчеству?

— Я этого не говорила. Конечно, удивительно, что, повинуясь сну, отецъ нашелъ, что было утрачено уже много вѣковъ. И все-таки я должна сказать, что не имѣю вѣры въ жрецовъ, видѣнія и боговъ, которыхъ, кажется, нѣсколько!—сказала Майя, указывая рукою на языческій храмъ и его жертвенники.—А вы послѣдователи вѣры, неизвѣстной мнѣ!

— Мы исповѣдуемъ истинную вѣру!—возразилъ я Майѣ.

— Можетъ быть! Но я не знаю, какъ отнесется къ этому нашъ народъ. Идите съ нами, если желаете, но будьте осторожны. Нашъ народъ завистливъ, даже имя чужеземца ему ненавистно. Немногіе достигали нашего города, но изъ нихъ развѣ

только одному или двумъ удалось бѣжать. Онъ не желаетъ никакихъ перемѣнъ, а о внѣшнемъ мірѣ имѣетъ очень мало свѣдѣній. Я боюсь, какъ наши люди примутъ новое ученіе. Всѣ ихъ стремленія ограничиваются продолженіемъ стараго строя предковъ. А теперь, сеннорь, вамъ надо рѣшить: послѣдуете ли вы за нами въ городъ Священныхъ Водъ, или повернете свое лицо по направленію моря и забудете встрѣчу съ странствующимъ врачемъ и индѣйскою дѣвушкою?

Я внимательно слушалъ слова дѣвушки и понималъ, что она думаетъ, что идя съ ними, мы идемъ къ нашей гибели.

— Госпожа моя,—отвѣтилъ я ей,—возможно, что тамъ ожидаетъ меня смерть, но въ послѣднее время я слишкомъ часто смотрѣлъ ей въ глаза, чтобы закрывать ихъ теперь. У меня есть великая задача, которую я долженъ стараться выполнить, насколько дозволятъ мнѣ мои слабыя силы. Будь, что будетъ, но я послѣдую за вашимъ отцомъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи мой другъ сеннорь. Онъ слышалъ ваши слова, а я еще раньше говорилъ, что не ожидаю ничего хорошаго отъ нашего путешествія. Теперь, если онъ послушается вашего совѣта и моего, то на утро мы съ нимъ разстанемся. Онъ пойдетъ своимъ путемъ, а мы нашимъ!

— Вы слышали?—спросила его Майя.—Что вы скажете, бѣлый человѣкъ?

Я замѣтилъ, что она съ тревогою ожидала его отвѣта, а сеннорь, смѣясь, произнесъ:

— Да, лэди, я слышалъ и почти не сомнѣваюсь, что сложу свои кости въ вашей странѣ. Я уже давно рѣшилъ, что пойду, чтобы содѣйствовать возрожденію индѣйскаго племени, или какого иного. Я слишкомъ лѣнивъ, чтобы мѣнять свои мнѣнія. А послѣ происшествій сегодняшняго дня, даже не знаю, что опаснѣе: оставаться—или идти съ вами?

— Я рада, что вы рѣшаетесь и дѣлаете это по своей доброй волѣ!—съ улыбкою сказала она.—Пусть нашъ путь будетъ удаченъ! А теперь намъ пора отдохнуть, чтобы выступить на разсвѣтѣ!

На утро мы выступили въ путь, пользуясь двумя мулами

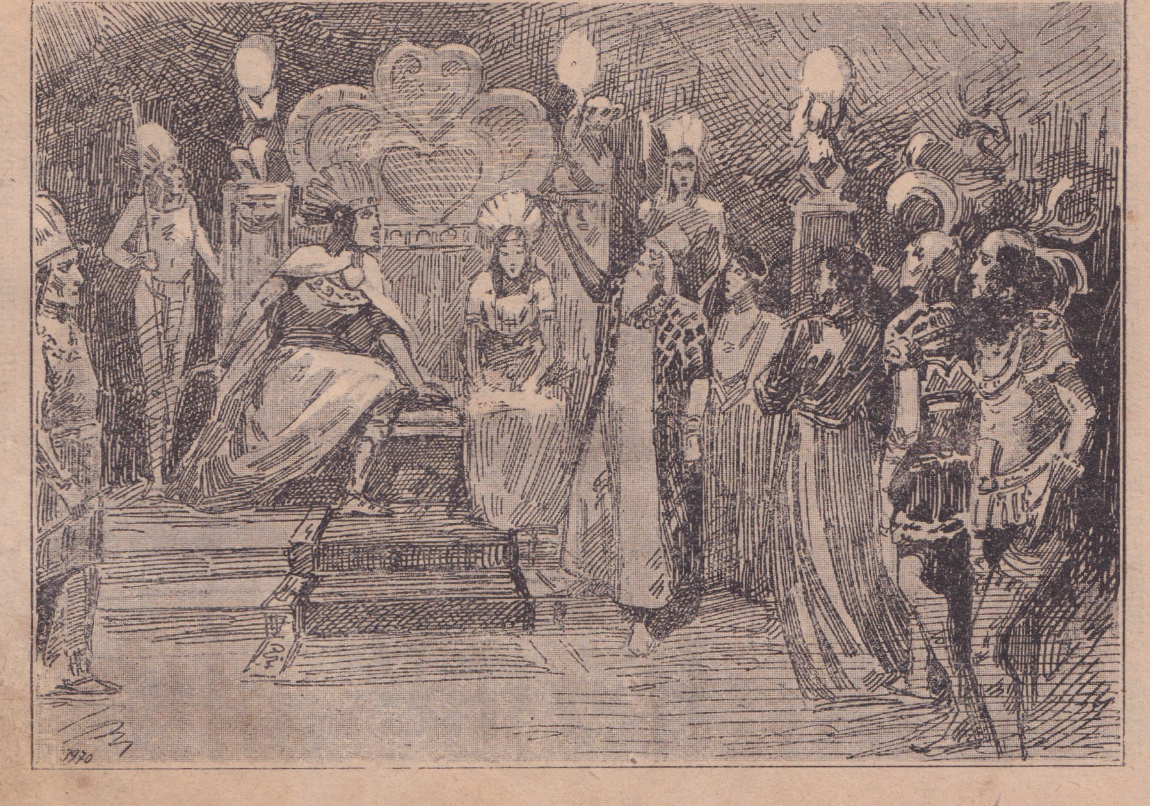
для ѣзды, а на третьяго навьючили провiантъ и бутылки съ водой. Радость мою омрачало только сожалѣнiе покинуть мѣсто, гдѣ ради насъ всѣхъ погибъ благородный Моласъ.

Мы рѣшили избѣгать населенныхъ мѣстъ и держались лѣса. Ружья давали намъ возможность стрѣлять птицъ и тѣмъ дополнять нашу пищу, сберегая запасы. Черезъ нѣсколько дней силы вернулись къ намъ, даже къ Зибальбаю, хотя онъ больше другихъ пострадалъ отъ мексиканца.

Недѣлю спустя, мы уже покидали безлюдные предѣлы Юкатана и готовились вступить въ sierra, пустыню, за которой лежали горы. Наши спутники довольно подробно вспоминали пройденный ими путь, руководствуясь взятою ими старинною картою, начерченною еще во времена индѣйскаго владычества. На эту карту были нанесены всѣ дороги, которыя разрѣзали страну по всѣмъ направленiямъ. Теперь эти пути заросли деревьями, мѣстами ихъ занесъ песокъ, но по прошествiи нѣкотораго времени, лишь въ точности слѣдуя картѣ, мы опять находили слѣды пути и по встрѣчавшимся развалинамъ имѣли даже возможность провѣрить показанiя карты относительно бывшихъ нѣкогда городовъ и храмовъ.

Сеннoръ Стриклэндъ неутомимо распрашивалъ насъ всѣхъ обо всѣхъ этихъ древностяхъ, о старинныхъ преданiяхъ и обычаяхъ, а Майя, напротивъ того, интересовалась нашей страною и отдаленною родиною сеннора. Наблюдая ихъ въ теченiе нѣсколькихъ недѣль, во время пути или долгихъ дневокъ въ полуденные часы, мнѣ казалось, что сеннoръ есть фанатическiй послѣдователь старины, Майя-же—современная дѣвушка, а не дочь умирающаго народа.

— Я не понимаю, что вы находете интереснаго въ этомъ всемъ? Я такъ ненавижу всю эту жизнь. Моя родина—это настоящее кладбище, и люди тамъ ничего сами не дѣлаютъ. Они получили готовое отъ предковъ и теперь только ѣдятъ, пьютъ, спятъ и интригуютъ другъ противъ друга. Если бы это было иначе, неужели они не искали бы обновленiя, какъ это дѣлаетъ Донъ Игнасiо? Мы отжили наше время, и насъ ожидаетъ только неизбѣжная смерть. Пока я еще молода, я готова нав-

«На особомъ возвышеніи сидѣли индѣецъ и индіанка»... (къ стр. 126).

всегда отвернуться отъ этого мертваго народа и жить среди людей, у которыхъ есть настоящее и будущее.

Сенноръ старался отшутиться, что смерть лучше жизни, что прошлое лучше настоящаго, но она все больше и больше интерсовалась нашею жизнью, разспрашивая о ней сеннора и меня. Она хотѣла знать всю исторію земли, и ничто не могло ей наскучить. Она задавала вопросы о вѣрѣ, обычаяхъ и нравахъ. И у меня ни разу не повернулся языкъ, чтобы сказать правду о женщинахъ нашего свѣта: такъ чиста была душа этой дѣвушки.

XII.

Майя спускается въ колодезь.

Однажды къ вечеру мы пристали у большаго холма, обозначеннаго на картѣ Зибальбая, какъ мѣстонахожденіе подземнаго источника. Жара стояла томительная, съ неба не выпадало ни капли дождя, и всѣ даже глубокія впадины въ каменистыхъ скалахъ были совершенно сухи. Ужинъ нашъ мы запили послѣднимъ запасомъ взятыхъ съ собою бурдюковъ, но напоить нашихъ муловъ намъ было нечѣмъ. Мы стали тогда внимательно осматривать ближайшую мѣстность и по протоптанной тысячами ногъ, хотя и заросшей тропинкѣ добрались до входа въ подземный водяной бассейнъ, въ такъ называемый cueva. Въ глубинѣ большой пещерной выемки намъ представился глубокій узкій колодезь, изъ котораго несло сыростью. Зажженый стволъ сухого алоэ ничего намъ не освѣтилъ. Сенноръ бросилъ внизъ небольшой камень, и прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ до насъ долетѣлъ глухой далекій стукъ камня о камень. Дно было безводное, и вода, если она существовала, была въ сторонѣ.

— Что за страшное мѣсто!—воскликнулъ я.—Кажется, я предпочелъ бы умереть отъ жажды, чѣмъ рѣшиться спуститься внизъ!

— И все-таки люди туда спускались! — возразила Майя, указывая на ступени, высѣченныя въ стѣнѣ на разстояніи почти фута другъ отъ друга.

Цѣпляясь руками и ногами, можно было, конечно, съ опасностью для жизни сойти внизъ и, можетъ быть, подняться вверхъ

— Вѣроятно, у древнихъ обитателей были веревочныя перила!—высказалъ я свое предположеніе.

— Уйдемте отсюда,—рѣшилъ Зибальбай, — никто не сможетъ туда проникнуть. Наши мулы останутся безъ воды, а завтра, черезъ пять часовъ пути, я знаю, мы найдемъ родникъ!

Выйдя на открытый воздухъ, мы всѣ облегченно вздохнули. Разговаривая между собою, мы собирали траву для нашихъ животныхъ, когда Майя, замѣтивъ въ сторонѣ на скалѣ красивый бѣлоснѣжный цвѣтокъ алоэ, обратилась къ сеннору Стриклэнду:

— Сорвите, пожалуйста, мнѣ этотъ цвѣтокъ!

Тотъ быстро поднялся на нѣсколько футовъ и только что срѣзалъ ножомъ цвѣтокъ, какъ страшно вскрикнулъ.

— Что съ вами, сенноръ?—Укололи палецъ или обрѣзали руку?

Онъ ничего не отвѣтилъ и только указалъ на скалу. Тутъ мы всѣ увидѣли уползавшую сѣрую змѣю, которая, очевидно, ужалила сеннора. На его рукѣ показалась кровь, а самъ онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Змѣя! Его укусила змѣя!—съ ужасомъ воскликнула Майя и, прежде чѣмъ я что-либо сообразилъ, она крѣпко сжала руку сеннора своими обѣими руками и губами впилась въ рану, чтобы высосать кровь.

Я быстро пришелъ на помощь. Оторвавъ кусокъ ткани отъ ея длиннаго платья, я крѣпко перевязалъ руку сеннора около локтя и съ помощью вложенной палки скрутилъ до послѣдней возможности. Кровообращеніе въ рукѣ было задержано, и можно было надѣяться на благополучный исходъ.

— Змѣя самая ядовитая!—съ трепетомъ проговорила Майя.

— Не надо очень безпокоиться, я знаю способъ леченія. Только скорѣе идемъ въ нашъ лагерь!—сквозь зубы отвѣтилъ ей самъ Стриклэндъ.

Вынувъ тамъ ножъ, онъ велѣлъ мнѣ сдѣлать глубокій надрѣзъ на мѣстѣ раны.

— Глубже, глубже! Это вопросъ жизни и смерти! А въ этомъ мѣстѣ нѣ.ъ артерій!

Подошедшій Зибальбай сталъ держать руку сеннора, и я сдѣлалъ два надрѣза. Выпустивъ всю кровь до послѣдней капли, мы, слѣдуя указаніямъ сеннора, положили въ рану п роху, сколько помѣстится на двадцатицентовой монетѣ, и зажгли. Показался бѣлый дымъ и раздался запахъ горѣлаго мяса.

— Такъ какъ у насъ нѣтъ водки, — сказалъ сеннорь, съ удивительнымъ спокойствіемъ выдержавъ всю эту мучительную операцію,—то намъ остается только ждать!

— Надо съѣсть немного куки,—посовѣтовалъ Зибальбай, подавая сеннору кусокъ тѣста изъ него,—это много лучше огненной воды!

Онъ сталъ усиленно жевать, но скоро силы его совершенно оставили, онъ опустился на землю, глаза сомкнулись какъ во время сна, а горло схватывала легкая судорога. Ядъ все-таки проникъ въ кровь; тогда мы подняли нашего товарища на ноги, взяли подъ руки и заставили ходить взадъ и впередъ, увѣщевая не падать духомъ.

— Я стараюсь!—отвѣтилъ онъ намъ, но слѣдующія слова уже свидѣтельствовали, что имъ овладѣлъ бредъ, и онъ свалился на землю.

Мнѣ было тяжело смотрѣть на него. Я считалъ, что онъ долженъ непремѣнно умереть, и былъ безпомощенъ спасти его, моего лучшаго друга. Я не могъ удержаться, чтобы не упрекнуть несчастную и неповинную дѣвушку:

— Это ваша вина!—сказалъ я ей съ озлобленіемъ.

— Вы жестоки и говорите это, потому что ненавидите меня!

— Можетъ быть, я и жестокъ, но развѣ я не имѣю на это права, видя, какъ близкій другъ умираетъ по милости женскаго безумія?

— Развѣ вы одни имѣете право его любить? — прошептала она.

— Если мы его не разбудимъ, то бѣлый человѣкъ долженъ умереть!—замѣтилъ Зибальбай.

— Проснитесь! Проснитесь!—кричала Майя.—Они говорятъ, что это я убила васъ!

Ея голосъ дошелъ до его сознанія, такъ какъ онъ отвѣтилъ, хотя чуть слышно:

— Я попробую!

Мы опять подхватили его подъ руки, и онъ сталъ ходить, но какъ человѣкъ въ сильномъ опьяненіи. Наконецъ, онъ упалъ въ полномъ изнеможеніи. Онъ схватилъ наши руки, мою и Майи, и приложивъ ихъ къ своей груди, далъ намъ возможность чувствовать, какъ все медленнѣе и медленнѣе бьется его сердце. Потомъ, совершенно для насъ неожиданно, на всемъ его тѣлѣ выступилъ такой обильный потъ, что, даже при слабомъ освѣщеніи молодой луны, мы могли видѣть, какъ крупныя капли, одна за другой, стекали по его лицу на землю.

— Я думаю, что теперь бѣлый человѣкъ будетъ жить!—спокойно сказалъ Зибальбай, внимательно всматриваясь въ его лицо.

Мы положили сеннора въ гамакъ, закутали плащами. Потливость, наконецъ, прекратилась, унеся съ собою весь ядъ. Онъ заснулъ, но черезъ часъ проснулся, попросивъ пить. У насъ же не было ни одной капли воды, и мы ничѣмъ не могли ему помочь.

— Человѣчнѣе было бы дать мнѣ умереть отъ яду, чѣмъ мучить нестерпимою жаждою!—упрекнулъ онъ насъ всѣхъ.

— Нельзя-ли попытать достать воды въ cueva?—предложила Майя.

— Невозможно!—отвѣтилъ ея отецъ.—Это будетъ смертью для всѣхъ насъ!

— Конечно! Лучше одинъ, чѣмъ всѣ четверо!—проговорилъ сеннoръ.

— Отецъ!—обратилась Майя къ Зибальбаю.—Ты долженъ взять лучшаго мула и поспѣши къ роднику. Луна свѣтитъ достаточно, и ты можешь вернуться обратно съ водою черезъ восемь или девять часовъ!

— Это безполезно!—перебилъ ее сеннoръ.—Я столько не проживу! Въ горлѣ у меня костеръ горитъ!

Зибальбай пожалъ плечами: онъ тоже былъ того мнѣнія, что ѣхать ему безполезно. Но Майя опять настойчиво обратилась къ нему и сказала:

— Ты ѣдешь, или я поѣду?

Тогда онъ отошелъ, что-то ворча себѣ въ бороду, и черезъ нѣсколько минутъ въ степи послышался топотъ ногъ удалявшагося мула.

— Не бойтесь, сенноръ,—сказалъ я ему,—это ядъ такъ васъ изсушилъ, но жажда васъ не убъетъ... Жаль, что у насъ нѣтъ никакого усыпляющаго средства!

Онъ лежалъ нѣкоторое время неподвижно, но по судорожнымъ движеніямъ его рукъ и лица можно было видѣть, что онъ очень страдаетъ

— Майя,—произнесъ онъ наконецъ,—не можете ли вы найти холоднаго камня, чтобы положить мнѣ въ ротъ?

Она отыскала камешекъ, который онъ взялъ въ ротъ. Сенноръ, подержавъ его во рту, выплюнулъ, и мы увидѣли, что онъ былъ совершенно сухой.

— Развѣ вы злые духи, что такъ мучаете меня? Что же вы стоите и смѣетесь надо мною? Дайте же мнѣ хоть каплю воды!

— Я не могу дольше видѣть этихъ мученій! — обратилась ко мнѣ Майя.—Останьтесь съ нимъ, Донъ-Игнасіо!

— Вы правы: это зрѣлище не для дѣвушки. Идите и засните, а я останусь бодрствовать!

Она укоризненно посмотрѣла на меня, но ничего не сказала. Она отошла шаговъ тридцать и въ раздумьѣ опустилась на землю. Все дальнѣйшее я пишу съ ея словъ, какъ она мнѣ потомъ подробно разсказывала. Она пришла къ убѣжденію, что безъ воды сеннорь не проживетъ ночи, и что ея отецъ, при всей поспѣшности, не успѣетъ вернуться во время. Онъ умиралъ, и она чувствовала, какъ постепенно исходитъ изъ нея ея собственная жизнь. Спасти его можетъ только вода, и воду надо непремѣнно достать. Но гдѣ? Одна cueva! Если прежніе жители спускались внизъ и дѣлали это ежедневно, то развѣ оно совершенно невозможно теперь? Она была молода и сильна, къ тому же съ дѣтства привыкла къ лазанію по городскимъ

стѣнамъ и кручамъ.. отчего ей не сдѣлать попытки? И что за важность, если она убьется на смерть, разъ что онъ обреченъ на смерть?

Я продолжалъ стоять около умирающаго друга и молилъ небо о спасенiи его жизни. Въ это время ко мнѣ подошла Майя и сказала:

— Вы думаете, что любите его? Если я останусь жива, то я, которую вы презираете, докажу вамъ, что такое любовь!

Я не придалъ этимъ словамъ никакого значенiя, потому что считалъ ихъ сумасбродными.

Она скрылась. Потомъ я узналъ, что она взяла веревку, небольшое ведро, которое привязала себѣ за плечи, ножъ, кремень и трутъ. Быстро добѣжала она черезъ кусты до входа въ пещеру, тамъ срѣзала нѣсколько сучковъ алоэ, которые сбросила внизъ. Вслѣдъ за ними дѣвушка бросила одинъ зажженный факелъ, чтобы хоть немного освоиться съ предстоящимъ спускомъ. Потомъ Майя зажгла еще одну вѣтку, утвердивъ ее у самаго входа въ колодезь и стала спускаться.

Откровенно сознавалась она, что ее пугали порывы вѣтра, казавшiеся ей дыханiемъ отошедшихъ въ вѣчность предковъ. Индiанка осталась совершенно безъ одежды, чтобы имѣть полную свободу движенiй; веревка съ ведромъ на спинѣ, въ которое она положила трутъ и кремень, не могла ей мѣшать. Она съ твердою рѣшимостью поставила одну ногу въ ближайшую высѣчку скалы и потомъ, придерживаясь руками и осторожно ощупывая дальнѣйшiя ступени, двинулась въ трудный и опасный путь. Въ одномъ мѣстѣ у нея подъ ногою не оказалось ступени. Ужасъ охватилъ ее, но отважная дѣвушка не потерялась и стала ощупывать дальше, и оказалось, что одна высѣчка испортилась, и ей сразу пришлось опуститься на два фута. Затѣмъ она стала считать, сколько ей еще оставалось ступенекъ. До низу ихъ оказалось еще семьдесятъ семь. Майя запомнила это число, чтобы при подъемѣ сумѣть орiентироваться. Ступивъ на дно этой глубокой трубы, она перевела духъ, потомъ зажгла одинъ изъ факеловъ и осмотрѣлась. Несмотря на всю душевную тревогу, окружающая картина произвела на нее огромное, хотя нѣ-

сколько безотчетное впечатлѣніе, по своей дикой и величественной красотѣ. Какъ велико было то внутреннее углубленіе, въ которомъ она очутилась, осталось для нея невыясненнымъ, такъ какъ факелъ освѣщалъ сравнительно небольшое пространство. Индіанка пошла, руководимая инстинктомъ и ощущеніемъ большой прохлады въ одномъ изъ концовъ. Неожиданно она наткнулась на поворотъ въ сторону и, пройдя еще нѣсколько шаговъ, увидѣла отраженіе своего факела въ небольшомъ озерѣ чистой прозрачной воды. Здѣсь стѣны расширились, составляя сталактитовый сводъ надъ подземнымъ водоемомъ. Быстро наполнивъ ведро, Майя пошла въ обратный путь. Опять зажегши факелъ, который былъ оставленъ внизу, она стала подниматься. Это было гораздо труднѣе, такъ какъ привязанное за спиною ведро съ водою оттягивало, веревка рѣзала плечи, но храбрая дѣвушка поднималась все выше по отвѣсной стѣнѣ, цѣпляясь только за высѣчки ступенекъ. На семьдесятъ седьмой ступени ей грозила большая опасность, она чуть не оступилась и не слетѣла внизъ, но отчаяннымъ усиліемъ удержалась уже твердо продолжала подъемъ. Недалеко отъ выхода силы стали ей измѣнять. Она могла уже мысленно предоставить себѣ, какъ сравнительно мало осталось ей пройти—и вдругъ она не сможетъ и отъ слабости должна будетъ упасть внизъ. Тяжелое ведро очень ее затрудняло. У ней мелькнула мысль, что если выплеснуть воду, то можно будетъ вылѣзть самой, но мысль о страданіяхъ сеннора одолѣла мысль о собственномъ спасеніи; эта же мысль подкрѣпила ея слабѣвшія силы, и она, наконецъ, опять стояла у входа страшнаго колодца, но съ цѣлымъ сокровищемъ въ рукахъ. Накинувъ снятое платье, Майя бѣгомъ бросилась къ намъ.

Тѣмъ временемъ я предавался очень горькимъ размышленіямъ. Я тоже увидѣлъ, что есть возможность спасти угасающую жизнь, что для этого надо только спуститься въ сиеѵа. Въ молодости я былъ довольно силенъ и ловокъ, работалъ въ рудникахъ и могъ рѣшиться на это дѣло, хотя въ послѣдніе годы страдалъ головокруженіемъ. Я могъ попытаться и долженъ былъ это сдѣлать. Я окликнулъ Майю.

— Сеннора, сеннора! Гдѣ вы?

— Здѣсь!—отвѣчалъ голосъ издалека.—Что съ нимъ, живъ онъ или умеръ?

— Нѣтъ! Но безъ воды онъ не проживетъ и часа. Я рѣшилъ достать ему воды, а если погибну, то скажите вашему отцу, отчего онъ меня здѣсь не встрѣтитъ. Отдайте ему мою половину нашего символа, а сеннору скажите, чтобы онъ не шелъ дальше, а возвращался въ Мексику. Прощайте, сеннора!

— Постойте, Донъ-Игнасіо!—отвѣтила она мнѣ уже совершенно близко.—Я уже достала воды изъ пещеры!

Я слова не могъ произнести отъ изумленія и стыда, что чужая дѣвушки была мужественнѣе меня, который столь многимъ обязанъ сеннору. Я хотѣлъ о чемъ-то ее спросить, но она въ изнеможеніи опустилась на колѣни и потомъ упала въ обморокъ. Взявъ воду, я подошелъ къ Стриклэнду и прежде всего провелъ намоченною рукою по его губамъ. Одно прикосновеніе влаги оживило его.

— Это вода, я чувствую воду!—скорѣе догадался, чѣмъ разслышалъ я слабый голосъ друга.

Сердце мое переполнилось радостью. Я осторожно давалъ ему пить, хотя онъ просилъ и умолялъ дать еще и еще. Въ теченіе цѣлаго часа я такъ, капля по каплѣ, поилъ его, глаза немного прояснились, щеки утратили свой мертвенный обликъ.

— Эта вода спасла меня!—проговорилъ онъ.—Кто ее досталъ?

— Я разскажу объ этомъ завтра,—отвѣтилъ я,—а теперь постарайтесь заснуть, если можете!

XIII.

Клятва.

Вставъ на разсвѣтѣ, я зажегъ костеръ, чтобы приготовить горячую пищу сеннору, продолжавшему крѣпко спать. Ко мнѣ подошла Майя, и я увидалъ, что ея руки и ноги были расцарапаны.

— Сеннора,—обратился я къ ней,—прошлою ночью я про-

изнесъ оскорбительныя слова, которыя прошу мнѣ простить. Я вижу, какъ былъ неправъ по отношенію къ вамъ. Простите меня, и я обѣщаю быть вамъ вѣрнымъ слугою, если только моя услуга можетъ когда-либо потребоваться!

— Благодарю сердечно за эти слова, Донъ-Игнасіо, и готова забыть тѣ, которыя вырвались у васъ вчера ночью. Вы угадали мою тайну, и я не стыжусь ея. Я только сожалѣю, что такъ мало стою сеннора. Прошу васъ, чтобы вы не вооружали его противъ меня и не разлучали насъ, если моя любовь тронетъ его, а напротивъ оказали намъ всякое содѣйствіе...

— Вы требуете отъ меня большой клятвы, касающейся будущаго, которое никому невѣдомо...

— Знаю, сенноръ, но вспомните, что вашъ другъ, который теперь такъ спокойно спитъ, еслибы не я, былъ бы бездыханнымъ трупомъ. Вспомните, что вы стремитесь попасть въ Столицу Сердца, гдѣ выгодно имѣть во мнѣ друга... Не давайте обѣщанія, если не хотите, но знайте, что я буду вамъ страшнымъ тайнымъ врагомъ!

— Не къ чему мнѣ угрожать. Я не боюсь угрозъ. Онъ самъ себѣ господинъ, и потому обѣщаю, что не буду становиться между вами обоими... Смотрите: онъ просыпается!

Майя подошла къ костру, сняла котелокъ, и мы подошли къ сеннору.

— Вотъ горячая пища! — сказала дѣвушка, но сеннорь съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее и спросилъ:

— Что такое случилось, Майя?

— Вчера вечеромъ, доставая мнѣ цвѣтокъ, вы были укушены змѣею и чуть не умерли!

— Помню. И конечно умеръ бы, если бы вы не высосали кровь изъ раны и не стянули мнѣ такъ крѣпко руку. А дальше?

— Когда миновала опасность отравленія, васъ стала мучить сильная жажда, а у насъ не было ни одной капли воды для васъ!

— Да, помню и это. Никому не пожелаю испытать такого мученія. Но я пилъ воду и ожилъ. Кто принесъ ее мнѣ?

— Отецъ отправился верхомъ къ источнику...

— Онъ вернулся?

— Нѣтъ еще!

— Значитъ, не онъ привезъ воду. Откуда же она появилась?

— Изъ куэвы, которую мы вмѣстѣ вчера осматривали...

— Кто же спустился туда? Вѣдь она недоступна!

— Я спустилась!

— Вы?.. Нѣтъ, это немыслимо! Не шутите, скажите, кто туда спустился?

— Я не шучу, сенноръ! Вы умирали отъ жажды, а отецъ не могъ успѣть вернуться... Тогда я взяла ведро и спустилась внизъ. Мнѣ посчастливилось вернуться невредимою и во время, чтобы предупредить Донъ-Игнасіо, который собирался сдѣлать то же. Я разскажу объ этомъ послѣ подробнѣе, а теперь надо ѣсть...

Сенноръ Стриклэндъ протянулъ къ ней руки и заключилъ въ свои объятія. Такимъ образомъ они безмолвно объяснились въ любви среди дикой пустыни, при одномъ молчаливомъ свидѣтелѣ, которымъ былъ я.

— Не забудьте, что я только простая индѣйская дѣвушка,— проговорила она, — а вы вѣдь господинъ среди бѣлыхъ. Хорошо ли вамъ любить меня?

— Очень хорошо, потому что вы благороднѣйшая дѣвушка, когда-либо видѣнная мною, и вы спасли мнѣ жизнь!

Зибальбай вернулся только къ полудню. Мулъ споткнулся объ острый камень и захромалъ.

— Онъ еще живъ?—спросилъ старикъ у дочери.

— Да, отецъ!

— Крѣпокъ-же онъ! Я думалъ, что жажда непремѣнно убьетъ его раньше!

— Ему дали воды... Я спустилась въ куэву и достала воды!—добавила она послѣ нѣкотораго колебанія.

Старикъ съ изумленіемъ взглянулъ на дѣвушку.

— Какъ это у тебя достало мужества спуститься въ это страшное мѣсто?

— Желаніе спасти друга... Вѣдь я знала, что ты не успѣешь вернуться!

Зибальбай задумался и медленно проговорилъ:

— Мнѣ кажется, что лучше было дать умереть этому бѣлому человѣку, я боюсь, что онъ причинитъ намъ много затрудненій. Богамъ было угодно сохранить твою жизнь, и помни, что она принадлежитъ имъ, и что мы должны идти по пути, который они избрали для тебя, а не тому, который ты выберешь себѣ сама. Помни также, что въ Столицѣ Сердца тебя ожидаетъ нѣкто, который можетъ многое сказать противъ твоей дружбы съ бѣлымъ пришельцемъ!

Въ тотъ же вечеръ, отозвавъ меня въ сторону, Майя передала мнѣ слова своего отца.

— Я вижу, что не обойдусь безъ вашей помощи, Донъ-Игнасіо, такъ какъ отецъ будетъ противъ меня, если мои желанія будутъ мѣшать его планамъ. Я убѣждена только въ одномъ, что моя жизнь не во власти боговъ, я утратила вѣру въ тѣхъ, которымъ поклонялись отецъ и я, если только когдаибудь имѣла эту вѣру!

— Вы говорите горячо, но я полагаю, что было бы осторожнѣе, чтобы вашъ отецъ не слышалъ такихъ словъ!

— Развѣ вы вѣрите нашимъ богамъ, Донъ-Игнасіо?—спросила она меня удивленно.

— Нѣтъ, сеннора! Я христіанинъ и не признаю идоловъ и не желаю имѣть общенія съ ихъ поклонниками!

— Понимаю. Вы хотите имѣть общеніе только въ богатствахъ этихъ поклонниковъ. Но почему бы и мнѣ не стать христіанкою? Я уже многое узнала о вашей вѣрѣ и нахожу, что она чиста, велика и спасительна для насъ смертныхъ!

— Отъ души желаю вашего полнаго просвѣтлѣнія!—отвѣтилъ я.—Но не похристіански упрекать меня въ стремленіи къ богатствамъ, которыхъ я домогаюсь лишь въ интересахъ своего народа, а не для себя!

— Простите меня, Донъ-Игнасіо. Языкъ мой былъ рѣзокъ, какъ и вашъ еще надавно... Но я слышу, что сеннорь зоветъ меня!

Два дня еще пришлось намъ пробыть на мѣстѣ, пока сеннoръ не окрѣпъ на столько, что могъ продолжать путь. Десять дней мы двигались по пустынной равнинѣ и только на одиннадцатый дошли до пологихъ склоновъ довольно высокихъ горъ. Еще черезъ сутки мы достигли линіи снѣговъ и были вынуждены оставить муловъ, которыхъ нечѣмъ было бы кормить. Эту ночь мы провели, зарывшись въ снѣгу и тщетно стараясь заснуть: время отъ времени насъ будили отдаленный шумъ, похожій на раскаты грома: это были падающія съ горъ лавины.

— Какъ долго лежитъ нашъ путь въ снѣгахъ?—спросилъ я Зибальбая.

— Смотри,—отвѣтилъ онъ, указывая рукою на мѣсто, откуда появился первый лучъ восходящаго солнца.—Тамъ высшая точка нашего подъема, и тамъ мы будемъ сегодня передъ закатомъ!

Нѣсколько ободренные этими словами, мы собрались и пустились въ путь. Къ счастью, подъемъ не былъ очень крутъ, и мы, съ небольшими остановками для отдыха, успѣли еще засвѣтло добраться до цѣли. Передъ нами, точно изъ земли, выросли высокія, почти отвѣсныя скалы, бѣжавшія въ обѣ стороны на подобіе искусственныхъ крѣпостныхъ стѣнъ

— Намъ нужно взобраться на эту стѣну?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Зибальбай на мой вопросъ.—Есть путь внизу. Дважды въ прежнія времена доходили сюда толпы бѣлыхъ завоевателей, но, не найдя прохода, возвращались домой, хотя руки ихъ были у самой двери!

— Эти скалы окружаютъ священную долину со всѣхъ сторонъ?—спросилъ сеннoръ.

— Нѣтъ, бѣлый человѣкъ, нѣтъ! Онѣ оканчиваются черезъ нѣсколько дней пути къ западу, но тамъ придется упереться въ непроходимое болото. Горы можно обойти и съ востока, но для этого надо три дня идти по горамъ и пропастямъ. Только одному человѣку это удалось, странствующему индѣйцу, пришедшему къ намъ еще при моемъ дѣдѣ. Теперь подождите, я пойду искать...

— Вы рады, что находитесь на порогѣ своего дома?—спросилъ сеннoръ молодую дѣвушку.

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—въ пустынѣ я знала счастье, а здѣсь и меня, и васъ ожидаетъ только одно горе. Если я, дѣйствительно, дорога вамъ, то бѣжимъ обратно и поселимся среди людей вашего народа.

Она умоляюще сложила руки.

— Какъ? Оставить вашего отца и Дона Игнасіо однихъ кончать путешествіе?

— Вы мнѣ больше, чѣмъ отецъ, хотя вамъ, быть можетъ, Донъ Игнасіо дороже, чѣмъ я!

— Нѣтъ, Майя. Но пройдя такъ далеко, я хочу видѣть священный городъ!

— Какъ вамъ угодно!—сказала она съ глубокою грустью.— Вонъ отецъ нашелъ проходъ и зоветъ насъ!

Зибальбай стоялъ отъ насъ въ сотнѣ шаговъ, но мы не видѣли никакого прохода.

— Хотя я вамъ довѣряю и надѣюсь, что небо соединило насъ для своихъ великихъ цѣлей,—сказалъ онъ,—но слѣдуя старому закону и повинуясь клятвѣ не пропускать въ городъ ни одного чужестранца, я долженъ завязать вамъ глаза. Дочь моя, сдѣлай это!

Она повиновалась и, завязывая повязку, шепнула каждому изъ насъ:

— Не бойтесь, я буду вашими глазами!

Съ этой минуты мы были какъ во тьмѣ. Пройдя немного, ведомые за руки, мы остановились. Наши проводники отошли нѣсколько въ сторону, и мнѣ показалось, что они отодвигаютъ что-то очень тяжелое. Затѣмъ мы стали спускаться по довольно покатому склону, но шли по столь узкому проходу, что своими плечами постоянно задѣвали его бока, а иногда насъ очень низко заставляли наклонять головы. Послѣ многихъ крутыхъ поворотовъ, проходъ расширился, и мы пошли свободнѣе.

— Снимите повязки!—послышался голосъ Зибальбая.

Нѣсколько освоившись со свѣтомъ, мы съ любопытствомъ осмотрѣлось кругомъ. Я подумалъ, что нахожусь на днѣ глубокой разщелины скалы, вѣроятно, вулканическаго происхожденія. Вдоль шла искусственно сооруженная дорога на-

столько хорошаго исполненія, что прошедшіе вѣка и снѣговые завалы не могли ее разрушить, и по ней было совершенно легко идти. По обѣимъ сторонамъ были видны пещеры съ отверстіями, но онѣ находились на извѣстной высотѣ, и безъ лѣстницы въ нихъ было трудно попасть.

— Что это? Мѣсто для погребенія умершихъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Зибальбай,—это бывшія жилища дикихъ людей, которые не боялись холода и питались малымъ. Преслѣдуя ихъ, основатель Священнаго Города открылъ проходъ, по которому мы шли, и такимъ образомъ нашелъ тотъ роскошный плодоносный островъ и долину съ озеромъ, на которомъ расположена нынѣ Столица Сердца... Но будемъ спѣшить, иначе ночь застигнетъ насъ въ проходѣ!

Равнина, или вѣрнѣе ущелье, по которому мы шли, опять суживалась, и мы очутились въ туннелѣ въ сильной темнотѣ.

— Не бойтесь,—сказалъ намъ Зибальбай, — проходъ коротокъ, и здѣсь нѣтъ ямъ!

Черезъ нѣсколько минутъ впереди опять появился свѣтъ и, немного погодя, мы были уже по ту сторону горъ. Не останавливаясь, Зибальбай свернулъ направо, и еще черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ мы очутились у двери дома, построеннаго изъ дикаго камня.

— Входите,—обратился онъ къ намъ,—и добро пожаловать вамъ въ страну Сердца!

Дверь была открыта имъ настежь порывистымъ движеніемъ руки, предъ нами мелькнулъ яркій пламень огня, и мужественный голосъ спросилъ:

— Кто тамъ?

Зибальбай вошелъ, ничего не отвѣтивъ. Въ довольно просторной, съ низкими сводами, комнатѣ за столомъ сидѣли мужчина и женщина, ужиная.

— Такъ то вы сторожите наше возвращеніе?—грозно сказалъ нашъ спутникъ. — Посторонитесь-же и приготовьте намъ поѣсть, такъ какъ мы умираемъ отъ голода и холода!

Мужчина медлилъ, но его жена, имѣвшая возможность видѣть лица вошедшихъ, быстро схватила мужа за рукавъ, говоря:

— На колѣни! Это кацикъ возвратился обратно!

— Прости, о господинъ мой!—воскликнулъ онъ тогда.—Но, говоря правду, мнѣ такъ часто говорили въ городѣ, что ни ты, ни наша госпожа никогда не вернутся, что я счелъ васъ за пришельцевъ съ того свѣта. То же самое подумаютъ и въ самомъ городѣ, гдѣ Тикаль правитъ вмѣсто тебя!

— Замолчи!—грозно повелѣлъ Зибальбай.—Мы оставили здѣсь наши одежды. Принеси ихъ во внутреннія комнаты, а также достань другія для моихъ гостей, а твоя жена пусть готовитъ ужинъ!

Хозяинъ поклонился до земли и ушелъ. Его примѣру послѣдовала жена, предварительно помѣшавъ очагъ и положивъ еще нѣсколько полѣньевъ дровъ. Мы встали вокругъ огня и съ наслажденіемъ отогрѣвались.

— Что это за домъ?—спросилъ сеннор.

Зибальбай, погруженный въ глубокую думу, не разслышалъ вопроса, и отвѣтила на него Майя.

— Жалкая хижина, которою пользуются охотники за дикими козами. Эти люди здѣсь сторожа, и имъ было поручено встрѣтить насъ при возвращеніи, но, повидимому, они объ этомъ забыли. Теперь, простите меня, сеннор, но я пойду помочь имъ въ приготовленіяхъ. Отецъ, идемъ...

Вскорѣ вернулся хозяинъ за какимъ-то дѣломъ, но при видѣ сеннора, онъ въ изумленіемъ остановился предъ нимъ, глядя во всѣ глаза и бормоча мало понятныя слова.

— Что съ нимъ и что ему отъ меня нужно? спросилъ меня сеннор по испански.

— Онъ удивленъ вашею бѣлою кожею и свѣтлыми волосами. Онъ говоритъ, что не осмѣливается обратиться къ вамъ, такъ какъ вы, вѣроятно, сошедшій на землю небожитель... Онъ проситъ меня передать вамъ, что вода для омовенія и одежды приготовлены для насъ въ особой комнатѣ!

Мы послѣдовали за индѣйцемъ, который ввелъ насъ въ небольшую комнату, выходившую, какъ и нѣсколько сосѣднихъ, въ длинный корридоръ. Тутъ мы нашли два ложа съ мѣховыми покрывалами, а также приготовленныя для насъ одежды:

«Зибальбай вскочилъ съ мѣста, осыпая дочь проклятіями»... (къ стр. 151).

полотняная длинная рубашка и serape, плащъ изъ сѣрыхъ и черныхъ перьевъ, прикрѣпленныхъ къ льняной основѣ. На полу стояла теплая вода въ двухъ большихъ тазахъ. Сенноръ съ удивленіемъ обратилъ вниманіе, что они были изъ чеканнаго серебра.

— Здѣсь люди, должно быть, очень богаты, если даже обиходную утварь своихъ постоялыхъ дворовъ дѣлаютъ изъ серебра. До сихъ поръ всѣ разговоры о священномъ городѣ, въ которомъ Зибальбай былъ кацикомъ, а Майя наслѣдницею, казались мнѣ баснями, но теперь я готовъ согласиться, что въ нихъ много правды, а почтительность этого индѣйца показываетъ, что Зибальбай здѣсь важная особа!

Потомъ мы облачились въ новыя одежды, не безъ труда, потому что ихъ покрой былъ намъ чуждъ, и отправились въ столовую комнату. Тамъ насъ встрѣтила Майя, но такъ измѣнившаяся, что ее трудно было признать. На ней былъ шелкъ, затканный золотомъ, браслеты и драгоцѣнные камни.

— Какъ и вы, я переодѣлась... Или вамъ не нравится мой нарядъ?

— Не нравится. Я никогда не видѣлъ лучшаго! — возразилъ сенноръ.

— Не видали лучшаго? Между тѣмъ, это одинъ изъ самыхъ простыхъ, которые у меня есть. Подождите, когда мы будемъ дома, я покажу вамъ еще лучшіе!

— Я не знаю, что мнѣ больше нравится: вашъ нарядъ или вы сами!

— Тише, другъ! Здѣсь нельзя говорить такъ свободно! — остановила Майя сеннора. — По ту сторону горъ я была вашимъ товарищемъ, а здѣсь я повелительница Сердца!

— Тогда я предпочелъ бы, чтобы вы оставались прежнею индѣйскою женщиною... Или вы, быть можетъ, шутите?

— Я вовсе не шучу! — проговорила она съ подавленнымъ вздохомъ. — Вы должны быть осторожны, не то будетъ плохо вамъ или мнѣ, или намъ обоимъ. Здѣсь я первая дама, а мой двоюродный братъ будетъ, конечно, наблюдать за мною. Вотъ идетъ отецъ...

Одѣтъ онъ былъ довольно просто, какъ и мы, только на

шеѣ висѣла толстая золотая цѣпь съ привѣшеннымъ къ ней золотымъ-же изображеніемъ символическаго сердца. Мы замѣтили, что Майя ему поклонилась, на что онъ отвѣтилъ кивкомъ головы, а оба индѣйца, принесшіе пищу, каждый разъ, когда онъ проходилъ мимо нихъ, кланялись ему до земли. Намъ обоимъ было ясно, что нашей дорожной дружбѣ пришелъ конецъ, и теперь предъ нами властный царь.

— Кушанье готово!—сказалъ онъ.—Прошу садиться и ѣсть. Садись и ты, дочь. Ты можешь не стоять предо мною, мы все еще какъ бы въ пути и можемъ отбросить церемоніалъ, пока не будемъ въ стѣнахъ Священнаго Города!

Мы ѣли что-то очень вкусное, но неизвѣстное, и запивали сокомъ, похожимъ на вино. Глядя на сеннора, я ясно видѣлъ, что у него тяжело на сердцѣ. Въ дорогѣ онъ былъ какъ бы нашимъ начальникомъ, а здѣсь Зибальбай, до сихъ поръ называвшій его «сенноръ» или «другъ», обращаясь къ нему теперь, говорилъ «чужеземецъ» или еще одно индѣйское слово, которое значитъ «незнакомецъ». То же было и по отношенію ко мнѣ. Но меня ожидала пріятная неожиданность: лишенный всякой возможности курить въ продолженіе шести недѣль, я увидѣлъ, что индѣецъ несетъ особыя сигары, сдѣланныя изъ табаку, завернутаго въ тонкую солому индѣйской ржи.

— Ты сейчасъ отправишься,—повелительно обратился къ вошедшему Зибальбай,—въ село хлѣбопашцевъ и моимъ именемъ велишь старшинѣ прислать мнѣ четверо носилокъ и носильщиковъ къ пяти часамъ послѣ восхода солнца. Ты предупредишь ихъ также, чтобы наготовѣ были лодки для переправы черезъ озеро. Но если жизнь ему дорога, пусть никто въ городѣ не знаетъ о моемъ возвращеніи!

Индѣецъ низко поклонился, взялъ свой плащъ и вышелъ.

— Какъ далеко до деревни?—спросилъ сенноръ.

— При плохой дорогѣ шесть часовъ, если только онъ въ темнотѣ не свалится въ пропасть,—отвѣтилъ Зибальбай.—Уже поздно, и время отдыхать; идемъ дочь. Спокойной вамъ ночи!

Майя встала и, прощаясь, подала сеннору, руку которую онъ почтительно исцѣловалъ.

❦

— Какъ хорошо затянуться табакомъ!—сказалъ онъ, когда мы остались одни.—А замѣтили ли вы, другъ, какъ перемѣнился Зибальбай? Я никогда не былъ очарованъ его характеромъ, но теперь ничего не понимаю!

— Мнѣ кажется, сенноръ, что, подобно нѣкоторымъ католическимъ патерамъ, онъ страшный фанатикъ. Онъ властолюбивъ и деспотиченъ. Онъ не пощадитъ ни себя, ни другихъ, если имѣетъ въ виду благо страны, которою правитъ, или славу его боговъ. Какая у него должна быть сила воли, если почитаемый, какъ божество, онъ явился въ нашу страну подъ видомъ нищенствующаго врача и рѣшился пройти тотъ путь, который никто изъ его народа не проходилъ за много поколѣній. Онъ все перенесъ безъ ропота, потому что цѣль его странствія была достигнута!

— Въ чемъ же эта цѣль? Я до сихъ поръ ее плохо понимаю и при чемъ мы тутъ!

— Цѣль всей его жизни—возстановить павшее царство Сердца. Я не вѣрю богамъ Зибальбая, но вѣрю его видѣніямъ, такъ какъ они привели его ко мнѣ. Ни одинъ изъ насъ порознь не можетъ достигнуть успѣха!

— Почему это?

— Мнѣ нужны средства, а ему люди. Если онъ дастъ мнѣ средства, я доставлю ему людей тысячами!

— Начинаю понимать, но боюсь, что вамъ встрѣтятся большія препятствія на вашемъ пути. Но что должны дѣлать Майя и я, которые не собираемся возстановлять царства? Мы будемъ простыми зрителями?

— Какъ можно такъ говорить! Она вѣдь наслѣдница своего отца, а вы оба... стали такъ близко другъ къ другу!—добавилъ я послѣ минутнаго размышленія.

— Я не думалъ, что вы замѣтили нашу взаимную привязанность, Игнасіо. Я ничего не говорилъ, такъ какъ знаю, что вы ненавидите женщинъ!

— Я не совсѣмъ слѣпъ, сенноръ. Къ тому же, нельзя не замѣтить, когда въ жизнь друга входитъ женщина. Нѣтъ, вы не можете не быть дѣйствующимъ лицомъ, но какая ваша роль—

не знаю. Она зависитъ, впрочемъ, отъ откровенія боговъ Зибальбаю, или, собственно, того, что онъ приметъ за откровеніе. Онъ расположенъ къ вамъ пока, такъ какъ допускаетъ, что оракулъ признаетъ васъ сыномъ Кветцала, который спасетъ весь народъ. Таково пророчество. Но будьте осторожны; если онъ придетъ къ обратному заключенію, то смететъ васъ съ лица земли, и вы должны будете разстаться съ Майею!

— Этого никогда не случится, пока я живъ!

— Можетъ быть, но тѣ, которые мѣшаютъ жрецамъ или земнымъ владыкамъ, не долго живутъ. Еще нѣтъ основаній падать духомъ: я здѣсь нуженъ и потому могу во многомъ помочь. Я далъ Майѣ клятву, что сдѣлаю для васъ обоихъ все, что только буду въ состояніи сдѣлать. Быть можетъ, что и вы поможете мнѣ!

— Во всякомъ случаѣ, мы будемъ держаться вмѣстѣ. Но о будущемъ рано толковать, а теперь пора спать. Вѣрно только одно, что если только не умретъ Майя, не умру и я, то она будетъ моей женой.

XIV.

Сердце міра.

Было еще совершенно темно, когда на слѣдующее утро насъ разбудилъ голосъ Зибальбайя:

— Вставайте! Пора двигаться въ путь!

— Развѣ носилки здѣсь?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Они могутъ быть только чрезъ нѣсколько часовъ. Но я непремѣнно желаю быть сегодня въ городѣ и потому пойдемъ навстрѣчу носильщикамъ!

Въ общей комнатѣ мы застали нашихъ спутниковъ уже совершенно готовыми. На столѣ стояла пища.

— Кушайте и идемте!—торопилъ насъ старикъ.

Вѣтра не было, но холодъ былъ довольно сильный, и мы старались согрѣться скорою ходьбою. Когда стало свѣтать, я замѣтилъ, что вся окружающая мѣстность, на далекое разстояніе, понижалась, образуя какъ бы очертаніе чаши, окаймлен-

ной съ боковъ горами. Вдали виднѣлось озеро, священныя воды, въ которое текли многочисленные ручьи съ сосѣднихъ склоновъ. Но больше всего я обратилъ вниманіе на густой туманъ, точно наполнившій воздухъ; вскорѣ онъ сталъ разсѣиваться,—и нашимъ очарованнымъ глазамъ представилась величественная панорама. Необычайность картины заставила меня даже остановиться. Серебристые ручьи протекали по зеленой долинѣ, за нею виднѣлись рощи, вдали блестѣло озеро, а на большомъ островѣ посреди озера возвышался священный городъ, очертанія котораго выступали на небесной синевѣ.

— Тамъ находится моя родина!—произнесла Майя, не безъ нѣкоторой гордости.—Нравится она вамъ, бѣлый человѣкъ?

— Она мнѣ такъ нравится, что я меньше, чѣмъ когда либо, понимаю, зачѣмъ вы такъ хотите ее покинуть?

— Потому, что хотя въ городѣ, въ окрестностяхъ и на днѣ озера заключается множество разныхъ богатствъ, но намъ приходится жить среди людей, и отъ нихъ ожидать себѣ счастья!

— Иные полагаютъ, что счастье въ насъ самихъ, Майя!— сказалъ ей на это сеннoръ.—Я думаю, что можно быть счастливымъ въ такой странѣ!

— Вы думаете такъ теперь, но когда будете въ городѣ, то измѣните свое мнѣніе. Если бы вы дѣйствительно думали только о мнѣ, то намъ лучше было остаться по ту сторону горъ. Но вы стыдились бѣдной индѣйской дѣвушки, которая оказалась достаточно красивою, чтобы васъ прельстить, и которая имѣла счастье спасти вашу жизнь. Вамъ было бы стыдно жениться на мнѣ по обычаямъ вашей родины и ввести въ свой домъ дочь сумашедшаго индѣйца, котораго вы застали въ рукахъ шайки разбойниковъ—здѣсь я, какъ женщина, имѣю высокую цѣну, больше чѣмъ всякая бѣлая женщина...

— Вы несправедливы ко мнѣ! Вамъ стыдно говорить со мною такъ безъ всякаго повода!

— Быть можетъ, я несправедлива, но насъ ожидаетъ много затрудненій. Прежде всего Тикаль...

— Что нужно Тикалю?—спросилъ сеннoръ.

— Ему нужно жениться на мнѣ и сдѣлаться по этому праву кацикомъ страны; во всякомъ случаѣ, онъ не уступитъ меня безъ борьбы. Потомъ мой отецъ, служащій только двумъ господамъ: своимъ богамъ и своей странѣ, который видитъ во мнѣ лишь орудіе для своихъ цѣлей;—и въ васъ тоже. Наши свѣтлые дни миновали, наступили черные, а за ними идетъ темная ночь. Тамъ намъ рѣдко придется бесѣдовать, я окружена придворными, которые смотрятъ за каждымъ моимъ шагомъ. Кромѣ того, за мною всегда наблюдаетъ мой отецъ!

— Теперь и я начинаю сожалѣть, что не послѣдовалъ вашему совѣту остаться по ту сторону горъ... Но не можемъ-ли мы спастись бѣгствомъ?

— Нѣтъ, поздно. Насъ поймаютъ. Остается только идти навстрѣчу судьбѣ. Только поклянись мнѣ теперь, моими богами или твоимъ, или чѣмъ инымъ самымъ тебѣ дорогимъ, что пока я жива, ты не измѣнишь мнѣ, какъ я буду вѣрна, пока не умру!

Она взяла его за руку и вопросительно смотрѣла ему въ глаза. Въ эту минуту Зибальбай, шедшій все время впереди, случайно обернулся и увидѣлъ ихъ.

— Подойдите сюда, дочь и вы, бѣлый человѣкъ, и слушайте оба. Я старъ, но зрѣніе и слухъ еще хороши, хотя въ пустынѣ я не придавалъ большого значенія многому, что видѣлъ и слышалъ. Здѣсь, въ моей странѣ, оно иначе. Замѣтьте, бѣлый человѣкъ, что Госпожа Сердца неизмѣримо выше васъ и на этой высотѣ должна остаться. Поняли?

— Вполнѣ!—отвѣтилъ сенноръ, съ трудомъ сдерживая свой гнѣвъ.—Но жаль, кацикъ, что вы не сказали мнѣ тогда, когда мы спасали вашу жизнь, что я не достойный товарищъ для вашей дочери; вѣдь безъ насъ отъ васъ остались бы теперь однѣ только кости!

— Вы были посланы богами, чтобы служить мнѣ, и вы были мнѣ нужны,—спокойно возразилъ Зибальбай,—вы можете мнѣ и опять понадобиться. Если бы не эта возможность, то мы разстались бы за горою!

— Жаль, что этого не случилось!—воскликнулъ сенноръ.

— Я тоже, быть можетъ, объ этомъ пожалѣю. Но вы здѣсь, а не тамъ, и до конца вашей жизни. Мнѣ хочется только сказать, что вы въ моей власти. Одно мое слово можетъ поставить васъ очень высоко или зарыть глубоко въ землю. Поэтому будьте осторожны и принимайте съ благодарностью, что вамъ будетъ дано, не осматривайтесь обратно: бѣжать нѣтъ возможности. Подчинитесь во всемъ моей волѣ, и вамъ будетъ хорошо. Если будете сопротивляться, я васъ уничтожу. Я сказалъ. Теперь идите передо мною, а ты, дочь, иди за мною!

Бѣшенство сеннора, кажется, не имѣло границъ. Я опасался самыхъ ужасныхъ поступковъ, но умоляющій взглядъ Майи его успокоилъ, какъ по волшебству.

— Я слышу ваши слова, кацикъ. Вы правы, я въ вашей власти, и мнѣ безполезно спорить съ вами!

Мы двинулись дальше въ указанномъ порядкѣ. Подойдя къ Забальбаю, я сказалъ ему:

— Ты произнесъ рѣзкія слова тому, кто мнѣ братъ, а слѣдовательно и мнѣ!

— Я сказалъ, что долженъ былъ сказать. Развѣ ты не слышалъ, что сказалъ вчера индѣецъ: что Тикаль, мой племянникъ, правитъ страною вмѣсто меня? Эта дѣвушка, моя дочь, помолвлена за Тикаля и только этимъ способомъ онъ можетъ наслѣдовать мнѣ. Если онъ считаетъ меня мертвымъ и занялъ мое мѣсто, то ему не захочется уступить свою власть. Посуди самъ, какъ должно понравиться ему и его друзьямъ, что бѣлый человѣкъ нашептываетъ слова любви въ уши моей дочери и держитъ ея руку? Говорю тебѣ, Игнасіо, что это одно можетъ возбудить войну противъ меня. Вотъ почему я говорилъ рѣзко, пока еще время. Ты долженъ въ этомъ помочь, потому что отъ этого зависятъ и твои планы, иначе они ни къ чему ни приведутъ!

Я ничего не отвѣтилъ. Мы шли молча нѣкоторое время и на поворотѣ дороги столкнулись съ шедшими намъ на встрѣчу носильщиками съ паланкинами. Ихъ было около сорока. Всѣ были высокаго роста, хорошо сложенны, съ правильными чертами лица, но все-таки отличались отъ людей моего племени. Но

выраженіе лицъ было какое-то странное: оно не было тупое, но какое-то безразличное; уже въ глазахъ самаго молодого можно было подмѣтить какую-то подавленность, точно отъ тяжести пережитыхъ всѣмъ народомъ вѣковъ. Они были крѣпки и сильны, но не затронутъ былъ у нихъ умъ. Даже видъ бѣлаго не поразилъ ихъ. Они ограничились мелочными замѣчаніями, которыми нѣкоторые обмѣнялись между собою, о длинѣ бороды, о цвѣтѣ волосъ. Зибальбаю они произнесли привѣтъ своими гортанными голосами:

— Отецъ, кланяемся тебѣ!

И они всѣ простерлись передъ нимъ ницъ, по знаку, данному старшимъ между ними.

— Встаньте, дѣти! сказалъ Зибальбай, и они послушно встали, сохраняя полнѣйшее равнодушіе ко всему окружающему.

Съ собою они принесли ѣду, и мы всѣ принялись ѣсть. Начальникъ отряда что-то тихимъ голосомъ докладывалъ касику, и я ясно видѣлъ, что его слова не доставляли ему никакого удовольствія. Зибальбай торопился и вскорѣ отдалъ приказъ садиться въ паланкины. Мы двинулись съ довольно большою скоростью. Я не переставалъ любоваться окружающею природою. Вся мѣстность была старательно воздѣлана. Если не было полей, то росла трава, рощи, часто попадавшіяся намъ, были густы и тѣнисты, и въ нихъ можно было видѣть дикихъ козъ и оленей, поспѣшно убѣгавшихъ при нашемъ приближеніи. Посѣвы состояли изъ хлѣбныхъ злаковъ, сахарнаго тростника, плантацій кофе и какао.

Къ вечеру мы достигли деревни хлѣбопашцевъ. Дома были построены изъ необожженнаго кирпича, посрединѣ села былъ сооруженъ алтарь съ наложенными на него плодами и цвѣтами. Большинство житслой только что вернулись съ работы, о чемъ свидѣтельствовали слѣды земли на ихъ обуви и платьѣ. Но и на нихъ я опять увидѣлъ тоже выраженіе безучастіе ко всему. Женщины, очень красивыя по мнѣнію индѣйцевъ, были тоже проникуты тѣмъ же тяжелымъ выраженіемъ. При видѣ сеннора, только немногіе выражали любопытство, но черезъ нѣсколько секундъ оно исчезало безслѣдно. Здѣсь почти

не было дѣтей. Поражало еще общее сходство между всѣми этими людьми. Одну женщину было почти невозможно отличить отъ другой, если онѣ были одного возраста. Впрочемъ, удивительнаго, строго говоря, ничего не было: всѣ жители составляли одну большую семью.

Для насъ былъ приготовленъ особый домъ, въ него пока вошелъ одинъ Зибальбай. Подойдя къ Майѣ, я спросилъ ее:

-- Всегда ли люди здѣсь имѣютъ это скучающее выраженіе?

— Да! То-есть простолюдины, которые работаютъ. Здѣсь существуетъ два сословія: господа и народъ. Каждый простолюдинъ долженъ работать три мѣсяца въ году, а остальные девять полагаются ему на отдыхъ. Всѣ плоды работъ собираются въ общіе склады и распредѣляются между всѣми дѣтьми народа Сердца. Но храмы, кацикъ и нѣкоторые знатные имѣютъ своихъ рабовъ, которые служили изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ отца къ сыну.

— Что дѣлаютъ, когда они не хотятъ работать?

— Они должны умереть, такъ какъ имъ не отпускается никакой пищи изъ общественныхъ магазиновъ. Когда они смирятся, то на нихъ возлагаютъ самыя тяжелыя работы!

Теперь было понятно, почему у этихъ людей такое приниженное выраженія. Что можно было ожидать отъ людей, лишенныхъ честолюбія или отвѣтственности и поставленныхъ въ полную зависимость отъ общественныхъ порцій? Въ позднѣйшіе годы я слышалъ, что появились учителя, которые проповѣдуютъ подобную систему для всего человѣчества, но готовъ поручиться, что еслибы они пожили въ странѣ Сердца, гдѣ эта система примѣнялась вѣками, то отреклись бы отъ своего ученія.

Къ намъ явился посланный отъ Зибальбая съ приглашен!емъ войти въ домъ. Тамъ мы нашли приготовленнымъ обильный ужинъ. Я предполагалъ, что мы здѣсь заночуемъ, но кацикъ коротко и повелительно сказалъ, что намъ предстоитъ дальнѣйшій путь. Мы скоро добрались до небольшого поселка на берегу озера, гдѣ насъ ожидала лодка съ девятью гребцами.

Но такъ какъ дулъ попутный вѣтеръ, то былъ поднятъ парусъ, и мы поплыли въ острову съ Священнымъ Городомъ, до котораго было пятнадцать миль. Мы всѣ молчали, любуясь красивою картиною озера, освѣщеннаго луною. Индѣйцы-гребцы также были безмолвны, вслѣдствіе присутствія ихъ государя. Городъ все болѣе и болѣе приближался, его очертанія становились отчетливѣе, хотя онъ продолжалъ имѣть въ моихъ глазахъ сказочный видъ. Но скоро моя нога ступитъ на обѣтованную землю.

— Что насъ ожидаетъ тамъ?—прошепталъ сеннoръ на ухо Майѣ, пользуясь тѣмъ, что Зибальбай сидѣлъ въ отдаленіи и казался погруженнымъ въ крѣпкую думу.

Она только укоризненно покачала головой.

— Не бойтесь! Мы преодолѣемъ всѣ трудности и опасности,—постарался я ободрить своего друга.—Избытокъ здѣшнихъ богатствъ перейдетъ въ наши руки, и я отомщу притѣснителямъ моего племени! Индѣйское царство возстановится отъ моря до моря!

— Можетъ быть! Для васъ даже весьма вѣроятно, что такъ случится. Но мы ищемъ различныхъ путей...

До насъ доносились только громкіе крики перекликавшихся сторожей на городскихъ стѣнахъ. Но самый городъ точно вымеръ. Вѣтеръ стихъ, и мы шли на веслахъ. По небольшому, повидимому, искусственному каналу, мы причалили къ каменной пристани, совершенно безлюдной. Отъ нея вела широкая лѣстница къ стѣннымъ воротамъ, которые были заперты. Зибальбай нетерпѣливо велѣлъ шкиперу лодки позвать начальника стражи.

По лѣстницѣ спустился вооруженный индѣецъ, спрашивая, кто мы.

— Я, кацикъ! Открывай ворота!—отвѣтилъ Зибальбай.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Но какъ это странно,—говорилъ стражникъ,—въ эту самую ночь кацикъ справлялъ свой свадебный пиръ, а въ нашей странѣ есть только одинъ кацикъ. Отправляйтесь, странники, обратно и явитесь днемъ, когда ворота открыты!

При этихъ словахъ Зибальбай затрясся отъ гнѣва, а сердце Майи, напротивъ того, переполнилось радостью.

— Повторяю тебѣ, что я—Зибальбай, твой кацикъ, вернувшійся изъ путешествія!

Стражникъ колебался.

— Безумный, или ты хочешь стать пищею для рыбы? — громко сказалъ шкиперъ лодки.—Это дѣйствительно Зибальбай и никто другой.

— Прости меня, отецъ!—взмолился стражникъ, падая на колѣни. — Но кацикъ Тикаль, правящій послѣ тебя, велѣлъ сказать, что ты умеръ въ пустынѣ, и запретилъ упоминать твое имя въ городѣ!

Зибальбай поднялся съ мѣста, и мы послѣдовали за нимъ Проходя мимо колѣнопреклоненнаго стражника, онъ обратился къ шкиперу, также шедшему съ нами:

— Вели повѣсить завтра этого человѣка на торговой площади, чтобы научить не спать на сторожевомъ посту!

Мы шли по широкой улицѣ, окаймленной великолѣпными зданіями, но они казались безлюдными, улица также была пустынна.

— Я вижу городъ, но не вижу жителей! — замѣтилъ мнѣ сеннорь.

— Вѣроятно, они празднуютъ свадьбу на городской площади!—отвѣтилъ я,—Я даже слышу ихъ...

Порывъ вѣтра, дѣйствительно, донесъ до насъ гулъ голосовъ. Минутъ черезъ пять мы сами подошли къ обширной площади, посрединѣ которой возвышалась громадная пирамида съ храмомъ въ честь Сердца. На ея вершинѣ горѣлъ неугасаемый священный огонь. Между стѣнками пирамиды и стѣнами окружающихъ площадь зданій веселился народъ; одни плясали, другіе пѣли, третьи смотрѣли на выходки шутовъ, наконецъ, иные ѣли и пили за разставленными повсюду столами съ обильною пищею. Между послѣдними были и дѣти, они казались самыми почетными гостями. Старшіе внимательно прислушивались къ каждому ихъ слову. Всѣ присутствующіе были въ бѣлыхъ одеждахъ, на нѣкоторыхъ былъ надѣтъ шлемъ съ развѣваю-

щимися перьями. Видъ былъ очаровательный. Но все же онъ пришелся очень не по вкусу Зибальбаю.

Старый кацикъ держался все время въ тѣни и чего-то искалъ глазами. Потомъ онъ осторожно сталъ пробираться къ одному столу, поставленному въ числѣ нѣсколькихъ другихъ посреди аллеи, окаймлявшей одну изъ сторонъ площади. За нимъ сидѣло двое: мужчина и женщина. Слѣдуя за Забальбаемъ, мы подошли такъ близко, что могли слышать всю ихъ бесѣду. Мѣстный языкъ такъ мало отличался отъ нашего нарѣчія Майя, что даже сенноръ могъ слѣдить за всѣмъ разговоромъ.

— Пиръ очень оживленъ!—произнесъ мужчина.

— Да, мужъ мой,—отвѣчала женщина.—Оно и не могло быть иначе, такъ какъ вчера Тикаль былъ избранъ совѣтомъ Сердца въ кацики страны, а сегодни онъ повѣнчанъ съ красавицей Нагуа, дочерью Маттаи!

— Да, это было великолѣпное зрѣлище, хотя мнѣ думается, что было еще рано провозглашать его кацикомъ. Зибальбай можетъ еще вернуться и тогда...

— Онъ никогда не вернется и его дочь тоже. Они давно погибли въ пустыни. Я жалѣю дѣвушку, она всегда такая ласковая... А о Зибальбаѣ не грущу! Тикаль въ одинъ годъ устроилъ больше праздниковъ, чѣмъ Зибальбай за много лѣтъ. Онъ тоже смягчилъ законъ, и теперь мы, бѣдныя женщины, можемъ, какъ и знатныя, носить украшенія! — и она любовно посмотрѣла на свой браслетъ.

— Легко быть щедрымъ чужимъ золотомъ. Нѣтъ, я сожалѣю о Зибальбаѣ. Я не вѣрю, что онъ сумасшедшій!

— Нѣтъ, онъ безумецъ!—настаивала женщина.

— Посмотрите на лицо моего отца,—сказала Майя шепотомъ.—Я еще никогда не видала его такимъ!

Старикъ, подозвавъ насъ движеніемъ руки, направился къ большой аркѣ, служившей входомъ въ собственно дворецъ. Два воина съ мѣдными копьями стояли на стражѣ. Зибальбай прикрылъ лицо концомъ плаща и, на вопросъ скрестившихъ копья стражниковъ, кто мы такіе, сказалъ:

— По чьему приказанію вы это спрашиваете?

— По приказу нашего кацика, празднующаго сегодня свою свадьбу. Или вы не приглашены, что приходите такъ поздно?

Зибальбай откинулъ плащъ и грозно спросилъ:

— Какъ смѣете вы запирать дверь предо мною!

Одинъ изъ воиновъ проговорилъ:

— Это вернувшійся кацикъ!

— О какомъ же ты говорилъ кацикѣ? Развѣ можетъ быть два кацика?—грозно спросилъ нашъ спутникъ.

Онъ рѣшительно прошелъ впередъ, а мы за нимъ. Мы очутились въ длинной, футовъ въ сто, залѣ, въ глубинѣ которой и по бокамъ стояли богато уставленные столы. На особомъ возвышеніи подъ балдахиномъ сидѣлъ одинъ индѣецъ и индіанка, съ цѣлой свитой по бокамъ. Индѣецъ былъ средняго роста съ черными густо спадавшими волосами. Лицо было красивое, но непріятное. Выдающаяся челюсть свидѣтельствовала о честолюбіи. Его новобрачная жена также отличалась красотою: молодая, стройная, съ чудными глазами, которыхъ она не спускала съ своего мужа.

Остальная публика стояла къ намъ спиною и не могла поэтому насъ видѣть.

XV.

Возвращеніе Зибальбая.

Зибальбай собирался уже вступить въ самую освѣщенную полосу роскошной палаты, какъ Тикаль всталъ, поднялъ вверхъ скипетръ, который держалъ въ рукѣ, и все замолкло. Зибальбай остановился. Тикаль заговорилъ сильнымъ груднымъ голосомъ:

— Старѣйшины и знатные Сердца, и вы, благородныя госпожи, жены и дочери знатныхъ, слушайте мои слова! Лишь вчера я былъ провозглашенъ по вашему желанію и избранію кацикомъ этой страны и занялъ престолъ моихъ предковъ!

— Сегодня я пригласилъ васъ всѣхъ на свой свадебный пиръ съ Нагуа, прозванной Прамвою, дочерью великаго господина Маттаи, начальника звѣздочетовъ, хранителя святилища и Со-

вѣта Сердца. Въ присутствіи васъ всѣхъ заявляю, что она моя первая и законная супруга, ваша государыня послѣ меня, и что бы ни случилось, она не можетъ быть устранена отъ моего ложа и престола. Приглашаю васъ воздать ей почести по новому ея сану!

Потомъ, обернувшись къ новобрачной и обнявъ ее, онъ продолжалъ:

— Будетъ надъ тобою благословеніе боговъ и пошлютъ они намъ дѣтей, а съ ними вмѣстѣ счастье и радость на многіе годы!

Всѣ низко поклонились новой повелительницѣ, красивое лицо которой сіяло счастьемъ и гордостью.

— Знатные Сердца!—продолжалъ еще Тикаль, когда кончился обрядъ поклоненія.—Я слышалъ, что нѣкоторые порицаютъ меня и говорятъ, что я не имѣю права держать этотъ скипетръ. Я хочу сказать вамъ сегодня то, что завтра, послѣ жертвоприношенія, провозглашу передъ всѣмъ народомъ. Завтра ровно годъ, какъ удалился Зибальбай, мой дядя, вмѣстѣ съ его единственнымъ ребенкомъ, Майею, моею бывшею невѣстою. Передъ ихъ отбытіемъ было рѣшено, между Зибальбаемъ, мною и всѣмъ совѣтомъ, что если онъ или его дочь не вернутся черезъ два года, то престолъ переходитъ ко мнѣ навсегда. Я съ большою грустью приложилъ руку къ этому соглашенію, потому что считалъ, что дядя мой сумашедшій, и что съ любимою мною дочерью идетъ на вѣрную гибель. Я твердо хотѣлъ ждать условленнаго срока, но среди народа начались волненія. Были такіе, которые не хотѣли слушать временнаго кацика. Вслѣдствіе его отсутствія, въ странѣ не было верховнаго жреца, и нѣкоторые священные обряды остаются невыполненными, призывая на насъ гнѣвъ боговъ. Многіе стали убѣждать меня сократить долгій срокъ, но я отказывался. Но вотъ три дня тому назадъ тѣ люди, которые по очереди должны были отправляться съ острова на материкъ для сельскихъ работъ на новые три мѣсяца,—люди эти отказались, говоря, что только одинъ верховный жрецъ имѣетъ надъ ними силу и власть въ этомъ отношеніи, а въ странѣ нѣтъ верховнаго жреца. Я обра-

тился къ просвѣщенному совѣту Маттаи, звѣздочета. Онъ всю ночь вопрошалъ небеса и свыше получилъ указаніе, что Зибальбай, увлеченный ложнымъ сномъ, нарушившій законъ и перешедшій горы, теперь уже давно умеръ въ пустынѣ, а вмѣстѣ съ нимъ погибла и его дочь, моя нареченная невѣста. Такъ это, Маттаи, или не такъ?

Немного впередъ выступилъ нѣсколько пожилой, но красивый индѣецъ.

— Если моя мудрость мнѣ не измѣняетъ, то именно таково было откровеніе звѣздъ!

— Знатные моего народа! Вы слышали мое свидѣтельство и свидѣтельство Маттаи, голосъ котораго есть истина. Вотъ почему я принялъ державу и почему сочетаюсь бракомъ съ другой, а именно съ Нагуа, дочерью Маттаи. Скажите, признаете-ли насъ?

— Признаемъ тебя, Тикаль, и тебя, Нагуа. Правьте нами много лѣтъ по законамъ и обычаямъ страны!—воскликнуло большинство.

— Хорошо, друзья мои и братья!—отвѣтилъ Тикаль.—Но прежде чѣмъ мы разопьемъ прощальную чашу, нѣтъ-ли у кого изъ васъ какихъ-либо заявленій?

— Я имѣю сказать нѣчто!—громко сказалъ Зибальбай,—оставаясь еще въ тѣни.

При звукѣ этого голоса, хорошо знакомаго, Тикаль вскочилъ въ страхѣ, но, быстро овладѣвъ собою, сказалъ:

— Подойди ближе, кто бы ты ни былъ, и говори, чтобы тебя могли видѣть!

Движеніемъ руки пригласивъ насъ слѣдовать за собой, Зибальбай, по прежнему закрывъ лицо концомъ плаща, прошелъ сквозь ряды присутствующихъ и только подойдя къ самому трону, немного повернулся и сбросилъ покрывало. Раздался общій крикъ изумленія, а у Тикаля скипетръ выпалъ изъ рукъ и прокатился по полу.

— Зибальбай! Зибальбай вернулся домой или это только его духъ! И Майя съ нимъ!

— Да, это я вернулся! И не слишкомъ рано, какъ ка-

«Все стало рушиться»... (къ стр. 181).

жется. Неужели ты, мой племянникъ, такъ жаждалъ власти, что нарушилъ клятву, данную передъ Сердцемъ? А ты, Маттеи? Или боги смутили твой разумъ, что ты сообщаешь неправду о моей смерти, и дочь твоя всходитъ поэтому на тронъ? Не говорите мнѣ ничего! Я слышалъ все. Тебѣ, Тикаль, я говорю, что ты клятвопреступникъ, а ты, Маттеи, лжецъ и обманщикъ. Я отомщу вамъ!.. Стража! Взять обоихъ этихъ людей.

Воины, стоявшіе близъ самаго трона, немного замялись, но потомъ подвинулись, чтобы исполнить приказаніе Зибальбая. Въ эту минуту молчавшая Нагуа поднялась съ мѣста и сказала:

— Какъ! Вы смѣете поднять руку на своего кацика? Или вы не боитесь гнѣва боговъ за это святотатство? Живъ Зибальбай, или нѣтъ, но его правленію насталъ конецъ, разъ совѣтъ старѣйшинъ возложилъ корону на голову Тикаля. Его рѣшеніе не можетъ подлежать отмѣнѣ.

— Она говоритъ правду!—подтвердилъ Тикаль.—Не смѣйте дотронуться до меня, кто только хочетъ еще жить подъ солнцемъ!

Все время, какъ я замѣтилъ, онъ не спускалъ глазъ съ Майи, красота которой производила на него огромное впечатлѣніе. Зибальбай собирался отвѣчать, но раньше заговорилъ Маттеи. Онъ подошелъ къ старому кацику и низко ему поклонился.

— Не гнѣвайся, господинъ мой! Ты много странствовалъ и теперь утомленъ. Завтра, передъ всѣмъ народомъ, съ высоты пирамиды, мы разберемъ наше дѣло и каждому будетъ воздано по его заслугамъ или по его винѣ. Тебѣ надо отдохнуть послѣ долгаго пути, а теперь позволь тебя привѣтствовать съ благополучнымъ возвращеніемъ, и твою дочь также. Скажи только намъ, кто эти чужеземцы, пришедшіе съ тобою?

Оглядываясь по сторонамъ, какъ волкъ въ западнѣ, и, повидимому, видя мало сторонниковъ, на которыхъ онъ могъ бы положиться, Зибальбай заговорилъ:

— Ты правъ, Маттеи. Я удрученъ усталостью, годами и

коварствомъ людей. Завтра народъ рѣшитъ, кто ихъ касикъ, я или Тикаль. Завтра же я скажу, кто эти чужеземцы. Теперь же прошу обращаться съ ними хорошо для вашего собственнаго блага... Нѣтъ, я здѣсь не буду ни ѣсть, ни пить...

Позвавъ съ собою поименно нѣсколькихъ знатныхъ, онъ вышелъ изъ палаты.

— Кажется, онъ забылъ про меня!—со смѣхомъ сказала Майя.—Привѣтъ тебѣ, Тикаль, и тебѣ, Нагуа, изъ придворныхъ дѣвушекъ удостоившаяся занять мое мѣсто. Каковъ бы ни былъ исходъ всего дѣла, желаю вамъ счастья и взаимной любви.

Тикаль сошелъ со ступеней трона и, обращаясь къ Майѣ, сказалъ:

— Клянусь тебѣ, Майя...

— Не клянись, Тикаль! Дай лучше мнѣ и моимъ друзьямъ ѣды и питья, потому что мы прибыли издалека и нуждаемся въ подкрѣпленіи нашихъ силъ... Какой красивый нарядъ н новобрачной и какіе чудные изумруды! Вѣроятно они взяты изъ моихъ сокровищъ. Пусть она приметъ это какъ мой свадебный подарокъ. Посторонись, Тикаль, чтобы я могла видѣть знакомыя и дорогія мнѣ лица...

Всѣ присутствующіе не сводили глазъ съ сеннора, который всею своею наружностью такъ рѣзко отличался отъ всѣхъ туземцевъ. Не обращали на него вниманія только двое: Тикаль, поглощенный лицезрѣніемъ Майи, и Нагуа, одиноко сидѣвшая на тронѣ. Наконецъ, и она сошла и подошла къ Тикалю.

— Дайте дорогу молодымъ!—громко сказала Майя!—Иди Тикаль, уже поздно, и твоя супруга ожидаетъ тебя!

Онъ что-то пробормоталъ въ отвѣтъ и удалился, а Майя продолжала говорить окружавшимъ ее проводникамъ:

— Какъ хороша молодая и какъ мужественъ молодой, но я видывала болѣе счастливыхъ въ брачный день. Друзья мои, прощайте! Маттеи, поручаю твоимъ заботамъ этихъ чужеземцевъ. Приведи ихъ ко мнѣ завтра утромъ, такъ какъ, исполняя желаніе своего отца, я хочу показать имъ нашъ городъ, прежде, чѣмъ мы соберемся въ верхнемъ храмѣ.

Черезъ множество переходовъ Маттеи привелъ насъ въ большую комнату, освѣщенную серебряными свѣтильниками и очень любезно предложилъ отвѣдать стоявшіе на особомъ столѣ прохладительные напитки и великолѣпные плоды. Вдоль стѣнъ стояли два ложа съ шелковыми покрывалами, а мы такъ утомлены, что поторопились проститься и лечь спать. Но заснуть я не могъ. Мнѣ было ясно, что Зибальбай здѣсь лишній и что на утро предстоятъ большія волненія. Тикаль не сложитъ съ себя захваченную власть. А какая будетъ наша судьба, я и предположить не могъ. Народъ опасался чужеземцевъ и безъ труда принесетъ насъ на жертву. У насъ былъ только одинъ добрый другъ—это Майя.

Только къ утру я немного забылся и былъ разбуженъ сенноромъ, который весело насвистывалъ какую-то пѣсенку, съ любопытствомъ осматриваясь кругомъ.

— Мнѣ очень весело,—отвѣтилъ онъ на мой вопросъ.—Мы достигли таинственнаго города, который кажется еще лучше, чѣмъ мы могли мечтать. Тикаль женатъ, а Майя свободна. Богатства здѣсь достаточно для основанія трехъ индѣйскихъ царствъ. Зибальбай богатъ больше, чѣмъ нужно, такъ что положительно не о чемъ кручиниться!

— Боюсь, что вы разсуждаете легкомысленно!—отвѣтилъ я ему.—Борьба между Зибальбаемъ и Тикалемъ будетъ самая упорная. А что касается до Майи, то я убѣжденъ, что онъ попрежнему любитъ ее. Богатствъ здѣсь дѣйствительно много, дадутъ-ли мнѣ часть ихъ для моихъ цѣлей? Очень въ этомъ сомнѣваюсь.

— Я не стану разстраивать себя такими маловѣроятными предположеніями и въ особенности будущею судьбою этого народа... Но кто-то стучится къ намъ!

Я открылъ дверь, и въ комнату вошелъ слуга съ жидкимъ шоколадомъ въ чашкахъ и печенымъ хлѣбомъ. Пока мы еще завтракали, пришелъ Маттеи. По его усталому лицу видно было, что онъ не сомкнулъ глазъ во всю ночь.

— Хорошо-ли отдохнули?—спросилъ онъ насъ.

— Какъ нельзя лучше!—отвѣтилъ я.

рону вала высилась сплошная высокая каменная стѣна въ пятьдесятъ футовъ высоты. Внутри стѣны пространство было заполнено дворцами и храмами, чаще даже ихъ развалинами, такъ какъ по малочисленности населенія не было возможно содержать все въ порядкѣ. Улицы поросли травою, очевидно, движеніе было очень маленькое. Теперь мы видѣли только изрѣдка проходившихъ внизу дѣвушекъ съ плетенными корзинами, чтобы получить изъ общественныхъ складовъ причитающуюся каждой семьѣ долю припасовъ: муки, зерна, рыбы и плодовъ. Иногда проходили люди по нѣскольку вмѣстѣ, идя на работы въ окрестныхъ садахъ, но они шли медленно, часто останавливаясь. Время, очевидно, не имѣло здѣсь никакой цѣны.

XVI.

На пирамидѣ.

— Не низко ли лежитъ городъ?—спросилъ я Майю.—Мнѣ кажется, что многія зданія построены на уровнѣ озера.

— Пожалуй! А въ тѣ мѣсяцы, которые теперь наступятъ, вода въ озерѣ прибываетъ и большая часть острова затопляется, такъ что вода поднимается высоко до стѣнъ.

— Какже можно предупредить наводненіе? Вѣдь вода можетъ потопить здѣсь всѣхъ!

— Да, это такъ! Но для этого и существуетъ каменная плотина съ разводными шлюзами. Если ихъ открыть во время поднятія озера, то вода здѣсь все затопитъ, и всѣ до одного погибнутъ. Если кому надо попасть въ городъ и выѣхать изъ него, то это дѣлается при помощи лѣстницъ черезъ плотину или, вѣрнѣе, растворы шлюзовъ. Тамъ день и ночь стоятъ сторожа. Кромѣ того, немногіе знаютъ тайный способъ, какъ открыть запоры на шлюзахъ.

— Мнѣ кажется непонятнымъ, какъ можно было строить городъ на мѣстѣ, которому нѣсколько мѣсяцевъ въ году угрожаютъ наводненія. Я ни одной ночи не засну, зная, что моя жизнь зависитъ отъ одной плотины

— Между тѣмъ всѣ люди здѣсь спокойно спятъ цѣлые вѣка. По преданію наши предки избрали это мѣсто, повинуясь волѣ боговъ, чтобы въ случаѣ если бы ихъ одолѣвали пришельцы, они могли предпочтительнѣе погибнуть въ пучинѣ водъ, чѣмъ покориться, подобно ихъ единоплеменникамъ на материкѣ. Поэтому и главный жертвенникъ поставленъ глубоко внизу пирамиды, чтобы хлынувшія воды могли скорѣе залить самый храмъ и спрятанныя въ немъ сокровища и скрыть ихъ навсегда отъ взоровъ всѣхъ людей... Теперь вы достаточно полюбовались этимъ видомъ, перейдемъ къ осмотру нашихъ общественныхъ мастерскихъ и заведеній.

На обратномъ пути намъ встрѣтилось нѣсколько людей, въ томъ числѣ Тикаль. Онъ поклонился Майѣ, говоря:

— Я пришелъ сюда, такъ какъ узналъ, что найду тебя здѣсь. Мнѣ нужно сказать тебѣ нѣсколько словъ наединѣ.

— Этого никакъ нельзя!—отвѣтила Майя, — чтобы не вывели потомъ никакихъ заключеній. Если имѣешь, что сказать, говори при всѣхъ.

— Иначе я не могу! Мнѣ нужно сохранить это въ тайнѣ, умоляю исполнить мою просьбу, для пользы твоего отца и твоей собственной.

— Безъ свидѣтеля не согласна.

— Тогда прощай!

— Погоди... Если ты не хочешь говорить при людяхъ изъ нашего народа, то согласись говорить при этомъ чужестранцѣ Игнасіо. Онъ нашего племени, понимаетъ нашъ языкъ, членъ нашего братства!

— Членъ братства? Какъ можетъ иноземецъ быть членомъ братства? Докажи.

Отведя меня въ сторону, онъ предложилъ нѣсколько вопросовъ, на которые я далъ установленные отвѣты.

— Согласенъ?—спросила его Майя.

— Хорошо! Только отойдемъ въ сторону. Мнѣ не легко говорить о своемъ дѣлѣ... Нѣсколько лѣтъ мы были обручены, —и наша свадьба была отложена до твоего возвращенія...

— Но случилось иначе и теперь мнѣ кажется лишнимъ говорить о нашемъ сватовствѣ.

— Не совсѣмъ. Прежде всего мнѣ нужно получить твое прощенье. Ты знаешь, какъ я тебя любилъ, ни одна другая женщина никогда не была ближе моему сердцу.

— Странно звучатъ эти слова въ устахъ новобрачнаго!— сказала Майя со смѣхомъ.

— Можетъ быть! Но я не люблю Нагуа, хотя она очень любитъ меня. Вчера при одномъ видѣ тебя у меня сердце все перевернулось.

— Зачѣмъ же ты женился на ней?

— Тебя я считалъ умершею, твоего отца тоже, какъ всѣ до единаго человѣка считали здѣсь. Развѣ я не долженъ былъ поторопиться занять мѣсто, слѣдующее мнѣ по праву, когда многіе составляли заговоръ противъ меня? Мнѣ очень помогалъ Маттеи своимъ вліяніемъ и естественно мнѣ было жениться на дочери высшаго сановника.

— И прекрасно, и всему конецъ! Ты просишь моего прощенья, и я говорю, что не буду ревновать и завидовать.

— Нѣтъ, не конецъ! Я пришелъ просить тебя, чтобы ты возобновила свое обѣщаніе быть моей женой.

— Нарушивъ данную мнѣ клятву, ты меня еще оскорбляешь? Ты хочешь сдѣлать меня наложницею послѣ Нагуа?

— Нѣтъ, я говорю, что когда Нагуа будетъ устранена, ты займешь ее мѣсто, и твое собственное по праву.

— Но вѣдь Государыня Сердца не можетъ подлежать разводу?!

— Если она перестанетъ ею быть, то разводъ возможенъ, какъ и для всякой другой женщины.

— Путь смерти? Нѣтъ, я его не хочу. Совѣсть имѣетъ законъ, если его нѣтъ у любви. Иди къ своей женѣ и постарайся, чтобы она никогда не узнала о твоихъ словахъ.

— Это твое послѣднее слово, Майя?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому, что многое отъ тебя зависитъ. Вскорѣ соберутся граждане и знатные, чтобы рѣшить, кто долженъ править:

твой отецъ или я. Обѣщай быть моею женою, и я поступлюсь въ пользу твоего отца. Онъ будетъ кацикомъ до конца своихъ дней. Откажись,—и я буду мстить тебѣ, твоему отцу и твоимъ друзьямъ.

— Будетъ, чему суждено. Твои угрозы меня не пугаютъ. Можешь составлять заговоръ противъ облагодѣтельствовавшаго тебя старика, но я говорю тебѣ: никогда я не буду твоей женой!

— Можетъ быть, ты еще возьмешь свои слова обратно?— произнесъ онъ спокойно и съ поклономъ ушелъ.

— У васъ опасный врагъ!—сказалъ я Майѣ.

— Я его не боюсь.

— По моему мнѣнію, онъ опасенъ. Намъ предстоитъ большое народное волненіе, и я не удивлюсь, если мы не увидимъ завтрашняго дня.

Мы подошли къ сеннору.

— Помогите мнѣ сойти внизъ, я очень устала. Дайте вашу руку... Мы долго васъ задержали? Я сдѣлала для васъ пользы больше, чѣмъ я бы сдѣлала для себя!

— Что такое?

— Узнаете это въ свое время... Но дорого дала-бы, чтобы наша нога не ступала въ этотъ городъ.

Два часа спустя, уже въ свитѣ Зибальбая и Майи, мы снова очутились на верху пирамиды. Теперь на ней были тысячи народа, все взрослое населеніе города. Около жертвенника, по правую сторону, стояли Тикаль и Нагуа и два или три знатныхъ туземцевъ, хорошо вооруженныхъ, съ отрядомъ воиновъ позади каждаго изъ нихъ. По ту сторону алтаря сидѣло лишь немного лицъ. Туда-же прошелъ и Зибальбай съ своею дочерью; на пути имъ всѣ низко кланялись, не исключая и Тикаля.

Вслѣдъ за нимъ появилось два жреца, возложившіе на алтарь цвѣты и произнесшіе короткую молитву къ Сердцу Небесному о милостивомъ принятіи ихъ жертвоприношенія. Затѣмъ заговорилъ Зибальбай. Я замѣтилъ тревогу на его лицѣ, руки его дрожали, лицо было блѣдно, но гнѣвно.

— Старѣйшины и граждане Города Сердца, вы помните, что ровно годъ тому назадъ, я, кацикъ и верховный жрецъ этой страны, оставилъ городъ для великой миссіи, которая заключалась въ томъ, чтобы найти недостающую часть священнаго символа, лежащаго въ священномъ храмѣ, ту часть, которая носитъ названіе «дня» и которая считалась навсегда утраченною. Нашъ народъ пережилъ много бѣдствій, его окончательное исчезновеніе близко, онъ вымретъ и будетъ забытъ. Вы знаете также пророчество: когда части День и Ночь соединятся вмѣстѣ на главномъ алтарѣ, то нашъ народъ возродится и будетъ опять великъ. Вы знаете, что голосъ повелѣлъ мнѣ идти къ морю искать «День» и присоединить къ «Ночи». Получивъ согласіе совѣта старѣйшинъ, я отправился одинъ въ сопровожденіи дочери, много вытерпѣлъ и теперь вернулся съ полнымъ успѣхомъ, такъ какъ недостающая часть хранится на груди вотъ этого пришельца, Игнасіо.

Въ толпѣ пробѣжалъ шопотъ изумленія. Зибальбай продолжалъ.

— Объ этомъ всемъ я скажу подробно потомъ всѣмъ высшимъ посвященнымъ въ священномъ храмѣ, въ день поднятія водъ, въ одинъ изъ тѣхъ восьми дней въ году, когда долженъ засѣдать совѣтъ. Теперь я хочу говорить о другихъ дѣлахъ. Вы приняли временнымъ правителемъ единоплеменника Тикаля съ тѣмъ, что если я не вернусь черезъ два года, онъ будетъ вашимъ кацикомъ. Я вернулся черезъ годъ и вотъ что нашелъ: Тикаль, женихъ моей дочери, женился на другой дѣвушкѣ. Онъ самъ говорилъ объ этомъ вчера. Вчера-же многіе меня встрѣтили недружелюбно, хотя я не нарушалъ никакихъ клятвъ, а только служилъ своему народу. Мнѣ сказали нѣкоторые, что я низложенъ и что кацикъ теперь Тикаль. Скажите-же мнѣ теперь вы всѣ: я, вашъ кацикъ, развѣ я низложенъ?

Въ толпѣ послышался возгласъ «нѣтъ, нѣтъ», но слабый. Большинство молчало и глядѣло на Тикаля. Тогда заговорилъ Маттеи.

— Какъ одинъ изъ тѣхъ, которые имѣютъ отношеніе къ избранію Тикаля, я прежде чѣмъ отвѣчать, спрошу тебя, Зи-

бальбай, зачѣмъ ты привелъ съ собою двухъ чужеземцевъ Игнасіо и Сына Моря, такъ какъ законъ нашъ говоритъ, что кто приведетъ сюда чужеземца, долженъ вмѣстѣ съ нимъ быть преданъ смерти?

Зибальбай молчалъ. По странной случайности, онъ забылъ о существованіи этого закона, но, собравшись съ мыслями, спокойно сказалъ:

— Твоими устами спрашиваетъ коварство и ложь, какъ она уже заставила тебя дать неправильный отвѣтъ звѣзды о моей мнимой смерти. Я упустилъ этотъ законъ изъ вниманія, потому что Игнасіо не простой чужеземецъ, онъ по ту сторону горъ Держатель сердца, а Сынъ Моря ему братъ и посвященъ въ высшую степень нашего Братства. Они оба спасли меня и мою дочь отъ смерти и теперь оба послѣдовали за мною, чтобы исполнилось великое пророчество. Мы условились съ Игнасіо, который желаетъ освободить нашихъ братьевъ отъ ига бѣлыхъ, что онъ придетъ со мною сюда, что когда исполнится пророчество и мы всѣ тому будемъ свидѣтелями, я дамъ ему всѣ средства, необходимыя для цѣли его цѣли, а онъ приведетъ намъ сюда, въ чемъ мы нуждаемся, чтобы не вымереть окончательно: женъ и мужей, чтобы обновить нашу застывшую кровь. Сегодня ночью мы провѣримъ пророчество на священномъ алтарѣ, узнаемъ волю нашего божества и согласно ей рѣшимъ участь этихъ двухъ чужеземцевъ. Передъ вами открывается великое будущее, поэтому не давайте духу возмущенія проникать въ ваши сердца. Послѣдуйте за мною, оставайтесь вѣрными мнѣ,—и ваша слава скоро засіяетъ, какъ сіяетъ солнце передъ мелкою звѣздою! Я сказалъ, вамъ выбирать.

Общее молчаніе взволнованнаго собранія было отвѣтомъ на горячую рѣчь Зибальбая; это молчаніе нарушилъ Тикаль, громкимъ голосомъ обратившійся къ присутствующимъ:

— Правы были тѣ, которые говорили, что старикъ сумасшедшій! Поймите, что онъ предлагаетъ вамъ: вернуть ему, нарушившему законъ, власть для того, чтобы отдать накопленныя вѣками сокровища приведеннымъ имъ двумъ ворамъ, чтобы послѣ того мы открыли двери пришельцамъ, вдали отъ кото-

рыхъ мы такъ счастливо жили столько времени. Дѣти Сердца, хотите-ли вы этого?

Всѣ стоявшіе на сторонѣ Тикаля громко кричали:

— Никогда, никогда!

Этотъ крикъ былъ подхваченъ простою толпою, хотя она, какъ думаю, не вполнѣ понимала дѣло:

— Кого же вы выбираете: меня, законно поставленнаго, или Зибальбая, нарушившаго законъ и потерявшаго разсудокъ?

— Тебя, Тикаль, тебя!—кричала толпа.

— Благодарю васъ, знатные и граждане. А какъ-же поступить со старымъ безумцемъ и съ тѣми, которымъ онъ выдалъ нашу тайну?

— Убить ихъ!—отвѣтили многочисленные голоса.

Тикаль обратился къ стражѣ и сказалъ:

— Взять этихъ людей!

Они бросились къ намъ, и сеннорь готовился обнажить свой ножъ, какъ я удержалъ его руку:

— Бога ради, остановитесь! Если вы тронете хоть одного изъ нихъ, они немедленно убьютъ всѣхъ насъ.

— Они это сдѣлаютъ во всякомъ случаѣ,—отвѣтилъ сеннорь, — впрочемъ, какъ хотите!

Пришедшіе съ Зибальбаемъ его сторонники разступились, и мы вчетверомъ остались одни.

— Трусы!—воскликнулъ Зибальбай и, выхвативъ ножъ, положилъ на мѣстѣ того, кто шелъ впереди, какъ я узналъ потомъ, важнаго сановника, начальника стражи.

Но вслѣдъ затѣмъ его схватили и обезоружили, схватили также сеннора и меня и потащили къ алтарю. На свободѣ оставалась только одна Майя. Почему-то никто даже не дотронулся до нея.

— Что сдѣлать съ этими людьми?—вторично спросилъ Тикаль.

— Убить ихъ!—еще болѣе громко отвѣчалъ народъ.

Надъ нашими головами замелькали ножи, когда раздался голосъ Майи:

— Постойте! Не оскверняйте алтаря кровью неповинныхъ

людей... Или вы забыли законъ, что никто не можетъ быть преданъ смерти безъ суда въ совѣтѣ и передъ лицомъ кацика? А этихъ людей судили? Они могли оправдаться?.. Если мой отецъ низложенъ, то не Тикаль, а я—его наслѣдница, я—вашъ кацикъ.

— Майя, ты вѣрно говоришь по отношенію твоего отца!— отвѣтилъ Тикаль.—Но эти двое—чужестранцы, къ нимъ нашъ законъ не относится, и народъ вправѣ ихъ сейчасъ же казнить.

— Говорю тебѣ, что они неповинны, что если есть виновные, то это скорѣе мой отецъ и я. Не начинай своего правленія убійствомъ. Мы обѣщали имъ обоимъ безопасность, а если они осуждены будутъ на смерть, то и я умру съ ними.

Въ ея рукахъ блеснулъ кинжалъ; въ толпѣ раздались нѣкоторые одобрительные возгласы:

— Вѣрно, вѣрно! Послѣ Зибальбая ты—наша повелительница.

Надо мною продолжали висѣть въ воздухѣ нѣсколько поднятыхъ ножей. Я считалъ свою жизнь поконченною, но суждено было иначе. До моего слуха, всегда очень тонкаго, долетѣли нѣсколько словъ, которыми обмѣнялись между собою Тикаль и Нагуа. Я могъ слышать, такъ какъ былъ ближе другихъ къ нимъ.

— Она исполнитъ свою угрозу!—говорила Нагуа.—И это будетъ твоею гибелью. Ея отца ненавидятъ, а ее всѣ боготворятъ!

— Зачѣмъ ей жертвовать жизнью за бѣлаго чужеземца?— съ недоумѣніемъ спросилъ Тикаль.

— Кто знаетъ!—Онъ—ея другъ, а женщина иногда способна отдать жизнь за друга!—съ улыбкою отвѣтила Нагуа,— Дѣлай, какъ знаешь, но я думаю, что если Майя умретъ, то и намъ не видать завтрашняго дня.

Я очень испугался за судьбу сеннора, когда замѣтилъ взглядъ, полный ненависти, которымъ посмотрѣлъ на него Тикаль. Обращаясь къ Майѣ, онъ сказалъ:

— Ты взываешь къ законамъ страны для своего отца,

себя и этихъ пришельцевъ?.. Завтра мы пригласимъ судей и здѣсь, въ присутствіи народа, произведемъ судъ.

— Нѣтъ, Тикаль, такъ нельзя!—возразила Майя. — Для насъ четверыхъ, высшихъ братьевъ, есть только одинъ судъ.— Это—совѣтъ Сердца, засѣдающій въ святилищѣ, который долженъ состояться на восьмой день послѣ поднятія водъ... Не такъ-ли, братья мои?

— Если они также члены братства, то это такъ!—послышались голоса.

— Пусть будетъ такъ!—рѣшилъ Тикаль,—а до тѣхъ поръ я долженъ взять васъ подъ стражу.

Майя поклонилась ему, а потомъ народу, говоря:

— Прощайте! — Если вы не увидите насъ больше, то знайте, что я и отецъ преданы смерти Тикалемъ, который захватилъ наше мѣсто. Поручаю вамъ отомстить за насъ!

XVII.

Проклятіе Зибальбая.

Мнѣ помогли подняться съ земли.

— Смерть была близка!—замѣтилъ сенноръ, не то съ улыбкою, не то съ сожалѣніемъ.

— Она и остается близко!—отвѣтилъ я ему.—Но мы выиграли пока нѣсколько дней.

— Благодаря Майѣ!

Насъ отвели въ небольшую комнату на вершинѣ пирамиды, предназначенную для стражи, и закрыли за нами тяжелую дверь. Зибальбай молча опустился на скамейку, уставивъ въ стѣнку пристально взглядъ. Можно было думать, что онъ видитъ сквозь препятствіе. До насъ доносился шопотъ спускавшихся по лѣстницѣ людей.

— Вы спасли на время нашу жизнь,—обратился сенноръ къ молодой дѣвушкѣ,—но что дѣлать теперь?

— Не знаю!—Въ пирамидѣ есть комната, гдѣ насъ будутъ держать до дня суда... Я такъ думаю потому, что они не рѣшатся оставить насъ на свободѣ, опасаясь волненій.

Не успѣла она закончить этихъ словъ, какъ открылась дверь—и вошелъ Тикаль, въ сопровожденіи Маттеи и еще нѣсколькихъ знатныхъ людей.

— Что вамъ угодно?—спросилъ ихъ Зибальбай.

— Чтобы вы послѣдовали за мной,—отвѣтилъ Тикаль. — А у тебя, Майя, прошу прощенія, что подвергаю заключенію тебя и твоего отца, но у меня нѣтъ иного средства спасти васъ отъ народной мести.

— Намъ не мести народа надо страшиться, а твоей ненависти!

— Въ твоей власти ее уничтожить!

— Въ моей власти, быть можетъ, но не въ моемъ желаніи!

Черезъ прилегающее небольшое помѣщеніе, въ которомъ жили дежурные очередные жрецы, и сквозь искусно сдѣланную въ задней стѣнѣ подвижную дверь насъ привели къ крутой лѣстницѣ, ведущей внизъ. Черезъ двадцать ступеней оказалась еще дверь, потомъ узкій проходъ, затѣмъ опять дверь и внутренняя лѣстница. Послѣ нѣсколькихъ такихъ переходовъ мы остановились передъ широкими дверьми, за которыми была расположена очень большая комната со многими дверьми по бокамъ; нѣкоторыя были открыты и вели въ другія небольшія комнаты, другія были закрыты. Большая комната, какъ я узналъ позднѣе, нѣкогда служила для собраній жрецовъ, но теперь ихъ было уже такъ мало, что они въ ней совершенно не нуждались, и комната служила темницею для знатныхъ преступниковъ. Освѣщена она была нѣсколькими серебряными свѣтильниками; въ разныхъ мѣстахъ стояли столы и скамейки. Маттеи указалъ намъ еще на нѣсколько меньшихъ комнатъ, которыя должны были служить намъ спальнями. Онъ же обѣщалъ присылать намъ пищу.

Послѣ этого насъ оставили однихъ.

— Теперь его часъ,—сурово произнесъ Зибальбай, — но пусть Тикаль молитъ боговъ, чтобы мой часъ никогда не наступалъ!

Онъ отошелъ въ сторону и опустился на одно изъ приго-

товленныхъ ложъ, Майя направилась къ нему, желая услужить и помочь, но онъ отогналъ ее прочь, и она снова вернулась къ намъ.

— Грустное мѣсто!—замѣтилъ сеннoръ шепотомъ, такъ какъ вслѣдствіе эхо громкій говоръ звенѣлъ по всей комнатѣ.— Но какъ оно ни мрачно, все же пока безопаснѣе, чѣмъ былъ освѣщенный солнцемъ верхъ пирамиды, съ ножами у горла.

— Здѣсь въ полной безопасности сохранятся наши кости до окончанія міра!—съ горькою усмѣшкою проговорила Майя.— Здѣсь смерть сторожитъ людей, и отсюда нѣтъ спасенія. Не была ли я права, остерегая васъ отъ нашего города и его народа? Я предупреждала васъ обоихъ, а теперь вы своею жизнью заплатите за свое безуміе.

— Чему быть, тому не миновать!—сказалъ сеннoръ. — Я надѣюсь, что худшее прошло и что насъ не убьютъ. На насъ накинулись вслѣдствіе рѣзкости вашего отца, но теперь несчастье укротитъ его.

— Никогда! Вѣдь они правы: онъ безумецъ, какъ и вы, Игнасіо... Лучше осмотримъ нашу темницу, я ея еще никогда не видала.

Она взяла одинъ изъ свѣтильниковъ и стала обходить комнату. Противъ тѣхъ дверей, чрезъ которыя мы вошли, были такія же, совершенно подобныя. Сквозь щели до насъ дошелъ свѣжій воздухъ, повидимому извнѣ.

— Куда они ведутъ?—спросилъ я.

— Не знаю. Быть можетъ въ святилище, черезъ потайной ходъ. Вся пирамида полна комнатъ, служившихъ складочными мѣстами оружія и припасовъ; здѣсь же хоронили жрецовъ...

Шагъ за шагомъ мы обходили комнату, стараясь попасть во всѣ встрѣчныя двери. Одна изъ нихъ не была закрыта на замокъ,—и мы вошли; на длинныхъ палкахъ мы нашли множество свернутыхъ въ трубки рукописей, подъ толстымъ слоемъ пыли. Открывъ одну изъ нихъ наудачу, Майя показала намъ оригинальнѣйшій способъ художественнаго письма.

— Этой рукописи много вѣковъ!—сказала Майя. — Чтобы не скучать, мы будемъ изучать исторію...

И она съ пренебреженіемъ бросила на полъ безцѣнную рукопись.

Сосѣдняя дверь деревянная была закрыта, но сильный ударъ ногой вышибъ замокъ, и мы вошли опять въ небольшую комнату, гдѣ лежали перевязанные желтыми и красными лентами металлическіе бруски.

— Мѣдь и свинецъ!—сказалъ сеннöръ, глядя на нихъ.

— Нѣтъ!—возразила Майя.—Золото и серебро, за которымъ вы такъ гонитесь по ту сторону горъ... Смотрите, что написано на стѣнѣ: «получено съ южныхъ рудниковъ, отложено особо для храма Сердца, и для храмовъ Востока и Запада».

Я не вѣрилъ своимъ глазамъ: въ одной кладовой, притомъ всѣми забытой, золота было больше, чѣмъ достаточно, чтобы привести въ исполненіе мои самые смѣлые планы.

— Быть можетъ, вы это все получите, Игнасіо, но я боюсь, что здѣсь вы найдете себѣ только могилу, какъ и я, и сеннöръ!

Продолжая осмотръ, мы наткнулись на кладовую съ разными сосудами, употреблявшимися при богослуженіи, очень тонкой рѣдкой и чеканной работы, золотыми и серебряными. Сеннöръ случайно толкнулъ ногой какой-то большой ящикъ, который оказался незапертымъ. Въ немъ мы увидѣли священныя, золотомъ тканныя одежды жрецовъ, и поясъ съ крупнѣйшими изумрудами. Майя взяла этотъ поясъ и передала мнѣ со словами:

— Это очень пойдетъ къ вашему стану, надѣньте поясъ, вѣдь онъ вамъ нравится!

Я взялъ поясъ и надѣлъ, но не поверхъ одежды, а подъ нее. Впослѣдствіи я этими изумрудами заплатилъ за хасіенду и окружающіе ее земли. Вотъ происхожденіе того изумруда, который теперь принадлежитъ вамъ, сеннöръ Джонсъ.

Шумъ шаговъ заставилъ насъ прекратить поиски. Въ комнату вошли люди, принесшіе нѣсколько блюдъ съ кушаньями. Они дожидались, пока мы не насытились, потомъ собрали остатки и посуду, наполнили свѣтильники масломъ и ушли, во все время не проронивъ ни одного слова, ни добраго, ни худого.

Посидѣвъ еще нѣкоторое время, мы разошлись по своимъ

отдѣльнымъ комнатамъ и кончили тѣмъ, что заснули. Потомъ встали, разговаривали, ѣли, когда намъ приносили ѣду, ложились спать и опять вставали, совершенно потерявъ счетъ часовъ и дней, такъ какъ къ намъ не проникалъ ни одинъ лучъ дневнаго свѣта.

Судя по числу приходовъ тюремщиковъ съ ѣдой, долженъ былъ, по моему разсчету, быть третій день, какъ къ намъ опять пришелъ Тикаль, въ сопровожденіи всего четырехъ стражниковъ.

— Ихъ немного, но достаточно, чтобы насъ прирѣзать! Намъ нечѣмъ защищаться!—сказалъ сеннорь.

У насъ, дѣйствительно, было отобрано все оружіе.

— Не бойтесь, другъ!—успокоила его Майя.—Они не сдѣлаютъ этого такъ открыто.

— Что тебѣ нужно, предатель?—грозно спросилъ Зибальбай.—Если ты пришелъ убить меня, то дѣйствуй скорѣе, потому что я долженъ предстать предъ лица боговъ, которыхъ я молю о мщеніи за меня!

— Я не убійца! Если ты умрешь, то только согласно закону, который ты нарушилъ... Мнѣ хочется переговорить съ тобою наединѣ.

— Говори предъ ними, или сохрани свои слова несказанными!

Тикалю пришлось уступить. Онъ отослалъ стражу въ сторону и тихо заговорилъ.

— Слушай, Зибальбай! Вѣдь утромъ я видѣлъ твою дочь на вершинѣ пирамидъ и говорилъ ей, что люблю ее по прежнему и что взялъ себѣ другую жену, только повѣривъ словамъ Маттеи. Я сказалъ ей, что если она согласится быть моей женой, то я отпущу Нагуа, а тебѣ уступлю мѣсто кацика на всю твою жизнь. Я сказалъ ей также, что если она откажется, то я буду врагомъ тебѣ, ей и ея друзьямъ. Она отвѣтила съ презрѣніемъ. Что случилось затѣмъ, ты самъ знаешь.

Зибальбай повернулся къ Майѣ.

— Этотъ человѣкъ говоритъ правду?

Она собиралась отвѣчать, не знаю что, но Тикаль продолжалъ:

— Къ чему ея отвѣтъ? Этотъ чужеземецъ (и онъ указалъ на меня) слышалъ мои слова. Теперь я вновь повторяю свое предложеніе, на тѣхъ же условіяхъ. Я все это готовъ сдѣлать изъ любви къ ней, потому что она свѣтъ моихъ очей, дыханіе моей груди, и безъ нея нѣтъ мнѣ никакой радости въ жизни.

Зибальбай сложилъ руки и громко воскликнулъ:

— Благодарю васъ, о боги, что услышали мои молитвы и указали путь къ устраненію междоусобія! Возьми Майю, Тикаль, если ты хочешь. Съ Маттеи придется бороться, но вмѣстѣ мы его легко одолѣемъ! Радуйся, Игнасіо, ты совершишь свое великое дѣло!

Я не радовался, потому что зналъ, что моя мечта будетъ принесена въ жертву прихоти женщины. Поэтому я сказалъ Зибальбаю:

— Погоди, Майя еще ничего не говоритъ.

— Что-же ей говорить?

— То же, что я вчера сама сказала Тикалю! — медленно заявила дѣвушка, — что мнѣ нѣтъ до него дѣла.

— Нѣтъ дѣла! Нѣтъ дѣла! Ты забыла, дочь, что онъ — твой женихъ!

— Отецъ, я не выйду замужъ за человѣка, который измѣнилъ клятвѣ и не могъ подождать одного только года.

— Будь благоразумна! Тикаль ошибся и теперь хочетъ все исправить. Я ему прощаю, ты тоже должна простить... Не думай больше, Тикаль, о сумасбродствѣ дѣвчонки, а вели принести пергаментъ и чернилъ, чтобы написать договоръ. Я старъ и у меня мало времени; не пройдетъ, пожалуй, года, какъ ты получишь по праву то, чего теперь добиваешься силою.

— Я принесъ съ собою условіе, но Майя согласна?

— Да, да, она согласна!

— Я не согласна, отецъ! Я обращусь къ народу за защитою, лучше наложу на себя руки.

— Тикаль, оставь насъ на нѣкоторое время. Она съ ума

сошла. Вернись черезъ нѣсколько часовъ: она будетъ тогда иного мнѣнія.

Когда мы опять остались одни, онъ обратился къ дочери:

— Твои уста произнесли ложь, когда ты говорила, что не хочешь идти за Тикаля, потому что онъ не сдержалъ даннаго тебѣ слова. Твой отказъ имѣетъ другую причину. Въ немъ замѣшанъ этотъ бѣлый человѣкъ, котораго въ его собственной странѣ зовутъ Джемсъ Стриклэндъ. Ты такъ долго смотрѣла на него, что не можешь уже выкинуть его образа изъ своей груди. Правду - ли я говорю?

— Правду, отецъ! Тебѣ я не буду говорить лжи!

— Я очень огорченъ за тебя и за этого бѣлаго человѣка, если только онъ не видѣлъ въ тебѣ временной забавы, но ты должна подчиниться требованію общаго блага. Твои желанія ничто въ сравненіи съ исполненіемъ пророчества о спасеніи и возстановленіи нашего народа. Неужели всѣ мои планы должны рушиться изъ-за упорства сумасбродной дѣвушки?

— Мой долгъ себѣ самой и тому, кого люблю, выше моихъ обязанностей тебѣ и выше твоихъ мечтаній о народномъ счастьѣ. Проси, кромѣ этого, все, что хочешь, даже жизнь мою, и я повинуюсь.

— Чѣмъ я могу убѣдить эту упрямую дѣвчонку!.. Хоть вы скажите ей, бѣлый человѣкъ, что отказываетесь отъ нея, я надѣюсь, что ваше сердце мужественно и что вы поймете, о какихъ важныхъ вопросахъ идетъ рѣчь?

— Зибальбай, мнѣ предстоитъ огорчить васъ, но судьба моя связана съ судьбою Майи, и я не могу убѣдить ее выходить замужъ за ненавистнаго ей человѣка.

— Слушай теперь ты, другъ Игнасіо. Вѣдь ты не влюбленъ, подобно твоему бѣлому брату. Научи ихъ, что надо приносить въ жертву собственныя прихоти, когда затронуто столь важное дѣло. Вѣдь ты самъ заинтересованъ въ успѣхѣ... Я тебѣ отдамъ всѣ сокровища, которыя находятся здѣсь, и мечта твоей жизни, изъ-за которой ты столько перенесъ, будетъ исполнена. Скажи имъ тѣ слова, которыя нужны, чтобы склонить мою дочь, или ея обожателя на нашу сторону... Иначе черезъ нѣ-

сколько дней намъ всѣмъ предстоитъ вмѣсто торжества позорная смерть отъ руки Тикаля и его сторонниковъ.

Сердце мое замерло. Онъ говорилъ истину. Если Майя приметъ предложеніе Тикаля, то мой народъ будетъ спасенъ отъ тяжелаго ига иноплеменниковъ. Но что я могъ сдѣлать съ нею? Что можетъ поколебать любящее женское сердце? Но въ отношеніи моего друга дѣло стояло иначе. Я ему собирался сказать, что отъ одного его слова зависитъ не только моя жизнь, но и жизнь цѣлаго народа, что нельзя ему, бѣлому, ожидать счастья отъ любви цвѣтной дѣвушки и что лучше ему съ нею разстаться для ихъ-же обоюдной пользы.

Майя точно читала мои мысли и сказала:

— Игнасіо, помни свою клятву!

Тутъ я вспомнилъ свои слова, сказанныя въ пустынѣ, и отвѣтилъ Зибальбаю:

— Я не могу помочь твоему желанію, потому что обѣщалъ не становиться между твоею дочерью и моимъ другомъ. Сегодня, во второй разъ въ моей жизни, женщина разрушаетъ всѣ мои надежды, столь близкія къ осуществленію, но я ничего не могу.

Зибальбай мнѣ ничего не сказалъ, но обратился къ сеннору:

— Бѣлый человѣкъ, вы слышали слова своего друга, они должны сильнѣе всякихъ просьбъ проникнуть въ вашу душу. Но если вы будете упорствовать, я скажу все Тикалю и отдамъ васъ въ его распоряженіе. А онъ мстителенъ и не постѣсняется принять всѣ мѣры, чтобы васъ убрать. Васъ ожидаетъ смерть. Въ послѣдній разъ спрашиваю васъ, что вы выбираете: жизнь или смерть.

— Смерть лучше!—твердо отвѣтилъ сеннорь Дже[illegible]съ.—Мнѣ очень жаль васъ, Зибальбай, и еще больше васъ, другъ мой Игнасіо. Но, видно, такова судьба! Если Игнасіо не можетъ забыть своей клятвы, то какъ я могу нарушить свое обѣщаніе, которое далъ Майѣ? Трусость нигдѣ не умѣстна и здѣсь также. Если только Майя не откажется отъ меня, то я буду ей вѣрнымъ до смерти.

— Я буду твоей въ жизни и послѣ смерти! Дѣлай, отецъ,

что хочешь, пусть Тикаль умертвитъ его, но я не отдамся ему самому живая и въ долинѣ смерти найду избраннаго супруга.

Зибальбай вскочилъ съ мѣста и съ блестящими глазами громко произнесъ:

— При послѣднемъ своемъ издыханіи я буду призывать на тебя, и твоихъ дѣтей проклятіе боговъ. Пусть сердце твое разрывается на части отъ горя, имя твое пусть будетъ словомъ позора, пусть слова въ твоихъ устахъ будутъ пепломъ!.. Мнѣ кажется, что я провижу будущее! Ты достигнешь своей цѣли, ты съ помощью обмана станешь его женою, онъ будетъ нѣкоторое время близокъ тебѣ, но ты должна будешь заплатить за это дорогою цѣною,—которую съ тебя спросятъ и которую ты дашь,—цѣною гибели всего твоего народа!

— Отецъ, пощади! Возьми назадъ свои слова!

— У меня столько же жалости, сколько у тебя—къ моимъ сѣдинамъ и моимъ печалямъ. Ты не щадишь меня, а я долженъ дать тебѣ пощаду? Пусть проклятіе мое разобьетъ твое сердце и сердце того, кто отнялъ тебя у меня!

И онъ тяжело свалился на полъ.

XVIII.

Заговоръ.

Майя была въ отчаяніи, а мы всѣ были такъ безпомощны, что не имѣли, чѣмъ пустить кровь. Зибальбай продолжалъ лежать неподвижно. Вошелъ Тикаль и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на насъ.

— Развѣ старикъ спитъ?—спросилъ онъ.

— Да, спитъ, и думаю, никогда не проснется болѣе!—отвѣтилъ я.—Нѣтъ ли у васъ тутъ врачей?

— Есть! Я ихъ сейчасъ пошлю! Лучшій между ними Маттеи, онъ придетъ...

— Вотъ и исполнились слова Зибальбая,—заговорилъ сеньоръ,—что скоро будетъ вашимъ по праву то, что вы взяли силою!

— Нѣтъ! По праву власть принадлежитъ Майѣ, но она моя по насилію, если только...

Обращаясь къ Майѣ, онъ добавилъ:

— Тебѣ развѣ нечего мнѣ сказать?

— Оставь меня! Видишь, отецъ мой, быть можетъ, мертвъ!

Сенноръ что-то хотѣлъ сказать, но я поспѣшилъ его остановить и возобновилъ просьбу о врачахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ вошелъ Маттеи; слуга несъ за нимъ ящикъ съ лекарствами и инструментами. Онъ осмотрѣлъ Зибальбая и насильно влилъ ему въ горло какую-то жидкость.

— Дѣло его плохо! Мнѣ кажется, что онъ не встанетъ... Какъ это все произошло?—спросилъ онъ у насъ,

— Отецъ мой умеръ, проклиная меня!—отвѣтила Майя.

— Почему онъ тебя проклялъ?

— Отошли своего слугу,—и я все скажу тебѣ.

Когда это было исполнено, она продолжала:

— Вотъ почему: пока мы странствовали въ пустынѣ, Тикаль, мой женихъ, взялъ себѣ другую жену, Нагуа. Но если онъ далъ твоей роднѣ власть и почетъ, то не далъ ей любви. Теперь послѣ нашего возвращенія онъ предложилъ моему отцу признать его опять кацикомъ съ тѣмъ, чтобы я согласилась быть его женою!

— Но вѣдь жена кацика не можетъ быть разведена или удалена отъ трона и ложа Повелителя Сердца! — воскликнулъ Маттеи.

— Тикаль собирался убить ее и тебя, чтобы я могла занять ея мѣсто!

Глаза Маттеи блеснули, какъ молнія.

— Продолжай, Майя, продолжай! Я покажу ему!

— Отецъ мой согласился, но я отказалась, потому что мнѣ нѣтъ до него никакого дѣла. Вотъ почему отецъ проклялъ меня!

— Но если ты не хочешь выйти замужъ за Тикаля, то, вѣрно, желаешь быть женою другого человѣка?

— Да!—отвѣтила она, опуская глаза.—Я люблю этого бѣло-

лицаго, котораго вы называете сыномъ Морей, и хочу быть его женою... Но Тикаль очень силенъ и, возможно, что для спасенія жизни моего возлюбленнаго и его друга мнѣ придется броситься въ объятія Тикаля. Онъ ждетъ моего отвѣта! Теперь ты самъ знаешь, какое имѣешь отношеніе. Одна и въ темницѣ я не могу бороться съ Тикалемъ... Скажи, настолько-ли я еще любима въ народѣ, что онъ низложитъ Тикаля въ мою пользу?

— Не знаю! Но ты не захочешь, чтобы я самъ помогалъ тому, что повлечетъ за собою гибель мнѣ и позоръ дочери. Я буду откровененъ съ тобою. Я подалъ совѣтъ за избраніе Тикаля, съ тѣмъ, чтобы онъ женился на моей дочери. Такимъ образомъ я сдѣлался первымъ послѣ него... Теперь скажи мнѣ, что тебя больше прельщаетъ: быть кацикомъ этой страны, или стать женою человѣка, котораго любишь?

— Я желаю быть женою своего бѣлаго друга и потомъ навсегда оставить эту страну, чтобы поселиться среди живыхъ людей. Желаю, чтобы Игнасіо дали столько золота, сколько нужно для его цѣлей, а затѣмъ пусть Тикаль и Нагуа правятъ страною до конца свѣта.

— Ты просишь немногаго, и я постараюсь тебѣ помочь. Я ухожу, но если Тикаль придетъ опять, ничего ему не говорите. Ваша жизнь зависитъ отъ этого!

Въ слѣдующіе два дня приходили еще другіе врачи, но сознаніе не возвращалось къ Зибальбаю, царило уныніе. Наконецъ, Майя сказала:

— Въ несчастный день мы встрѣтились тогда въ Юкатанѣ!.. Здѣсь ожидаетъ насъ всѣхъ только горе. Поэтому не лучше-ли мнѣ согласиться на условія Тикаля? Я потребую, чтобы я сама увидѣла васъ по ту сторону горъ, одаренными всѣмъ, чего только пожелаете, и богатствами до конца жизни. За меня нѣтъ надобности безпокоиться. Я отдамся не Тикалю, а смерти, и умру за васъ, но неопозоренною.

— Не говорите такъ, Майя! Я виноватъ въ томъ, что мы пришли сюда. Меня увлекло любопытство, кромѣ того, если-бы мы вернулись, мнѣ пришлось бы покинуть Игнасіо... Не

теряйте мужества, я увѣренъ, что мы еще счастливо выберемся изъ этой темницы.

Я слушалъ ихъ бесѣду и предавался самъ довольно грустнымъ размышленіямъ. Въ дверяхъ нашей комнаты показался Маттеи. Его первымъ вопросомъ было спросить про Зибальбая.

— Онъ еще живъ, но больше ничего нельзя сказать! — отвѣтилъ я.

— Онъ не долго проживетъ!—сказалъ Маттеи, внимательно осмотрѣвъ больного.—Оно и къ лучшему; смерть ему вѣрнѣйшій другъ... Въ народѣ многіе обвиняютъ Тикаля въ убійствѣ дяди и требуютъ провозглашенія Майи кацикомъ. Онъ собралъ тамъ тайный совѣтъ, на которомъ почти всѣми было рѣшено, для подавленія смуты, предать смерти и тебя, Майя, и, конечно, обоихъ иноземцевъ. Тикаль утвердилъ этотъ приговоръ, но прежде чѣмъ исполнитель успѣлъ уйти изъ засѣданія, отмѣнилъ рѣшеніе, говоря, что не можетъ принять участіе въ смерти невинной дѣвушки... Впервые я видѣлъ, что сердце одолѣло у него разумъ. Вы спаслись, но лишь на время. Смерть ожидаетъ васъ съ часу на часъ.

— Имѣешь-ли какой-либо планъ для нашего спасенія? — спросилъ я.

— Зачѣмъ? Я первый выгадаю отъ вашей смерти!

— Въ такомъ случаѣ, ты первый и умрешь!—воскликнулъ сенноръ, быстро становясь между Маттеи и входною дверью и подходя къ нему съ сжатыми кулаками.

Старикъ только усмѣхнулся.

— Если я не вернусь въ совѣтъ, то они придутъ сюда и тогда...

— Найдутъ твою дохлую шкуру!—добавилъ сенноръ.

— Можетъ быть! Но отъ этого всего будетъ въ выгодѣ моя дочь, которую я люблю больше жизни. Впрочемъ, я вѣдь не говорилъ, что у меня нѣтъ плана для вашего спасенія, я только спросилъ, какая мнѣ въ немъ надобность!

— Говорите скорѣе!

— Я не знаю, насколько онъ будетъ пріятенъ Майи, но другого нѣтъ, и надо выбирать между нимъ и смертью. Ваша

«Изъ пещеры выбѣжалъ съ сѣкирой въ рукѣ Скаллагримъ»...

(къ стр. 46).

роже, а глазъ Эрика ни на что не пригоденъ. А случится что Эрикъ одержитъ верхъ, хотя этого онъ совсѣмъ не опа так какъ считался сильнѣе всѣхъ людей въ Исландіи, будетъ ему, Чернозубу, великое посрамленіе. Поэтому, завид Эрика Свѣтлоокаго, Оспакаръ крикнулъ ему грозно:

— Эй, слушай ты, Эрикъ!

— Что тебѣ, Оспакаръ?

— Вчера мы порѣшили съ тобой биться объ закладъ, в въ насъ говорили пиво и медъ: ни тебѣ терять глазъ, ни мнѣ мечъ—не утѣха. Такъ не лучше-ли намъ оставить это дѣлог

— Если тебя забираетъ страхъ, то пусть такъ!

При этихъ словахъ Оспакаръ со злобой вскричалъ:

— Ахъ, ты, щенокъ, такъ ты въ самомъ дѣлѣ хочешь выйти противъ меня? Да я переломлю тебѣ хребетъ съ перваго удара и вырву своими руками твой глазъ прежде, чѣмъ ты успѣешь подохнуть!

— Это можетъ случиться,—сказалъ Эрикъ,—но громкія слова не всегда влекутъ за собою громкія дѣла!

Скоро трали пошли съ лопатами и метлами и стали разметать снѣгъ въ оградѣ. Размѣтя кругъ въ 35 локтей, они посыпали сухимъ пескомъ и золой, чтобы борцы не скользили, а снѣгъ накидали высокой стѣной вокругъ.

Тѣмъ временемъ Гроа, отозвавъ Оспакара въ сторону, тихонько зашепталась съ нимъ:

— Знаешь-ли, господинъ, мое сердце не предвѣщаетъ тебѣ ничего добраго въ этой борьбѣ? Что ты дашь мнѣ, если я доставлю тебѣ побѣду?

— Я дамъ тебѣ 2,000 серебромъ!

— Хорошо,—сказала Гроа,—теперь не спрашивай меня ни о чемъ, и ты побѣдишь.

Тогда Гроа призвала своего траля Колля полуумнаго и приказала ему густо смазать жиромъ подошвы башмаковъ Эрика Свѣтлоокаго и подержать ихъ надъ огнемъ, чтобы жиръ впитался въ кожу, а затѣмъ поставить на прежнее мѣсто.

Скоро пришелъ и Эрикъ и сталъ готовиться къ борьбѣ. Взявъ свои башмаки, онъ обулъ ихъ, ничего не подозрѣвая

...ѣ вышли въ ограду и встали вкругъ кольцомъ, Эрикъ и Оспакаръ другъ противъ друга. Оба они были безъ верхней одежды, въ однѣхъ вязаныхъ тѣсныхъ курткахъ и такихъ-же штанахъ, на ногахъ были у нихъ башмаки изъ бараньей шкуры, привязанные къ ногѣ ремешками.

Судьей избрали Асмунда. Тотъ громко прочелъ, какъ надо быть борьбѣ и какъ надо противника на землю положить, чтобы онъ бедрами, головой и плечами легъ на землю, и такъ два раза.

Затѣмъ Асмундъ потребовалъ, чтобы Оспакаръ отдалъ ему свой мечъ въ залогъ, на что Чернозубъ сказалъ, что тогда и Эрикъ долженъ дать ему свой глазъ въ залогъ, но Асмундъ жрецъ возразилъ.

— Мечъ твой мнѣ легко будетъ возвратить тебѣ, если ты одержишь верхъ, а какъ я возвращу Эрику Свѣтлоокому его глазъ, если онъ одолѣетъ тебя?

И зрители согласились, что Асмундъ разсудилъ правильно.

Тогда Оспакаръ вынулъ изъ-за пояса небольшой стальной ножъ и приказалъ сыну своему Гизуру держать его наготовѣ.

— Скоро ты узнаешь, молокососъ, каково почувствовать ножъ въ глазу!—крикнулъ онъ Эрику.

— Скоро мы многое узнаемъ!—спокойно отвѣтилъ Эрикъ.

Оба противника, сбросивъ свои плащи, стали расправлять свои члены.

— Смотрите, Бальдуръ и Троллъ!—воскликнула Сванхильда, и всѣ засмѣялись.—Если Оспакаръ былъ страшенъ и безобразенъ, какъ Троллъ, то Эрикъ былъ прекрасенъ, какъ Бальдуръ, прекраснѣйшій изъ боговъ.

Асмундъ ударилъ въ ладоши и тѣмъ подалъ знакъ для начала борьбы. Долго длилась она; ни тотъ, ни другой противникъ не могли одолѣть другъ друга. Оспакаръ трижды пытался поднять Эрика съ земли, но напрасно; наконецъ, едва только Эрикъ сдѣлалъ шагъ впередъ, ноги его скользнули по песку, онъ ступилъ еще и еще разъ поскользнулся и на этотъ разъ очутился на спинѣ, запрокинутый по всѣмъ правиламъ.

Гудруда при видѣ этого сильно опечалилась. Но, удивлен-

ная страннымъ скольженіемъ ногъ Эрика, незамѣтно протѣснилась къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ на снѣгу и отдыхалъ Эрикъ. Душа его была скорбна: онъ чувствовалъ, что его не сила одолѣла, а какое-то колдовство.

— Слушай, Эрикъ,—прошептала Гудруда,—не падай духомъ! Посмотри хорошенько подошвы твоихъ башмаковъ.

Тотъ распустилъ ремешокъ, снялъ башмакъ съ ноги и посмотрѣлъ на подошву. На морозѣ сало замерзло, и вся подошва была бѣла отъ сплошной коры льда.

Тогда гнѣвъ загорѣлся въ ясныхъ очахъ Свѣтлоокаго, и онъ воскликнулъ:

— Думалось мнѣ, что я борюсь въ честномъ бою, съ путнымъ и сильнымъ борцомъ, а не съ обманщиками и хитрыми плутами! Смотрите! Удивительно-ли, что я поскользнулся, а онъ положилъ меня? Видите, мои подошвы смазаны саломъ. Кто это сдѣлалъ, на того ляжетъ позоръ изъ рода въ родъ!

Тогда Асмундъ жрецъ, взявъ изъ рукъ Эрика его башмаки и осмотрѣвъ подошвы, сказалъ:

— Эрикъ Свѣтлоокій правду сказалъ, есть среди насъ подлый плутъ! Скажи, Оспакаръ, можешь-ли ты отвергнуть отъ себя такое обвиненіе?

— Я готовъ поклясться на священномъ кольцѣ, что ничего не зналъ объ этомъ, и если это сдѣлалъ кто изъ моихъ людей, то онъ умретъ!—отвѣтилъ Оспакаръ.

— Это больше похоже на дѣло женскихъ рукъ!—сказала Гудруда и многозначительно посмотрѣла на Сванхильду.

— Не причастна я въ этомъ!—промолвила Сванхильда.

— Такъ поди и спроси твою мать!—гнѣвно сказала Гудруда.

И всѣ зрители громко закричали, что это великій срамъ, что борьба не въ счетъ и надо начинать ее сначала. Теперь только Оспакаръ вспомнилъ, что посулилъ Гроа 2,000 серебромъ, но тѣмъ не менѣе сталъ спорить противъ возобновленія борьбы, и Эрикъ во гнѣвѣ воскликнулъ: «Пусть будетъ такъ!»

Асмундъ жрецъ сказалъ тоже: «пусть»! но въ душѣ поклялся, что если даже Эрикъ будетъ побитъ, онъ не допуститъ, чтобы Свѣтлоокій лишился глаза.

Эрикъ и Оскапаръ снова схватились, и на этотъ разъ борьба продолжалась долго. Оспакаръ не могъ поднять Эрика съ земли, но, наконецъ, Эрикъ ухватилъ Оспакара, и оба повалились на землю, затѣмъ снова вскочили, тогда Оспакаръ подставилъ ногу, чтобы опрокинуть соперника, но тотъ, уловивъ это движеніе, зацѣпилъ его ногу своей лѣвой ногой, а затѣмъ всей тяжестью своего корпуса разомъ налегъ ему на грудь,—и Чернозубъ запрокинулся на спину, точно срубленный стволъ на снѣгъ. Эрикъ упалъ вмѣстѣ съ нимъ и легъ на него всей своею тяжестью. Зрители закричали: «Повалилъ, повалилъ»! и всѣ радовались побѣдѣ Эрика Свѣтлоокаго. Но это было еще не все. Передохнувъ немного, борцы снова схватились. Долго ни тотъ ни другой не могли одолѣть другъ друга. Бѣшенство овладѣло тогда Оспакаромъ. Ощупавъ подлѣ своей ноги босую ногу Эрика, онъ со злобы наступилъ на нее со всей силы; кровь густой струей брызнула впередъ.

— Не доброе дѣло! Срамное дѣло!—закричали кругомъ зрители!

Борьба продолжалась. Оба борца повалились было на землю, но скоро поднялись. Вдругъ Эрикъ отскочилъ въ сторону. Оспакаръ устремился на него, какъ разъяренный быкъ и, собравъ всѣ свои силы, сбилъ противника съ ногъ, но тотъ въ ту же минуту вскочилъ снова на ноги. Тогда доведенный до бѣшенства Оспакаръ вцѣпился своими черныи зубами ему въ плечо. Эрикъ осторожно опустилъ руку отъ пояса соперника и, продѣвъ ему между ногъ, приподнялъ и со всего маха плашмя положилъ его на спину; тотъ такъ и остался въ снѣгу.

VI.

Какъ Асмундъ жрецъ помолвился съ Унной.

Съ минуту длилось молчаніе. Затѣмъ зрители стали громко привѣтствовать Эрика и прославлять его подвигъ, а самъ Эрикъ какъ будто вдалекѣ слышалъ этотъ шумъ и крики и какъ будто во снѣ видѣлъ всѣхъ этихъ людей. Вдругъ на него наскочилъ человѣкъ съ поднятой сѣкирой, и, не успѣй онъ от-

скочить въ сторону, тутъ былъ бы ему и конецъ. Человѣкъ этотъ былъ Мордъ, младшій сынъ Оспакара: взбѣшенный пораженіемъ отца, онъ хотѣлъ отомстить за него. Отскакивая отъ него, Эрикъ замахнулся кулакомъ и ударъ пришелся немного надъ ухомъ Морда; тотъ безъ чувствъ упалъ на отца, который все еще не могъ прійти въ себя.

Кругомъ сверкнули мечи, и зрители кольцомъ обступили Эрика, чтобы охранить его отъ враговъ, такъ какъ трали и люди Оспакара были внѣ себя отъ посрамленія такого прославленнаго богатыря и силача на сѣверѣ. Люди же юга, съ Миддальгофа и рѣки Ранъ гордились Эрикомъ и громко прославляли его. Дѣло чуть не дошло до кровопролитія, но Асмундъ жрецъ крикнулъ сѣверянамъ:

— Долой мечи! Здѣсь я не допущу кровопролитія! Уберите эти тѣла тамъ на снѣгу!—и люди Оспакара повиновались.

Оспакаръ теперь очнулся и сидѣлъ на снѣгу, безобразный отъ ярости и злобы; кровь шла у него изо рта, изъ ушей и изъ носа отъ сильнаго напряженія; онъ былъ такъ гадокъ, что никто смотрѣть на него не хотѣлъ. Теперь Асмундъ жрецъ подошелъ къ Эрику Свѣтлоокому и, поцѣловавъ его въ лобъ, проговорилъ:

— Эрикъ—и сильный, и смѣлый, и честный человѣкъ, хвала и гордость всѣхъ людей юга! Я предсказываю тебѣ, что ты совершишь подвиги, какихъ еще никто до тебя не совершалъ въ Исландіи. Ты честно добылъ этотъ чудесный мечъ, возьми его и носи съ честью!

— Господинъ,—проговорилъ Эрикъ Свѣтлоокій,—если ты считаешь меня не послѣднимъ человѣкомъ и чтишь меня добрымъ словомъ, то прошу — обѣщай отдать мнѣ свою дочь Гудруду Прекрасную: вѣдь ради ея я и совершилъ эти дѣла, за которыя ты и всѣ люди прославляютъ меня; ради ея я готовъ совершить еще больше.

Асмундъ отвѣчалъ:

— Вотъ что я скажу тебѣ, Эрикъ! Если ты будешь продолжать, какъ началъ, то я обѣщаю, что не отдамъ Гудруду никакому другому, кромѣ тебя. И еще скажу тебѣ, что вы

двое можете помолвиться теперь же, такъ что, если нарушите ваши клятвы, срамъ падетъ на васъ, а не на меня. Вотъ тебѣ моя рука порукой!

Эрикъ взялъ руку Асмунда и, положивъ ее себѣ на голову, обратился къ дѣвушкѣ:

— Слышала, Гудруда, ласковыя слова отца? Подойди же сюда, и поклянемся при всѣхъ этихъ людяхъ, на этомъ чудесномъ мечѣ, что будемъ любить другъ друга по самую смерть и будемъ вѣрны другъ другу, пока живы.

Гудруда подошла, и оба произнесли свою клятву надъ мечомъ, приложившись губами къ сверкающему лезвію «Молніи-Свѣта».

Сванхильда смотрѣла на нихъ, и въ сердцѣ ея клокотала злоба. Оспакаръ же, придя теперь въ себя, сидѣлъ на снѣгу, упершись лбомъ въ землю; онъ чувствовалъ, что потерялъ теперь и свою славу, и мечъ, и жену.

— Я пришелъ сюда, Асмундъ,—проговорилъ онъ,—чтобы взять твою дочь себѣ въ жены. Это было-бы хорошо и для тебя, и для нея. Но этотъ юнецъ колдовствомъ осилилъ меня, и теперь я принужденъ слышать и видѣть, какъ ты на моихъ глазахъ помолвилъ этихъ двухъ. Подожди! Бѣда обрушится на тебя и на весь твой домъ, а я на вѣкъ буду твоимъ врагомъ! Ты же, Эрикъ, знай, что мы еще разъ встрѣтимся съ тобой. Нынче была только дѣтская забава, мы сойдемся въ бронѣ и со щитомъ и съ мечомъ на голо, и тогда ты увидишь, съ кѣмъ имѣешь дѣло! Я убью тебя, а дѣвушку силой возьму себѣ въ жены, вырвавъ изъ твоихъ объятій, и тѣмъ же славнымъ мечомъ «Молніи-Свѣтомъ» отрублю тебѣ голову! Слышишь?

— Ты, Оспакаръ,—чанъ, въ которомъ много пѣны и мало воды! Хочешь, мы завтра же встрѣтимся съ тобою на поединкѣ и рѣшимъ то, что начали сегодня?

— Нѣтъ, у меня здѣсь нѣтъ меча. Но не бойся, я не запоздаю!

— Спѣши!—сказалъ Эрикъ и пошелъ въ замокъ переодѣться.

На порогѣ попалась ему Гроа колдунья

— Ты насалила мои подошвы, мерзкая колдунья,—сказалъ онъ,—смотри, ты еще не жена Асмунда и никогда не будешь ею! Объ этомъ я позабочусь.

— Если такъ, то берегись своей пищи и питья. Я не даромъ родилась среди финновъ!

— Кошка начинаетъ фыркать!—засмѣялся Эрикъ,—это ей и пристало!

Но вотъ подошелъ къ Эрику Асмундъ жрецъ и сталъ просить его, чтобы онъ вернулся къ себѣ на Кольдбэкъ, такъ какъ у Оспакара Чернозуба пропали кони, и пока ихъ разыщутъ, Чернозубъ долженъ будетъ остаться въ Миддальгофѣ, а онъ, Асмундъ, опасается, что, если они останутся подъ одной крышей, между ними выйдетъ кровопролитіе.

Эрикъ согласился и, поцѣловавъ Гудруду, сѣлъ на коня, опоясавшись мечемъ «Молніи-Свѣтомъ», и уѣхалъ къ себѣ на Кольдбэкъ.

Савуна, мать его, привѣтствовала его съ великою радостью; онъ пересказалъ ей все, какъ было, и она жалѣла, что Торгримуръ Желѣзная Пята, супругъ ея, не былъ свидѣтелемъ подвиговъ сына.

Послѣ ужина Эрикъ заговорилъ своей матери объ Асмундѣ жрецѣ и о родственницѣ Савуны, дочери брата ея Торода, Уннѣ, женщинѣ красивой и искусной во всякой домашней работѣ, и сказалъ, что не плохо было-бы взять ее жить къ нимъ на Кольдбэкъ, прибавивъ, что Асмунду наскучила Гроа колдунья и онъ, быть можетъ, будетъ радъ взять себѣ въ жены другую женщину.

— Пусть же будетъ такъ, какъ ты того желаешь, сынъ мой,—сказала Савуна, и на другой же день Унна поселилась въ ихъ домѣ. Дѣйствительно, послѣ того, что Гроа сдѣлала съ башмаками Эрика, она стала такъ противна Асмунду, что онъ не хотѣлъ видѣть ее и сталъ подумывать, какъ-бы не имѣть съ ней никакого дѣла.

И вотъ, когда Оспакаръ уѣхалъ изъ Миддальгофа, Асмундъ поѣхалъ на Кольдбэкъ къ Эрику и его матери и увидѣлъ

Унну. Та сильно приглянулась ему, и онъ просилъ у Эрика, чтобы онъ отдалъ ее въ жены ему. Унна тоже не сказала «нѣтъ», и они помолвились, рѣшивъ отпраздновать свадьбу по осени.

— Гдѣ ты былъ, господинъ?—спросила Гроа колдунья, когда Асмундъ вернулся съ Кольдбэка.

И Асмундъ сказалъ ей о всемъ. Тогда лицо ея исказилось отъ бѣшенства, и она стала призывать проклятье на него, на весь его домъ и на весь родъ.

Асмундъ, вскипѣвъ гнѣвомъ, вскричалъ:

— Перестань сейчасъ же твои заклинанія, а не то ты будешь брошена, какъ колдунья, въ водоворотъ подъ водопадомъ.

— Аа! Въ самомъ дѣлѣ! Въ водоворотъ? Да, я вижу себя тамъ; только ни твои глаза, ни глаза Унны не увидятъ этого; вы уже умерли раньше меня, да!—и она громко вскрикнула и, запрокинувшись навзничь, стала съ пѣной на губахъ кататься по землѣ.

Асмундъ позвалъ къ ней людей, а самъ отошелъ прочь, подумавъ, что лучше было-бы никогда не видать ея смуглаго лица.

Послѣ того Гроа 10 дней была не въ памяти. Дочь ея Сванхильда ходила за ней, а когда она пришла въ себя, то пожелала увидѣть Асмунда и, оставшись съ нимъ одна, униженно просила прощенія за свои недобрыя слова, заявивъ, что она стала стара, худа и безобразна и покоряется своей судьбѣ. Пусть молодая хозяйка войдетъ въ этотъ домъ, но пусть и ей будетъ позволено, въ память прошлаго, остаться смиренно въ своемъ углу; пусть ее не гонятъ изъ замка. При этомъ она много плакала и говорила много ласковыхъ словъ Асмунду; сердце его разжалобилось, и онъ позволилъ ей остаться въ домѣ.

Итакъ, Гроа осталась жить въ Миддальгофѣ и была кротка и ласкова, какъ никогда раньше не бывала.

VII.

Какъ Эрикъ ходилъ противъ Скаллагримма Бэрезарка.

Случилось такъ, что старый добрый ярлъ *) Оркнейской страны, Атли Добросердечный, приплылъ въ Исландію, гдѣ унаслѣдовалъ послѣ матери своей Хельги земли и, управившись со своими дѣлами, весной собирался вернуться домой, но вѣтры и непогода заставили его встать на время подъ вѣтеръ Вестманскихъ острововъ.

Атли спросилъ, какой народъ живетъ здѣсь, и, когда услышалъ объ Асмундѣ, сынѣ Асмунда, жрецѣ Миддальгофа, душа возрадовалась: въ старые годы онъ и Асмундъ не разъ совершали вмѣстѣ морскіе походы викинговъ. Атли, взявъ двоихъ изъ своихъ людей, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Миддальгофъ.

Атли былъ лучшій изъ всѣхъ ярловъ въ тѣ дни, за что народъ и прозвалъ его Добросердечнымъ. Было ему 60 лѣтъ, но годы не тронули его; только длинная сѣдая борода напоминала людямъ, что онъ прожилъ на свѣтѣ не мало лѣтъ. Кромѣ сѣдой бороды, Атли былъ красивый, рослый, сильный мужчина; глаза его были ясны; рѣчи разумны. Это былъ великій, славный воинъ и справедливый судья. Жена у него умерла много лѣтъ тому назадъ, не оставивъ ему дѣтей, и это сильно огорчало его, но до сихъ поръ онъ не взялъ себѣ другой жены; онъ говорилъ: «любовь ослѣпляетъ стараго человѣка» или: «спутаешь сѣдые кудри съ золотыми и обезобразишь двѣ головы» и мн. др. Прибылъ Атли въ Миддальгофъ, когда мужчины садились за мясо. Асмундъ сразу призналъ Атли, хотя почти тридцать лѣтъ не видалъ его, и взявъ гостя за руку, ввелъ въ большую залу, усадилъ на высокое сѣдалище, а его людямъ приказалъ очистить мѣсто на длинныхъ скамьяхъ. По обычаю женщины служили. Старый Атли увидѣлъ Сванхильду, и она показалась ему удивительно прекрасна

---

*) Правитель.

въ бѣломъ одѣяніи съ шелковистыми темными кудрями, румяными и пышными устами и глазами, синими и глубокими, какъ море.

— Скажи, Асмундъ,—спросилъ Атли,—эта прекрасная дѣвушка твоя дочь?

— Ее зовутъ Сванхильда, Незнающая отца!—отвѣчалъ Асмундъ жрецъ, отвернувъ свое лицо.

— Если-бы эта дѣвушка отъ меня,—сказалъ Атли,—ее не долго-бы называли Незнающей отца: такихъ красивыхъ дѣвушекъ на свѣтѣ мало.

Сванхильда, услышавъ эти слова, задумала, чтобы Атль полюбилъ ее, а она могла надсмѣяться надъ нимъ. Цѣлый день она ухаживала за нимъ, служила ему и пѣла ему пѣсни, и такъ всѣ три дня, пока погода не стала снова хорошая и тихая. Тогда Атли сказалъ ей, что на слѣдующій день онъ отплыветъ на своемъ суднѣ на Оркнейскіе острова. Сванхильда положила свою бѣлую руку на руку Атли Добросердечнаго и проговорила:

— Ахъ, не уѣзжай еще, государь мой! Не спѣши отъѣздомъ, прошу тебя!—и, закрывъ руками лицо свое, убѣжала изъ горницы.

Атли подумалось, что случилось удивительное дѣло: прекрасная молодая женщина полюбила стараго, сѣдобородаго воина. Но такъ онъ былъ человѣкъ мудрый и разсудительный, то рѣшилъ зорко слѣдить за дѣвушкой прежде, чѣмъ скажетъ о своемъ намѣреніи слово Асмунду, боясь ошибиться.

. . . .

Дни стали длиннѣе, и Эрикъ сталъ помышлять о своемъ зарокѣ—пойти противъ Скаллагримма Бэрезарка, въ его берлогу, что на Мшистой скалѣ близъ Геклы. Это было дѣло не легкое: Скаллагриммъ былъ такой силачъ, что никто не смѣлъ пойти противъ него, ни противиться ему. А Скаллагриммъ, прослышавъ, что одинъ поселянинъ, по имени Эрикъ Свѣтлоокій, далъ зарокъ пойти одинъ на одинъ противъ него и уничтожить его. Но прежде онъ продѣлалъ надъ Эрикомъ такую насмѣшку: подъѣхалъ ночью къ Кольдбэку на рѣкѣ Ранъ

и выкралъ у Эрика одну овцу; держа овцу подъ рукой вдоль сѣдла, подъѣхалъ къ самому дому и трижды стукнулъ въ двери своей сѣкирой, такъ что весь домъ задрожалъ, затѣмъ, отъѣхавъ нѣсколько въ сторону, сталъ выжидать. Эрикъ вышелъ не одѣтый, но со щитомъ и съ мечомъ «Молніи-Свѣтомъ» въ рукѣ и при свѣтѣ мѣсяца увидѣлъ громаднаго чернобородаго мужчину на конѣ съ большимъ топоромъ въ рукѣ и овцою подъ мышкой.

— Кто ты такой?—спросилъ Эрикъ.

— Зовутъ меня Скаллагриммъ, — отвѣчалъ конный, — и много людей, увидѣвъ меня однажды въ своей жизни, уже въ другой разъ не увидятъ. Дошелъ до меня слухъ, что ты далъ зарокъ пойти противъ меня одинъ на одинъ въ моей берлогѣ на Мшистой Скалѣ. Такъ вотъ я пришелъ сказать тебѣ, что встрѣчу тебя съ почетомъ. Вотъ смотри,—добавилъ онъ и, отрубивъ хвостъ у овцы, кинулъ его Эрику.—Когда ты приростишь этотъ хвостъ къ шкурѣ этой овцы, изъ которой я сошью себѣ куртку, тогда Скаллагриммъ признаетъ надъ собой господина!—и, повернувъ коня, онъ ускакалъ.

На другой день Эрикъ собрался въ походъ, надѣлъ панцырь и золотой шлемъ съ крыльями по бокамъ, подпоясался славнымъ мечомъ «Молніи Свѣтомъ, взялъ надежный щитъ и, простившись съ матерью и Унной, выѣхалъ со двора. Путь его лежалъ мимо Миддальгофа, онъ заѣхалъ туда. Когда онъ подъѣзжалъ, увидѣлъ его старый Атли и воскликнулъ:

— Вотъ ѣдетъ человѣкъ сильный и прекрасный, какъ самъ богъ Бальдуръ:

Эрикъ пробылъ ночь въ Миддальгофѣ, Асмундъ былъ ласковъ къ нему, Гудруда гордилась имъ, а Атли много разговаривалъ съ нимъ и сердцемъ полюбилъ его, горько жалѣя, что боги не дали ему такого сына, наконецъ, сказалъ.

— Вотъ тебѣ мой совѣтъ: береги свою голову, защищай ее щитомъ, а самъ руби низко,—ниже его щита! Бэрезарки всегда нападаютъ, держа щитъ высоко.

Эрикъ поблагодарилъ за совѣтъ и на утро съ разсвѣтомъ пустился въ путь.

Гудруда провожала его.

— Думается мнѣ, что Сванхильда пришлась по сердцу старому Атли, — сказалъ Эрикъ, — хорошо для насъ было-бы, если-бы она вышла за него.

— Да, хорошо для насъ, но плохо для него,—отвѣтила Гудруда,—она не любитъ его и только надсмѣется!

Эрикъ поцѣловалъ Гудруду крѣпко и ускакалъ на своемъ конѣ въ сопровожденіи своего траля Іона.

. . . .

Къ закату Эрикъ и его траль подъѣхали къ подножію Мшистой Скалы. Гекла осталась у нихъ вправо. Скала эта громадна, вся поросла сѣдымъ мохомъ, только съ южной стороны можно было подняться на нее по узкой тропѣ. Путники стали взбираться въ гору и, когда добрались до площадки, гдѣ былъ ручей, что бѣжалъ съ горы, Эрикъ сошелъ съ коня и приказалъ тралю своему оставаться здѣсь—стеречь коней, а самъ одинъ пошелъ дальше. Долго, долго взбирался онъ въ гору и уже почти совсѣмъ стемнѣло, когда онъ подошелъ къ глубокой пещерѣ, гдѣ имѣлъ свое жилище Бэрезаркъ. Пещера находилась надъ крутымъ обрывомъ, а подъ обрывомъ зіяла черная бездонная пропасть. Передъ пещерой еще тлѣлъ костерокъ, а кругомъ валялись кости, изъ чего Эрикъ заключилъ, что Бэрезаркъ въ своей норѣ, и заглянулъ внутрь. Тамъ было темно, но костеръ кидалъ красный свѣтъ. Эрикъ смѣло вошелъ въ пещеру; входить въ нее приходилось ползкомъ. Сначала ничего не было видно, слышался только сильный храпъ, затѣмъ юноша увидалъ лежавшаго врастяжку громаднаго бородатаго человѣка съ густыми черными волосами, съ овечьей шкурой подъ головой. Большая сѣкира лежала подлѣ него. Эрикъ могъ бы однимъ ударомъ своего меча покончить съ нимъ, но такого дѣла онъ не хотѣлъ сдѣлать. Онъ хотѣлъ уже разбудить его, какъ изъ-за спины Скаллагримма поднялся другой человѣкъ.

— Клянусь Торомъ, на двоихъ я не разчитывалъ!—вскрикнулъ юноша и поспѣшилъ выйти изъ пещеры. Вслѣдъ за нимъ вышелъ, грозно рыча, какъ разъяренный звѣрь, и тотъ Бэрезаркъ, что сидѣлъ за спиной Скаллагримма, и накинулся на

Эрика съ поднятымъ мечомъ. Эрикъ увернулся отъ удара, отскочивъ къ самому краю обрыва. Тогда Бэрезаркъ снова налетѣлъ на него, но на этотъ разъ Эрикъ, отразивъ ударъ щитомъ, размахнулся самъ съ такою силой, что голова Бэрезарка отлетѣла наземь съ плечъ и покатилась по землѣ, тѣло-же съ раскинутыми въ стороны руками, какъ будто, ловя воздухъ, полетѣло съ края обрыва въ пропасть. Это былъ первый человѣкъ, котораго Эрикъ убилъ на своемъ вѣку. Дрожь пробѣжала у него по спинѣ. Онъ посмотрѣлъ на голову убитаго Бэрезарка, и она проговорила: «ты убилъ меня, Эрикъ Свѣтлоокій, но знай, что, гдѣ упало мое тѣло, туда упадешь и ты, и гдѣ оно легло, тамъ будешь лежать и ты!»

Эрику это показалось страннымъ, но онъ не сробѣлъ, отвѣтивъ.

— Ужъ если ты такъ рѣчистъ, то поди—скажи своему товарищу, что Эрикъ Свѣтлоокій стучится у его дверей!

Онъ взялъ голову и тихонько вкатилъ ее въ пещеру. Оттуда сейчасъ-же выбѣжалъ съ поднятою сѣкирою въ одной рукѣ и головой убитаго Бэрезарка въ другой Скаллагриммъ. На немъ не было никакой другой одежды, кромѣ рубахи, а на груди была навязана овечья шкура.

— Гдѣ мой товарищъ?—заревѣлъ онъ.

— Часть его ты держишь въ своей рукѣ, Скаллагримъ, а за остальнымъ тебѣ придется сходить вонъ туда! — отвѣтилъ Эрикъ, указывая на пропасть.

— А ты кто такой?—спросилъ Бэрезаркъ.

— По этой примѣтѣ ты узнаешь меня,—сказалъ Эрикъ и кинулъ ему хвостъ той овцы, которую у него похитилъ тогда Скаллагриммъ.

Теперь Скаллагримъ узналъ его, и бѣшенство овладѣло имъ; глаза его налились кровью, и пѣна показалась на губахъ; онъ былъ страшенъ на взглядъ. Съ поднятою сѣкирой устремляется онъ на Эрика, но тотъ проворно отскочилъ и ударъ пропалъ даромъ. Эрикъ-же занесъ свой чудесный мечъ надъ самой головой Бэрезарка, но тотъ во время успѣлъ защитить голову сѣкирой, такъ что ударъ пришелся по ней и разрубилъ лезвіе ея пополамъ.

Теперь Скаллагриммъ былъ обезоруженъ, и убить его было нетрудно, но Эрикъ думалъ, что это не достойный поступокъ— убить безоруженаго человѣка, и потому, отбросивъ въ сторону Молніи Свѣтъ, крикнулъ: давай попробуемъ побороть другъ друга, Скаллагриммъ!

Они стали бороться. Какъ не силенъ былъ Оспакаръ, а его силу нельзя было сравнить съ силой Скаллагримма во время его припадковъ бѣшенства. Эрикъ вскорѣ очутился на спинѣ, а Скаллагриммъ на немъ. Но Эрикъ обхватилъ его и держалъ, точно желѣзными тисками, и Скаллагриммъ, желая высвободиться изъ его объятій, бѣшено катался по землѣ. Вскорѣ оба противника очутились на самомъ краю пропасти; еще одно движеніе, и они полетятъ внизъ. Эрикъ ухватился за Бэрезарка и, посылая мысленно послѣднее «прости» Гудрудѣ, приготовился умереть: силы измѣняли ему, ноги его уже свѣсились съ края обрыва. Вдругъ онъ увидѣлъ, что судорожно искривленное лицо Скаллагримма измѣнилось и что весь онъ разомъ ослабъ. Эрикъ понялъ, что припадокъ бѣшенства у него прошелъ.

— Стой! Я прошу мира!—сказалъ Скаллагриммъ и выпустилъ Эрика.

Тотъ осторожно подобралъ ноги и, очутившись на площадкѣ, проворно отскочилъ въ сторону.

— Теперь моя пѣсня спѣта,—продолжалъ Бэрезаркъ,—ты или втащи меня, такъ какъ я падаю, или отруби мнѣ голову, я въ твоихъ рукахъ!

— Нѣтъ,—сказалъ Эрикъ,—ты благородный врагъ и я не поступлю съ тобой такъ низко!—съ этими словами онъ протянулъ ему руку и оттащилъ отъ края пропасти въ безопасное мѣсто.

Отлежавшись и придя въ себя, Бэрезаркъ тихонько приползъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ, прислонясь къ скалѣ, Эрикъ, и сказалъ:

— Государь мой, дай мнѣ твою руку! Изъ всѣхъ людей, которыхъ я зналъ, ты сильнѣйшій: пятеро человѣкъ не могли-бы устоять противъ меня, когда на меня находитъ бѣшенство, а ты одолѣлъ меня, при томъ въ честномъ бою, одной своею

силой! Ты благородно отбросилъ свое оружіе, когда увидѣлъ что я безоруженъ. Ты подарилъ мнѣ жизнь, когда могъ отнять ее,—и съ этого часа она принадлежитъ тебѣ! Я здѣсь клянусь тебѣ въ вѣчной вѣрности и отдаю себя на твою волю. Можешь убить меня или пользоваться мной, какъ пожелаешь, только говорю, что я съумѣю тебѣ пригодиться: до сего времени ни одинъ человѣкъ не могъ одолѣть меня; ты одинъ одолѣлъ, и я готовъ служить тебѣ моею силой. Чуетъ мое сердце, что скоро моя сила пригодится тебѣ.

— Это можетъ быть правда, но я плохо довѣряю тѣмъ, кто внѣ закона!—отвѣчалъ Эрикъ, — кто поручится мнѣ, что, если я возьму тебя къ себѣ, ты не убьешь меня, когда я буду спать, какъ могъ-бы это сдѣлать и я сегодня, когда пришелъ къ тебѣ?

— Слушай, государь мой, — продолжалъ Скаллагриммъ,— пусть Валгалла *) отвергнетъ меня и Гела **) возьметъ меня, пусть мнѣ суждено будетъ скитаться всю жизнь, какъ травленому звѣрю, пусть не буду имѣть покоя ни день, ни ночь, пусть враги мои одолѣютъ меня, если я нарушу свою клятву. Клянусь, что отнынѣ твои враги будутъ моими врагами, твое торжество — моимъ торжествомъ, твоя честь — моею честью, буду я твоимъ тралемъ до конца моей жизни и, если хочешь, мы будемъ жить съ тобой одной жизнью и умремъ одною смертью!

— Я шелъ противъ врага,—проговорилъ Эрикъ, — а нашелъ, какъ видно, друга, а въ другѣ я скоро вѣроятно буду нуждаться, и хоть ты Бэрезаркъ — человѣкъ внѣ закона, я вѣрю тебѣ. Съ этого часа ты мой, мы вмѣстѣ съ тобой совершимъ не мало подвиговъ и въ память этого дня я прозову тебя Скаллагриммъ Овечій хвостъ. А теперь, если у тебя есть какая пища и питье, накорми и напой меня: я обезсилѣлъ отъ твоихъ желѣзныхъ объятій, старый медвѣдь!

---

*) Рай у древнихъ скандинавовъ.

**) Адъ.

«Гудруда повисла надъ пропастью, уцѣпившись за скалу»..
(къ стр. 57)

VIII.

Какъ Чернозубъ встрѣтилъ Эрика Свѣтлоокаго и Скаллагримма Овечій хвостъ на холмѣ Конская Голова.

Скаллагриммъ позвалъ Эрика въ свою пещеру, накормилъ его мясомъ и напоилъ пивомъ.

— Скажи мнѣ, Скаллагриммъ,—спросилъ Эрикъ,—что сдѣлало тебя Бэрезаркомъ?

— Одинъ позорный поступокъ, государь мой, но не я совершилъ его, а другіе. Десять лѣтъ назадъ я былъ небогатымъ поселяниномъ, неподалеку отъ богатыхъ земель и угодій. Свинефалля, гдѣ властвуетъ богатый и могущественный вождь Оспакаръ Чернозубъ, человѣкъ лихой и низкій. Одно у меня было сокровище, красивая и добрая жена. Случилось такъ, что Оспакаръ увидѣлъ ее и сталъ сманивать стать его Майей; она какъ будто не хотѣла, но онъ прельстилъ ее богатыми дарами и хорошими обѣщаніями, и однажды, когда я крѣпко спалъ съ женой, въ мой домъ ворвались вооруженные люди, связали меня, стащили съ кровати, и я увидѣлъ, что съ этими людьми былъ Оспакаръ. Онъ приказалъ моей женѣ Торуннѣ одѣться живѣе и ѣхать съ нимъ; она заплакала и стала упираться. Я увидѣлъ, что она надѣла поясъ, а на немъ былъ ножъ, какъ носятъ всѣ наши женщины, и крикнулъ ей:

— Заколи себя, моя милая! Смерть лучше позора!

Но она отвѣчала мнѣ:

— Возлюбленный супругъ мой, я люблю тебя одного, но женщина можетъ найти другую любовь, а другой жизни она не можетъ найти!

Между тѣмъ Оспакаръ сталъ торопить ее, затѣмъ, схвативъ за руки, вытащилъ изъ хижины, сѣлъ на коня, положилъ ее поперекъ сѣдла и ускакалъ. Люди-же его остались у меня въ домѣ, стали пить мое пиво и смѣялись надо мной, когда я лежалъ передъ ними связанный. Они разсказали мнѣ, что моя жена Торунна сама придумала и присовѣтовала Оспакару этотъ набѣгъ.

У меня въ глазахъ потемнѣло, и я думалъ, что умру отъ срама и обиды. Вдругъ что-то могучее поднялось у меня въ груди, и я почувствовалъ въ себѣ необычайную силу. Точно нитки, порвалъ я веревки, которыми былъ связанъ, и схватилъ свою сѣкиру со стѣны. Мной овладѣло такое бѣшенство, что я набросился на этихъ людей, издѣвавшихся надо мной. Что тутъ было, я не знаю, только знаю, что, когда я очнулся, восемь труповъ лежало на полу. Я навалилъ на нихъ столы и скамьи, облилъ все это гарнымъ масломъ и зажегъ. Такъ я сжегъ хату, а самъ ушелъ въ лѣса и нѣсколько лѣтъ разбойничалъ съ другими разбойниками, не щадя ни мужчинъ, ни женщинъ, затѣмъ ушелъ оттуда и сталъ жить здѣсь на Мшистой скалѣ. Много людей выходило противъ меня, но никто не могъ совладать со мной; всѣ стали бояться меня, только ты одинъ осилилъ меня, и этимъ ты можешь гордиться.

Послѣ того и Эрикъ разсказалъ ему, что зналъ про Оспакара, какъ онъ хотѣлъ отбить у него Гудруду, какъ онъ поборолъ его и какъ пріобрѣлъ этимъ мечъ его, славный Молніи Свѣтъ.

— Видишь, государь мой, судьба не даромъ столкнула насъ, теперь мы двое пойдемъ противъ Оспакара. Вѣрь мнѣ, не далекъ тотъ часъ, когда онъ встрѣтится намъ. Я знаю его. Если онъ облюбовалъ твою невѣсту, то не успокоится до тѣхъ поръ, пока не добудетъ ее или не будетъ убитъ. Ужъ онъ вѣрно бродитъ гдѣ-нибудь вокругъ, только намъ двоимъ нечего опасаться его да еще съ твоимъ Молніи Свѣтомъ, подъ ударомъ котораго быть можетъ отлетитъ голова Оспакара!

При этихъ словахъ новый припадокъ бѣшенства охватилъ Скаллагримма.

— Успокойся, Овечій хвостъ, Оспакара нѣтъ здѣсь, прибереги свое бѣшенство до лучшаго случая!

— Не люба мнѣ твоя повѣсть, — сказалъ Скаллагриммъ, успокоившись и помолчавъ немного,—больно ужъ много женщинъ обступило тебя, а женщины вонзаютъ ножъ въ спину, а не въ грудь,—и отъ женщинъ идетъ все зло на землѣ!

— Что ты говоришь?! Женщины, что мужчины, есть между ними и хорошія, есть и дурныя.

— Да, но и тѣ, и другія губятъ мужчинъ! Только злыя губятъ по злобѣ, хорошія-же по безумію и по любви. Отрекись отъ женщинъ—и ты проживешь жизнь въ почетѣ и умрешь мирно; полюби женщинъ и будешь ты несчастный и погибнешь жадною смертью.

— Не разумное ты говоришь, Скаллагриммъ; какъ птица должна летать, какъ волна должна бѣжать, такъ долженъ и мужчина льнуть къ женщинѣ и любить ее!

Послѣ того они ничего больше не говорили и оба заснули.

Солнце было высоко, когда они проснулись, умылись у ключа, и Скаллагримъ показалъ Эрику въ глубинѣ пещеры много хорошаго оружія, отобраннаго имъ у тѣхъ, кого онъ убилъ или ограбилъ.

— Скажи, какъ ты набрелъ на эту пещеру, Скаллагриммъ?— спросилъ Эрикъ.

— Я шелъ по слѣдамъ того, кто здѣсь жилъ раньше меня, и предоставилъ ему или уйти и уступить мнѣ пещеру, или помѣряться со мной силой оружія. Онъ захотѣлъ послѣдняго и былъ убитъ мною.

— Кто же былъ тотъ, чья голова лежитъ вонъ тамъ?

— Пещерный житель, господинъ мой, я взялъ его сюда, такъ какъ въ зимнее время здѣсь очень тоскливо и одиноко. Это былъ лихой человѣкъ; онъ тоже былъ бэрезаркъ, но это не находило на него временами, какъ на меня и на другихъ: онъ былъ постоянно бэрезаркомъ и ты хорошо сдѣлалъ, что убилъ его; пусть-же голова его идетъ вслѣдъ за туловищемъ!— и онъ скатилъ ее внизъ съ обрыва.

— А теперь возьми свое вооруженіе и забери, что хочешь изъ своего добра, и намъ пора собираться въ путь-дорогу, мой траль и такъ, вѣрно, думаетъ, что ты одолѣлъ меня.

— Смотри, вотъ твой траль уже идетъ подъ горой, намъ его теперь не нагнать. Но ты не тужи: у меня въ потайномъ мѣстѣ припрятаны добрые кони, и мы слѣдомъ за нимъ пріѣдемъ въ Миддаль.

— Ну, поди собирайся да помни, что, если ты со мной поѣдешь, такъ долженъ бросить свои привычки бэрезарка и не давать воли своему бѣшенству. Иначе я не берусь выговорить тебѣ миръ въ Миддальгофѣ!

Скаллагриммъ надѣлъ на голову темный стальной шлемъ и черную стальную кольчугу, взялъ хорошій щитъ и добрую сѣкиру, затѣмъ взялъ съ собой большой кошель съ деньгами и цѣлую связку золотыхъ обручей и, положилъ все это въ мѣшокъ изъ выдровой шкуры, навязалъ себѣ на поясъ. Остальное же имущество свое онъ припряталъ за камни, располагая прійти за нимъ когда-нибудь въ другой разъ.

Послѣ того прошли они крутой и потайной тропой къ скрытой въ скалахъ луговинѣ и тамъ нашли добрыхъ коней. Въ скалахъ же запрятаны были сѣдла и уздечки: они изловили коней, посѣдлали ихъ и поѣхали прочь съ Мшистой Скалы.

Долго ѣхали они, не встрѣчая никого, какъ, подъѣхавъ къ вершинѣ холма, который люди прозвали Конская Голова, вдругъ очутились среди цѣлой ватаги вооруженныхъ людей. Это были Оспакаръ Чернозубъ, его двое сыновей и его ратные люди.

— Ихъ много, а насъ только двое! — сказалъ Эрикъ. — Живо долой съ коней. Встанемъ спина со спиной и помни, что если даже на тебя найдетъ во время битвы твой обычный припадокъ бѣшенства, ты и тогда не трогайся съ мѣста, а то и твоя, и моя спина будутъ не защищены.

— Будь спокоенъ, государь мой!

Тѣмъ временемъ Оспакаръ со своими людьми подъѣхалъ къ нимъ.

— Что вы за люди?

— Надо бы тебѣ знать насъ! Я еще такъ недавно поборолъ тебя и взялъ у тебя съ боя вотъ это!—и Эрикъ, выхвативъ свой славный мечъ Молніи-Свѣтъ, сверкнулъ имъ передъ глазами Оспакара.

— И я тебѣ долженъ быть знакомъ, — сказалъ Скаллагриммъ,—я тотъ, котораго люди называютъ Скаллагриммомъ и котораго ты нѣкогда называлъ Унундъ. Скажи, какія вѣсти о Торуннѣ?

— Ха! ха! ха!—засмѣялся Оспакаръ.—Эй ты, Эрикъ, тебя-то мнѣ и надо. Скажи, когда твоя голова слетитъ съ плечъ, свезти ее на память о тебѣ Гудрудѣ? А тебя, Унундъ, я считалъ мертвымъ, но такъ какъ ты живъ то, узнай, что Торунна, моя нѣжная возлюбленная, посылаетъ тебѣ вотъ это!

И онъ пустилъ въ него дротикъ, но Скаллагриммъ поймалъ его на лету и пустилъ обратно съ такой силой, что онъ, пробивъ щитъ и кольчугу Чернозуба, вонзился ему глубоко въ плечо, причинивъ сильную рану, которая сдѣлала его неспособнымъ къ бою и заставила жестоко взвыть.

— Поди, прикажи Торуннѣ вытащить эту занозу и залѣчить рану поцѣлуями!

Но Оспакаръ совершенно вышелъ изъ себя и крикнулъ своимъ людямъ, чтобы они накинулись и убили этихъ двоихъ. Завязалась битва.

Эрикъ и Скаллагриммъ рубили направо и налѣво. Бэрезаркъ до того разсвирѣпѣлъ, что люди Оспакара стали отшатываться отъ него и, наконецъ, послѣ того, какъ человѣкъ десять изъ нихъ полегло, остальные не смѣли даже приступиться.

— Что-же вы, бездѣльники, трусы! Рубите ихъ, крошите ихъ!—кричалъ Оспакаръ.

Но никто не трогался съ мѣста.

— Насъ только двое! Попытайтесь еще осилить насъ, пусть не говорятъ, что двое осилили 20 человѣкъ!—крикнулъ Эрикъ.

Тогда Мордъ, сынъ Оспакара, заслышавъ этотъ вызовъ, пришелъ въ бѣшенство и съ поднятымъ щитомъ устремился впередъ. Гизуръ-же не вышелъ на бой: онъ былъ трусъ.

Мордъ, человѣкъ сильный и искусный въ бою, налетѣвъ на Эрика, нанесъ ему такой ударъ, что щитъ у того раскололся пополамъ, но Эрикъ, отбросивъ отъ себя щитъ, выждалъ удобный моментъ,—и вотъ блестящее лезвіе Молніи Свѣта пронзило Морда насквозь, такъ что конецъ его вышелъ черезъ спину. Передъ тѣмъ Мордъ нанесъ Эрику рану въ плечо, и теперь Эрикъ отплатилъ ему.

Видя, что Мордъ убитъ, оставшіеся въ живыхъ люди Оспакара кинулись къ своимъ лошадямъ и поспѣшно ускакали

крича, что эти двое заколдованные люди и что тягаться съ ними нельзя простымъ смертнымъ. Раненый Чернозубъ, чтобы не остаться одинъ, поскакалъ вслѣдъ за ними.

— Что ты не веселъ, государь? — спросилъ Скаллагриммъ Эрика, когда на холмѣ, кромѣ нихъ да мертвыхъ и умирающихъ, не осталось никого.—Насъ двое и мы убили десятерыхъ да еще Морда, сына Оспакара! Мы вышли съ честью изъ боя, а они съ урономъ и съ безчестьемъ, а ты не доволенъ!

— Правду ты говоришь, Скаллагриммъ, мы вышли съ честью, а они — съ безчестьемъ: двадцат человѣкъ не могли одолѣть двоихъ. Но у Оспакара много друзей, и онъ не проститъ мнѣ этого, затѣявъ противъ меня судебное дѣло въ Альтингѣ *).

— Жаль, что дротикъ не вонзился въ его сердце, — сказалъ Скаллигриммъ,—тогда все было-бы кончено.

— Видно, часъ его еще не пришелъ!—замѣтилъ Эрикъ.— Во всякомъ случаѣ онъ унесъ съ собой нѣчто, что ему будетъ напоминать о насъ.

IX.

Какъ Сванхильда обошлась съ Гудрудой.

Между тѣмъ Іонъ, траль Эрика, прибылъ въ Миддальгофъ и пропѣлъ передъ воротами замка пѣсню смерти о своемъ господинѣ.

Гудруда и Сванхильда, стоя у женскихъ воротъ, слышали ее. Помертвѣло лицо Гудруды; ничего не сказавъ, она пошла въ большую горницу, гдѣ подлѣ очага сидѣли Атли и Асмундъ. Асмундъ спросилъ дѣвушку, отчего у нея такое лицо, и Гудруда запѣла печальную пѣсню, въ которой говорилось о томъ, что Эрикъ погибъ отъ руки бэрезарка и что она, Гудруда, овдовѣла, еще не бывъ супругой Свѣтлоокаго Эрика.

Допѣвъ свою пѣсню до конца, она тихонько вышла, не подымая глазъ.

---

*) Альтингъ—годичное собраніе свободныхъ людей въ Исландіи, представляющее собою одновременно и парламентъ, и верховный судъ.

Тогда Атли сталъ горевать о смерти Свѣтлоокаго, а Асмундъ поклялся отомстить бэрезарку прежде, чѣмъ наступитъ лѣто.

Гудруда вышла изъ замка и шла далеко-далеко, пока не пришла къ Золотому Водопаду, къ тому мѣсту, гдѣ онъ низвергается съ высоты каменной гряды. Она искала одиночества и хотѣла горевать на свободѣ, чтобы никто ее не видѣлъ. Но Сванхильда пошла за ней, и Гудруда, заслышавъ за своей спиной легкій шорохъ, обернулась и увидѣла Сванхильду.

— Что ты хочешь отъ меня?—спросила Гудруда,—или ты пришла надсмѣяться надъ моимъ горемъ?

— Нѣтъ, сводная сестра! Обѣ мы любили Эрика и теперь его не стало. Пусть же наша взаимная ненависть будетъ схоронена вмѣстѣ съ нимъ!—сказала Сванхильда.

— Уходи отсюда, — сказала Гудруда, — плачь своими слезами и не мѣшай мнѣ выплакать мои. Не съ тобой хочу я горевать по немъ!

Сванхильда закусила губу, и лице ея сдѣлалось злое и жестокое.

— Помни, что я не приду къ тебѣ въ другой разъ со словами примиренія,—сказала она,—и ненависть моя къ тебѣ живетъ, растетъ, и зрѣетъ съ каждымъ часомъ!—Съ этими словами Сванхильда отошла, но не далеко и, кинувшись лицомъ на траву, стала клясть судьбу. Гудруда же плакала тихо, прося себѣ у боговъ смерти.

Скоро стало ее клонить ко сну. Она задремала и увидала сонъ, что она сидитъ многіе годы у вратъ Валгаллы, ожидая, не пройдетъ ли мимо нея Эрикъ Свѣтлоокій, когда въ эти врата проходятъ воины павшіе на полѣ чести. Самъ проотецъ Одинъ увидѣлъ ее и спросилъ, кого она ждетъ. Она сказала и стала молить Одина, чтобы онъ отдалъ ей Эрика хоть на короткое время.

— А чѣмъ ты заплатишь за это счастье, дѣвушка?—спросилъ ее Одинъ.

— Своею жизнью! — отвѣчала она, и онъ обѣщалъ ей отдать его на одну ночь, послѣ чего она должна будетъ умереть, и ея смерть должна была стать причиною его смерти.

Она проснулась на этомъ и раскрыла глаза; передъ ней

стоялъ Эрикъ въ своемъ золотомъ шлемѣ съ расколотымъ щитомъ въ крови и пыли; глаза его смотрѣли весело и ласково, точно звѣзды на небѣ.

— Ты-ли это, Эрикъ, или это сонъ?

— Это я, дорогая!—сказалъ онъ и, склонившись къ ней, прижалъ ее къ своей груди.

— А мы думали, что ты палъ отъ руки бэрезарка! — и она разсказала ему свой сонъ.

Въ свою очередь и онъ разсказалъ ей все, что было съ березарками и про встрѣчу съ Оспакаромъ Чернозубомъ.

Они цѣловались и были счастливы, а Сванхильда видѣла это, и бѣшеная злоба закипала въ ея груди.

— Пора мнѣ и внизъ, гдѣ меня ждетъ Скаллагриммъ и мой конь. Ты дойди домой, и мы съ нимъ сейчасъ туда пріѣдемъ!

Эрикъ вернулся къ Скаллагримму, и тотъ похвалилъ его невѣсту, спросивъ, кто же та дѣвушка, что подкрадывалась къ нимъ ползкомъ и затѣмъ шепталась съ сѣрымъ волкомъ, который прибѣжалъ къ ней изъ лѣса. Эрикъ сказалъ, что это, вѣрно, была Сванхильда, но что онъ не видалъ ея.

И вотъ, когда Эрикъ ушелъ отъ нея, Гудруда сѣла на самый край обрыва подлѣ того мѣста, гдѣ спадаетъ Золотой водопадъ, и еще разъ переживала въ душѣ всѣ подвиги Эрика и гордилась имъ. Вдругъ она услышала за собой легкій шорохъ и прежде, чѣмъ могла понять, что съ нею, чьи-то сильныя руки толкнули ее; она полетѣла внизъ, но успѣла уцѣпиться за маленькій выступъ скалы и повисла на немъ.

Подъ нею, срываясь съ высоты, шумѣлъ и ревѣлъ водопадъ, устремляясь въ бездонную пропасть, а надъ нею склонялось съ верху залитое краснымъ цвѣтомъ заката искаженное злобой лицо Сванхильды. Она дико хохотала, крича: «ищи свое счастье въ Золотомъ водопадѣ. Не тебѣ, а мнѣ достанется Эрикъ!.. Ну, не цѣпляйся-же, чего ты висишь! Все равно, никто не спасетъ тебя и никто не разскажетъ про это! Пусть твоимъ брачнымъ ложемъ будетъ Золотой водопадъ, а супругомъ—его холодная струя!..» Но Гудруда цѣплялась изо всѣхъ силъ и продолжала висѣть надъ бездонной пропастью.

— И что ты такъ дорожишь этой жалкой жизнью? Чего ты такъ цѣпляешься, сестрица, дай я спасу тебя отъ самой себя! Вѣдь, тебѣ должно быть мучительно висѣть такъ и бороться со смертью!—И Сванхильда побѣжала отыскивать обломокъ скалы или большой камень. Найдя его и падая подъ его тяжестью, она добралась до края обрыва и заглянула внизъ. Гудруда все еще висѣла. Сванхильда склонилась надъ ней. Гудруда видѣла ее злое лицо, видѣла глыбу камня, готовую обрушиться на нее, и въ смертельномъ ужасѣ громко вскрикнула, сознавая, что пришелъ ея послѣднiй часъ.

Но Эрикъ уже тутъ, хотя Сванхильда не видѣла, не слышала звука его шаговъ: ихъ заглушалъ шумъ водопада. Крикъ Гудругы достигъ ушей Эрика; онъ видѣлъ, что глыба камня сейчасъ сорвется съ высоты, и съ быстротою молнiи кинулся на край обрыва; его сильныя руки схватили Сванхильду и отшвырнули въ сторону. Эрикъ склонился и увидѣвъ Гудруду. Лицо ея было блѣдно, какъ лицо мертвеца. Не долго думая, онъ соскочилъ на тотъ выступъ скалы, за который уцѣпилась и на которомъ повисла Гудруда.

— Держись! держись, моя милая, я здѣсь!—крикнулъ Эрикъ. Но силы измѣнили дѣвушкѣ, и одна рука ея уже соскользнула; еще минута,—и она сорвется.

Эрикъ ухватился одной рукой за выступъ скалы, другой схватилъ Гудруду какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда она готова была опустить руку. Своей сильной рукой онъ схватилъ ее, затѣмъ, напрягши всѣ свои силы и чуть не оборвавшись самъ, поднялъ Гудруду на высоту своей груди и положилъ ее на край берега, гдѣ она была въ безопасности, а теперь и самъ онъ взобрался туда. Гудруда была въ обморокѣ. Эрикъ призвалъ на помощь Скаллагримма, и они общими силами снесли ее съ горы. По пути Эрикъ разсказалъ Скаллагримму о всемъ, и тотъ сказалъ ему на это: «Женщины коварны и лукавы, но никогда еще я не видалъ такого дѣла, какъ это. По мнѣ слѣдовало бы эту колдунью вмѣстѣ съ ея сѣрымъ волкомъ швырнуть съ обрыва въ пропасть.

— Это еще впереди!—отозвался Эрикъ, и затѣмъ они молча

пошли дальше, неся безчувственную Гудруду, которая все еще не приходила въ себя. Когда они донесли ее до Миддальгофа, уже совсѣмъ стемнѣло; они совершенно выбились изъ силъ.

X.

Какъ Асмундъ жрецъ говорилъ со Сванхильдой.

Время шло, а старый герцогъ Атли все еще гостилъ въ Миддальгофѣ. Часто онъ приводилъ себѣ на умъ многiя умныя слова, но они не шли ему въ прокъ, и онъ съ каждымъ днемъ любилъ сильнѣе коварную Сванхильду. Наконецъ, въ тотъ день когда Эрикъ возвратился съ Мшистой скалы, старый Атли пошелъ къ Асмунду и сталъ просить у него Сванхильду въ жены. Асмундъ былъ очень радъ, такъ какъ зналъ, что не все ладно между Гудрудой и Сванхильдой, и потому думалъ, что хорошо будетъ, если моря лягутъ между ними. Но ему думалось, что нечестно не предупредить Атли о томъ, что Сванхильда не то, что другiя женщины и что она принесетъ несчастье тому, кто женится на ней.

— Подумай хорошенько прежде, чѣмъ ты возьмешь ее себѣ въ жены!— говорилъ онъ.

— Я уже думалъ и передумалъ объ этомъ и хоть сѣда моя голова, но духъ бодръ: вѣдь корабли и старые, и новые выходятъ въ море навстрѣчу бурямъ!

— Да, но тамъ, гдѣ новые выдерживаютъ, старые часто гибнутъ!—сказалъ Асмундъ.

— Рѣчь твоя разумна, Асмундъ, но я думаю попытать счастье. Думается, что дѣвушка эта ласково смотритъ на меня и что мы увидимъ съ ней хорошiе дни!

На томъ и порѣшили. Асмундъ пошелъ къ Сванхильдѣ. Стало уже совершенно темно, и онъ не могъ видѣть ея лица.

— Гдѣ ты была?

— Ходила горевать объ Эрикѣ!

— Какое тебѣ дѣло до Эрика! Эта утрата близка только Гудрудѣ!

— Какъ знать!—загадочно отвѣтила дѣвушка, —не всѣ тѣ

умерли, кого оплакивали, и не всѣхъ, кто умеръ, оплакиваютъ,— добавила она.

— Гдѣ же Гудруда?—спросилъ Асмундъ.

— Она или очень высоко на горѣ, или низко подъ горою, или спитъ глубокимъ сномъ, или бодрствуетъ!—и Сванхильда громко расхохоталась.

— Ты говоришь загадками, точно чародѣйка, и много въ тебѣ есть недобраго,—сказалъ Асмундъ,—но я принесъ тебѣ добрую вѣсть: на твою долю выпало счастье, котораго ты даже не достойна.

— Ну, говори, добрыя вѣсти пріятно слушать! — и она усмѣхнулась.

Асмундъ передалъ ей, что Атли сватается за нее. Но она и слышать не хотѣла. Асмундъ разгнѣвался: не въ обычаѣ было, чтобы дѣвушки такъ говорили противъ воли тѣхъ, кто старше ее; кромѣ того, говорила дерзко. Онъ сказалъ, что приказываетъ ей идти замужъ за Атли, или же онъ прогонитъ ее совсѣмъ изъ дома.

— Ну, и что-жъ! И гони меня съ матерью моей Гроа, я уйду и быть можетъ даже дальше, чѣмъ ты думаешь! — и она разсмѣялась и убѣжала, скрываясь въ темнотѣ.

Асмундъ, посмотрѣвъ ей во слѣдъ, подумалъ: «Правда, наши дурные поступки стрѣлы,—которыя возвращаются обратно и попадаютъ въ того, кто ихъ пустилъ! Я посѣялъ зломъ и зло теперь пожинаю». Такъ разсуждалъ онъ, стоя въ раздумьѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставила Сванхильда, и вдругъ увидѣлъ приближающихся къ нему людей и лошадей. Одинъ изъ нихъ, на головѣ котораго золотой шлемъ блестѣлъ при лунѣ, несъ что-то на рукахъ.

— Кто идетъ?—окликнулъ Асмундъ.

— Эрикъ Свѣтлоокій, Скаллагриммъ Овечій Хвостъ и Гудруда, дочь Асмунда! — отозвался Эрикъ.

Асмундъ кинулся къ нему навстрѣчу.

— Почему ты несешь Гудруду на своихъ рукахъ, ужъ не умерла-ли она?

— Нѣтъ, но не далеко было до этого!—отвѣтилъ Эрикъ и

разсказалъ о всемъ случившемся по порядку: сначала о томъ, какъ поразилъ одного бэрезарка и пріобрѣлъ въ друзья другого, который сталъ его тралемъ и сослужилъ ему вѣрную службу въ стычкѣ съ Оспакаромъ Чернозубымъ и его людьми; затѣмъ разсказалъ, какъ они ранили Оспакара и убили Мордо, его сына, и человѣкъ десять изъ его людей.

— Это и хорошо, и плохо!—сказалъ Асмундъ.—Оспакаръ потребуетъ большого верегильда *), и вѣроятно тебя поставятъ внѣ закона!

— Это, конечно, можетъ случиться, государь мой, но теперь дай мнѣ досказать тебѣ все по порядку!—сказалъ Эрикъ и передалъ о томъ, что сдѣлала Сванхильда съ Гудрудой. Гудруда подтвердила его слова. Бѣшенство овладѣло Асмундомъ; онъ рвалъ свою русую бороду и топалъ ногами о землю.

— Хоть она дѣвушка, а я предамъ ее смерти убійцъ и колдуній! Пусть тѣло ея будетъ брошено въ водоворотъ, и пусть земля избавится отъ нея на всегда.

— Нѣтъ, отецъ, не хорошо такъ мстить ей,—сказала Гудруда,—этотъ поступокъ навлекъ-бы на тебя стыдъ. Я спасена и прошу тебя, не говори никому объ этомъ, а только отошли ты Сванхильду отсюда туда, гдѣ она не можетъ намъ вредить.

— Такъ ее надо послать въ могилу, другого такого мѣста нѣтъ!—мрачно сказалъ Асмундъ и задумался. Вотъ что,—сказалъ онъ, немного погодя,—съ часъ тому назадъ Атли Добросердечный просилъ Сванхильду у меня себѣ въ жены; я сказалъ ей объ этомъ, но она воспротивилась, а теперь я скажу, пусть идетъ замужъ за Атли или на смерть, какъ колдунья и убійца.

— Но для бѣднаго Атли это будетъ не хорошо!—сказалъ Эрикъ,—онъ хорошій человѣкъ и жаль сдѣлать его несчастнымъ.

— То вѣрно, но самъ онъ того хочетъ. Кромѣ того, свое дитя ближе всякаго другого. Я скажу тебѣ теперь то, что никому еще не говорилъ. Эта Сванхильда—моя дочь, и потому я любилъ ее и терпѣлъ ея скверности потому, что она твоя

---

*) Штрафъ за человѣкоубійство.

сводная сестра, Гудруда: мнѣ такъ больно мстить одной дочери за другую.

— Я давно это чувствовала!—сказала Гудруда,—и потому терпѣла отъ нея многое.

— Теперь, Эрикъ, подзови своего бэрезарка и пусть онъ поклянется тебѣ, что не скажетъ никому о томъ, что сдѣлала Сванхильда!

Тотъ подозвалъ Скаллагримма, и послѣднiй поклялся. За это Асмундъ обѣщалъ ему дать миръ и охранять отъ обиды.

— Объ этомъ не тревожься, жрецъ, мои руки съумѣютъ охранить меня отъ всякой обиды и отстоять отъ десятерыхъ такихъ, какъ ты!—отвѣчалъ онъ.—Не было до сихъ поръ человѣка, который-бы одолѣлъ меня; одинъ Эрикъ Свѣтлоокiй сдѣлалъ это и теперь слово его для меня законъ.

Между тѣмъ Эрикъ смылъ свои раны, смылъ съ себя кровь и затѣмъ вмѣстѣ съ Скаллагриммомъ пришелъ въ большую горницу, когда мужчины собирались сѣсть за мясо. Всѣ привѣтствовали Эрика громкими криками, называя его славою юга, только Бьернъ, сынъ Асмунда, не привѣтствовалъ, не кричалъ съ остальными, ненавидя Эрика и завидуя ему.

Эрикъ благодарилъ ихъ за честь и просилъ ихъ ради него принять ласково Скаллагримма бэрезарка.

— Былъ онъ бэрезаркъ, а теперь сталъ моимъ братомъ по крови: онъ испилъ моей крови и поклялся стоять за меня въ жизни и до самой смерти и стоялъ съ честью! — сказалъ Эрикъ, и всѣ слушали его. Также просилъ Эрикъ всѣхъ помощи и содѣйствiя себѣ въ дѣлѣ, которое возбуждено будетъ противъ него на Альтингѣ. Всѣ съ громкимъ крикомъ обѣщали ему стоять за него, а старый Атли, вставъ съ своего высокаго сѣдалища, на которое его всегда сажалъ Асмундъ, подошелъ къ Эрику, поцѣловалъ его и, снявъ съ шеи свою драгоцѣнную золотую цѣпь, надѣлъ ее на шею Эрику, воскликнувъ:

— Ты—славный и великiй человѣкъ, Эрикъ, и я думаю, что другого такого больше нѣтъ. Приходи ты въ мою землю Оркней и будь мнѣ сыномъ. Я дамъ тебѣ всѣ дары, а когда умру, ты сядешь на мое мѣсто, и будетъ тебѣ почетъ великiй и слава передъ всѣми людьми!

— Великую честь ты дѣлаешь мнѣ, ярлъ, но не могу я сдѣлать того, что ты хочешь: гдѣ трава выросла, тамъ она и должна расти, тамъ должна и погибнуть. Исландія мнѣ мила, и я долженъ остаться среди своего народа, пока меня не изгонятъ отсюда.

— И это можетъ съ тобою приключиться; Оспакаръ и его родня не дадутъ тебѣ покоя. Тогда приходи ко мнѣ и будь моимъ сыномъ!

— Спасибо тебѣ, ярлъ. Какъ Норны рѣшатъ, такъ и будетъ!—сказалъ Эрикъ.

Всѣ сѣли за столъ.

Теперь вышла и Гудруда, блѣдная и слабая. Эрикъ, кончивъ ѣсть, посадилъ ее къ себѣ на колѣни. Сванхильда не приходила, хотя Атли искалъ ее глазами вездѣ, но Асмунда онъ не спросилъ.

Такъ прошелъ ужинъ; люди стали расходиться по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ имъ назначено было провести ночь, и въ большой горницѣ стало тихо и пусто.

XI.

Какъ Сванхильда прощалась съ Эрикомъ Свѣтлоокимъ.

Во все время, какъ люди сидѣли за мясомъ, Асмундъ былъ пасмуренъ и молчаливъ, а когда всѣ въ замкѣ заснули, онъ зажегъ свѣчу, пошелъ къ постели, подъ пологъ, гдѣ спала одна Сванхильда. Она не спала еще и спросила, что онъ желаетъ. Асмундъ задернулъ пологъ и сказалъ:

— Кто-бы подумалъ, что эти нѣжныя, бѣлыя руки способны на убійство, эти голубые глаза смотрѣли на страшное дѣло?

— Проклинаю я эти руки, проклинаю ихъ женское безсиліе,—вскричала свирѣпая дѣвица.—А то дѣло было-бы сдѣлано! Теперь-же я приняла и весь грѣхъ, и весь позоръ, а Гудруда можетъ теперь смѣяться и торжествовать! Я должна умереть на позорномъ камнѣ, а она будетъ наслаждаться любовью и лаской Эрика! Нѣтъ! — воскликнула Сванхильда и выхватила изъ-подъ своей подушки острый кинжалъ.—Смотри, вдоль

свѣтлаго лезвія лежитъ путь къ спокойствію и свободѣ, и если надо, то я не задумаюсь избрать этотъ путь.

— Молчи!—крикнулъ на нее Асмундъ.—Эта Гудруда, дочь моя, которую ты хотѣла убить, твоя родная сестра и она, жалѣя тебя, просила меня пощадить твою жизнь!

— Не хочу я отъ нея ни жизни, ни пощады!

— Молчи и слушай, вотъ тебѣ мое послѣднее слово: или ты будешь женой Атли, или умрешь, хоть отъ своей руки, если ты того хочешь, но рѣшеніе свое я не измѣню!

— Я уже сказала тебѣ, что пока есть возможность избрать иную смерть, я не хочу позорной, а также не хочу быть продана въ жены старику, какъ кобыла на ярмаркѣ. Вотъ тебѣ мой отвѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ ты умрешь на позорномъ камнѣ!— сказалъ Асмундъ и всталъ, чтобы уйти. Сванхильда между тѣмъ одумалась. Ей пришло на умъ, что замужество не могила, что старые мужья умираютъ, что ярлъ сдѣлаетъ ее богатой, знатной и могущественной, что, пока человѣкъ живъ, ничто не потеряно, иначе-же она должна будетъ умереть и оставить Гудруду, счастливой и торжествующей въ объятіяхъ ея возлюбленнаго.

Сванхильда скользнула съ постели на полъ и, обхвативъ колѣни Асмунда, стала молить:

— Я согрѣшила, тяжко согрѣшила и противъ тебя, и противъ сестры! Я была какъ безумная отъ любви къ этому Эрику, котораго научилась любить съ самаго ранняго дѣтства. Гудруда отняла его у меня, и это довело меня до безумія. Если есть боги, то я благодарю ихъ за то, что они не попустили, чтобы Гудруда умерла отъ моей руки!.. Теперь, отецъ, видишь, я вырываю съ корнемъ изъ своего сердца эту злосчастную любовь къ Эрику! Я пойду замужъ за Атли и буду ему хорошей и доброй женой, лишь бы Гудруда простила мнѣ мою вину.

Заликовало сердце Асмунда, при этихъ словахъ. Онъ отвѣтилъ, что Гудруда проститъ ее, такъ какъ добра превыше всякой женщины и незлобива, и что завтра онъ передастъ Атли

«Эрикъ и Скаллагриммъ кинулись на «Ворона»»... (къ стр. 80).

ея отвѣтъ, такъ какъ судно его готово къ отплытію и ей надо скоро стать его женой и ѣхать съ нимъ на его родину.

Затѣмъ онъ ушелъ, унося съ собою свѣчу, а Сванхильда встала съ земли и, сѣвъ на край постели, уставилась глазами въ мракъ, шепча:

— Скоро я должна стать его женой, но скоро—я стану и вдовой! О, проклятье на васъ, слабыя женскія силы! Никогда больше я не повѣрю вамъ. Когда я въ другой разъ захочу поразить, я поражу чужими руками. И на васъ проклятье, злыя силы, что измѣнили мнѣ, когда я васъ нуждалась! И на тебѣ, счастливая соперница моя, пусть тяготитъ проклятье,—шептала Сванхильда, вся блѣдная съ горящими глазами, въ ту пору, когда всѣ давно спали: она во всю ночь не смыкала очей.

На утро Асмундъ сообщилъ Атли, что Сванхильда своею доброй волей согласна идти за него, но еще разъ предупредилъ объ ея коварномъ нравѣ и о томъ, что она вѣдается съ нечистой силой, сообщилъ и о томъ, что она его внѣбрачная дочь.

Старый Атли, увлеченный любовью, не слышалъ ничего, сообщивъ, что даже радъ, зная теперь, что дѣвушка эта хорошей, доброй крови, а что въ нечистыя силы и колдовство онъ совсѣмъ мало вѣритъ и не боится такого порока въ женѣ.

Послѣ того они сговорились о приданомъ Сванхильды. Асмундъ не обидѣлъ ее въ этомъ, а затѣмъ пошелъ къ Гудрудѣ и Эрику и разсказалъ имъ о всемъ. Оба были рады за Сванхильду, но очень сожалѣли о добромъ Атли, не вѣря въ такую быструю перемѣну въ чувствахъ Сванхильды и зная ея лживость и коварство.

На третьи сутки отъ этого дня былъ назначенъ свадебный пиръ, и Атли рѣшилъ въ тотъ же день увезти свою молодую супругу къ себѣ на родину, гдѣ его народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія.

Сванхильда стала вдругъ такая кроткая и ласковая, такая тихая и скромная, какою ее никогда не видали, а Скаллагриммъ который слѣдилъ за ней, говорилъ Эрику по пути, когда они возвращались въ этотъ день на Колдьбэкъ:

— Не къ добру эта перемѣна въ дѣвушкѣ! жаль мнѣ ста-

рого Атли, какъ сейчасъ помню, моя Торунна была точь въ точь такая же въ тотъ день, какъ предала меня на позоръ и горе и пошла за Чернозубомъ.

— Не говори про ворона, пока онъ не закаркалъ! — сказалъ Эрикъ.

— Да ужъ онъ на лету!—сказалъ Скаллагримм.

Когда пріѣхали они въ Кальдбэкъ, что надъ Болотомъ, мать Эрика Савуна и родственница его Унна съ радостью привѣтствовали его: до нихъ дошла вѣсть о всемъ, что онъ сдѣлалъ; на Скаллагримма же Березарка онѣ смотрѣли поначалу недовѣрчиво; когда же Эрикъ разсказалъ имъ все, что онъ сдѣлалъ, онѣ ласково привѣтствовали его ради его дѣяній и ради его вѣрности.

Эрикъ просидѣлъ двое сутокъ вмѣстѣ съ Скаллагриммомъ и Кальдбэкѣ; на третьи сутки мать его Савуна и Унна стали собираться въ Миддальгофъ, куда были званы на брачный пиръ Сванхильды и Атли. Эрикъ же остался еще одну ночь на Кальдбэкѣ, обѣщавъ пріѣхать по утру въ Миддальгофъ.

На утро Эрикъ всталъ до свѣта и, снарядившись, поѣхалъ въ Миддальгофъ одинъ; Скаллагримма онъ не взялъ съ собою, боясь, что напившись тотъ станетъ Березаркомъ и учинитъ кровопролитіе.

Въ эту ночь Сванхильда опять не знала сна, и глаза ея били полны слезъ. Утро брачнаго дня своего она встрѣтила нерадостно. Едва разсвѣло, она, крадучись, ушла изъ замка и стала поджидать на дорогѣ, когда проѣдетъ Эрикъ.

Вскорѣ послѣ нея встала и Гудруда и тоже вышла на дорогу навстрѣчу своему сговоренному. Скоро послышался вдали конскій топотъ и засіяли изъ-за вершины холма золотыя крылья Эрикова шлема. Онъ ѣхалъ неторопясь и весело пѣлъ пѣсню; и горько стало на душѣ у Сванхильды, что онъ могъ быть такъ веселъ и безпеченъ въ этотъ день, когда ее, которая такъ любила его, отдавали въ жены другому, не любимому.

Когда онъ поравнялся съ нею, Сванхильда вышла изъ-за копны, за которой стояла, и, ухвативъ коня Эрика за узду, остановила его.

Она стала говорить ему о своей любви и жаловаться на судьбу, стала плакать и желать ему счастья и зарыдала.

Эрику стало жаль ее, и онъ сказалъ.

— Не говори объ этомъ, а пусть добрые поступки твои загладятъ и заставятъ забыть дурные, которыхъ не мало, и тогда ты будешь счастлива!

Она посмотрѣла на него странными глазами; лицо ея выражало муку и было блѣдно, какъ полотно.

— Ты говоришь мнѣ о счастьѣ, когда сердце мое умерло для счастья и свѣтъ погасъ для меня; когда я рада бы была заснуть сномъ смерти вмѣсто того, чтобы такъ проститься съ тобой на вѣкъ! Проститься и знать, что Гудруда, соперница моя, будетъ снаряжать тебя, когда ты станешь сбираться на славный бой, что она встрѣтитъ тебя, когда, увѣнчанный славой великихъ подвиговъ, ты возвратишься къ ней, ища награды въ ея ласкахъ, въ ея объятіяхъ! О, это сводитъ меня съ ума Эрикъ! Но прощай! Твоя Гудруда ужъ вѣрно ждетъ тебя. Прощай, не смотри на мои слезы: это послѣдняя утѣха женщины. Пока я жива, день за днемъ мысль о тебѣ будетъ пробуждать меня на зарѣ по-утру, и съ ней я буду засыпать, когда на небѣ зажгутся звѣзды, ясныя, какъ твои очи, Эрикъ. Прощай! На этотъ разъ ты долженъ стереть поцѣлуемъ мои слезы, а затѣмъ пусть онѣ текутъ безъ конца. Такъ, Эрикъ! Я прощаюсь съ тобой.

И она повисла у него на шеѣ, глядя ему въ глаза своими большими, полными слезъ и любви глазами,—и вдругъ все какъ будто затуманилось въ глазахъ Эрика; онъ нагнулся къ ея лицу и поцѣловалъ ее, жалость закралась въ его сердце. Когда она висѣла у него на шеѣ, прижавшись головой къ его груди а, онъ склонясь, цѣловалъ ея лицо, Гудруда, идя на встрѣчу своему нарѣченному, неожиданно поровнялась съ ними и увидѣла все. Сердце ея замерло въ ней. Она прижала обѣ руки къ груди, затѣмъ, схватившись за голову, побѣжала безъ оглядки. Сильная обида и негодованіе жгли ей сердце: она была горда и ревнива.

Ни Эрикъ, ни Сванхильда не видѣли ея: вскорѣ послѣ того

они разстались, Сванхильда поспѣшила домой. У ограды она увидѣла Гудруду.

— Гдѣ ты была?—спросила она Сванхильду.

— Ходила прощаться съ Свѣтлоокимъ!—отвѣтила та.

— Вѣрно, онъ отогналъ тебя отъ себя.

— Нѣтъ, ошибаешься, онъ привлекъ меня къ себѣ и цѣловалъ меня! Помни, сестра, сегодня торжествуешь ты, и Эрикъ твой, но можетъ настанетъ часъ, когда онъ будетъ мой. Все въ рукахъ Норнъ (богинь судьбы)! Съ этими словами Сванхильда удалилась.

Вскорѣ подъѣхалъ и Эрикъ; у него было нехорошо на душѣ и совѣстно, что онъ поддался страстнымъ словамъ Сванхильды. Увидѣвъ же Гудруду, онъ сразу забылъ о Сванхильдѣ и о всемъ и, соскочивъ съ коня, бросился къ ней. Но она отстранила его и, гордо выпрямясь во весь свой ростъ, смотрѣла строго и гнѣвно.

Эрикъ оробѣлъ, не зная, что ему дѣлать.

На два-три вопроса Гудруды онъ отвѣчалъ правдиво, разсказавъ все, какъ было, и какъ онъ былъ тронутъ словами и слезами Сванхильды.

— Знаешь-ли, что я думаю тебѣ сказать теперь?—Иди съ нею и не являйся мнѣ больше на глаза: у меня нѣтъ охоты прилѣпляться къ такому человѣку, котораго можетъ сдуть, точно вѣтеръ перо, каждая жалкая ласка и искушеніе!

— Нѣтъ, Гудруда, но будь ты на моемъ мѣстѣ, ты бы поступила какъ и я, ты была бы тронута ея слезами. Я люблю тебя одну и нѣтъ для меня другой женщины, кромѣ тебя, и ты знаешь, что люблю тебя.

— Знаю, но что толку въ такой любви, Эрикъ?

— Неужели-же ты не можешь простить мнѣ того, что сдѣлали однѣ мои губы, а не сердце!—воскликнулъ онъ.—Простить одинъ разъ въ жизни!

— Одинъ-ли разъ? Я что то не довѣряю тебѣ, Эрикъ. Но пусть такъ: на этотъ разъ прощу!

Эрикъ хотѣлъ теперь обнять и поцѣловать Гудруду, но она опять отстранила его отъ себя и еще много дней не допускала его къ себѣ съ лаской.

XII.

Какъ Эрикъ былъ объявленъ внѣ закона и отплылъ на суднѣ Викинга.

Свадебный пиръ былъ въ полномъ разгарѣ. Сванхильда вся въ бѣломъ одѣяніи сидѣла на высокомъ сѣдалищѣ подлѣ стараго Атли, женихъ старался привлечь ее ближе къ себѣ, но невѣста смотрѣла на него холоднымъ, безучастнымъ взглядомъ, въ глубинѣ котораго таилась ненависть.

Когда пиръ кончился, всѣ отправились на берегъ, гдѣ новобрачныхъ ожидало судно Атли, стоявшее тамъ на якорѣ. Сванхильда на прощанье цѣловала Асмунда и пошепталась о чемъ-то съ матерью Гроа; затѣмъ простилась со всѣми, не прощалась только съ Эрикомъ и Гудрудой.

— Почему же ты не скажешь ни слова этимъ двоимъ?— спросилъ Атли.

— Потому, ярлъ, что съ ними я вскорѣ увижусь опять, а ни отца моего, Асмунда, ни матери Гроа, не увижу уже болѣе!

— Ты какъ будто предсказываешь ихъ смертный приговоръ!—сказалъ Атли.

— Не только ихъ, но и твой, хотя и не сейчасъ еще!—добавила она.

Судно снялось съ якоря, подняло большой парусъ и плавно словно лебедь, ушло въ море. До тѣхъ поръ, пока виднѣлся берегъ, Сванхильда, стоя на кормѣ, не спускала съ него глазъ, когда же онъ скрылся въ туманной дали, новобрачная ушла въ рубку и заперлась въ ней одна, въ теченіе 20 дней пути не пуская къ себѣ мужа, подъ предлогомъ болѣзни.

Между тѣмъ въ Исландіи близилось время, когда люди съѣзжаются на Альтингъ. Эрикъ Свѣтлоокій былъ предупрежденъ, что противъ него будетъ возбуждено нѣсколько судебныхъ дѣлъ. Но самъ Асмундъ, который былъ первѣйшій законникъ въ Исландіи, принялъ на себя защиту Эрика, за дѣла же Оспакара и его людей взялся Гизуръ, сынъ Оспакара. Послѣ долгихъ преній и обсужденій рѣшено было, что никакихъ де

нежныхъ пеней ни съ Эрика Свѣтлоокаго, ни съ Скаллагримма Овечій Хвостъ въ пользу Оспакара и его людей не причиталось, но самъ Эрикъ былъ, происками и коварствами Оспакара, заручившагося большимъ числомъ голосовъ вольныхъ людей, приговоренъ внѣ закона на три года. Однако, и такого рода рѣшеніе вопроса не удовлетворяло Оспакара, и онъ сталъ подговаривать своихъ приверженцевъ взяться за оружіе и отомстить собственной властью Эрику за смерть близкихъ и товарищей. Видя это, Асмундъ собралъ своихъ людей и рѣшилъ встать съ ними на сторону Эрика Свѣтлоокаго. Но Эрикъ сказалъ:

— Послушайте, не прискорбно ли, чтобы такое громадное число воиновъ полегло костьми здѣсь за тѣхъ, кто уже умеръ? Не лучше ли намъ рѣшить эту распрю поединкомъ? Если найдутся среди васъ, людей Оспакара, двое, желающихъ выйти на поединокъ противъ меня одного, съ двумя мечами противъ одного моего меча, то я, Эрикъ Свѣтлоокій, стою здѣсь и жду!

Все собраніе рѣшило, что слова эти разумныя, хотя и могли отличиться пагубно для Эрика.

Оспакаръ назначилъ двоихъ изъ своихъ людей, самыхъ ловкихъ и искусныхъ въ бою, самыхъ сильныхъ и надежныхъ. Состоялся поединокъ. И бѣжали оба противника Эрика съ позоромъ съ поля сраженія; а всѣ зрители много смѣялись тому, громко прославляя Эрика. Оспакаръ же чуть не упалъ съ коня отъ бѣшенства, но сознавая, что онъ на этотъ разъ совершенно безсиленъ, такъ какъ рана его еще не зажила, поворотилъ коня прямо съ Альтинга уѣхалъ къ себѣ на Свинефелль.

На слѣдующій день Эрикъ вмѣстѣ съ Асмундомъ вернулся въ Миддальгофъ. Гудруда, узнавъ о приговорѣ надъ Эрикомъ Свѣтлоокимъ, горько заплакала, разлука на три года казалась невыносимой.

— Скажи, дорогая, если ты не хочешь, чтобы я шелъ въ ...ніе, я останусь здѣсь и буду объявленъ внѣ закона. ...нь моя будетъ въ рукахъ каждаго, кто только захочетъ, ...думаю, что моимъ врагамъ не легко будетъ одолѣть меня, ...боги не отымутъ у меня моей силы. А отъ судьбы все не уйдешь! Такъ скажи свое слово, дорогая!

— Нѣтъ. Свѣтлоокій, какъ ни тяжела мнѣ разлука съ тобой, я не хочу, чтобы ты былъ объявленъ внѣ закона и оставался здѣсь. Лучше иди въ изгнаніе. Отецъ дастъ тебѣ свое хорошее военное судно, ты соберешь людей, будешь управлять ими и можешь прославить себя новыми подвигами. Сготовится это судно въ одну ночь, а наутро ты уйдешь въ море: чѣмъ раньше ты уѣдешь въ изгнанье, тѣмъ скорѣе пройдутъ эти печальные три года.

Дѣйствительно, Асмундъ далъ Эрику свое славное боевое судно изъ крѣпкаго дуба, съ желѣзными скрѣпами, съ высокой кормой и носомъ. Оно звалась «Дракономъ», Эрикъ же назвалъ его «Гудрудой». Изгнанникъ кликнулъ кличъ, и собрались къ нему многіе сосѣдніе отважные поселяне, считая за честь отправиться въ походъ съ Эрикомъ Свѣтлоокимъ. Въ помощники-же себѣ Эрикъ взялъ человѣка по имени Холль изъ Литдаля, котораго онъ принялъ по настоянію Бьерна, сына Асмунда. Холль этотъ былъ другомъ Бьерна и славился своимъ искусствомъ и умѣніемъ управлять судномъ и уже много разъ плавалъ на судахъ большихъ и малыхъ по сѣвернымъ морямъ, и вокругъ Англіи, и къ берегамъ страны Франковъ. Но Скаллагриммъ, увидавъ его, не полюбилъ его, также и Гудруда сказала, что это человѣкъ недобрый, и что Эрику не слѣдуетъ брать его съ собою, отъ него будутъ только горе и бѣда.

— Поздно теперь говорить, это уже дѣло рѣшенное,—сказалъ Эрикъ,—но я буду остерегаться его!

На прощанье Асмундъ далъ великій пиръ и вызвалъ всѣхъ людей, что шли за Эрикомъ въ море. Самъ же Эрикъ Свѣтлоокій сидѣлъ на высокомъ сѣдалищѣ, подлѣ Асмунда, рядомъ съ нимъ Гудруда и Унна, нарѣченная невѣста Асмунда и Савуна, мать Эрика. Было условлено, что въ отсутствіи Эрика престарѣлая уже теперь Савуна и Унна будутъ жить въ Миддальгофѣ, а на Кольдбэкѣ надъ болотомъ поселится довѣренный человѣкъ и родственникъ, которому поручено было и управленіе землями, и уходъ за стадами, и присмотръ за всѣмъ имуществомъ Эрика въ теченіе предстоящихъ трехъ лѣтъ.

Когда всѣ стали прославлять Эрика, пророча ему счастье и успѣхъ, сердце Бьерна вскипѣло ненавистью къ нему, и онъ воскликнулъ:

— Будь моя воля, Гудруда была бы женою Оспакара: онъ могущественный вождь, славный, вліятельный и богатый человѣкъ, а не такой долговязый керль (парень) изъ поселянъ, безъ власти и друзей, какъ вотъ этотъ. А славой онъ обязанъ пустому случаю или человѣку, поставленному внѣ закона за человѣкоубійство.

Эрикъ, услышавъ это, схватился за мечъ, но Асмундъ, успокоивъ Эрика, обратился къ сыну и упрекалъ его въ злобной зависти, строго заявивъ, что не онъ—жрецъ Миддальгофа и отецъ Гудруды и что не ему располагать ея судьбой, а если онъ, въ отсутствіи Эрика, станетъ замышлять недоброе противъ того, то Эрикъ вернувшись покараетъ его примѣрно, и онъ, Асмундъ, первый скажетъ что лихія дѣла — лихая мзда! Тогда Бьернъ выскочилъ изъ-за стола, сѣлъ на коня и помчался на сѣверъ. Эрикъ уже не видалъ его больше до тѣхъ поръ, пока, по прошествіи трехъ лѣтъ, не возвратился на родину.

Пиръ подходилъ къ концу, и Гудруда сказала Эрику:

— Посмотри на свои волосы, Эрикъ, ихъ кольца стелются по плечамъ, какъ у дѣвушки! Хочешь ли я срѣжу тебѣ ихъ сама?

— Да, Гудруда!—отозвался Эрикъ Свѣтлоокій.

— Поклянись мнѣ,—шепнула она ему въ ухо, срѣзая его золотыя кудри,—что ни одна женщина и ни одинъ мужчина не коснется рукой твоихъ волосъ до тѣхъ поръ, пока ты не вернешься ко мнѣ.

Эрикъ поклялся ей въ томъ.

Хотя они говорили тихо, но Колль Полуумный подслушалъ ихъ.

По-утру всѣ встали очень рано и, сѣвъ на коней, отправились къ тому мѣсту, гдѣ стояло на якорѣ боевое судно «Гудруда». Здѣсь Эрикъ простился со всѣми.

Савуна, мать его, на прощаніе сказала ему:

— Прощай, сынъ мой! Мало я имѣю надежды еще разъ

обнять тебя и цѣловать твое гордое, прекрасное чело, а потому прошу тебя—вспоминай о мнѣ временами: безъ меня и тебя бы не было, не давайся женщинамъ въ обманъ и самъ не обманывай ихъ, не то постигнетъ тебя бѣда. Не будь сварливъ и гнѣвенъ: ты силенъ. Падшаго врага щади и на нападающаго иди съ поднятымъ щитомъ и мечемъ. Никогда не отнимай добра у неимущаго человѣка, ни меча у доблестнаго воина, но когда наносишь ударъ, пусть онъ не пропадаетъ даромъ. Живя такъ, ты добудешь себѣ славу смолоду и миръ въ старости, а это послѣднее лучше славы: въ славѣ есть ядъ, а въ мирѣ только медъ.

Эрикъ цѣловалъ свою мать, обѣщая на забывать ея наставленій и всегда хранить память о ней.

Затѣмъ простился съ Гудрудой, и они повторили другъ другу клятву взаимной вѣрности. Гудруда сказала ему:

— Во мнѣ ты можешь быть увѣренъ, но я не могу быть увѣрена въ тебѣ. Быть можетъ, ты повстрѣчаешь тамъ, за морями, Сванхильду и подаришь ей еще новые поцѣлуи и ласки!

— Не гнѣви меня, Гудруда, передъ разлукой, довѣрься мнѣ, какъ я довѣряю тебѣ!

Тутъ подошелъ Скаллагриммъ и напомнилъ, что время прилива можетъ смѣнить отливъ, и тогда судну нельзя будетъ выйти въ море.

Эрикъ поспѣшилъ къ своему боевому судну. Здѣсь Асмундъ, схвативъ его за обѣ руки, запечатлѣлъ поцѣлуй у него на челѣ, проговоривъ:

— Не знаю, увижу ли я тебя опять, но помни, что тебѣ я вручаю Гудруду, прекраснѣйшую и кротчайшую изъ женщинъ, и горе тебѣ, если ты чѣмъ-нибудь причинишь ей скорбь. Прощай же, сынъ мой, и будь счастливъ въ дѣлахъ своихъ! Теперь ты мнѣ сталъ дорогъ и близокъ, какъ сынъ!

Эрикъ, поцѣловавъ Асмунда, отвѣчалъ:

— Нѣтъ у меня отца, и слово твое для меня, что слово отца, а поцѣлуй твой, какъ поцѣлуй отца. Насчетъ Гудруды пусть будетъ спокойна душа твоя. Прошу только, если къ сроку я не вернусь, не неволь ее въ замужество и не довѣряй

своему сыну Бьерну: не сыновнія чувства живутъ у него въ груди. Остерегайся ты и Грои, управительницы дома: потому она замышляетъ злое на нареченную невѣсту. Затѣмъ прими благодарность мою за свой даръ и за всѣ твои милости ко мнѣ и будь счастливъ.

— Будь счастливъ, сынъ мой!—сказалъ Асмундъ, и Эрикъ повернулся, чтобы дойти до судна, но Скаллагриммъ какъ-то очутился подлѣ него, поднялъ его на руки, какъ ребенка, и, идя по поясъ въ водѣ, донесъ его до судна при громкихъ крикахъ провожающихъ. Когда Эрикъ, ухватившись руками за корму, взобрался на судно, и Березаркъ послѣдовалъ за нимъ. Пользуясь послѣдними минутами прилива, боевое судно «Гудруда» вышло изъ залива и направилось къ западнымъ островамъ, поднявъ большой парусъ. Гудруда же, опустившись на берегу, словно цвѣтокъ, поникла головой.

XIII.

Какъ Холль, помощникъ Эрика, перерубилъ якорный канатъ.

Оспакару Чернозубу стало извѣстно, что Эрикъ Свѣтлоокій, не желая оставаться въ Исландіи внѣ закона, ушелъ въ море на вольный просторъ на славномъ суднѣ Асмунда-жреца. По совѣту сына своего Гизура, Чернозубъ снарядилъ два большихъ боевыхъ корабля, двинулся съ ними на перерѣзъ пути судну Эрика и, притаившись за западными (Витманскими) островами, какъ только его судно оказалось въ виду, заперъ ему выходъ изъ пролива въ открытое море.

— Здѣсь, какъ видно, стоятъ викинги!—сказалъ Эрикъ, замѣтивъ два длинныхъ боевыхъ судна, увѣшанныхъ щитами.

— Здѣсь стоитъ Оспакаръ Чернозубъ!—сказалъ Скаллагриммъ,—повѣрь моему слову, государь.

Время клонилось къ вечеру. Эрикъ обратился къ дружинникамъ:

— Видите, товарищи, намъ заперъ дорогу Оспакаръ Чернозубъ съ двумя длинными боевыми кораблями. Намъ остается

только или поворотить судно и бѣжать отъ него или идти впередъ и дать ему сраженіе!

— Поспѣшимъ уйти, господинъ, пока мы цѣлы! — сказалъ Холль изъ Литдаля.

Но кто-то другой крикнулъ изъ толпы:

— Какъ тѣ двое борцовъ Остакара бѣжали, точно спугнутыя утки передъ твоимъ нападеніемъ, Эрикъ, такъ точно побѣгутъ и теперь его суда передъ твоей «Гудрудой».

— Да! да! — кричали остальные, — не слушай трусливыхъ бабьихъ рѣчей Холля. Пусть никто не скажетъ что мы бѣжали передъ Оспакаромъ!

И, по слову Эрика, гребцы налегли на свои длинныя весла, и «Гудруда» устремилась впередъ къ судамъ Оспакара. Стоя на носу своего корабля, Эрикъ и Скаллагриммъ замѣтили, что суда непріятеля связаны между собой крѣпкимъ канатомъ, такъ что «Гудруда», пытаясь проскользнуть между ними, неминуемо была бы захвачена этимъ канатомъ, если бы они во-время не замѣтили его. На носу одного изъ судовъ стоялъ самъ Оспакаръ въ черномъ шлемѣ съ вороньими крыльями. Эрикъ крикнулъ ему.

— Кто ты такой, что смѣешь преграждать мнѣ путь?

Обмѣнявшись нѣсколькими оскорбительными словами, враги вступили въ бой. Въ моментъ, когда «Гудруда», разогнанная сильными ударами веселъ, готова была врѣзаться между вражескими судами, Эрикъ, вскочивъ на золотого дракона, украшавшаго носъ его корабля, сильнымъ ударомъ своего «Молніи-Свѣта» перерубилъ канатъ, — и «Гудруда» проскользнула, какъ чайка между двумя камнями.

— Убирай весла и готовь багры! — приказалъ Эрикъ Свѣтлоокій.

Минуту спустя завязался страшный бой. Эрикъ и Скаллагриммъ поспѣвали повсюду. Люди Оспакара взбирались на «Гудруду» и падали мертвыми. Эрикъ съ Скаллагриммомъ врывались на «Ворона» Оспакара, но густая толпа его людей заслоняла его, и въ тотъ моментъ, когда они, усердно работая мечемъ и топоромъ, почти проложили себѣ путь, Эрикъ вдругъ

замѣтилъ, что теченіе несетъ судно, на которомъ онъ находился, прямо на скалы и что оно неминуемо должно разбиться. Онъ крикнулъ своимъ людямъ:

— Живо! Всѣ, кто съ «Гудруды», назадъ! Судно это сейчасъ затонетъ!

Самъ онъ, Скаллагриммъ и всѣ его люди одинъ за другимъ успѣли перескочить обратно на свое судно, Оспакаръ-же, сынъ его и нѣсколько человѣкъ изъ его людей кинулись въ море и вплавь добрались до берега. Въ этотъ моментъ судно наскочило на скалу и на глазахъ у всѣхъ разлетѣлось въ щепки, неся смерть и погибель десяткамъ людей.

Эрикъ хотѣлъ было самъ сойти на берегъ схватиться съ Оспакаромъ и его сыномъ, но боялся разбить о скалы свое судно, кромѣ того, ему приходилось еще отбиваться отъ второго боевого корабля Оспакара. Видя гибель перваго, это судно названное «Воронъ», стало уходить, но Эрикъ рѣшилъ преслѣдовать его, предоставивъ Оспакара и его сына ихъ судьбѣ. Палуба «Гудруды» была завалена трупами убитыхъ и тѣлами раненыхъ, стѣснявшихъ движеніе людей, такъ что прежде, чѣмъ корабль успѣлъ описать поворотъ и достигнуть устья пролива, служившаго выходомъ въ море, «Воронъ», опередившій его, успѣлъ поднять паруса и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, ушелъ далеко впередъ. Но Эрикъ не унывалъ и, едва только «Гудруда» вышла въ открытое море, тоже поставилъ паруса и погнался за «Ворономъ», не теряя надежды нагнать его.

Убравъ убитыхъ, люди сѣли за столъ. Скаллагриммъ, глядя на убитыхъ, сказалъ:

— Я бы съ большей радостью видѣлъ-бы здѣсь голову Оспакара, чѣмъ тѣла всѣхъ этихъ бѣдныхъ керлей (людей) его, такъ какъ другихъ людей онъ всегда найдетъ, а другой головы не нашелъ бы!

Тѣмъ временемъ вѣтеръ сталъ свѣжѣть; около полуночи разразилась совсѣмъ буря, и Холль спрашивалъ, не убавить ли паруса. Но Эрикъ не приказалъ убавлять, замѣтивъ, что если «Воронъ» можетъ идти на всѣхъ парусахъ, то и «Гудруда» тоже можетъ. Погоня продолжалась всю ночь и до утра. По

утру «Воронъ» былъ уже только въ двухъ трехъ стадіяхъ *) впереди «Гудруды»; теперь, изъ опасенія бури и сильнаго вѣтра, на «Воронѣ» убавили паруса, и онъ нырялъ уже не такъ быстро, дѣлая видъ, будто собирается вернуться въ Исландію.

— Этого мы имъ не дозволимъ,—сказалъ Эрикъ,—работай дружнѣе, товарища! «Воронъ» идетъ теперь быстро, но мы идемъ быстрѣе его! Готовьтесь, сейчасъ загорится бой: мы нагоняемъ ихъ.

— Не добро затѣвать бой въ такую непогоду!— замѣтилъ Холль.

— А ты не разсуждай, а дѣлай. что тебѣ приказываетъ набольшій!—угрюмо сказалъ Скаллагриммъ, грозно сверкнувъ на Холля глазами и выразительно сжимая въ кулакѣ свой топоръ.

И люди стали готовиться къ бою, а Скаллагриммъ, стоя на носу, держалъ наготовѣ маленькій якорь, которымъ собирался задѣть вражеское судно, чтобы не дать ему отойти во время абордажа.

Какъ только суда поравнялись, и Березаркъ закинулъ свой якорь, глубоко впившійся въ вражеское судно, Эрикъ первый, а слѣдомъ за нимъ Скаллигриммъ вскочили на палубу «Ворона», приказавъ экипажу слѣдовать за собой. Но прежде, чѣмъ они успѣли это сдѣлать, Холль взмахнулъ своимъ топоромъ и однимъ ударомъ отрубилъ канатъ у якоря. Сильный валъ подхватилъ «Гудруду» и унесъ ее далеко впередъ.

Эрикъ и Скаллагриммъ очутились одни на палубѣ вражескаго судна. Но, успѣвъ проложить себѣ путь къ главной мачтѣ, они встали къ ней спина со спиной, широко размахивая вокругъ себя одинъ—мечомъ, «Молніи Свѣтомъ», другой — своимъ топоромъ, разя всякаго, кто рѣшался подступиться къ нимъ. Экипажъ «Ворона», растерявшійся сначала при появленіи Эрика, теперь остервѣнился отъ злобы, что тридцать человѣкъ не могутъ совладать съ двумя. Они стали

---

*) Стадія—восьмая часть англійской мили.

метать въ нихъ стрѣлы и каменья, но изъ-за того, что судно сильно качало, камни и стрѣлы пропадали даромъ. А изъ ихъ людей уже человѣкъ десять лежало ранеными и убитыми у ногъ Эрика и Скаллагримма. Но вотъ одинъ большой камень упалъ на плечо Березарка, и правая рука его разомъ отнялась.

— Плохо дѣло, — сказалъ Скаллагриммъ, — только ты не унывай: я умѣю держать сѣкиру и въ лѣвой рукѣ. Кто подойдетъ ко мнѣ, тому не сдобровать!

Тѣмъ временемъ люди Оспакара держали между собой совѣтъ, и ихъ старшій говорилъ такъ:

— Насъ осталось теперь въ живыхъ только 17 человѣкъ, не считая раненыхъ. Этого едва хватаетъ, чтобы управляться съ судномъ, да и срамъ намъ будетъ великій, если скажутъ, что двое одолѣли цѣлую команду въ 30 человѣкъ. Если же мы предложимъ имъ миръ и доброе обращеніе подъ условіемъ, что они согласятся быть связанными до тѣхъ поръ, пока мы не пристанемъ къ землѣ и высадимъ ихъ на берегъ, не возбуждая противъ нихъ никакихъ преслѣдованій, они вѣрно согласятся. А когда заснутъ, то мы ихъ убьемъ и скажемъ, что одолѣли ихъ въ бою.

— Постыдное это дѣло!—сказалъ одинъ человѣкъ и отошелъ въ сторону.

Но остальные молчали, и старшій пошелъ къ Эрику и Скаллагримму, и предложивъ имъ миръ и тѣ условія, о которыхъ говорилъ; хотя оба героя не довѣряли ему, но согласились. Только Эрикъ спросилъ:

— Почему же намъ быть связанными?

— Потому, что ты такъ силенъ и могучъ, что мы не можемъ быть спокойны, если ты, нашъ врагъ, останешься у насъ на суднѣ и будешь свободенъ!

Эрикъ пожалъ плечами и согласился; ихъ отвели подъ палубу, гдѣ и вѣтромъ не хватало, и водой не заливало, связали по рукамъ и по ногамъ, накрыли теплыми плащами отъ стужи и принесли имъ хорошей пищи и питья.

Когда вели Эрика подъ палубу, онъ взглянулъ впередъ и

увидѣлъ далеко, стадіяхъ въ 20 или больше, свою «Гудруду», Скаллагриммъ тоже видѣлъ и сказалъ:

— Хорошо наше-то судно и хороши наши товарищи, такъ и оставили насъ въ западнѣ!

— Нѣтъ, Скаллагриммъ, они не могли повернуть назадъ въ такую бурю, да и, вѣроятно, считаютъ насъ мертвыми теперь. Но если я увижу когда-нибудь опять этого Холля, то не буду къ нему особенно милостивъ.

— И не стоитъ онъ никакой милости!—проговорилъ себѣ въ бороду Скаллагриммъ и задремалъ.

Эрикъ сталъ думать о Гудрудѣ прекрасной; вскорѣ и имъ овладѣлъ сонъ.

XIV.

Какъ Эрику приснился сонъ.

Крѣпко спалъ Эрикъ, и снился ему сонъ, будто спитъ онъ здѣсь, на «Воронѣ», подъ палубой; и къ нему подкралась сѣрая крыса и стала шептать ему что-то въ ухо. И вотъ видитъ онъ, что Сванхильда идетъ къ нему по морю; бурныя волны разступаются на ея пути. Она шла плавно и покойно, словно лебедь плыла; вѣтеръ не развѣвалъ даже волосъ у нея на лбу. Наконецъ, она тутъ, стоитъ передъ нимъ и склоняется къ нему, шепчетъ ему: «Проснись!» «Проснись Эрикъ Свѣтлоокій! Я пришла къ тебѣ по бурному морю съ Страумей *), чтобы предупредить тебя объ опасности. Скажи, сдѣлала-ли бы это твоя Гудруда?

— Гудруда не колдунья и не чародѣйка!

— А я чародѣйка и колдунья!—И въ это время, когда старый Атли думаетъ, что я лежу подлѣ него на нашемъ общемъ ложѣ, я здѣсь у тебя и говорю съ тобой. Слушай же меня, вотъ что я провѣдала своимъ колдовствомъ: эти люди, что связали тебя, придутъ сейчасъ и возьмутъ тебя спящаго и твоего товарища тоже и бросятъ васъ обоихъ въ море.

«Чему суждено быть, то будетъ!» —говоритъ онъ во снѣ.

---

*) Страумей—самый южный изъ острововъ Оркней.

«Стрѣла пронзила сердце колдуньи Гроа» . (къ стр. 96).

«Нѣтъ, я этого не хочу и этого не будетъ!—проговорила Сванхильда.—Напряги всѣ свои силы и порви свои путы, развяжи Скаллагримма и дай ему его щитъ и сѣкиру, а самъ возьми свой мечъ и щитъ. Прилягте, какъ сейчасъ, и накройтесь плащами, притворившись спящими, пока не придутъ ваши убійцы. А потомъ вскочите и бросьтесь на нихъ оба съ оружіемъ въ рукахъ; они смѣшаются и обратятся въ бѣгство. Вы уничтожите ихъ. Только за этимъ, чтобы сказать тебѣ все это и спасти тебя, я прошла многіе сотни стадій по бурнымъ волнамъ моря. Сдѣлала-ли бы это ради тебя Гудруда?..—и видѣніе Сванхильды снова склонилось надъ нимъ; уста ея коснулись его лба; легкій вздохъ вырвался изъ ея груди,—и она исчезла.

Эрикъ пробудился, разбудилъ Скаллагримма и разсказалъ ему свой сонъ.

— Это предостереженіе, государь мой, и мы должны все исполнить такъ, какъ призракъ научилъ тебя!

Такъ они и сдѣлали, и поразили враговъ своихъ всѣхъ до послѣдняго; остались Эрикъ и Скаллагриммъ одни на суднѣ, а кругомъ лежали мертвецы и умирающіе.

— Къ рулю!—крикнулъ Эрикъ, видя, что судно кренится слишкомъ сильно и можетъ перевернуться каждую минуту, будучи предоставлено себѣ.

Съ этого момента они оба безпрерывно чередовались у руля. Три дня и три ночи дулъ свѣжій вѣтеръ; море волновалось; опасность ежеминутно грозила имъ, а силы ихъ истощались замѣтно. Волны заливали палубу, наполняя трюмъ имъ приходилось выкачивать воду и тратить на это послѣднія силы. А буря все крѣпчала; они не имѣли ни минуты отдыха; некогда было имъ ѣсть и нѣкогда спать. На четвертую ночь громадный валъ подхватилъ «Ворона» и, высоко поднявъ его на свой гребень, разомъ уронилъ въ глубокую бездну; все судно какъ бы содрогнулось и застонало.

— Кажется, я слышу, будто вода журчитъ подъ палубой!—сказалъ Скаллагримъ, стоявшій у руля.

Эрикъ спустился внизъ и, дѣйствительно, обнаружилъ силь-

ную течь. Вода быстро прибывала въ трюмѣ. «Воронъ» не могъ теперь долго продержаться на поверхности. Не теряя времени, Эрикъ замкнулъ трещину одеждами убитыхъ, заткнулъ ее такъ плотно, какъ это могъ сдѣлать только онъ со своей громадной силой, и навалилъ на эти тряпки баластъ, послѣ чего вернулся на палубу и сказалъ о всемъ Скаллагримму.

— Видно, пора нашимъ костямъ на покой! — отвѣчалъ тотъ,—мы достаточно поработали. А впрочемъ вѣтеръ стихаетъ, да и берегъ теперь не далеко. Видишь, тамъ подъ вѣтромъ темную линію холмовъ и между ними какъ будто устье фіорда? Правда, въ трюмѣ на половину воды, и часы «Ворона» теперь сочтены, но не уцѣлѣла-ли на немъ хоть одна лодка, тогда мы спасены!

Эрикъ пошелъ на корму судна. Тамъ, дѣйствительно была привязана лодка, а въ ней — весла и руль. Скаллагриммъ подоспѣлъ къ нему на помощъ, и они благополучно спустили лодку на воду. Эрикъ первый спустился къ нее, Березаркъ же задумалъ захватить съ собой кое-что съ гибнущаго судна которое теперь уже начинало тонуть, и до того замѣшкался, что чуть и самъ не пошелъ ко дну вмѣстѣ съ судномъ.

Эрикъ едва успѣлъ во время отрубить канатъ, чтобы лодку не увлекло за судномъ въ глубину. На ихъ глазахъ «Воронъ», сначало медленно погружавшійся въ воду, вдругъ разомъ исчезъ подъ водой, образовавъ на поверхности моря бѣшеный водоворотъ, въ которомъ безпомощно и безнадежно закружилась и заныряла маленькая лодочка. Теперь Эрикъ и Скаллагриммъ принялись изо всѣхъ силъ работать веслами и работали нѣсколько часовъ кряду, почти до полнаго истощенія. Наконецъ, вотъ онъ, желанный берегъ, по крайней мѣрѣ можно будетъ умереть на сушѣ! Вотъ луга, поля, вотъ сушится на вѣтру и на солнцѣ бѣлая треска и въ маленькой бухточкѣ стоитъ на якорѣ длинное боевое судно.

— Да это «Гудруда!»—радостно воскликнулъ Эрикъ.

— Она и есть!—согласился Скаллогриммъ,—надо добраться до нея. Тогда я поговорю съ этимъ предателемъ Холль.

— Ты не тронешь его и не причинишь ему никакого

вреда,—строго сказалъ Эрикъ,—я здѣсь глава и мнѣ принадлежитъ право судить его!

— Твоя воля—моя воля, государь! Но будь моя воля—твоей волей, я повѣсилъ бы на верхушкѣ мачты и оставилъ бы его тамъ висѣть до тѣхъ поръ, пока морскія птицы не вили бы гнѣздъ въ его остовѣ!

На «Гудрудѣ» или всѣ спали, или же на ней не было ни души, когда Эрикъ и Скаллагриммъ причалили къ ней и осторожно взобрались на палубу.

Посрединѣ, вокругъ костра, спали всѣ люди и такъ крѣпко, что никто не слышалъ, какъ пришли сюда Эрикъ и Березаркъ, какъ они присѣли къ огню грѣться и стали поѣдать остатки ужина.

Но вотъ одинъ изъ людей экипажа пробудился и увидѣлъ ихъ. Принявъ ихъ за привидѣнія, онъ поднялъ остальныхъ, и всѣ схватились за мечи, готовые обрушиться на пришельцевъ, но въ этотъ моментъ Эрикъ и Скаллагриммъ сбросили съ себя плащи и заговорили. Тогда только воины убѣдились, что это не привидѣнія, а сами Эрикъ и Березаркъ. Эрикъ спѣлъ имъ пѣсню, въ которой описалъ и предательскій поступокъ Холля, и свои похожденія на вражскомъ суднѣ, и свою побѣду надъ врагомъ, и чудесное спасеніе.

XV.

Какъ Эрикъ пребывалъ въ городѣ Лондонѣ.

— Теперь слушайте, товарищи, — сказалъ Эрикъ Свѣтлоокій,—не клялись-ли мы вѣрно стоять другъ за друга до самой смерти? Какъ назовете вы послѣ того человѣка, который отрѣзалъ якорный канатъ «Гудруду» и обрекъ насъ двоихъ на вѣрную смерть, предавъ въ руки многочисленныхъ враговъ? Что должно сдѣлать этому человѣку? Скажите, товарищи, ваше слово!

— Смертъ ему! Смерть! —послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Ты слышишь общій приговоръ, Холль? Ты заслужилъ его, но я хочу быть болѣе милостивъ къ тебѣ и потому го-

ворю тебѣ: уходи отсюда, чтобы никто изъ насъ не видалъ больше твоего лица. Уходи, пока я не раскаялся еще въ своемъ мягкосердечіи!

И при громкихъ, непріязненныхъ крикахъ своихъ бывшихъ товарищей Холль взялъ свое оружіе и, не сказавъ ни слова, сѣлъ въ шлюпку, на которой только что прибыли Эрикъ и Скаллагриммъ, и сталъ изо всѣхъ силъ грести къ берегу.

— Не разумно ты поступилъ, государь, что отпустилъ живымъ этого негодяя!—сказалъ Скаллагриммъ,—онъ еще насолитъ тебѣ когда-нибудь.

— Ну, что дѣлать! Быть можетъ, ты и правъ, но теперь дѣло сдѣлано, и я пойду отдохну: я совсѣмъ выбился изъ силъ.

Три дня и три ночи Эрикъ и Скаллагриммъ отдыхали, а затѣмъ разсказали товарищамъ о всемъ, что они сдѣлали и что съ ними было. И всѣ дивились ихъ мужеству и ихъ славныхъ дѣяніямъ, подобныхъ которымъ не было со временъ Боговъ-Королей.

Послѣ того отправился къ ярлу этихъ Фарерскихъ острововъ, такъ какъ берегъ, къ которому пристала «Гудруда» былъ берегъ главнаго изъ этихъ острововъ. Ярлъ принялъ его ласково и задалъ великій пиръ.

Здѣсь, на Фарерскихъ островахъ, Эрикъ пробылъ, пока не поправились его раненные и, забравъ двѣнадцать новыхъ людей въ замѣнъ убитыхъ, во время битвы съ судами Оспакара Чернозуба, и простившись съ ярломъ, который подарилъ ему богатый плащъ и тяжелый золотой обручъ, отплылъ отъ острововъ.

Никогда съ тѣхъ поръ, какъ поютъ скальды, не воспѣвалось такихъ славныхъ подвиговъ, какъ подвиги Эрика Свѣтлоокаго, никогда не бывало викинга болѣе сильнаго, болѣе великаго, одно имя котораго наводило страхъ и слава котораго затмила славу всѣхъ остальныхъ: всюду, гдѣ Эрикъ участвовалъ въ битвѣ, побѣда оставалась на его сторонѣ; ярлы и короли искали помощи и содѣйствія. О немъ говорили, что онъ никогда не совершилъ ни одного низкаго или позорнаго по-

ступка, никогда не обижалъ слабаго, никому, просившему у него пощады, не отказывалъ, никогда не поднималъ меча на плѣннаго или раненаго врага, не нападалъ на беззащитнаго. У купцовъ онъ бралъ часть ихъ товара, но вреда не причинялъ и все, что доставалось ему, дѣлилъ по ровну со своими людьми. Всѣ люди любили его, смотря на него, какъ на бога; каждый изъ нихъ былъ готовъ пожертвовать за него жизнью. Женщины тоже очень любили его, но онъ не глядѣлъ на нихъ

Въ первое лѣто своего изгнанія Эрикъ воевалъ у береговъ Ирландіи, а на зиму пришелъ въ Дублинъ и нѣкоторое время служилъ въ тѣлохранителяхъ короля этого города, который держалъ его въ большой чести и хотѣлъ, чтобы онъ совсѣмъ остался у него, но Эрикъ не захотѣлъ—и весной «Гудруда» была готова къ отплытію, направившись къ берегамъ Англіи. Здѣсь, въ одномъ изъ сраженій, Скаллагриммъ былъ раненъ почти на смерть, кинувшись на Эрика, котораго онъ заслонилъ своимъ тѣломъ отъ удара, направленнаго на него и спасъ его, но самъ чуть не погибъ. Нѣсколько мѣсяцевъ Скаллагриммъ лежалъ больной, и Эрикъ ухаживалъ за нимъ, какъ за братомъ; съ этого времени они полюбили другъ друга, какъ двойники, и не разлучались ни на минуту, но другіе-то Скаллагримма не любили.

Эрикъ пришелъ въ Темзу и явился въ Лондонъ, приведя туда два викингскихъ судна. которыя онъ забралъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами. Онъ привелъ плѣнныхъ къ королю Эдмунду, Эдуардову сыну, прозванному Эдмундомъ Великолѣпнымъ. Сталъ онъ въ большой чести у короля.

Вмѣстѣ съ англичанами онъ участвовалъ и въ походѣ на датчанъ, а на зиму со своими людьми вернулся въ Лондонъ, оставаясь при королѣ. При дворѣ же королевскомъ была одна красивая лэди, по имени Эльфрида. Какъ только увидѣла она Эрика, полюбился онъ ей, какъ ни одинъ мужчина; ничего она на свѣтѣ тамъ не хотѣла, какъ стать его женой. Но Эрикъ удалялся отъ нея, любя только одну Гудруду. Такъ прошла зима. Наступила весна, и тогда онъ снова ушелъ въ море воевать и вернулся въ Лондонъ только подъ осень.

Когда онъ возвращался, лэди Эльфрида сидѣла у окна и кинула ему вѣнокъ, сплетенный изъ цвѣтовъ. Король, при видѣ этого, усмѣхнулся, заявивъ, что былъ-бы радъ такому родственнику, какъ Эрикъ, и что лучшаго мужа для лэди Эльфриды онъ не желаетъ.

Эрикъ поклонился королю, но не сказалъ ни слова, а въ ту же ночь спросилъ у Скаллагримма, скоро-ли можно изготовить «Гудруду» къ отплытію. Тотъ сказалъ ему, что дней черезъ десять, но что теперь уже поздно выходить въ море, время года уже позднее и зима близко.

Но Эрикъ сказалъ ему:

— Я хочу зимовать на Фарерскихъ островахъ: они ближе къ нашей родинѣ, а слѣдующимъ лѣтомъ минутъ три года моего изгнанія, и я хочу поскорѣе вернуться въ Исландію.

— Въ этомъ рѣшеніи твоемъ я вижу тѣнь женщины,— сказалъ Скаллагриммъ,—поздно теперь идти въ море. Лучше раннею весной плыть прямо въ Исландію!

— Моя воля въ томъ, чтобы идти въ море теперь!—упрямо твердилъ Эрикъ.

— Путь къ Фарерскимъ островамъ лежитъ мимо Оркней, а тамъ сидитъ Коршунъ и ждетъ своей добычи. Въ сравненіи съ тѣмъ Коршуномъ лэди Эльфрида просто голубка. Уходя отъ огня, мы можемъ попасть въ полымя.

На другое утро Эрикъ пошелъ къ королю и просилъ его отпустить домой.

— Скажи мнѣ Свѣтлоокій, развѣ я не былъ хорошъ къ тебѣ?—спросилъ тотъ.—Почему же ты хочешь покинуть меня?— Неужели ты не можешь считать себя дома въ моемъ большомъ государствѣ?

— Нѣтъ, государь, я могу быть дома только у себя въ Исландіи!—сказалъ Эрикъ.

Король разгнѣвался и приказалъ ему уйти, куда хочетъ и когда хочетъ. Эрикъ поклонился королю и ушелъ.

Спустя два дня послѣ того Эрикъ повстрѣчалъ въ королевскомъ саду лэди Эльфриду. У нея въ рукахъ были бѣлые цвѣты; а сама она была прекрасна и блѣдна, какъ эти цвѣты.

— Говорятъ, — промолвила она, — ты покидаешь Англію Свѣтлоокій!

— То говорятъ правду!—отвѣтилъ Эрикъ.

— Зачѣмъ хочешь ты возвратиться въ эту холодную страну льдовъ и снѣговъ, въ эту угрюмую, непривѣтную Исландію? Развѣ здѣсь, въ Англіи, нѣтъ уютнаго уголка для тебя?!—воскликнула она, заливаясь слезами.

— Тамъ я дома, тамъ моя родина, прекрасная леди! Тамъ меня ждетъ старуха мать!

— И дѣвушка по имени Гудруда прекрасная,—добавила лэди,—о, я знаю! Я знаю все, но говорю тебѣ, Свѣтлоокій, не видать тебѣ счастья съ нею. Много горя примешь ты изъ-за нея, здѣсь же, въ Англіи, счастье ожидаетъ тебя!

— Все это можетъ быть, лэди,—сказалъ Эрикъ,—дни мои текли бурно доселѣ; бури грозятъ и впереди, я это знаю.— Но жалкій тотъ человѣкъ, который боится бури и прячется отъ нея за печку, когда онъ молодъ и силенъ. Нѣтъ! Лучше погибнуть, чѣмъ быть такимъ жалкимъ трусомъ! Вѣдь въ концѣ концовъ, всѣ же должны погибнуть и трусы, и герои!

— Да, Эрикъ, можетъ быть въ твоемъ безуміи есть мудрость, но скажи мнѣ, если бы то, къ чему ты теперь стремишься, было уже холодно и мертво, когда ты возвратишься въ Исландію, что тогда?

— Тогда я продолжалъ бы свой жизненный путь одинъ, одинокій на вѣкъ!

— Ну, а если то, къ чему ты стремишься, отдалось другому и другой владѣетъ твоимъ сокровищемъ?

— Если такъ, то я, быть можетъ, возвращусь сюда въ Англію и въ этомъ самомъ саду буду просить новаго свиданія съ тобой!

И они посмотрѣли другъ другу въ глаза, лэди Эльфрида продолжала:

— Прощай Эрикъ и будь счастливъ! Дни приходятъ и проходятъ и много мѣста на свѣтѣ всѣмъ. Но и тѣсно, и пусто тому, кто одинокъ. Когда ты уѣдешь, я буду одинока!—Она тихо отошла отъ него и скрылась въ чащѣ сада.

Потомъ разсказывали объ этой лэди Эльфридѣ, что много знатныхъ витязей и королей просили ея руки, желая взять ее себѣ въ жены, но она не хотѣла, а когда состарилась, то построила великолѣпный храмъ, назвала его Эрикмиркъ; по смерти же была похоронена въ немъ, но ничьей женой *никогда не была.*

XVI.

Какъ Сванхильда побраталась съ жабой.

Черезъ двое сутокъ Эрикъ сѣлъ на свое судно и собрался выйти въ море, но только что хотѣлъ приказать ударить въ весла, какъ на берегъ прибылъ самъ король съ богатыми дарами. Хоть гнѣвенъ былъ король, но простился съ Эрикомъ ласково, взявъ обѣщаніе, что если тому не посчастливится въ Исландіи, то онъ снова вернется къ нему. Эрикъ обѣщалъ, затѣмъ снялся съ якоря и вышелъ въ море

По началу погода стояла тихая, но на пятыя сутки поднялась сильная буря, продолжавшаяся четыре дня и четыре ночи. Экипажъ совсѣмъ выбился изъ силъ, выкачивая воду, а та все прибывала. Да и пищи у нихъ не хватало. Земли же нигдѣ не было видно. Самъ Эрикъ и Скаллагриммъ, не ѣли, и не спали; всѣ готовились къ смерти; спасенія не откуда было ждать. Вдругъ Скаллагриммъ услышалъ, будто волны пѣнятся, ударяясь о рифы, и сообщилъ о томъ Эрику.

— Такъ и есть, согласился тотъ, прислушавшись къ шуму волнъ,—теперь наша пѣсенка спѣта: намъ не долго ждать смерти!

— Смотри, государь, какое чудо,—воскликнулъ Березиркъ,—видалъ-ли ты когда, чтобы туманъ шелъ противъ вѣтра, какъ сейчасъ?! Это, повѣрь, не безъ колдовства! Смотри, эта чародѣйка Сванхильда готовитъ намъ западню!

Въ это самое время Сванхильда, жена Атли, сидѣла въ своемъ высокомъ замкѣ у окна, смотря въ темную даль бурной ночи. Глаза ея горѣли во тьмѣ, словно глаза кошки, губы шептали какія-то заклинанія.

— Здѣсь-ли ты, мерзкая жаба? Здѣсь-ли ты?

— Здѣсь, Сванхильда, не знающая отца, дочь колдуньи Гроа,—здѣсь! Скажи, что тебѣ надо отъ меня?

— Явись мнѣ, чтобы я могла увидѣть отвратительный образъ твой, увидѣть тебя, мерзкое существо, къ которому испытываю гадливость и отвращеніе, но въ помощи котораго нуждаюсь, явись мнѣ!

И вотъ во теракѣ появилось свѣтлое пятно, а въ немъ отвратительная громадная жаба съ мертвой головой, вокругъ которой болтались сѣдыя космы волосъ, а въ глазныхъ впадинахъ ея тускло свѣтились налитые кровью глаза съ обвислыми вѣками. Эта мертвая голова была обтянута мертвенно-желтой кожей, какъ лицо покойника; черныя лапы съ громадными когтями поражали уродливость. Чудовище захохотало зловѣщимъ, отвратительнымъ смѣхомъ, проговоривъ:

— Ты называла меня сѣрымъ волкомъ, и я являлась къ тебѣ въ образѣ сѣраго волка;—называла меня крысой, я служила тебѣ въ образѣ крысы. Теперь назвала меня жабой, и подъ видомъ жабы я теперь ползаю около твоихъ ногъ. Скажи мнѣ, чего ты хочешь отъ меня, а я скажу, какой цѣною ты можешь купить мою услугу! Ты говоришь, что я гадка, страшна. Но вглядись поближе въ мое лицо. Неужели ты не узнаешь его? Вѣдь, это лицо матери твоей, умершей Гроа! Я взяла его у нея на томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь лежитъ, а это тѣло мое— тѣло пятнистой жабы, вѣдь, это образъ твоего собственнаго сердца и ты не узнаешь его? И ты сама будешь отвратительнѣе даже меня, какъ и я была нѣкогда прекраснѣе тебя!

Ужасъ охватилъ Сванхильду, и она хотѣла вскрикнуть, но голосъ замеръ у нея въ горлѣ.

— Такъ говори же скорѣе, чего ты хочешь отъ меня?— продолжала уродливая жаба.

И Сванхильда, собравшись съ духомъ, сказала ей, что хочетъ, чтобы Эрикъ, который находится теперь вблизи Оркнейскихъ острововъ, не прошелъ мимо, но былъ выброшенъ на берегъ; прежде, чѣмъ забрезжитъ утро, пусть будетъ онъ здѣсь, въ замкѣ Атли, и станетъ ея возлюбленнымъ, а Гудруда пусть раньше, чѣмъ настанетъ осень, станетъ невѣстой Оспакара.

— Прекрасно!—захохотала отвратительная жаба, — пусть такъ, но только ты должна побрататься со мной и своей кровью запечатлѣть нашъ союзъ. Ты должна стать тѣмъ, что я есть, должна мыкаться вмѣстѣ со мной по свѣту, на гибель и горе всему, что не прибѣгаетъ къ нашей помощи, и служа всѣмъ злымъ желаніямъ и дурнымъ побужденіямъ людей, сѣя зло вездѣ и повсюду. Ты станешь моей сестрой и неразлучной спутницей!

Дрожащая, блѣдная, съ горящими безумными глазами Сванхильда согласилась на ея требованія, согласилась на все и закрѣпила свою страшную клятву своею кровью.

Вдругъ отвратительная жаба приняла образъ и красоту Сванхильды, а Сванхильда съ несказаннымъ ужасомъ почувствовала, что превратилась въ отвратительную жабу, ползающую по каменнымъ плитамъ пола, въ груди у нея клокотала ненависть и злоба ко всѣмъ людямъ.

Она увидѣла свой собственный образъ на вершинѣ утесовъ, съ распростертыми руками, какъ бы въ заклинаніи къ небу и къ морю.

Вдругъ туманъ двинулся противъ вѣтра на море и сталъ застилать глаза Эрику, вѣтеръ дулъ съ бѣшеной силой, гибель судна казалась несомнѣнной.

Эрикъ сознавалъ, что спасенія нѣтъ. «Это колдовство и нечистая сила»,—стоялъ на своемъ Скаллагриммъ.—«Видишь тамъ въ волнахъ эту женскую фигуру, государь? Смотри, какъ ты думаешь, что это такое»?

— Клянусь Одиномъ! Эта женщина идетъ къ намъ по волнамъ! Это—Сванхильда, я ее узнаю! Вотъ она идетъ передъ нашимъ судномъ, указывая вправо! Она уже разъ спасла насъ, послѣдуемъ ея совѣту и на этотъ разъ. Что ты на это скажешь?—спросилъ Эрикъ.

— Я ничего не смѣю сказать тебѣ, господинъ, но не люблю колдовства и чародѣйства. Пусть будетъ по твоему!

Между тѣмъ призракъ продолжалъ скользить впереди судна, указывая то въ ту, то въ другую сторону, и Эрикъ направлялъ руль согласно этимъ указаніямъ. Вдругъ это видѣніе

— Много я дѣлала тебѣ добраго, Колль, и окажу тебѣ еще одно послѣднее благодѣяніе: я подарю тебѣ свободу и дамъ еще 200 серебромъ, если ты и этотъ разъ сдѣлаешь по моему!

— Что же мнѣ сдѣлать, госпожа? - спросилъ Колль.

— Вотъ что: во время свадебнаго пира, ты долженъ будешь разливать вина, меды и всякіе напитки въ чаши, въ то время, когда Асмундъ будетъ провозглашать тосты. Когда всѣ развеселятся, ты примѣшаешь этотъ напитокъ въ ту чашу, надъ которой Асмундъ будетъ произносить свои брачныя клятвы Уннѣ, и Унна—Асмунду. Наполнивъ чашу, вручишь ее мнѣ; я буду стоять у подножія высокихъ сѣдалищъ въ ожиданіи, когда настанетъ время привѣтствовать новобрачную отъ имени всѣхъ женщинъ прислужницъ. Тогда ты передашь мнѣ эту чашу; вѣдь, это сущій пустякъ, о чемъ я прошу тебя.

— Дѣйствительно пустякъ! А все же мнѣ это очень не нравится! Что если я скажу, что не согласенъ исполнить твою просьбу?

— Что тогда будетъ?!—воскликнула Гроа, позеленѣвъ отъ злобы,—что тогда будетъ? А будетъ то, что не пройдетъ нѣсколько дней, какъ вороны выклюютъ тебѣ глаза! Понялъ?

— А если я исполню, то когда получу обѣщанные 200 серебромъ?

— Половину я дамъ тебѣ передъ началомъ пира, а другую половину, когда онъ кончится! Сверхъ того, дамъ тебѣ полную свободу идти на всѣ четыре стороны.

— Ну, такъ разсчитывай на меня!—сказалъ Колль и ушелъ.

А Гроа продолжала варить свои травы и, наконецъ, снявъ горшокъ съ огня, перелила отваръ въ склянку, которую спрятала у себя на груди, а огонь разбросала ногою и тихонько прокралась къ своему ложу, гдѣ и легла прежде, чѣмъ люди успѣли проснуться.

Насталъ день свадьбы Асмунда, сына Асмунда изъ Мидцальгофа. За свадебнымъ столомъ сидѣли на высокихъ сѣдалищахъ Асмундъ жрецъ и Унна, дочь Торода. Всѣ думали, что она пригожая невѣста и что Асмундъ, хоть и насчитывалъ три раза по 20 зимъ, но былъ мужчина видный, красивый и

— Все это колдовство и нечистыя силы! Лучше было-бы и мнѣ погибнуть, чѣмъ остаться въ живыхъ и слышать такія вѣсти! А все это проклятое колдовство!—и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, проснувшись только тогда, когда солнце было уже высоко. Вставъ съ постели, онъ пошелъ вмѣстѣ съ Скаллагримомъ на берегъ отыскивать своихъ погибшихъ товарищей. Много нашли они мертвыхъ тѣлъ, но живого ни одного. Сѣлъ Эрикъ на одну изъ прибрежныхъ скалъ и, закрывъ лицо руками, горько заплакалъ надъ своими погибшими товарищами.

Между тѣмъ, пока Эрикъ еще спалъ крѣпкимъ сномъ, Атли пошелъ на свое ложе: была еще ночь. Сванхильда же отыскала Холля изъ Литдаля, который уже нѣсколько мѣсяцевъ жилъ въ замкѣ Атли, обманувъ ярла, что Эрикъ оставилъ его на Фарерскихъ островахъ—оправляться отъ раны, и что теперь онъ не знаетъ, гдѣ отыскать Эрика и не имѣетъ судна, чтобы вернуться въ Исландію. Повѣрилъ ему Атли и пріютилъ его. Теперь Сванхильда сказала:

— Знаешь, Холль, кого спасъ въ эту ночь старый Атли?

— Нѣтъ, госпожа!

— Эрика Свѣтлоокаго и его неразлучную тѣнь Скаллагримма, Овечій Хвостъ!

— И оба они живы?—спросилъ со страхомъ Холль.

— Да, и вѣрно рады будутъ увидѣть стараго товарища, послѣ того какъ столько ихъ погибло здѣсь!

— Ну, я такъ вовсе тому не радъ!—угрюмо сказалъ Холль.

— Ужъ не боишься-ли ты Скаллагримма? Или ты поступилъ не хорошо противъ Свѣтлоокаго?

Тогда Холль разсказалъ Сванхильдѣ все, что было, только не совсѣмъ такъ, какъ было, стараясь скрасить свой поступокъ и уменьшить свою вину. Но Сванхильду трудно было обмануть; она угадала все, что утаилъ отъ нея-же Холль, и сказала:

— Правда, не добро тебѣ встрѣчаться съ Скаллагриммомъ. Не такой онъ человѣкъ, чтобы помиловать того, противъ кого онъ имѣетъ на сердцѣ. Уѣзжай ты отсюда, Холль, пока никто еще не проснулся. Есть у Атли земля въ Исландіи, поѣзжай

туда; я и человѣка тебѣ дамъ, и судно, и денегъ на дорогу. А когда мнѣ понадобится отъ тебя услуга, такъ ты сдѣлаешь то, что я прикажу тебѣ. А теперь ступай себѣ, да готовься въ путь. Видишь, буря стихла, и теперь немного дней будетъ тихо и ясно. Мой приказъ ты передашь тому человѣку, что теперь управляетъ землею Атли, онъ пріютитъ тебя тамъ.

. . . .

Когда Эрикъ, сидя на скалѣ, плакалъ о своихъ погибшихъ товарищахъ, къ нему подошла Сванхильда, тихонько прокравшаяся за нимъ изъ замка, и ласково проговорила:

— Не плачь объ умершихъ, а пожалѣй лучше живыхъ. Возрадуйся, что ты здѣсь живъ и невредимъ. Скажи мнѣ хоть слово привѣта, мнѣ, которая столько лунъ не слыхала звука твоего голоса!

— Какъ мнѣ привѣтствовать тебя, Сванхильда,—отвѣчалъ герой,—когда я желалъ бы никогда не видѣть твоего лица! Ты—колдунья и много зла произошло черезъ тебя!

— Много зла! Ты помнишь только зло! Почему же не помнишь, что вчера я послала Атли искать тебя въ скалахъ на берегу и еще разъ спасла тебя въ морѣ?! Забудь то зло, Эрикъ, меня толкала на него безумная любовь моя къ тебѣ; теперь все иначе: я—жена Атли и вѣрная ему жена. Моя любовь къ тебѣ стала любовью сестры къ брату!

Эрикъ почти повѣрилъ ей, хотя и замѣтилъ:

— Если ты не измѣнишься, то пока я буду здѣсь, мы будемъ жить въ мирѣ, хотя я не люблю тѣхъ, кто занимается колдовствомъ ко злу или благу людей, все равно: въ колдовствѣ нѣтъ добра!

Она ничего не сказала, а только тихо коснулась его руки и хотѣла уйти, но Эрикъ остановилъ, спросивъ, нѣтъ-ли у нея какихъ вѣстей изъ Исландіи.

— Есть, только боюсь, что эти вѣсти не добрыя для тебя, Эрикъ!

— Говори скорѣе!—просилъ онъ.

— Отецъ мой Асмундъ умеръ; Гроа, мать моя тоже, но какъ или почему, не знаю. А недавно Гудруда прекрасная,

твоя помолвленная невѣста, помолвлена съ Оспакаромъ Чернозубомъ и весной станетъ его женой. Только ты не огорчайся этимъ: это, вѣдь, только слухъ. Мнѣ самой не вѣрится, чтобы Гудруда забыла тебя и согласилась стать женой Оспакара безъ особой причины!

— Плохо будетъ Оспакару, если только это правда! Вѣдь, «Молніи-Свѣтъ» еще въ моихъ рукахъ!—сказалъ Эрикъ, поблѣднѣвъ.

— И еще одну новость скажу тебѣ, — продолжала Сванхильда,—Холль изъ Литдаля былъ здѣсь до сего утра! Сегодня онъ ушелъ отсюда, неизвѣстно куда, и оставилъ вѣсть, что больше сюда не вернется!

— И хорошо сдѣлалъ, что ушелъ!—молвилъ Эрикъ, разсказавъ о поступкѣ Холля.

— Да, знай объ этомъ Атли, онъ велѣлъ-бы палками прогнать его отсюда!—проговорила Сванхильда.—Но скажи мнѣ, Эрикъ, почему ты носишь такіе длинные волосы, какъ у женщины?

— Потому,—отвѣчалъ Эрикъ,—что я поклялся Гудрудѣ, что ни одна рука не коснется моихъ волосъ до тѣхъ поръ, пока я не вернусь къ ней. Хотя волосы эти мнѣ обуза и мѣшаютъ въ бою, — разъ даже меня схватилъ одинъ воинъ за волосы, и я чуть было не лишился жизни черезъ это,—но все же если бы даже они выросли у меня до пятъ, я не нарушилъ-бы своей клятвы!

Сванхильда усмѣхнулась и рѣшила, въ сердцѣ своемъ, что раньше, чѣмъ вернется весна, она заставитъ его своими хитростями и уловками измѣнить данному Гудрудѣ обѣщанію, своею рукой срѣжетъ хоть одинъ локонъ этихъ золотыхъ волосъ его, а затѣмъ отошлетъ его Гудрудѣ.

Сванхильда давно уже ушла, а Эрикъ все еще сидѣлъ, раздумывая о томъ, что узналъ отъ нея. Она заронила въ душу его зерно подозрѣнія, уже начавшее пускать корни. Что если правда, что Гудруда помолвлена съ Чернозубомъ? О, если такъ, то она скоро станетъ вдовою! — рѣшилъ онъ и съ такимъ рѣшеніемъ угрюмо побрелъ въ замокъ.

XIX.

Какъ Колль Полоумный принесъ вѣсть изъ Исландіи.

Когда Эрикъ шелъ въ замокъ, ему встрѣтился Атли. Старый герой сталъ его просить, чтобы онъ остался у него хоть на зиму въ его замкѣ на островѣ Страумей. Эрикъ долго не соглашался. Наконецъ, убѣдительная просьба Атли заставила его измѣнить свое первоначальное рѣшеніе. Сванхильда все это время была ласкова съ нимъ, но не докучала своею любовью.

Когда пришла весна, Атли сталъ просить Эрика помочь ему, вмѣстѣ съ Скаллагриммомъ, одолѣть одного врага, могучаго и сильнаго вождя, который захватилъ часть его земель. Эрикъ согласился. Они сѣли на суда.

Много славныхъ подвиговъ совершилъ Эрикъ и отъ всѣхъ былъ прославляемъ, а Скаллагриммъ въ одной схваткѣ убилъ недруга Атли и тѣмъ положилъ конецъ распри. Атли вернулся съ торжествомъ и побѣдой изъ этого похода, но Эрикъ былъ тяжело раненъ въ ногу и не могъ сѣсть на коня, не могъ подняться на ноги; его несли на носилкахъ 10 человѣкъ дюжихъ людей. Много недѣль пролежалъ герой больной въ замкѣ Атли; Скаллагриммъ, Сванхильда и самъ Атли безъ устали ходили за нимъ. Наконецъ, когда сталъ онъ поправляться, пришло время Атли ѣхать собирать «окатъ» (т. е. подати). Ярлъ взялъ съ собой всѣхъ своихъ людей, а также и Скаллагримма, Эрикъ же былъ еще слабъ и потому остался въ замкѣ. Съ нимъ оставались только женщины во главѣ со Сванхильдой.

Въ этотъ день ей доложили, что пришелъ къ ней человѣкъ изъ Исландіи съ вѣстями. Она приказала позвать его. Человѣкъ этотъ былъ Колль, бывшій тралль ея матери, колдуньи Гроа. Онъ разсказалъ ей, какъ умерли Асмундъ жрецъ и новобрачная жена его Унна, дочь Торода, какъ умерла Гроа, колдунья, его госпожа.

— А Гудруда?—спросила его Сванхильда.

— О ней, госпожа, ходилъ слухъ, будто ее сваталъ Оспакаръ Чернозубъ, но о свадьбѣ и помина не было!

— Слушай, Колль, я вижу, что ты голоденъ, да и кошель твой не туго набитъ деньгами, добрая похлебка и горсть—другая серебра тебѣ не лишни. Слушай-же! Не трудно тебѣ, я думаю, покривить душой и сказать Эрику Свѣтлоокому, поклясться даже, если будетъ нужно, что Гудруда прекрасная уже стала женою Оспакара Чернозуба, и что свадьба ихъ была назначена на минувшій праздникъ Юуль. Если ты этого не сдѣлаешь, то убирайся отсюда, куда хочешь: ни крова, ни похлебки, ни ломаного гроша я тебѣ не дамъ!

Колль славился тѣмъ, что второго такого лжеца не было во всей Исландіи,—и сказать ложь ему ровно ничего не стоило.

— Сдѣлать это я, конечно, могу, если ты поможешь мнѣ какимъ-нибудь совѣтомъ!—сказалъ Колль.

Послѣ того Сванхальда долго тайно бесѣдовала съ Коллемъ Полоумнымъ, затѣмъ велѣла призвать Эрика.

Тотъ, придя къ ней, засталъ ее въ слезахъ. Притворщица сообщила, что пришли дурныя вѣсти изъ Исландіи, что мать ея, Гроа, отравила отца ея, Асмунда жреца и Унну, жену его, во время брачнаго ихъ пира, а Бьернъ убилъ ее, когда она стояла надъ обрывомъ Золотого водопада, гдѣ чуть было не погибъ Эрикъ.

— Ну, а какія вѣсти о Гудрудѣ?—спросилъ Эрикъ.

— Она стала женою Оспакара! — сказала Сванхильда. — Такъ сообщилъ Колль, сейчасъ прибывшій сюда!

— Вретъ онъ, этотъ Колль! — воскликнулъ Эрикъ, вскочивъ на ноги и хватаясь за стѣну, чтобы не упасть.

— Гдѣ онъ? Позвать его сюда!

Когда тотъ пришелъ, Эрикъ сталъ разспрашивать его и долго не вѣрилъ ему, пока слуга не сказалъ ему, что сама Гудруда поручила ему передать Эрику, что братъ принудилъ ее идти за Чернозуба, и что она теперь возвращаетъ ему его слово и проситъ простить ее, что, хотя она жена Оспакара, но никогда не забудетъ Эрика, и всегда будетъ любить его. Въ подтвержденіе словъ своихъ она дала ему, Коллю, вотъ эту вещицу и просила передать ее Эрику.

Съ этими словами Колль досталъ изъ своего кожанаго ко-

шелька половину старинной золотой монеты и вручилъ ее Эрику со словами:

— Вотъ это она дала мнѣ, чтобы я отдалъ тебѣ!

Эту золотую монету Эрикъ еще ребенкомъ нашелъ, играя вмѣстѣ съ нею на берегу, и тогда же разломилъ ее пополамъ; съ того времени они оба носили этотъ талисманъ у себя на груди. Но въ послѣдніе годы, не за долго до изгнанія Эрика, Гудруда потеряла свою половину и изъ боязни огорчить своего возлюбленнаго ничего не сказала ему объ этомъ. Впрочемъ, она даже и не потеряла талисмана, а Сванхильда однажды ночью, во время ея сна, украла его у нея и съ тѣхъ поръ постоянно хранила у себя.

Теперь насталъ моментъ, когда этотъ обломокъ монеты могъ сослужить ей службу,—и она дала его Коллю во время тайной бесѣды своей съ нимъ.

Эрикъ схватилъ этотъ предметъ изъ руки Колля и, выдернувъ у себя съ груди вторую половину, приложилъ; обѣ половины какъ разъ пришлись одна къ другой. Эта мнимая очевидность, этотъ любовный талисманъ въ рукахъ посторонняго человѣка помутили разсудокъ Эрика; онъ громко захохоталъ.

— Быть кровопролитію!—воскликнулъ онъ.—Еще не такъ скоро эта пѣсня будетъ допѣта до конца. Вотъ, на тебѣ! Это твоя награда, воронъ, за то, что, будучи лжецомъ, ты разъ сказалъ правду!—И Эрикъ швырнулъ ему оба обломка золотой монеты

Колль подобралъ золото и вышелъ, а Эрикъ опустился на скамью и, свѣсивъ голову на руки, глухо стоналъ. Тихонько подкралась къ нему Сванхильда, тихонько прижалась къ его плечу и тихимъ, ласковымъ голосомъ, молвила:

— Тяжелыя вѣсти, Эрикъ! Тяжелыя и печальныя и для тебя, и для меня... Та, что родила меня, — убійца и отравительница, убійца моего отца, а Гудруда—измѣнница, прекрасная, но лживая. Плохо, что я родилась отъ такой женщины и плохо, что ты отдалъ свое сердце и довѣрился такой дѣвушкѣ. Оба мы несчастные теперь, давай же плакать вмѣстѣ!-и голосъ ея, тихій и вкрадчивый, звучалъ, какъ музыка.

— Нѣтъ!—воскликнулъ Эрикъ, вскочивъ на ноги.—Нѣт

зачѣмъ намъ плакать?! Давай веселиться вмѣстѣ: теперь намъ нечего уже бояться дурныхъ вѣстей. Мы испили самую горечь чаши, и потому давай веселиться!

— Да! Смѣхомъ мы заглушимъ свое горе! Безумный ты, Эрикъ, подъ какой несчастливой звѣздой ты родился, что не умѣлъ различить правды отъ лжи, искренности отъ обмана и теперь ты наказанъ за это. Но не горюй, давай смѣяться и веселиться, какъ ты сказалъ!—и она, позвавъ женщинъ, приказала принести яствъ и вина, и меду. Они стали пировать и веселиться. Эрикъ старался дѣлать видъ, что ѣстъ, но кусокъ не шелъ ему въ горло, за то пилъ онъ очень много въ эту ночь, а южныя вина были крѣпки. Сванхильда сидѣла близко близко къ нему, съ горящими глазами, распѣвая разныя пѣсни; что-то словно огнемъ распаляло мозгъ Эрика. Онъ громко смѣялся и хвасталъ своими подвигами, чего прежде никогда не дѣлалъ. Между тѣмъ Сванхильда все ближе и ближе придвигалась къ нему. Вдругъ Эрикъ вспомнилъ о другѣ своемъ Атли, и голова его сразу отрезвилась.

— Нѣтъ, Сванхильда, этого не должно быть,—проговорилъ онъ, отстраняя ее отъ себя,—теперь ты чужая жена! Но я жалѣю, что не полюбилъ тебя съ самаго начала: ты все же лучше Гудруды и не измѣнила-бы мнѣ!

— Да, Эрикъ, ты правъ! Надо было сразу умѣть распознать истину отъ обмана; теперь же все равно, все уже сказано, и всѣ клятвы нарушены! Уходи отсюда, Эрикъ, не то быть бѣдѣ! Но прежде выпей вотъ эту чару на прощаніе; вѣдь, для насъ лучше не видѣться больше съ тобой!—и она подала ему чару, куда незамѣтно влила любовный напитокъ, уже заранѣе приготовленный ею.

— Прежде, чѣмъ ты возьмешь эту прощальную чару, Эрикъ,—продолжала коварная женщина,—я хочу, чтобы ты исполнилъ одно мое желаніе. Это просто женскій капризъ, но мнѣ это будетъ отрадой на весь остатокъ дней моихъ, дай мнѣ срѣзать одну только прядь твоихъ золотыхъ кудрей!

— Я поклялся Гудрудѣ, что никто, кромѣ нея, не дотронется до моихъ волосъ!—отговаривался было Эрикъ.

— Въ такомъ случаѣ, они отростутъ у тебя длиннѣе пять; она, вѣдь, теперь не будетъ больше стричь ихъ, ея руки расчесываютъ теперь черныя кудри Оспакара, и ей нѣтъ дѣла до твоихъ золотыхъ кудрей. Забыты всѣ обѣщанія! Нарушены всѣ клятвы!

Эрикъ глухо застоналъ.

— Да,—сказалъ онъ,—всѣ клятвы нарушены! Исполни свое желаніе, Сванхильда!—и онъ подалъ ей свой драгоцѣнный мечъ «Молніи-Свѣтъ».

Сванхильда съ недоброю улыбкой взяла въ руки прядь золотыхъ кудрей Эрика и отрѣзала ее мечемъ.

Герой молча взялъ у нея мечъ и вложилъ въ ножны, она же спрятала золотую прядь у себя на груди.

— Ну, а теперь пей чашу и уходи!—сказала она; онъ послушно выпилъ до дна, и вдругъ все перемѣнилось у него въ глазахъ: кровь закипѣла въ немъ ключемъ, и передъ глазами заходили точно огненныя волны. Сванхильда стояла передъ нимъ точно въ сіяніи; ему казалось, что она поетъ сладкія пѣсни, что отъ нея вѣетъ ароматомъ родныхъ луговъ, шепча:

— Всѣ клятвы нарушены, Эрикъ, всѣ! А теперь надо давать новыя клятвы! Срѣзаны твои золотыя кудри и срѣзаны не рукою Гудруды!..

XX.

Какъ Эрикъ получилъ новое прозвище.

Эрику снился сонъ, что передъ нимъ стоитъ Гудруда, печально говоря: «Дурно ты сдѣлалъ, Эрикъ, что усумнился во мнѣ, что нарушилъ данную мнѣ клятву. Теперь ты навлекъ позоръ на свою голову, и не смыть тебѣ этого стыда и позора во вѣкъ. Когда ты далъ Сванхильдѣ срѣзать свои кудри, мой духъ, всегда охранявшій тебя отъ зла, отлетѣлъ отъ тебя, предоставивъ тебя Сванхильдѣ».

Эрикъ проснулся; ему показался этотъ сонъ справедливымъ. Но онъ думалъ, что все, происходившее съ нимъ наканунѣ,

былъ только сонъ, пока, раскрывъ глаза, не увидѣлъ рядомъ съ собой Сванхильду, жену Атли. Тогда его охватилъ ужасъ и чувство такой ненависти къ этой женщинѣ, что, будь у него «Молніи-Свѣтъ», онъ, кажется, убилъ-бы ее. Но мечъ его остался на верху, въ теремѣ Сванхильды. Эрикъ громко застоналъ. Его стонъ разбудилъ Сванхильду, она повернулась къ нему лицомъ. Онъ же вскочилъ, какъ ужаленный, и сталъ проклинать ее и ея колдовство.

— Слушай, Эрикъ,—отвѣчала хитрая женщина, — все, что тутъ было, останется между нами, никто не узнаетъ о томъ. Атли старъ, и чуетъ мое сердце, что онъ долго не проживетъ. А такъ какъ мы бездѣтны, то и все герцогство и все наслѣдіе его перейдетъ ко мнѣ. Тогда ты займешь съ честью и почетомъ его мѣсто и открыто назовешься женихомъ его вдовы!

— Вѣрно,—проговорилъ ядовито Эрикъ,—что достаточно зла, чтобы убить своего мужа и господина. Но знай, что лучше я буду послѣднимъ нищимъ и буду ходить, побираясь, изъ двора во дворъ, чѣмъ сяду здѣсь рядомъ съ тобою на мѣсто бѣднаго Атли! Пусть лучше сгніютъ мои губы, чѣмъ коснутся еще разъ твоего лица; пусть съ корнемъ вырвутъ мой языкъ, и я буду нѣмъ на вѣкъ, чѣмъ онъ произнесетъ хоть одно слово любви тебѣ; пусть лучше вытекутъ мои глаза, и я буду слѣпъ до конца дней моихъ, чѣмъ взгляну хоть разъ по своей волѣ на твое мерзкое лицо. Проклинаю тебя за все прошлое и за настоящее и проклинаю тебя и впредь навсегда! Слышишь? А теперь прощай! Не дай намъ судьба больше встрѣчаться съ тобой ни живыми, ни мертвыми!

— Не такъ-то легко мы съ тобою разстанемся, Эрикъ!— крикнула Сванхильда, вскочивъ теперь, въ свою очередь, на ноги и заграждая ему дорогу.—Безумный, ты, видно, не знаешь, что нѣтъ врага ужаснѣе оскорбленной женщины! Развѣ затѣмъ я предалась колдовству, затѣмъ приняла позоръ, чтобы слышать отъ тебя одни проклятія?! Помни, что это лишь начало сказки.—Я допишу ее до конца кровавыми словами и буквами! Ты не забудешь меня!

— Не угрожай! Хуже того, что ты уже сдѣлала, ты г

можешь сдѣлать ничего!—сказалъ Эрикъ и съ этими словами вышелъ вонъ.

Съ минуту Сванхильда стояла, какъ окаменѣлая, затѣмъ, заломивъ руки, громко рыдала отъ отчаянія и злобы.

— И ради этого, я предала себя нечистой силѣ, ради этого стала колдуньей и лиходѣйкой! Нѣтъ, погоди, Эрикъ, если нѣтъ для меня отрады въ любви, то есть наслажденіе въ мести! Погоди, я разскажу Атли такую сказку, что увижу тебя мертвымъ у моихъ ногъ, да и Гудруду твою Прекрасную тоже. А тамъ пусть все сгинетъ и пропадетъ въ вѣчномъ мракѣ... Но мнѣ надо спѣшить, чтобы опередить Эрика; чтобы Атли услышалъ мою сказку раньше, чѣмъ Эрикъ успѣетъ покаяться ему во всемъ!

Между тѣмъ Эрикъ прошелъ въ теремъ Сванхильды, взялъ тамъ свой мечъ, препоясался имъ, надѣлъ шлемъ и броню и въ полномъ вооруженіи вышелъ во дворъ замка, сказавъ женщинамъ, работавшимъ на дворѣ, что онъ пойдетъ къ морю на то мѣсто берега, гдѣ разбилось его судно, что если Атли, вернувшись, спроситъ о немъ, то пусть скажутъ ему, гдѣ его найти. Такъ сказалъ Эрикъ, такъ какъ на это утро ожидали возвращенія Атли.

Придя къ тому мѣсту, куда его выкинуло бурей на берегъ, Эрикъ сѣлъ на скалу и сталъ смотрѣть вдаль на море. Его грызла тоска и мучилъ стыдъ.

Между тѣмъ. Сванхильда, призвавъ Колля Полоумнаго, долго тайно бесѣдовала съ нимъ. наконецъ, приказала, какъ только вернется Атли, призвать его къ ней. Когда Атли вернулся, то сейчасъ спросилъ объ Эрикѣ, но ему сказали, что онъ ушелъ изъ замка къ морю. Тогда Атли пошелъ къ женѣ и засталъ ее въ слезахъ и отчаяніи. Она разсказала ему, что хотѣла разсказать о поступкѣ Эрика, и разсказала такъ, какъ того хотѣла. Не повѣрилъ сначала старый Атли, но она призвала Колля въ свидѣтели. Тогда ярлъ повѣрилъ, побѣлѣвъ отъ гнѣва; вся кровь застыла въ немъ отъ сознанія своего позора. Вскипѣлъ онъ гнѣвомъ и призвавъ своихъ людей, отправился на берегъ. Но Скаллагриммъ пошелъ раньше его.

Эрикъ передалъ ему что было. Не могъ удержаться Скаллагримъ отъ упрека.

— Вотъ видишь, лучше было намъ оставаться въ Лондонѣ, какъ я тебѣ говорилъ! Ты бѣжалъ отъ огня и попалъ въ полымя!

— Правда твоя! Теперь хочу повидать Атли, поговорить съ нимъ и затѣмъ уйду отсюда навсегда!

— Уйдемъ вмѣстѣ! — угрюмо сказалъ Березаркъ. — Но остеръ-ли твой мечъ?

Вдругъ видитъ Эрикъ, что Атли идетъ къ нему и съ нимъ человѣкъ 10 изъ его людей. Герой поднялся къ нему навстрѣчу.

— Какъ видно, ярлу уже извѣстно объ этомъ дѣлѣ!—сказалъ Березаркъ.—Я это вижу по его лицу!

— Тѣмъ лучше,—отозвался Эрикъ,—мнѣ не надо будетъ разсказывать ему!

— Низкій обольститель беззащитныхъ женщинъ!—крикнулъ ему Атли,—Защищайся!—и онъ взмахнулъ мечемъ передъ глазами Эрика.

— Нѣтъ, Атли,—проговорилъ Эрикъ,—ты старъ, и я виноватъ передъ тобой, хотя и не знаю ничего о томъ, что ты сейчасъ сказалъ. Я не стану защищаться! Съ тобою десять человѣкъ твоихъ людей; пусть они нападутъ и убьютъ меня, противъ нихъ я готовъ защищаться, ты же отойди въ сторону!

— Нѣтъ,—крикнулъ ярлъ,—позоръ—мой, и я поклялся Сванхильдѣ смыть его твоей кровью. Слышишь, защищайся, если ты не трусъ и не низкій человѣкъ!

Эрикъ поневолѣ поднялъ свой мечъ и взялъ свой щитъ, Атли нанесъ ему ударъ со всего размаха обѣими руками. Эрикъ принялъ ударъ на щитъ и остался невредимъ, но самъ не возвратилъ удара.

Тогда Атли опустилъ свой мечъ.

— Я еще не дожилъ до того, чтобы убивать человѣка, который настолько слабодушенъ, что не можетъ отвѣчать ударомъ на ударъ! Возьмите вы, люди, свои колья и гоните этого труса къ берегу, къ тому мѣсту, гдѣ есть лодки, загоните его въ лодку и отпихните отъ берега!—и Атли повернулся спиной къ Эрику.

Такого посрамленія не могла вынести гордость Свѣтлоокаго. Вся кровь бросилась ему въ голову, и онъ сказалъ:

— Возьми свой щитъ и защищайся, ярлъ, если ужъ ты непремѣнно этого хочешь. Но пусть кровь твоя падетъ на тебя самого: не можетъ оставаться въ живыхъ человѣкъ, назвавшій Эрика низкимъ трусомъ!

Атли надменно засмѣялся и еще разъ занесъ мечъ на Эрика. Тотъ парировалъ ударъ «Молніи-Свѣтомъ» и затѣмъ самъ въ свою очередь нанесъ ударъ, одинъ только ударъ, но «Молніи-Свѣтъ» разсѣкъ щитъ и, отрубивъ руку, державшую щитъ, глубоко вонзился въ грудь стараго Атли. Пошатнулся ярлъ и безъ стона упалъ, обливаясь кровью, на скалы. А Эрикъ стоялъ, опершись на свой мечъ и смотря на него, и сердце его ныло отъ боли.

— Ну, Атли, ты самъ того хотѣлъ!—проговорилъ Эрикъ.— Мнѣ теперь стало еще хуже, чѣмъ было. Я исполнилъ твою волю, и вотъ что скажу тебѣ теперь: лучше-бы я убилъ своего отца, чѣмъ тебя, Атли! Все это дѣло рукъ Сванхильды! Клянусь въ этомъ тебѣ: не было моей воли причинить тебѣ обиду или огорченіе!

Атли взглянулъ въ печальное лицо Эрика и въ его ясные, правдивые глаза, и гнѣвъ его разомъ спалъ; все стало ясно старому ярлу.

— Эрикъ,—сказалъ онъ,—подойди ближе и разскажи мнѣ все, какъ было! Я начинаю думать теперь, что меня обманули, что ты не сдѣлалъ того, что сказала про тебя Сванхильда, а Колль засвидѣтельствовалъ!

— Что же они сказали тебѣ, Атли?—спросилъ Эрикъ. И Атли разсказалъ ему все.

— Никогда этого, Атли и въ мысляхъ моихъ не было, въ томъ я готовъ тебѣ поклясться!—и Эрикъ сообщилъ ярлу всю правду, безъ всякой утайки.

Атли громко застоналъ.

— Теперь я знаю, Эрикъ, что ты говоришь правду, и что она оболгала тебя. Я прощаю тебя, зная, что ни одинъ человѣкъ не можетъ бороться противъ женской хитрости, ковар-

ства и колдовства. Но, хотя ты согрѣшилъ и противъ твоей воли, да падетъ на тебя проклятіе за то, что ты нарушилъ свою клятву. Это проклятіе толкнетъ тебя въ могилу, и не уйдешь ты до самой смерти своей отъ Сванхильды: ты теперь связанъ съ нею на вѣкъ!

Атли смолкъ на время, затѣмъ продолжалъ уже слабѣющимъ голосомъ:

— Слушайте, товарищи,—обратился онъ къ своимъ людямъ,—поклянитесь мнѣ всѣ сейчасъ же, что вы дадите Эрику и Скаллагримму безпрепятственно уѣхать отсюда на одномъ изъ моихъ судовъ, которое я дарю Свѣтлоокому! Затѣмъ скажите Сванхильдѣ, дочери Гроа, колдуньи, что я проклинаю ее въ свой послѣдній часъ, зная, что она—моя убійца, что она опутала и оклеветала Эрика, котораго я прощаю. Клянитесь, что вы убьете Колля Полоумнаго, тралля Гроа, и что не будете искать кровавой мести за мою смерть противъ Эрика: я самъ вынудилъ его поднять на меня мечъ. Клянитесь!

— Клянемся!—отвѣтили всѣ.

— Теперь прощайте, товарищи, прощай и ты, Эрикъ Свѣтлоокій, но помни, что съ этого дня тебя будутъ звать не Свѣтлоокій, какъ до сихъ поръ, а «Эрикъ Несчастливый»: несчастнѣе тебя не будетъ человѣка! И много люди будутъ разсказывать о тебѣ, многіе годы будутъ пѣть скальды. На, возьми мою руку и держи ее въ своей, пока не закатится свѣтъ очей моихъ... Прощай!

Голова Атли упала на холодную скалу, и онъ умеръ. Послѣдніе лучи солнца погасли на небѣ; кругомъ все разомъ померкло.

XXI.

Какъ Холлъ изъ Литдаля принесъ вѣсти въ Исландію.

Въ ту самую ночь, когда Атли былъ убитъ Эрикомъ, Сванхильда вызвала Холля изъ его убѣжища и приказала ему по утру отправиться въ Исландію, чтобы тамъ разнести молву о проступкѣ Эрика, о томъ, какъ онъ убилъ опозореннаго имъ стараго Атли добросердечнаго, наконецъ, какъ онъ вскорѣ ста-

нетъ мужемъ Сванхильды. «Когда эти вѣсти дойдутъ до Гудруды Прекрасной и она призоветъ тебя,—добавила Сванхильда,—то ты повторишь это, затѣмъ передашь вотъ этотъ полотняный мѣшечекъ, прибавивъ, чтобы она вспомнила клятву, данную ей Эрикомъ во время его отъѣзда!—вслѣдъ затѣмъ Сванхильда одарила Холля, дала денегъ на путевыя издержки и прибавляя, что вскорѣ и сама пріѣдетъ въ Исландію—узнаетъ, хорошо-ли онъ исполнилъ ея порученіе.

Послушный Холль уѣхалъ и все сдѣлалъ по желанію своей госпожи.

Между тѣмъ Эрикъ, увидѣвъ, что слуги Атли унесли тѣло его въ замокъ, въ раздумьи сталъ спрашивать у своего вѣрнаго товарища, что теперь дѣлать. Наконецъ, онъ рѣшилъ переправиться на острова Фарей и пробыть тамъ, пока не настанетъ время, и не встрѣтится случай вернуться въ Исландію. Теперь время его изгнанія близилось уже къ концу.

Такъ и сдѣлали, но на этотъ разъ Скаллагриммъ и Эрикъ поселились не въ княжескомъ замкѣ, а въ хижинѣ одного поселянина: князь этой страны, услыхавъ о проступкѣ Эрика и будучи другомъ покойнаго гнѣвался на того, тѣмъ болѣе, что онъ былъ теперь человѣкъ бѣдный, не имѣлъ ни судна, ни имущества, ни своихъ людей.

Друзья пробыли съ мѣсяцъ на Фарерскихъ островахъ, затѣмъ сѣли на проходившее судно, направлявшееся въ Исландію, заплативъ за свой проѣздъ однимъ изъ золотыхъ обручей, которыми наградилъ Эрика король англійскій.

А въ замкѣ Атли происходила печальная церемонія: Сванхильда вышла навстрѣчу покойнику и горько плакала надъ нимъ. Когда-же старшій изъ свиты Атли передалъ ей послѣднія слова ярла, притворщица сказала:—Господинъ мой и супругъ былъ не въ памяти отъ потери крови, когда говорилъ это, напротивъ, все, что я сказала ему, была правда, а этотъ Эрикъ налгалъ ему, чтобы опозорить меня еще больше!

Затѣмъ, помня клятву, которою они дали своему господину, люди Атли погнались за Коллемъ Полоумнымъ, чтобы убить его, но тотъ бѣжалъ отъ нихъ; и до того былъ великъ страхъ

«Всю ночь Гудруда просидѣла на своемъ брачномъ мѣстѣ»...
(къ стр 130).

его передъ мечами, что онъ бросился внизъ съ обрыва и разбился о скалы, въ жестокихъ мукахъ испустивъ последній вздохъ на глазахъ своихъ преслѣдователей.

Такъ покончилъ свою жизнь Колль Полоумный, тралль колдуньи Гроа.

Шесть недѣль Сванхильда просидѣла на Страумей, принимая въ свои руки наслѣдіе Атли. Затѣмъ снарядила военный корабль, нагрузила его всякимъ добромъ и, посадивъ намѣстниковъ на время своего отсутствія въ Оркнейскихъ островахъ, отправилась въ Исландію, какъ бы для того, чтобы возбудить тамъ дѣло о преслѣдованіи и кровавой мести Эрику за убійство Атли. Она прибыла въ Исландію. какъ разъ въ то время, когда всѣ съѣзжались на Альтингъ.

Между тѣмъ Холль давно уже пріѣхалъ въ Исландію и повсюду распускалъ слухи объ Эрикѣ такъ, какъ ему наказала Сванхильда. Дошли эти слухи и до Бьерна, Асмундова сына, онъ призвалъ къ себѣ Холля и, поразспросивъ его, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ сестрѣ своей Гудрудѣ, которая въ это время сидѣла у окна за прялкой.

— Вотъ, сестрица, человѣкъ, который привезъ вѣсти объ Эрикѣ Свѣтлоокомъ, разспроси его сама! — проговорилъ Бьернъ.

— Не добрыя у меня вѣсти, госпожа, —сказалъ Холль,— нѣтъ охоты и сказывать ихъ тебѣ! — Гудруда стала настаивать.

Тогда Холь передалъ, какъ «Гудруда» разбилась у Страумей, и какъ Эрикъ цѣлую зиму сидѣлъ тамъ въ замкѣ стараго Атли, наконецъ, сталъ возлюбленнымъ Сванхильды, объ этомъ узналъ Атли и вызвалъ оскорбителя на поединокъ, но Эрикъ убилъ его.

— Что-же,—проговорила Гудруда, — все это можетъ быть: Сванхильда красива и притомъ колдунья; очень возможно, что она вовлекла Эрика въ свои сѣти и навлекла на него бѣду. Но дурно, что Эрикъ поднялъ мечъ на Атли, хотя, быть можетъ, онъ былъ вынужденъ къ тому необходимостью—защищать свою жизнь!

Затѣмъ Холль сообщилъ, что видѣлъ Сванхильду передъ

самымъ своимъ отъѣздомъ въ Исландію, и она сказала ему, что вскорѣ станетъ женою Эрика, и что Эрикъ будетъ вмѣстѣ съ нею управлять Оркнейскими островами.

— И это весь твой сказъ?—спросила Гудруда.

— Да, весь! Да вотъ еще это поручила мнѣ Сванхильда передать тебѣ, напомнивъ при этомъ одну клятву Эрика, когда онъ прощался съ тобою!—И Холь, доставъ изъ-за пазухи холщевый мѣшочекъ, передалъ его Гудрудѣ.

Та не сразу рѣшилась развязать его, но когда развязала, и на колѣни ей выпала прядь золотистыхъ кудрей Эрика, она сразу узнала ихъ, но все-же спросила:

— Чьи это волосы?

— Это волосы Эрика Свѣтлоокаго, которыя обрѣзала ему Сванхильда его славнымъ мечемъ Молніи-Свѣтомъ!—тогда Гудруда достала у себя на груди маленькую ладонку, вынула изъ нея другую прядь золотыхъ кудрей и сравнила обѣ пряди между собой.

Въ горницѣ горѣлъ огонь на очагѣ; день былъ холодный. Не сказавъ ни слова болѣе, Гудруда подошла къ огню и, подержавъ надъ нимъ съ минуту обѣ пряди, бросила ихъ на огонь, затѣмъ вдругъ громко вскрикнула и, заломивъ руки, выбѣжала изъ горницы.

— Знаешь, Холль,—замѣтилъ тогда Бьернъ послу,—лучше тебѣ убраться отсюда: вѣдь, если ты сказалъ хоть одно слово лжи, то тебѣ не быть живому, когда Эрикъ вернется въ Исландію!

Холль вспомнилъ Скаллагримма, и морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ: онъ зналъ, что тотъ шутить не любитъ.

Въ тотъ же день Гудруда заявила своему брату, что если есть его желаніе, чтобы она стала женою Оспакара, то пусть онъ призоветъ его въ Миддальгофъ, когда станутъ разъѣзжаться съ собранія; что тогда онъ уѣдетъ не одинъ отсюда.

Обрадованный Бьернъ обѣщалъ все исполнить по желанію сестры.

*

XXII.

Какъ Эрикъ Свѣтлоокій вернулся на родину.

Сванхильда благополучно прибыла въ Исландію, но пристала не у Вестманскихъ острововъ, а у Рейянессъ, и отправилась прямо туда, гдѣ люди всѣ съѣхались на собраніе, причемъ нарядилась въ лучшій уборъ, дѣлавшій ее еще прекраснѣе. На собраніи она обратилась къ Оспакару съ просьбой оказать содѣйствіе въ судебномъ дѣлѣ, которое она намѣревалась возбудить противъ Эрика, за убійство супруга ея, ярла Атли Добросердечнаго.

Дѣло ея взялъ на себя сынъ Оспакара, Гизуръ, законникъ, искуснѣе котораго не было въ Исландіи. Тотъ, какъ увидѣлъ ее, не могъ отвести глазъ съ ея лица и согласился сдѣлать для нее все, что она хотѣла. А она хотѣла, чтобы Эрика объявили внѣ закона, а земли и имущество его раздѣлили между нею и его поселянами. Послѣ этого возвратилась она въ свою стоянку, и на сердцѣ у нея было весело.

На собраніи всѣхъ свободныхъ людей Исландіи Гизуръ выставилъ обвиненіе противъ Эрика и, благодаря своему краснорѣчію и многочисленнымъ сторонникамъ Оспакара, Эрика осудили заочно, вопреки законамъ, безъ защитника, не выслушавъ оправданій. Его объявили снова внѣ закона, но уже на вѣчныя времена, а земли подѣлили и отдали половину Сванхильдѣ, а половину поселянамъ, жившимъ на его землѣ.

Когда стали разъѣзжаться съ Алльтинга, поѣхали Бьернъ, Оспакаръ и Гизуръ со всѣми своими людьми въ Миддальгофъ. Сванхильда же сѣла на свой корабль и моремъ отправилась къ Вестманскимъ островамъ, а оттуда хотѣла проѣхать на Кольдбэкъ и водвориться тамъ, пока не вернется Эрикъ въ Исландію: она хотѣла посмотрѣть, что тогда будетъ.

Оспакаръ между тѣмъ пріѣхалъ въ Миддальгофъ, гдѣ его встрѣтила Гудруда, гордая и блѣдная; холоденъ, хотя и вѣжливъ, былъ привѣтъ ея.

Въ тотъ день въ Миддальгофѣ былъ большой пиръ. Во время его Гудрудѣ разсказали, какъ осудили Эрика.

Дѣвушка замѣтила:

— Дурное это дѣло—судить человѣка за глаза и не по закону!

— Да, вѣдь, и ты, сестра, осудила его за глаза!—шепнулъ ей на это Бьернъ,—и слова эти глубоко запали ей въ сердце; въ душѣ дѣвушки въ первый разъ проснулось подозрѣніе, что не такъ, быть можетъ, виноватъ передъ нею Эрикъ, какъ ей это казалось раньше. Она сообразила, что осудили его по требованію Сванхильды, вдовы Атли. Но, если Эрикъ долженъ вскорѣ стать ея мужемъ, то зачѣмъ было ей возбуждать противъ него дѣло, зачѣмъ позорить его и объявлять всѣмъ, что онъ станетъ вскорѣ ея мужемъ? Но теперь уже было поздно; Гудруда дала слово Оспакару, и черезъ три дня назначено было свадебное торжество.

На другой день сидѣла Гудруда въ своей свѣтлицѣ, раздумывая объ Эрикѣ, какъ ей сказали, что пришла Савунна, мать Эрика. Послѣдняя послѣ смерти Унны и Асмунда снова поселилась у себя на Кольдбэкѣ, но, ослѣпнувъ съ горя, не вставала уже съ постели. По всему было видно, что конецъ ея былъ близокъ. Поэтому Гудруда не мало удивилась, когда услышала объ ея приходѣ.

Старуху принесли четверо людей на креслѣ и внесли въ горницу Гудруды. Савуна заговорила:

— Слышу я, Гудруда, что ты отвергла сына моего Эрика Свѣтлоокаго и отвергла потому, что слышала о немъ отъ Холля. Но этотъ Холль—лжецъ и съ ранняго дѣтства былъ лжецомъ. Я встала съ одра смерти и пришла къ тебѣ, чтобы сказать тебѣ: «безумна всякая женщина, которая идетъ замужъ за нелюбимаго человѣка. Изъ этого можетъ только произойти горе и зло для нея и для другихъ». Я знаю Эрика отъ рожденья, я вскормила, воспитала и вырастила его и клянусь, ничего безчестнаго и подлаго онъ не могъ сдѣлать, и любитъ онъ тебя сейчасъ, какъ любилъ раньше, Сванхильду же ты сама знаешь; быть можетъ, она сгубила его, околдовала, опоила своей злою силой; вспомни ея дѣла, вспомни дѣла ея матери,

что сдѣлала она съ твоимъ отцомъ и съ моей родственницей Унной?! Повѣрь, дочь сдѣлаетъ хуже матери: она такая же колдунья, какъ была ея мать. Неужели ты хочешь оттолкнуть Эрика, даже не давъ ему оправдаться?

— У меня есть доказательство того, что Эрикъ самъ отказался отъ меня!—отвѣчала поблѣднѣвшая дѣвушка.

— Тебѣ такъ думается, дитя, но вѣрь мнѣ, ты ошибаешься; тебя ввели въ заблужденіе!

— О, если бы я только могла повѣрить Эрику, я-бы скорѣе наложила на себя руки, чѣмъ стала женою Оспакара!..— И Гудруда громко зарыдала.—Да, теперь уже все равно поздно! Что сдѣлано, то сдѣлано: женихъ въ сосѣдней горницѣ, невѣста ожидаетъ его въ своей свѣтлицѣ,—и нѣтъ у меня больше надежды быть спасенной отъ Оспакара!

— Да, что сдѣлано, то сдѣлано, но изъ всего этого можетъ ничего не выдти. Безумная, подъ вліяніемъ ревности, ты готова отдаться человѣку, который внушаетъ тебѣ одно отвращеніе. Одумайся, что можетъ изъ этого выйти! Прощай! Это мои прощальныя слова. Эрикъ вернется, и много крови прольется. Твой брачный пиръ будетъ ужаснѣе и кровавѣе брачнаго пира отца твоего Асмунда и родственницы моей Унны! Эй, люди, унесите меня отсюда!

Вошли керли (слуги) Савуны и подняли ея кресло на плечи. Но когда выходили они, то столкнулись съ Бьерномъ и Оспакаромъ. Тѣ спросили старуху, зачѣмъ она явилась сюда, и почему Гудруда рыдаетъ.

— Потому,—отвѣчала Савуна,—что ее, невѣсту моего Эрика Свѣтлоокаго, продали въ жены Оспакару, какъ продаютъ скотину на базарѣ. Но Эрикъ идетъ, онъ скоро будетъ здѣсь, и прольется кровь! Я уже вижу, что мечъ Эрика сверкнулъ въ воздухѣ! Эрикъ идетъ!—воскликнула она еще разъ, указывая рукой на входъ и съ пронзительнымъ крикомъ запрокинулась въ своемъ креслѣ и умерла.

Всѣ стояли вокругъ носилокъ, пораженные и изумленные.

— Странныя слова произнесла эта женщина! — сказалъ, оправившись, Бьернъ.

— Старая вѣдьма,—проскрежеталъ Оспакаръ. — Унесите эту падаль отсюда!—крикнулъ онъ ея слугамъ; люди привязали мертвую Савуну веревками къ креслу и понесли ее обратно на Кольдбэкъ. Но Сванхильда была уже тамъ со всѣми своими людьми и прогнала всѣхъ домашнихъ его и слугъ его въ горы; осталась на Кольдбэкѣ одна только древняя старушка, бывшая нянькой Эрика. Она была слишкомъ стара и не могла двинуться съ мѣста. Едва доплелась она до сторожки и сѣла тамъ въ сѣняхъ; когда принесли слуги тѣло умершей Савуны, то внесли его въ эту сторожку, поставили въ сѣняхъ, гдѣ сидѣла въ углу на полу старушка, и разсказали ей обо всемъ, что случилось въ Миддальгофѣ.

Прошелъ день, затѣмъ ночь. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, Эрикъ Свѣтлоокій и Скаллагриммъ, Овечій хвостъ, благополучно высадились у Вестманскихъ острововъ. Это былъ день свадьбы Гудруды Прекрасной. Всѣ ушли на свадебный пиръ и въ окрестныхъ хатахъ не было ни души.

— Куда же мы теперь, государь?—спросилъ Скаллагриммъ Эрика.

— Прежде всего поѣдемъ на Кольдбэкъ, чтобы я могъ обнять и поцѣловать мать, если только она жива еще!

И они зашли въ одну хату, чтобы нанять коней, но въ хатѣ не было никого, а кони гуляли въ загонѣ; тутъ же, въ сторожкѣ, лежали уздечки и сѣдла. Друзья изловили коней, осѣдлали ихъ и поѣхали на Кольдбэкъ, что надъ болотомъ. Подъѣзжая, они увидѣли издали, какъ изъ воротъ выѣзжалъ длинный поѣздъ, и среди всѣхъ этихъ конныхъ была женщина въ богатомъ пурпурномъ плащѣ. Но ни Эрикъ, ни его другъ, не могли придумать, что бы это значило.

Поѣхали они дальше, пріѣхали въ самую усадьбу, но и здѣсь не было ни души, будто все вымерло. Эрикъ, соскочивъ съ коня, крупными шагами вошелъ въ большую горницу, но и здѣсь не было никого, чтобы привѣтствовать его возвращеніе, хотя на очагѣ еще горѣлъ огонь, и на столахъ были пища и питье. Но вотъ, изъ угла выползъ старый волкодавъ; крадучись, приблизился онъ къ Эрику, недовѣрчиво ворча, но

затѣмъ, узнавъ, сталъ лизать ему руки, затѣмъ, жалобно воя и виляя хвостомъ, поплелся къ выходу, послѣ чэрезъ дворъ къ сторожкѣ. Наконецъ, остановившись передъ дверью, сталъ скрестись и жалобно, протяжно выть. Эрикъ пошелъ за собакой и распахнулъ дверь.

Передъ нимъ сидѣла мать его Савуна, мертвая въ своемъ креслѣ, а у ея ногъ ежилась на полу старая служанка, жалобно причитая.

Эрикъ ухватился за притолку, чтобы не упасть. Его громадная тѣнь упала на мертвое лицо матери его и на старую служанку у ея ногъ.

XXIII.

Какъ Эрикъ пожаловалъ въ гости на свадебный пиръ Гудруды Прекрасной и Оспакара Чернозуба.

Долго стоялъ Эрикъ, неподвижно глядя на мать и не проронивъ ни слова.

— Кто ты такой, злой или добрый человѣкъ?—бормотала служанка, не подымая головы и не глядя на вошедшаго.— Если ты одинъ изъ людей Сванхильды и хочешь выгнать меня отсюда, то сжалься: я стара и слаба, мои ноги не могутъ держать меня, я не могу уйти въ горы, какъ остальные, не могу оставить и здѣсь одну мою добрую госпожу!.. Если хочешь, убей меня, но не гони... Если же ты добрый человѣкъ, то помоги мнѣ схоронить ее: мои старыя руки не могутъ вырыть ей могилы, моей силы не хватитъ донести ее до нея.. помоги мнѣ!.. Ты молчишь, не хочешь помочь мнѣ? Такъ пусть же и твоя родная мать останется безъ погребенія, пусть волки растаскаютъ ея кости, вороны выклюютъ ей глаза... О, если-бы только вернулся Эрикъ Свѣтлоокій!

Громкое рыданіе вырвалось теперь изъ груди Эрика, и онъ воскликнулъ:

— Няня! Няня! Неужели ты не узнаешь меня? Вѣдь, я— Эрикъ Свѣтлоокій!

Старуха съ громкимъ крикомъ кинулась къ нему и, обхва-

тивъ его колѣни, стала всматриваться въ лицо затуманеными слезой глазами.

— Прославленъ будь одинъ Богъ, что ты вернулся, Свѣтлоокій, но вернулся ты слишкомъ поздно! Всѣ бѣды случились безъ тебя, и некому было вступиться за тебя. Тебя осудили, земли отобрали, даже домъ, объявивъ тебя внѣ закона, по жалобѣ Сванхильды, вдовы Атли. Она поселилась здѣсь, на Кольдбекѣ, въ твоемъ домѣ, выгнавъ всѣхъ вѣрныхъ твоихъ слугъ. Савуна, мать твоя, умерла два дня назадъ въ Миддальгофѣ, куда приказала снести себя, поднявшись со своего смертнаго ложа, чтобы поговорить съ Гудрудой и заступиться передъ ней за тебя!

— Ты говоришь, Гудруда!—Что съ Гудрудой?

— Сегодня ея свадьба съ Оспакаромъ Чернозубомъ!

— Сегодня? Въ какое время?

— Въ часъ по полудни; Сванхильда уже отправилась туда со всѣми своими людьми!

— Хмъ! Тогда найдется мѣсто и еще одному гостю!—сказалъ Эрикъ.

— И даже двумъ гостямъ!—поправилъ его Скаллагриммъ, стоявшій за его спиной.—Гдѣ ты, государь, тамъ и я!

— Теперь разскажи мнѣ, няня, все, что ты знаешь!—и старуха разсказала своему питомцу о молвѣ, распущенной Холлемъ, какъ онъ обманулъ Гудруду, и какъ Сванхильда затѣяла судебное дѣло противъ него, какъ осудили его, и какъ Гудруда помолвилась съ Оспакаромъ.

Выслушавъ все до конца, Эрикъ подошелъ къ тѣлу матери и, поцѣловавъ ея уже охолодѣвшій лобъ, голосомъ, дрогнувшимъ отъ волненія, произнесъ:

— Прости меня, родная, сейчасъ нѣтъ времени схоронить тебя, но не здѣсь ты будешь сидѣть, а на болѣе почетномъ мѣстѣ!—Съ этими словами онъ перерѣзалъ своимъ мечемъ веревки, которыми была привязана къ креслу Савуна, и, взявъ осторожно тѣло на руки, съ любовнымъ благоговѣніемъ отнесъ его въ большую горницу дома, гдѣ посадилъ на высокое сѣдалище.

— Если не хочешь опоздать въ Миддальгофъ, то намъ надо спѣшить,—замѣтилъ ему тутъ Скаллогриммъ,—вотъ тутъ пища и питье, поѣдимъ: намъ силы нужны будутъ тамъ. А тамъ и въ путь!

Эрикъ послушался разумнаго совѣта, а отдохнувъ, сказалъ служанкѣ:

— Слушай, няня! Если, когда мы уѣдемъ, придетъ сюда кто нибудь изъ нашихъ людей, которые еще помнятъ меня, то скажи имъ, что я завтра по утру, если останусь живъ, буду у подножья Мшистыхъ скалъ, и тамъ они найдутъ меня: пусть идутъ туда и принесутъ съ собой пищи и запасовъ разныхъ. А теперь прощай!—Эрикъ поцѣловалъ ее и уѣхалъ, оставивъ ее въ слезахъ.

Не прошло часа послѣ его отъѣзда, какъ Іонъ, тралль Эрика, остававшійся въ Исландіи и бѣжавшій въ горы отъ людей Сванхильды, крадучись, вернулся на Кольдбэкъ и заглянулъ въ двери дома, но, увидѣвъ, что никого нѣтъ, вошелъ въ домъ. Старая нянька передала ему слова Эрика, Іонъ побѣжалъ обратно въ горы сообщить другимъ, что слышалъ отъ старухи. Они собрали пищи и всякихъ запасовъ и пошли всѣ къ Мосфеллю къ Мшистой скалѣ, какъ сказалъ имъ Эрикъ: всѣ они любили его и были рады его возвращенію въ Исландію.

Въ это время Оспакаръ Чернозубъ сидѣлъ въ большой горницѣ замка въ Миддальгофѣ, въ полномъ вооруженіи, въ кольчугѣ, бронѣ и черномъ шлемѣ съ вороновымъ крыломъ. Слова не шли ему на языкъ: предсмертная рѣчь Савуны запала ему въ душу, и страхъ томилъ его. Подлѣ него сидѣла Гудруда Прекрасная въ бѣломъ одѣяніи, съ золотымъ поясомъ и золотыми застежками на груди, съ золотыми обручами на рукахъ. Лицо ея было бѣлѣе самаго одѣянія; она смотрѣла съ омерзѣніемъ на своего жениха.

Одни за другими пріѣзжали гости; прибыла и Сванхильда и, подойдя къ высокому мѣсту, гдѣ возсѣдала Гудруда, преклонивъ передъ ней колѣно, какъ это водится, привѣтствовала ее.

— Привѣтъ тебѣ, сестрица! Когда мы здѣсь въ послѣдній разъ видѣлись съ тобой, я сидѣла на этомъ мѣстѣ невѣстой

стараго Атли, а твою руку держалъ въ своей нарѣченный женихъ Эрикъ Свѣтлоокій. Теперь-же ты сидишь здѣсь невѣстой Оспакара, врага и ненавистника Эрика, а Свѣтлоокій далеко и не думаетъ о тебѣ... Неужели у тебя нѣтъ ни слова привѣта для меня, которая своими руками создала это твое счастье? Ты молчишь? Вѣдь это я избавила тебя отъ Эрика! Я толкнула тебя въ объятія Оспакара, и ты не находишь для меня ни одного слова благодарности за такую услугу?

— Ты здѣсь противъ моего желанія, дочь колдуньи Гроа, и будь на то моя воля, не хотѣла-бы я никогда видѣть твоего лица!

— Вѣрю тебѣ, но лицо Эрика ты хотѣла-бы видѣть. Да онъ хорошъ!—и Сванхильда со смѣхомъ отошла въ сторону.

Начался пиръ. Чаши стали обходить мужчинъ; всѣ пили много и были веселы, только Гудруда, какъ сквозь туманъ, видѣла пирующихъ гостей. Настало время и для свадебныхъ кубковъ. Еще минута,—и Гудруда станетъ женою Оспакара, произнесетъ надъ кубкомъ свою клятву,—и тогда все кончено! Сердце Гудруды на мгновеніе какъ-бы замерло и перестало биться.

Между тѣмъ Оспакаръ уже произнесъ свою клятву вѣрности женѣ и свои обѣты, затѣмъ отпивъ изъ кубка добрую половину, обернулся къ невѣстѣ, чтобы поцѣловать ее. Но та невольно отшатнулась. Вдругъ ей послышался гдѣ-то знакомый голосъ, съ чашей въ рукѣ Гудруда подалась впередъ и вдругъ громко вскрикнула, указавъ рукой на дверь; свадебная чаша выпала у нея изъ рукъ и покатилась внизъ со ступеней, вино разлилось на ковры и шкуры.

Всѣ съ удивленіемъ увидѣли въ дверяхъ человѣка, сіявшаго, какъ солнце, безподобной красоты; сіялъ золотой шлемъ его съ золотыми крыльями, сіяли золотыя кудри его, ниспадая густою волной до пояса. Въ одной рукѣ онъ держалъ большой мѣдный щитъ съ остріемъ, въ другой длинное копье. Рядомъ съ нимъ стоялъ другой витязь, съ широкимъ бердышемъ, въ вороненой, черной кольчугѣ и шлемѣ, ростомъ немногимъ меньше, съ орлинымъ носомъ и зоркими ястребиными глазами, съ черною бородой, въ которой пробивалась кое-гдѣ сѣдина.

— Видите,—послышалось въ толпѣ,—вотъ сами боги Бальдуръ и Торъ! Они спустились изъ Валгаллы почтить своимъ присутствіемъ этотъ брачный пиръ!

— Видите!—раздался мощный звучный голосъ,—Вотъ пришли Эрикъ Свѣтлоокій и Скаллагриммъ Березаркъ изъ за морей почтить своимъ присутствіемъ этотъ пиръ!

— Худшихъ гостей я не могъ ожидать! —пробормоталъ про себя Бьернъ и всталъ, чтобы приказать слугамъ выгнать непрошенныхъ гостей. Но не успѣлъ онъ раскрыть рта, какъ оба эти витязя бокъ-о-бокъ уже стояли у нижней ступенки почетныхъ сѣдалищъ. Ихъ лица были холодны и свирѣпы.

— Я вижу здѣсь не мало знакомыхъ лицъ! — началъ Эрикъ.—Привѣтствую васъ, друзья и товарищи!

— Привѣтствуемъ тебя, Свѣтлоокій!—отозвались люди Миддальгофа и люди Сванхильды; только карли Оспакара молчали, готовя оружіе.

— Привѣтъ тебѣ, Бьернъ, сынъ Асмунда жреца, и тебѣ прекрасная невѣста, тебѣ, лжецъ Холль, тебѣ колдуньино отродье, Сванхильда, хотя ты и не стоишь моего привѣта!

— Я не хочу привѣта посрамленнаго человѣка, объявленнаго внѣ закона, уходи отсюда вмѣстѣ съ вѣрнымъ псомъ твоимъ,—уходите, пока вы не остались здѣсь на мѣстѣ нѣмы и недвижимы!—сказалъ Бьернъ.

— Не шуми такъ, крыса, не то ты испытаешь на себѣ песьи зубы!—проговорилъ Скаллагриммъ, а Эрикъ прибавилъ:

— Не спѣши, Бьернъ, придется тебѣ погодить немного! Я долженъ держать рѣчь и, быть можетъ, упадетъ мертвымъ не одинъ человѣкъ прежде, чѣмъ я покину этотъ замокъ!

XXIV.

Какъ продолжался пиръ.

— Прогоните его отсюда!—кричалъ Бьернъ.

— Нѣтъ, заколите его! Вѣдь онъ внѣ закона!—кричалъ Оспакаръ.

— Пусть Эрикъ скажетъ свое слово!—вмѣшалась Гудруда,

его судили въ его отсутствіи, не выслушавъ его оправданій, и я хочу, чтобы онъ сказалъ свое слово!

— Какое тебѣ дѣло до Эрика, женщина?—прорычалъ Чернозубъ.

— Свадебная чаша мной еще не испита, государь!—отвѣтила Гудруда.

— Къ тебѣ первой обращу я свое слово,—началъ Эрикъ, обращаясь къ Гудрудѣ Прекрасной,—скажи мнѣ, какъ это случилось, что, будучи моей невѣстой, ты здѣсь сидишь невѣстой Оспакара Чернозуба?

— Спроси о томъ Сванхильду и Холля, который принесъ мнѣ ея даръ, прядь твоихъ волосъ!

— Скажи мнѣ, что онъ говорилъ тебѣ! — продолжалъ Эрикъ,—и дѣвушка пересказала ему все:

— Такъ сколько-же тутъ правды, Сванхильда?

— Ты самъ знаешь!—уклончиво отвѣтила Сванхильда.— А Холлю я никакихъ порученій не давала!

— Выступи впередъ, Холль, и если хочешь быть живъ, скажи сейчасъ передъ всѣми людьми всю правду!

Дрожа подъ угрожающимъ взглядомъ Скаллагримма, Холль выступилъ впередъ и пересказалъ все, какъ было, сознавшись, что Сванхильда деньгами и подарками подкупила его.

— Ты лжешь, лиса!—крикнула Сванхильда.—Лжешь!—Но никто не обратилъ вниманія на ея слова: глаза всѣхъ были обращены на Эрика.

— Теперь скажите мнѣ, люди, есть-ли на то ваша воля, чтобы я сказалъ вамъ, съ своей стороны, все, какъ было?— спросилъ Эрикъ, обращаясь къ собранію.

Всѣ закричали:—«Да! да! говори»!—Только люди Оспакара молчали.

— Говори!—сказала Гудруда.

И Свѣтлоокій разсказалъ все, какъ было. Въ толпѣ послышался ропотъ; всѣ гнѣвно смотрѣли на Сванхильду, а та старалась только укрыться отъ глазъ, злобно теребя свою пурпурную мантію.—Ну, а теперь, Гудруда, когда все тебѣ извѣстно, скажи мнѣ, хочешь-ли ты быть женою Оспакара?—продолжалъ Эрикъ.

Но не успѣла та отвѣтить, какъ Чернозубъ вскочилъ въ бѣшенствѣ и, ухватившись рукой за мечъ, закричалъ:

— Какъ ты смѣешь, гы стоящій внѣ закона, отбивать у меня мою голубку! Знаешь-ли, что за одно это я отдамъ тебя въ пищу воронамъ?! Пока я живъ, Гудруда никогда не станетъ женою безземельнаго бродяги бездомнаго и посрамленнаго человѣка, который объявленъ внѣ закона. Убирайся отсюда, Эрикъ, вмѣстѣ съ твоимъ псомъ волкодавомъ!

— Тише, крыса, не пищи такъ громко, не то, смотри, испытаешь на себѣ песьи зубы! — сказалъ ему Скаллагриммъ.

— Эй, люди! Убейте его!—вричалъ Чернозубъ, побагровѣвъ отъ бѣшенства.

— Трусъ,—воскликнулъ Эрикъ.—Гудруда, можешь-ли ты уважать такого человѣка?

—- Я не буду женою человѣка, котораго назвали при всѣхъ людяхъ трусомъ и который въ отвѣтъ на это не поднялъ меча!— отвѣчала на это невѣста.

Этого Оспакаръ не могъ уже стерпѣть; какъ медвѣдь изъ своей берлоги, спустился онъ съ своего сидѣнія и устремился на Эрика. Полъ дрожалъ подъ его шагами.

— Сторонитесь! Сторонитесь! — крикнулъ Скаллагримъ. — Теперь будетъ, на что посмотрѣть!

Не успѣлъ онъ договорить, какъ въ воздухѣ засверкали мечи. Но вотъ Оспакаръ снесъ половину щита Эрика, а тотъ изловчился, въ свою очередь, ударилъ со всего размаха и раздробилъ щитъ Оспакара. Ударъ былъ такъ силенъ, что Чернозубъ пошатнулся, попятился нѣсколько шаговъ и грузно упалъ на полъ. Всѣ закричали: «Эрикъ! Эрикъ!»,—думая, что Оспакаръ уже не подымется. Эрикъ съ громкимъ крикомъ кинулся впередъ, но въ этотъ моментъ Сванхильда, блѣдная и дрожащая, шепнула что-то Бьерну, стоявшему подлѣ нея, и тотъ ногой толкнулъ лежавшій у его ногъ осколокъ мѣднаго щита Эрика, такъ что тотъ попалъ подъ ноги Эрику,—и последній, поскользнувшись, упалъ лицомъ внизъ, при чемъ мечъ выскользнулъ у него изъ рукъ. Оспакаръ, воспользовался этимъ,

съ громкимъ, торжествующимъ крикомъ схвативъ его и отшвырнувъ свой собственный мечъ.

При этомъ случилось страшное дѣло:—описавъ нѣсколько круговъ въ воздухѣ, мечъ Оспакара прорвалъ завѣсу въ дальнемъ углу большой горницы и вонзился прямо въ грудь скрывавшейся за нею женщинѣ. А это была Торунна, невѣрная жена Скаллагримма, возлюбленная Оспакара. Она послѣдовала сюда за своимъ господиномъ, чтобы незамѣтно присутствовать на его брачномъ пирѣ и пріютилась въ дальнемъ концѣ свадебныхъ столовъ. Когда-же здѣсь появился Скаллагримъ, она, опасаясь его мести, притаилась за завѣсой и изъ-за нея слѣдила за поединкомъ, и вотъ случайно отброшенный мечъ пронзилъ ея сердце; съ слабымъ стономъ она упала и умерла отъ руки своего возлюбленнаго.

Оспакаръ, овладѣвъ мечемъ Молніи-Свѣтъ, надменно закричалъ:

— Ты безоруженъ теперь, Эрикъ, бѣги!

— Нѣтъ, Эрикъ, не бѣги! Нападай! У тебя есть еще половина щита!—громовымъ голосомъ проговорилъ Скаллагриммъ.— Не бѣда, что Бьернъ подставилъ тебѣ ловушку. Эрикъ, нападай!

Оспакаръ устремился на Свѣтлоокаго съ высоко занесеннымъ надъ головой мечемъ, но Эрикъ принялъ ударъ на свой обломокъ щита и съ громкимъ крикомъ ринулся впередъ.

Прежде, чѣмъ Оспакаръ успѣлъ нанести ему новый ударъ мечемъ, герой со всей силы ударилъ его остріемъ своего разбитаго щита прямо въ лицо.

Еще разъ поднялся и блеснулъ въ воздухѣ Молніи-Свѣтъ, еще разъ увернулся отъ него Эрикъ и снова налетѣлъ на врага, и на этотъ разъ ударъ острія его щита былъ такъ силенъ, что раскололъ шлемъ Чернозуба, и вмѣстѣ съ нимъ и его черепъ; широко раскинувъ руки, гигантъ тяжело рухнулъ на землю.

Тогда Эрикъ наступилъ ему на грудь, и наклонившись, взялъ Молніи-Свѣтъ изъ его рукъ.

XXV.

Какъ кончился пиръ.

Съ минуту царило гробовое молчаніе; люди не вѣрили своимъ глазамъ.

— Что вы разинули рты, товарищи!—крикнулъ Скаллагримъ.—Оспакаръ мертвъ! Убитъ безоружнымъ человѣкомъ! Смотрите, Эрикъ Свѣтлоокій уложилъ на мѣстѣ Оспакара Чернозуба!

И, подобно раскату грома, прозвучало подъ сводами замка дружное привѣтствіе побѣдителю.

Гудруда же, услышавъ, что Оспакаръ убитъ, радостно сошла съ своего высокаго мѣста и, приблизившись къ Эрику, все еще неподвижно стоявшему надъ побѣжденнымъ врагомъ, произнесла:

— Привѣтствую тебя на твоей родинѣ! Привѣтствую тебя, слава и гордость Исландіи!

Увидѣла Сванхильда, что Эрикъ хотѣлъ прижать Гудруду къ своей груди, обнять и поцѣловать ее на глазахъ всѣхъ людей, и вскипѣло злобное сердце ея бѣшенной ненавистью къ нему, она воскликнула громкимъ голосомъ:

— Неужели, Бьернъ, ты допустишь, чтобы этотъ, посрамленный и осужденный, убивъ Оспакара, взялъ себѣ въ жены твою сестру?

— Пока я живъ, этому не бывать! Слышишь, сестра?—обратился тотъ къ Гудрудѣ.

— А ты скажи мнѣ прежде, зачѣмъ бросилъ обломокъ щита подъ ноги Эрику, такъ что онъ споткнулся и упалъ? Или ты думаешь, что никто этого не видѣлъ?

— И ты, государыня, видѣла это?—радостно воскликнулъ Скаллагримъ.—Значитъ, видѣли и другіе!

Бьернъ позеленѣлъ отъ злобы и, не отвѣтивъ сестрѣ ни слова, только крикнулъ своимъ людямъ, чтобы они убили Эрика. Гизуръ, сынъ Оспакара, крикнулъ то-же своимъ людямъ, а Сванхильда—своимъ.

Тогда и Эрикъ, гордо выпрямясь во весь свой богатырскій ростъ, крикнулъ громко и звучно:

«Взгляни на дѣло своихъ рукъ, пьяница!—воскликнулъ громовымъ голосомъ Эрикъ»!.. (къ стр. 151).

— Товарищи, кто за меня, иди сюда! Неужели вы допустите, чтобы сѣверяне и пришельцы на вашихъ глазахъ убили Эрика Свѣтлоокаго?

И большая часть людей Миддальгофа, бывшіе люди Асмунда-жреца, не разъ уже стоявшіе за Эрика, примкнули къ нему, также и бывшіе люди и соратники Атли, не говоря уже о людяхъ Кольдбека.

Бьернъ, выхвативъ свой мечъ, замахнулся на Эрика, воспользовавшись минутой, когда тотъ не ожидалъ нападенія, но Скаллагриммъ подоспѣлъ и парироватъ ударъ своимъ бердышемъ, затѣмъ, прежде чѣмъ Бьернъ успѣлъ занести свой мечъ, Молніи-Свѣтъ сверкнулъ въ воздухѣ, и онъ палъ мертвымъ къ ногамъ Свѣтлоокаго. Таковъ былъ конецъ Бьерна, Асмундова сына, жреца Миддальгофа.

— А теперь, живо станемъ спина со спиной и смотри въ оба: со всѣхъ сторонъ приступаютъ враги!—сказалъ Эрику Скаллагриммъ.

— А вонъ тамъ бѣжитъ одинъ!—проговорилъ Эрикъ, указавъ на прокрадывавшагося къ выходу Холля.

У Скаллагримма было еще въ рукѣ копье Эрика; онъ метнулъ имъ въ Холля, и такъ вѣренъ былъ его ударъ, что копье вонзилось въ хребетъ Холля между лопатокъ, пригвоздивъ его къ боковому столбу выходной двери. Такъ онъ тамъ и остался. Вотъ какова была смерть этого лжеца и низкаго труса.

Теперь уже удары сыпались градомъ со всѣхъ сторонъ; одни нападали, другіе отражали. Все смѣшалось въ одинъ кровавый бой. Люди, разгоряченные виномъ и хмѣльными медами, не щадили никого; братъ шелъ на брата, отецъ на сына. Столы и скамьи опрокинулись; кровь людей смѣшалась съ праздничными яствами. Вся праздничная горница превратилась въ лужу крови; крики и стоны слились въ одинъ гулъ. Гудруда, сидя на своемъ высокомъ сѣдалищѣ, съ ужасомъ и отчаяніемъ смотрѣла на этотъ кровавый свадебный пиръ, и ей невольно вспоминались слова Савуны, матери Эрика. Между тѣмъ Эрикъ со своимъ другомъ, отразивъ враговъ, прочистили себѣ путь къ выходу.

— На коней!—воскликнулъ Скаллагриммъ.—На коней, пока счастье еще не измѣнило намъ!

— Нѣтъ въ этомъ счастья! Много пролито крови, и мной убитъ братъ той, которую я хотѣлъ назвать своей невѣстой!—мрачно проговорилъ Эрикъ.

— Полно! Одна такая битва стоитъ многихъ невѣстъ!—возразилъ Скаллагриммъ.—Мы сегодня пріобрѣли большую славу, Свѣтлоокій, вѣдь, Оспакаръ убитъ безоружнымъ врагомъ!

Ни слова не отвѣтилъ на это Эрикъ. Они сѣли на коней и помчались ко Мшистой скалѣ.

Только къ утру слѣдующаго дня были они у подножья Мшистой скалы; здѣсь умылись, омыли свои раны и легли отдохнуть. Тутъ къ Эрику со всѣхъ сторонъ подошли бывшіе его поселяне съ съѣстными припасами. Они просили героевъ поселиться съ ними. Тѣ согласились и направились вслѣдъ за Скаллагриммомъ въ его пещеру, гдѣ и поселились. Долго они жили тамъ, добывая себѣ пищу и одежду, выходя тайно изъ своего убѣжища, такъ какъ знали, что Сванхильда и Гизуръ, какъ только соберутся съ силами, пойдутъ на нихъ, и если не смогутъ одолѣть ихъ, то залягутъ здѣсь и будутъ пытаться заморить ихъ голодомъ, заградивъ имъ горный проходъ въ долину.

. . . .

Между тѣмъ всю ночь Гудруда просидѣла на высокомъ почетномъ мѣстѣ невѣсты, печально размышляя надъ грудою мертвыхъ тѣлъ.

XXVI.

Какъ Эрикъ Свѣтлоокій осмѣлился явиться въ Миддальгофъ и что онъ нашелъ тамъ.

Гизуръ, сынъ Оскапара, отправился послѣ пира въ Свинефелль, гдѣ со смертью отца онъ сталъ полнымъ хозяиномъ. Тамъ онъ схоронилъ тѣло въ склепѣ, высѣченномъ въ скалѣ, на вершинѣ горы, чтобы духъ Оспакара могъ видѣть оттуда, всѣ земли, принадлежавшія ему при жизни. Надъ могилой сынъ воздвигнулъ высокій курганъ. И теперь еще въ народѣ ходятъ слухи, что въ день праздника Юуль, въ ночное время,

черный призракъ Оспакара вырывается изъ могилы, а золотой призракъ Эрика Свѣтлоокаго на боевомъ конѣ выѣзжаетъ къ нему на встрѣчу, и слышится тогда звонъ мечей и стоны. Наконецъ, Эрикъ уносится къ Югу на крыльяхъ вѣтра, держа въ рукѣ свой разсѣченный щитъ.

Такъ схоронилъ Гизуръ отца своего Оспакара Чернозуба и поклялся онъ, что не вкуситъ ни отдыха, ни покоя, пока не увидитъ мертвыми Эрика Свѣлоокаго и Скаллагримма Березарка. А Эрикъ въ это время сидѣлъ въ Мосфеллѣ, т. е. на Мшистой скалѣ, и сердце его ныло отъ скорби. Хотя онъ былъ объявленъ «внѣ закона», но бѣжать въ лѣса ему не было надобности: среди своихъ людей онъ былъ въ безопасности. Его такъ любили всѣ, что снабжали пищей, одеждой и оружіемъ. Каждый такъ гордился имъ, что никто даже изъ тѣхъ, кто могъ питать къ нему кровавую месть за убійство близкихъ и родственниковъ во время побоища въ Миддальгофѣ,—не покушался на его жизнь, а только прославлялъ его подвиги. Мало того, люди юга поручили его людямъ передать ему, что если онъ хочетъ, то они снарядятъ для него хорошее боевое судно, чтобы онъ могъ отправиться викингомъ въ чужія страны. Но Эрикъ отклонилъ это предложеніе, заявивъ, что хочетъ умереть среди своихъ людей въ Исландіи.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Эрикъ Свѣтлоокій сидѣлъ на Мшистой скалѣ, или Мосфеллѣ, которая теперь была прозвана и по сіе время называется скалой Эрика или Эрикесфелль.

Оба они съ Скаллагриммомъ томились отъ бездѣлья. Скоро до нихъ дошли слухи, что Гизуръ и Сванхильда отправились на югъ въ Кольдбэкъ съ большими силами, чтобы захватить и убить Эрика, но Гудруда не присоединилась къ нимъ и не намѣрена возбуждать кровавой мести за убійство брата своего. Скаллагриммъ хотѣлъ ночью нагрянуть на людей Гизура и Сванхильды и разгромить ихъ, но Эрикъ сказалъ, что не хочетъ новаго кровопролитія, и что если онъ еще разъ подыметъ мечъ, то только въ защиту своей жизни. Тѣмъ не менѣе герой рѣшилъ покинуть свое убѣжище и ѣхать въ Миддальгофъ, чтобы повидать Гудруду.

— Врядъ ли ты оттуда вернешься живымъ, государь!—проговорилъ печально вѣрный Скаллагриммъ.

— Пусть такъ, все-же это будетъ лучше, чѣмъ такая жизнь!

— Ну, такъ и я поѣду съ тобой, если такъ! — рѣшилъ Березаркъ,—и Эрикъ не сталъ ему прекословить.

Они выѣхали на зарѣ въ туманъ, дождь и бурю, а прибывъ въ Миддальгофъ, Эрикъ уже одинъ пѣшкомъ пошелъ къ рѣкѣ къ тому мѣсту, куда ходила купаться Гудруда и, притаившись тамъ въ камышахъ, сталъ ждать, не представится-ли случая увидѣть ее; это мѣсто было всего на разстояніи двухъ выстрѣловъ отъ воротъ замка. Не долго пришлось ему ждать. Спустя немного, Гудруда пришла къ тому мѣсту, гдѣ онъ былъ, и, не замѣтивъ его, задумчиво присѣла на камень. Не могъ Эрикъ вынести печальнаго вида ея и, поднявшись изъ-за камышей, всталъ передъ ней. Стали они говорить и говорили долго; Гудруда просила Эрика снова спрятаться въ камышахъ, чтобы никто не могъ его увидѣть.

— Слушай, Эрикъ!—говорила дѣвушка.—Поѣзжай обратно на Мшистую скалу и сиди тамъ до весны, а къ тому времени я снаряжу хорошее боевое судно, и мы, бросивъ здѣсь все, поѣдемъ въ ту страну Англію, о которой ты мнѣ разсказывалъ; тамъ я буду твоею женой.

На этомъ влюбленные и разстались.

XXVII.

Какъ Гудруда ѣздила на Мшистую скалу къ Эрику Свѣтлоокому.

Эрикъ осторожно добрался до того мѣста, гдѣ его ждалъ Скаллагримъ,—который начиналъ уже тревожиться. Ему герой передалъ свой разговоръ съ Гудрудой, сообщивъ и о намѣреніи весной покинуть Исландію навсегда.

— Я хотѣлъ бы, чтобы теперь уже была весна, — сказалъ Скаллагриммъ,—да и почему намъ не покинуть родину теперь же? Ждать до весны долго; за это время можетъ многое случиться

Что изъ того, что море бурно, здѣсь тебѣ, государь, много опаснѣе, чѣмъ даже въ бурномъ морѣ!

— У Гудруды нѣтъ сейчасъ судна, да и она хочетъ выждать срокъ, пусть забудутъ о кровавой мести за смерть Бьерна!

— Какъ знаешь, государь, только лучше бы ты уходилъ отсюда!

Всю ночь и слѣдующій день они благополучно ѣхали, а подъ вечеръ второго дня, когда уже стемнѣло, подъѣзжали къ Мосфеллю. Тутъ изъ-за скалъ выскочили пять человѣкъ изъ людей Гизура и преградили имъ путь. Но когда Эрикъ и Скаллагриммъ устремились на нихъ, то они отступили, разсыпавшись по кустамъ и, давъ проѣхать Эрику и Скаллагримму, пустили въ погоню свои копья. Одно изъ нихъ Скаллагриммъ поймалъ на лету и отослалъ обратно, причемъ смертельно ранилъ кого-то изъ нападающихъ, другое-же пролетѣло надъ головой Скаллагримма и вонзилось глубоко въ лѣвое плечо Эрика у самой шеи. Не долго думая, Эрикъ правой рукой вырвалъ его и метнулъ обратно съ такою силой, что не смотря на щитъ пронзилъ грудь врага, и тотъ упалъ замертво. Послѣ того никто уже не осмѣлился преслѣдовать Свѣтлоокаго и его спутника.

Скаллагриммъ перевязалъ руку Эрика, и они продолжали свой путь. Изъ пещеры замѣтили нападеніе людей Гузура и уже спѣшили навстрѣчу Эрику. Рана его была серьезна; онъ потерялъ много крови, но дней черезъ десять она какъ будто зажила.

Между тѣмъ выпалъ снѣгъ; наступили морозы; дни стали короче, а ночи длиннѣе. Въ пещерѣ было страшно темно и, хотя Эрикъ старался поддержать бодрость духа въ товарищахъ, но самъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ раненъ, не выносилъ темноты и, видимо, томился. Свѣчей или свѣтильниковъ на Мосфеллѣ не было, и они цѣлые дни просиживали на дворѣ передъ пещерой надъ тѣмъ обрывомъ, откуда скатилась въ пропасть голова Березарка, любуясь сѣверными сіяніями или блѣднымъ свѣтомъ звѣздъ и отраженіемъ бѣлыхъ снѣговъ. Чтобы развлечь товарищей, Эрикъ приказалъ имъ построить небольшую хижину изъ камней, и вотъ, наблюдая за работой, онъ уви-

дѣлъ, что никто изъ его людей не могъ своротить одной громадной глыбы камня. Съ улыбкой Эрикъ подошелъ къ глыбѣ и, поднявъ на руки камень, донесъ его до мѣста, но при этомъ рана его раскрылась, и кровь хлынула густой струей. Эрикъ обмылъ рану и наложилъ новую перевязку, не придавъ этому обстоятельству никакого значенія.

Когда настала ночь, онъ не пошелъ въ пещеру, а опять, укутавшись въ овчины, сѣлъ надъ обрывомъ. Ночью кровь снова стала сочиться изъ раны. Но онъ не обратилъ на то вниманія; между тѣмъ рану охватило морозомъ, и длинные волосы его примерзли такъ крѣпко, что онъ не могъ уже отодрать ихъ. Оставалось только срѣзать волосы, но на это Эрикъ ни за что не соглашался, говоря, что онъ поклялся Гудрудѣ, что ничья рука не коснется его волосъ, а если онъ еще разъ нарушитъ эту клятву, его постигнутъ величайшія несчастья. Теперь мысли Эрика были такъ печально настроены, что онъ совершенно упалъ духомъ; ко всему этому прибавилось еще нездоровье отъ раны. Тяжелыя предчувствія томили его душу; все это, вмѣстѣ взятое, повело къ тому, что Эрикъ съ каждымъ днемъ заболѣвалъ все сильнѣе и сильнѣе, пока, наконецъ, не слегъ окончательно въ постель. Однако, несмотря на то, что состояніе раны угрожало его жизни, онъ никому не позволялъ дотронуться до своихъ волосъ, и Скаллагриммъ, видя, что убѣдить его нельзя, а состояніе его столь замѣтно ухудшается, рѣшилъ, не сказавъ ему ни слова, отправиться тайно въ Миддальгофъ и упросить Гудруду пріѣхать въ Мосфелль и срѣзать волосы Эрику, такъ какъ это необходимо для спасенія его жизни.

Путь былъ до того тяжелый, что онъ и тралль Эрика Іонъ трое сутокъ пробивали себѣ дорогу сквозь непроходимые снѣга и чуть живые добрались до Миддальгофа. Когда Гудруда услышала, что Эрикъ умираетъ, сердце ея замерло отъ испуга, и она чуть не потеряла сознанія. Когда же Скаллагримъ сказалъ ей, что, быть можетъ, ей удастся спасти его, если она не побоится трудностей дальняго и тяжелаго пути, она рѣшила ѣхать въ эту же ночь.

Распорядившись, чтобы и Скаллагримма, и Іона накормили и пообогрѣли, она приказала своимъ прислужницамъ и всѣмъ женщинамъ въ домѣ, чтобы тѣ говорили каждому, кто спроситъ о ней, что она больна и лежитъ въ постели, затѣмъ она призвала троихъ изъ своихъ самыхъ вѣрныхъ траллей и приказала имъ приготовить трехъ вьючныхъ лошадей и нагрузить всякими припасами и всѣмъ, что могло быть необходимымъ для больного. Когда же все было готово, едва только стемнѣло, она выѣхала въ путь. Ночь пришлось провести въ пути; снѣга вездѣ лежали непроходимые; вторую ночь пришлось имъ ночевать въ снѣгу и, несмотря на теплыя одежды и покрывала, всѣ они чуть было не погибли въ страшную метель, поднявшуюся къ утру. Подъ вечеръ третьяго дня они прибыли, наконецъ, къ подножію Мшистой Скалы. Дойдя до той лощины, гдѣ находились кони и скотъ обитателей пещеры, т. е. Эрика и его людей, путники были встрѣчены нѣкоторыми изъ нихъ, и лица ихъ были печальны.

— Неужели Эрикъ умеръ?—спросилъ Скаллагриммъ.

— Нѣтъ,—отвѣчали люди,—живъ еще, но, вѣрно, скоро умретъ: онъ со вчерашняго дня не въ памяти и никого не узнаетъ!

— Скорѣй! Скорѣй къ нему!—торопила Гудруда и пошла впередъ всѣхъ, такъ какъ здѣсь, въ этой лощинѣ, надо было оставить лошадей и далѣе идти пѣшкомъ. Путь былъ трудный. Но Скаллагриммъ охранялъ Гудруду, какъ родное дитя. Когда они подошли къ пещерѣ, яркій торфяной костеръ горѣлъ у входа; на дворѣ стоялъ жестокій морозъ. Сквозь облако дыма Гудруда увидѣла Эрика, распростертаго на широкомъ ложѣ изъ овечьихъ шкуръ. Онъ горѣлъ, какъ въ огнѣ, и бредилъ, ясные глаза его смотрѣли дико по сторонамъ, а длинныя золотистыя кудри разметались по плечамъ и по груди.

Гудруда подошла къ нему и, опустившись на колѣни, склонилась надъ нимъ, проговоривъ:

— Это я, Гудруда, пришла къ тебѣ, Эрикъ!

При звукѣ ея голоса онъ повернулъ голову и взглянулъ на нее.

«Оба друга увидѣли надъ костромъ тѣнь Гудруды»... (къ стр. 158).

— Нѣтъ! Нѣтъ! Это не она, не моя Гудруда Прекрасная: ей нѣтъ дѣла до такихъ бездомныхъ бродягъ. Если ты—Гудруда, подай мнѣ какой-нибудь знакъ. Гдѣ Скаллагриммъ? Экій славный бой! Впередъ! Дайте мнѣ кубокъ...

— Эрикъ,—продолжаетъ Гудруда,—я пришла срѣзать твои волосы! Вѣдь ты далъ клятву, что никто, кромѣ меня, не дотронется до твоихъ волосъ!

— Да, это она! Это Гудруда! Срѣжь! Срѣжь! Но не давай никому другому дотрагиваться до моей головы!

Пользуясь этой минутой затишья, Гудруда осторожно срѣзала золотыя кудри Эрика, затѣмъ тепловатой водой, нагрѣтой надъ костромъ, бережно стала отмачивать ихъ отъ раны, которая теперь вся была закрыта и потемнѣла. Послѣ долгихъ трудовъ ей удалось окончательно открыть и промыть рану; тогда она смазала ее цѣлительнымъ бальзамомъ, наложивъ тонкую полотняную перевязку. Когда все это было сдѣлано, она дала Эрику приготовленное ею успокоительное питье, и положивъ голову его къ себѣ на руку, стала тихо уговаривать его заснуть.

Онъ вскорѣ дѣйствительно заснулъ. Всю ночь и весь день просидѣла она у его изголовья, почти не принимая пищи; Эрикъ все время спалъ. На вторыя сутки подъ вечеръ онъ слабо улыбнулся во снѣ, затѣмъ раскрылъ глаза и устремилъ ихъ на огонь костра.

— Странно,—прошепталъ онъ,—какой сонъ... мнѣ казалось, что Гудруда склонилась надо мной, что она здѣсь. Да гдѣ же Скаллагриммъ?

Гудруда взяла его руку и ласково сказала:

— Нѣтъ, Эрикъ, то не сонъ: я—здѣсь, ты былъ боленъ, и я пріѣхала ходить за тобой! Теперь, если ты будешь покоенъ, ты скоро оправишься!

— Ты здѣсь? Какъ ты сюда попала? Гдѣ Скаллагриммъ?

Скаллагриммъ подошелъ и подтвердилъ, что Гудруда здѣсь, что она не побоялась совершить этотъ трудный путь черезъ непроходимые снѣга.

— Ты это сдѣлала ради меня,—прошепталъ Эрикъ,—зна-

чить, ты сильно любишь меня!—и этотъ силачъ, не будучи въ состоянiи осилить своего волненiя, заплакалъ.

Гудруда, склонившись надъ нимъ, долго нѣжно цѣловала его.

XXVIII.

Какъ Сванхильда добывала свѣдѣнiя объ Эрикѣ.

Вскорѣ силы Эрика стали возвращаться, и Гудруда заговорила объ отъѣздѣ. Эрикъ уговаривалъ ее остаться, но погода была ясная, морозная и тихая; надо было ѣхать теперь же. Скаллагриммъ поѣхалъ проводить ее до Золотого водопада и на пятыя сутки вернулся, доложивъ, что враговъ нигдѣ не видали, и что Гудруда благополучно доѣхала до предѣловъ своихъ земель. Въ Миддальгофѣ все было благополучно; никто не узналъ объ ея отсутствiи, всѣ считали ее больною, такъ что даже шпiоны Сванхильды лишь долго спустя узнали о визитѣ Гудруды на Мшистую скалу.

Вернувшись въ Миддальгофъ, Гудруда стала готовить судно, скупала мѣха и другiе товары и понемногу собирала деньги, розданныя въ ростъ. Въ этой заботѣ время проходило прiятно, но Эрикъ у себя на Мшистой скалѣ тосковалъ и не могъ дождаться весны. Также длинно тянулись дни для Сванхильды и Гизура. Сванхильдѣ наскучило выжидать, и она стала упрекать Гизура, что его люди плохо стерегли проходы Мшистой скалы; ей хорошо извѣстно, что Эрикъ покидалъ свое убѣжище. Злая женщина заявляла, что она не станетъ женою его ни за что, прежде чѣмъ Эрикъ не умретъ, хотя она предпочла бы, если-бы можно, убить Гудруду. На это Гизуръ сказалъ ей, что пусть ужъ это она возьметъ на себя: онъ не хочетъ участвовать въ убiйствѣ этой дѣвушки, самой красивой, какая когда-либо существовала на свѣтѣ.

Слова эти привели Сванхильду въ бѣшенство; она стала упрекать его, что онъ малодушный трусъ, и что единственный путь къ ней черезъ трупъ Эрика. Они порѣшили, что люди ихъ будутъ сторожить судно Гудруды и, когда оно снимется съ якоря, кинутся на абордажъ; сама же Сванхильда съ Ги-

зуромъ и однимъ керлемъ, родомъ съ подножія Геклы, хорошо знающимъ всѣ тропинки Мшистой скалы, отправятся туда и обойдутъ Мосфелль той тропой, которая извѣстна этому керлю; если она еще доступна, то они вернутся съ людьми и прикончатъ Свѣтлоокаго.

Какъ ни долго тянулись скучные зимніи дни, но время близилось незамѣтно къ веснѣ, и вотъ однажды къ Эрику, томившемуся тоской бездѣйствія и страхомъ ожиданія, явился посланный отъ Гудруды съ извѣстіемъ, что «снѣгъ на крышахъ Миддальгофа началъ таять, и что Гудруда здорова». Это было условное слово, означавшее, что все уже готово.

— Передай своей госпожѣ, что Свѣтлоокій здоровъ, и что на вершинахъ Геклы снѣгъ еще не растаялъ!

Это также означало, что онъ немедленно явится къ ней.

Отдохнувъ немного и подкрѣпивъ свои силы пищей и медомъ, посланный отправился въ обратный путь и передалъ Гудрудѣ Прекрасной отвѣтъ Эрика Свѣтлоокаго,—и сердце ея наполнилось радостью.

По уходѣ тралля Гудруды, Эрикъ призвалъ своихъ людей и приказалъ тѣмъ, которые хотѣли отправиться съ нимъ въ Англію, готовиться въ путь. Остальнымъ-же, которые желали остаться въ Исландіи, велѣлъ прожить еще недѣли двѣ здѣсь на Мшистой скалѣ и ежедневно зажигать огни, чтобы обмануть шпіоновъ Гизура и Сванхильды, заставивъ ихъ думать, что Эрикъ все еще на Мшистой скалѣ въ пещерѣ.

Въ ту-же ночь, прежде чѣмъ успѣла взойти луна, Эрикъ простился со своими товарищами и уѣхалъ съ Скаллагриммомъ и тѣми, которые собирались отплыть вмѣстѣ съ нимъ, въ Миддальгофъ. На вторыя сутки подъ вечеръ они были ужеввиду Миддальгофа, но имъ пришлось выждать, пока совершенно стемнѣло. Окутанные почти непроницаемымъ мракомъ, всадники въѣхали во дворъ, ворота котораго были широко раскрыты; здѣсь Эрикъ соскочилъ съ коня и направился къ женскимъ дверямъ. Гудруда ожидала его у порога, но, заслышавъ его шаги, вбѣжала въ большую горницу, сѣла тамъ на высокое мѣсто и съ бьющимся сердцемъ ожидалъ своего жениха въ

полномъ нарядѣ невѣсты. Въ Миддальгофѣ оставались теперь при ней только двѣ вѣрныя женщины и нѣсколько траллей, спавшихъ не въ самомъ замкѣ, а въ пристройкѣ, остальныхъ же людей своихъ Гудруда отослала на судно, совершенно готовое къ отплытію.

Скаллагриммъ и остальные спутники Эрика остались во дворѣ, прибирая лошадей, самъ же Свѣтлоокій вошелъ черезъ женскія двери въ большую горницу и при свѣтѣ огня, горѣвшаго на среднемъ очагѣ, достигъ до высокихъ сидѣній: здѣсь онъ увидѣлъ свою невѣсту, уже ожидавшую его, сѣлъ рядомъ на жениховское мѣсто, и здѣсь они выпили брачный кубокъ и долго оставались въ объятіяхъ другъ друга; счастье, неземное счастье переполнило ихъ сердца.

Такъ повѣнчались Эрикъ Свѣтлоокій и Гудруда Прекрасная.

Въ ту ночь, когда Эрикъ поѣхалъ въ Миддальгофъ жениться на Гудрудѣ Прекрасной, Сванхильда, Гизуръ и одинъ ихъ слуга отправились на Мшистую гору. Прибывъ туда, они обошли ее; а траль долго отыскивалъ ту тропу, о которой говорилъ; наконецъ, найдя ее, повелъ по ней Гизура, Сванхильда же осталась внизу ожидать ихъ возвращенія: тропа показалась ей опасной. Ожидая Гизура, она увидала, какъ съ другой стороны горы спустилось двое всадниковъ, и въ одномъ изъ нихъ узнала Іона, траля Эрика.

Всадники эти спустились въ долину и, проѣхавъ немного по опушкѣ лѣса, вошли въ убогаго вида хижину, привязавъ своихъ коней къ изгороди.

Тѣмъ временемъ Гизуръ и траль вернулись и разсказали ей, какъ этой тропой можно было пробраться на самую вершину скалы и оттуда скатывать камни на голову Эрика и другихъ обитателей пещеры.

Сванхильда возликовала и въ радости своей стала торопить возвращеніемъ на Кольдбэкъ, гдѣ она хотѣла забрать съ собой побольше людей и, оцѣпивъ снизу всю гору, аттаковать Эрика съ вершины скалы.

Всѣ трое сѣли на коней и поскакали внизъ въ долину; когда они приблизились къ хижинѣ на опушкѣ лѣса, Сван-

хильда вспомнила о Іонѣ и сказала себѣ, что надо изловить этихъ птицъ и добыть отъ нихъ свѣдѣнія объ Эрикѣ.

Съ этою цѣлью она и Гизуръ спѣшились и подкрались къ входу хижины, двери которой стояли настежь.

Сванхильда шепнула Гизуру, у котораго было въ рукѣ копье, чтобы онъ метнулъ его и уложилъ на смерть одного изъ двоихъ людей, занятыхъ собираніемъ припасовъ, рыбы, мяса и другихъ продуктовъ, которые были сложены здѣсь, какъ въ кладовой.

Гизуръ хотѣлъ было воспротивиться приказанію своей возлюбленной, но не посмѣлъ и пустилъ свое копье въ беззащитнаго человѣка, связывавшаго рыбу. Бѣдняга упалъ замертво; въ этотъ моментъ Гизуръ и его тралль накинулись на Іона, скрутили его и грозили и его убить, если онъ тотчасъ же не проведетъ ихъ въ пещеру на Мшистой скалѣ и не доставитъ Сванхильдѣ возможности увидѣть Эрика.

Робкій и трусливый Іонъ растерялся отъ этой неожиданности, и нечаянно проговорился, что Эрика нѣтъ на Мшистой горѣ. Тогда у него стали допытываться, гдѣ находится Свѣтлокій, допытываться съ угрозами и мученіями, и Іонъ, долго крѣпившійся, наконецъ, не выдержалъ страшной пытки, придуманной Сванхильдой, и расказалъ всю правду. Услыхавъ о свадьбѣ Эрика, Сванхильда, обезумѣвшая отъ злобы и бѣшенства закричала Гизуру:

— Прикончи его да и ѣдемъ дальше. Теперь намъ надо спѣшить!

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Гизуръ,—я не убью этого человѣка: онъ намъ сказалъ то, что мы отъ него требовали; пусть будетъ живъ и идетъ на всѣ четыре стороны!

— Ты обезумѣлъ!—крикнула Сванхильда.—Если не хочешь убить его, то свяжи и оставь здѣсь, чтобы онъ не могъ предупредить Эрика о томъ, что онъ выдалъ его, и что мы идемъ на нихъ!

Іона связали толстыми веревками и оставили въ хижинѣ, гдѣ онъ и пролежалъ двое сутокъ, пока не пришли сюда другіе его товарищи и не освободили его.

Сванхильда же и Гизуръ со своимъ спутникомъ помчались теперь во весь опоръ въ Миддальгофъ.

XXIX.

Какъ прошла брачная ночь.

Эрикъ и Гудруда молча сидѣли на высокихъ мѣстахъ въ большой, празднично разубранной горницѣ Миддальгофскаго замка, пока не пришелъ туда Скаллагриммъ за приказаніями.

— Прежде всего всѣ мы поѣдимъ и выпьемъ добраго меда, вина и пива,—сказала за Эрика Гудруда, — а затѣмъ твои люди, Эрикъ, тайно проѣдутъ къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ наше судно, и прикажутъ шкиперу готовиться въ путь, чтобы на зарѣ, пользуясь приливомъ, выйти въ море. А ты, Эрикъ, я и Скаллагриммъ останемся здѣсь въ замкѣ до трехъ часовъ утра: мнѣ донесли, что люди Гизура и Сванхильды сегодня въ ночь будутъ караулить наше судно, чтобы подстеречь нашъ пріѣздъ; подъ утро же, не найдя никого, они удалятся. А тогда мы, пользуясь перерывомъ до новой смѣны шпіоновъ, успѣемъ добраться до судна и уйти въ море!

— Но намъ не безопасно почевать здѣсь втроемъ!—замѣтилъ Эрикъ.

— Полно, ты и Скаллагриммъ сильны, а замокъ надеженъ, кромѣ того, мнѣ сказали, что Гизуръ и Сванхильда отправились искать тебя на Мшистую скалу!

На этомъ и порѣшили.

Послѣ свадебнаго пира люди Эрика отправились на судно съ секретнымъ предписаніемъ, предварительно осѣдлавъ коней Эрика, Гудруды и Скаллагримма и поставивъ ихъ въ надежное мѣсто. Затѣмъ Скаллагриммъ заперъ тяжелыми засовами всѣ ворота и входы замка и пришелъ спросить у Гудруды гдѣ, по ея распоряженію, ему провести ночь.

Она указала ему на кладовую, гдѣ неисправна была одна ставня, и потому Гудруда просила Скаллагримма хорошенько караулить это окно.

Но Гудруда упустила изъ вида, что въ кладовой стояли боченки съ пивомъ, виномъ и медомъ.

Послѣ того женщины - прислужницы разошлись по своимъ

каморкамъ, а Эрикъ съ Гудрудой легли въ спальнѣ Асмунда жреца.

Скаллагриммъ, оставшись одинъ въ кладовой, сильно затосковалъ. Не на радость ему сталъ Эрикъ мужемъ Гудруды. У Скаллагримма была теперь въ жизни одна только привязанность, одна отрада, Эрикъ Свѣтлоокій, а теперь молодая жена лишала его прежней любви и вниманія Эрика; теперь онъ долженъ дѣлить свои чувства между ней и имъ и, конечно, Скаллагриммъ всегда будетъ обдѣленъ въ пользу Гудруды. При этой мысли такая тоска запала въ сердце Скаллагримма, что мракъ, царившій въ кладовой, сталъ невыносимъ для него. Чтобы успокоить свое волненіе, онъ распахнулъ настежъ ставню и впустилъ ясный лунный свѣтъ въ кладовую, а затѣмъ прибѣгнулъ къ утѣшенію, которое люди находятъ на днѣ кубка.

Кубокъ за кубкомъ осушалъ онъ, томимый жаждой, послѣ сытнаго брачнаго ужина, мучимый горемъ, страхомъ и дурными предчувствіями, ища забвенія и успокоенія и не находя ни того, ни другого, пока хмѣль не одолѣлъ его, и онъ не повалился на полъ подлѣ бочекъ съ пивомъ, заснувъ мертвымъ сномъ.

Между тѣмъ новобрачные спали сладкимъ сномъ въ объятіяхъ другъ друга. Только тяжелые сны тревожили поочередно то Эрика, то Гудруду. Гудрудѣ снилось, что она лежитъ мертвая въ объятіяхъ Эрика, который и не подозрѣваетъ этого, а Сванхильда стоитъ надъ ними и смѣется надъ Эрикомъ. Эрику же снилось, что пришелъ Атли, сообщая, что прежде, чѣмъ взойдетъ луна слѣдующаго дня, онъ будетъ лежать мертвымъ. За Атли пришелъ Асмундъ и сказалъ въ утѣшеніе, что хотя онъ умретъ, но за границей смерти есть иная жизнь, въ которой царитъ вѣчная любовь и покой.

Эрикъ разбудилъ Гудруду и разсказалъ ей свой сонъ. Та посовѣтовала ему встать и надѣть кольчугу и шлемъ, чтобы быть готовымъ встрѣтить врага.

— Что пользы, дорогая,—отвѣчалъ печально герой, — отъ судьбы все равно не уйдешь! Впрочемъ, какъ ты того хочешь, я встану! — и онъ сталъ вставать съ постели, но вдругъ тяже-

«Крѣпко схвативъ Гизура въ свои объятія, Эрикъ кинулся въ пропасть»... (къ стр. 163).

лый сонъ снова одолѣлъ его, и онъ проговорилъ слабымъ, какъ бы умирающимъ голосомъ:

— Прощай, дорогая, сонъ одолѣваетъ меня; я не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Видно,это и есть смерть. Прощай!

А Гудруда проговорила:

— И меня тоже давитъ сонъ. Прощай, мой возлюбленный, прощай!

Крѣпко обнявшись и прижимаясь другъ къ другу, заснули они тяжкимъ, непробуднымъ сномъ.

Между тѣмъ Гизуръ, сынъ Оспакара Чернозуба, и Сванхильда, дочь Гроа колдуньи и вдова Атли, такъ гнали своихъ коней, что чуть не загнали ихъ совсѣмъ. На высотахъ Конской Головы, гдѣ дорога развѣтвлялась надвое, они отправили бывшаго съ ними тралля къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли въ засадѣ люди Сванхильды и Гизура на берегу, сторожа судно Гудруды, съ приказаніемъ съ разсвѣтомъ ворваться на судно и обыскать его изъ конца въ конецъ, а если найдутъ Эрика, то пусть убьютъ: онъ, вѣдь, внѣ закона. Если же они найдутъ Гудруду Прекрасную, то пусть сдѣлаютъ то же: она теперь жена человѣка, объявленнаго внѣ закона, и сама стала внѣ закона; если же они никого не найдутъ на суднѣ, то пусть выгонятъ экипажъ, а судно сожгутъ.

— Сжечь чужое судно—дѣло не доброе и по закону считается злодѣяніемъ!—замѣтилъ Гизуръ.

— Объ этомъ тебя не спрашиваютъ!—сказала Сванхильда.— На то ты и законникъ, чтобы съумѣть оправдать меня. Ступай!—сказала она слугѣ, и тотъ поскакалъ во весь опоръ.

Тогда и Сванхильда со своимъ спутникомъ двинулась дальше къ Миддальгофу. Сердце Гизура болѣзненно ныло; страхъ забиралъ его при мысли о томъ, что ему придется стоять лицомъ къ лицу съ Эрикомъ. Въ часъ пополуночи они были уже у ограды замка и здѣсь соскочили съ коней.

— Пойдемъ пѣшкомъ вдоль стѣны, я знаю мѣсто, гдѣ легко можно пробраться въ замокъ: всѣ входы и двери, конечно, на запорѣ!—и Сванхильда повела Гизура къ окну кладовой и, взобравшись туда, заглянула въ кладовую.

— Плохо дѣло!—сказала она,—здѣсь спитъ Скаллагриммъ! Но спитъ онъ, какъ видно, крѣпко... Случай хорошій, мы не такъ-то легко застанемъ ихъ спящими, а съ сонными даже и тебѣ совладать не трудно!

— Убить спящаго постыдное дѣло!—сказалъ Гизуръ.

— Молчи!—сказала Сванхильда, не отрываясь отъ окна и продолжая наблюдать за березаркомъ.—Намъ счастье благопріятствуетъ: этотъ березаркъ пьянъ. Онъ лежитъ въ лужѣ пива и не опасенъ для насъ!

Дѣйствительно, Скаллагриммъ спалъ мертвымъ сномъ; пиво изъ незаткнутаго имъ боченка лужей разлилось по полу; въ лѣвой рукѣ своей онъ держалъ большой роговой кубокъ, а въ правой—свой страшный топоръ.

— Нечего мѣшкать,—произнесла Сванхильда и какъ кошка взобралась на окно, а съ окна спрыгнула въ кладовую. Гизуръ, хотя и неохотно, послѣдовалъ ея примѣру. Онъ недовѣрчиво смотрѣлъ на мощную фигуру распростертаго на землѣ Скаллагримма, и рука его судорожно сжала рукоятку его меча.

— Не тронь его,—сказала Сванхильда,—онъ можетъ крикнуть и разбудить другихъ, а такъ онъ намъ не опасенъ. Слѣдуй за мной!

Ощупью пробираясь по знакомымъ ей съ дѣтства мѣстамъ, она пришла въ большую горницу и съ минуту стояла, прислушиваясь. Здѣсь все было тихо и пусто. Тогда она осторожно пробралась къ Гудрудиной дѣвичей постели подъ темнымъ пологомъ, но и тутъ, казалось, не было никого. Но вотъ она услышала тихій шопотъ и поцѣлуи подъ пологомъ брачнаго ложа покойнаго Асмунда и подкралась къ нему близко—близко. Да, поцѣлуи и ласки! Бѣшенство овладѣло ей, и она отшатнулась. Въ этотъ моментъ голосъ Эрика произнесъ: «Я сейчасъ встану, дорогая!» Гизуръ, услышавъ это, готовъ былъ бѣжать, но Сванхильда схватила его за руку и удержала.

— Не бойся, они сейчасъ заснутъ крѣпче прежняго!—сказала она и простерла руки по направленію съ спящимъ. Глаза ея стали разгораться въ темнотѣ, какъ глаза волка или кошки, затѣмъ все ярче и ярче, какъ два красныхъ угля въ

золѣ, такъ что блѣдное лицо ея стало выдѣляться изъ мрака бѣлымъ пятномъ; побѣлѣвшія губы шептали:

„Гудруда, спи! Приказываю тебѣ, спи!
Узами крови приказываю тебѣ, спи!
Тою силой, какую я ощущаю въ себѣ, приказываю тебѣ, спи!.. Спи! Спи крѣпко!
Эрикъ Свѣтлоокій, приказываю тебѣ, спи!
Общностью грѣха нашего заклинаю тебя, спи!
Кровью Атли, убитаго тобой, приказываю тебѣ спи!.. Спи! Спи крѣпко!

Затѣмъ она трижды простерла впередъ руки по направленію брачнаго ложа, развела ими въ воздухѣ и произнесла медленно и раздѣльно:

Изъ объятій любви—въ объятія сна!
Изъ объятій сна—въ объятія смерти!
Изъ объятій смерти—въ Гелу!
Скажите мнѣ, любящія сердца, гдѣ вы будете цѣловаться вновь?

И свѣтъ въ ея глазахъ разомъ потухъ она тихо засмѣялась.

— Теперь они спятъ крѣпко,—произнесла колдунья, обращаясь къ Гизуру,—до самаго разсвѣта Эрикъ не проснется! Теперь скорѣе за дѣло! Откинь пологъ постели и убей Эрика его же мечемъ!

— Этого я не могу! Не хочу!—сказалъ Гизуръ.

— Не хочешь!—грозно прикрикнула вполголоса Сванхильда и сверкнула на него глазами такъ, что тотъ окончательно оробѣлъ.

Сванхильда же хотѣла убить не Эрика, а Гудруду, но не хотѣла дать понять этого Гизуру; она разсуждала такъ, что пока Эрикъ живъ, есть надежда овладѣть имъ; если же онъ умретъ, то все будетъ кончено. Гудрудѣ же она желала жестоко отомстить, этой Гудрудѣ, которая, несмотря на всѣ ея козни, сдѣлалась женой Эрика и была счастлива. Вотъ злодѣи приблизились къ самой постели новобрачныхъ. Сванхильда осторожно ощупала рукой спящихъ, стащила съ нихъ покрывало и ощупала высокую грудь Гудруды, которая спала на внѣшнемъ краю постели; затѣмъ колдунья ощупью нашла мечъ Молніи Свѣтъ и осторожно выдернула его изъ ноженъ.

— Вотъ здѣсь, на краю, лежитъ Эрикъ,—сказала она,—а

вотъ и Молніи Свѣтъ! Убей и мечъ оставь въ ранѣ!—повелительно добавила она.

Гизуръ взялъ мечъ и занесъ его обѣими руками, но три раза онъ заносилъ его и все не рѣшался сдѣлать такого низкаго, позорнаго дѣла, какъ убить беззащитнаго, спящаго человѣка. Но вотъ и у него является мысль ощупать рукой.

— Это женскіе волосы!—восклицаетъ онъ.

— Нѣтъ,— сказала Сванхильда,—у Эрика волосы длинные, какъ у женщины, это его волосы!

И Гизуръ снова занесъ мечъ и съ глухимъ проклятьемъ нанесъ ударъ изо всей своей силы. Послышался глубокій, протяжный вздохъ и глухой звукъ конвульсивно вздрагивающихъ членовъ, затѣмъ все стало снова тихо, зловѣще тихо кругомъ.

— Сдѣлано!—произнесъ Гизуръ слабымъ голосомъ.

Сванхильда снова ощупала спящихъ: ея пальцы смачивала теплая еще кровь Гудруды. Она склонилась надъ нею и увидѣла, что ея мертвые глаза смотрятъ на нее. Неизвѣстно, что прочла она въ ея взглядѣ, но только она разомъ отпрянула назадъ и грузно упала на полъ.

Гизуръ же стоялъ, какъ околдованный, ничего не видя и не сознавая. Наконецъ, Сванхильда, вскочивъ на ноги, воскликнула:

— Я отомстила за смерть Атли, бѣжимъ отсюда, Гизуръ, бѣжимъ скорѣе! Дай мнѣ руку, силы измѣняютъ мнѣ, я не въ состояніи идти!

Вотъ они опять въ кладовой; Скаллагриммъ лежитъ по прежнему, раскинувъ руки на полу; онъ, видимо, не пробуждался. Гизуръ останавливается надъ нимъ и смотритъ вопросительно на Сванхильду.

— Не надо!—говоритъ она,—мнѣ претитъ видъ крови!—и они вылѣзаютъ изъ окна.

Злодѣи благополучно вскочили на коней и ускакали.

Такъ умерла въ брачную ночь и на брачномъ ложѣ Гудруда Прекрасная, прекраснѣйшая изъ всѣхъ женщинъ, какія когда-либо жили въ Исландіи, отъ руки Гизура, сына Оспакара, черезъ ненависть и колдовство сводной сестры своей Сванхильды, Незнающей отца, дочери колдуньи Гроа.

XXX.

Что было на разсвѣтѣ.

На дворѣ уже совсѣмъ разсвѣло, а Эрикъ все еще спалъ крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ. Тѣмъ временемъ служанки встали и стали раздувать огонь на очагѣ, разговаривая о томъ, какъ многіе изъ обитателей этого замка умерли съ того времени, какъ Асмундъ жрецъ нашелъ колдунью Гроа. Слова «умеръ» и «умерла», звучавшіе въ ихъ рѣчи, донеслись до слуха пробудившагося Эрика. Онъ раскрылъ глаза, и что-то ослѣпило его необычайнымъ блескомъ, словно блескъ обнаженнаго лезвія меча. Онъ сѣлъ на постели, устремивъ свой взглядъ въ полумракъ, царившій подъ пологомъ. Вдругъ пологъ широко распахнулся, и Эрикъ выскочилъ въ большую горницу; вся лѣвая сторона его рубашки была въ крови, глаза его смотрѣли дико; онъ хотѣлъ что-то крикнуть, но звукъ замеръ у него въ горлѣ, а лицо стало бѣлѣе снѣга. Онъ дико озирался кругомъ; а женщины подумали, что онъ лишился разсудка. Шатаясь, какъ пьяный, онъ вышелъ и направился въ кладовую, гдѣ спалъ Скаллагриммъ. Дверь кладовой стояла настежь, окно, ведущее на дворъ, также, а березаркъ лежалъ въ лужѣ пива, держа въ одной рукѣ рогъ, а въ другой свой топоръ.

— Проснись, пьяница! — крикнулъ Эрикъ такимъ громовымъ голосомъ, что стѣны задрожали, — проснись и посмотри на дѣло рукъ твоихъ!

Голосъ Эрика пробудилъ Скаллагримма. Тотъ поднялся и сѣлъ, съ недоумѣніемъ оглядываясь кругомъ.

— Иди за мной, пьяница! — глухо проговорилъ Эрикъ, и Скаллагриммъ послушно послѣдовалъ за нимъ въ большую горницу.

Подойдя къ свадебному ложу, Свѣтлоокій сорвалъ могучей рукой пологъ,—и дневной свѣтъ ударилъ прямо на постель. Страшное зрѣлище представилось глазамъ присутствующихъ: на постели, утопая въ крови, лежала Гудруда Прекрасная; громадный мечъ, Молнія Свѣтъ, торчалъ въ ея груди.

— Видишь, пьяница!—воскликнулъ Эрикъ.—Пока ты спалъ, враги прокрались сюда, перешагнувъ черезъ твое тѣло. Чего же ты заслужилъ за такое дѣло? Говори!

— Смерти! — сказалъ Скаллагриммъ и передалъ свой топоръ Эрику, готовясь принять заслуженную казнь.

Эрикъ взялъ топоръ и уже размахнулся, какъ чей-то голосъ тихо шепнулъ ему: «не обагряй больше кровью рукъ своихъ»,—и онъ отшвырнулъ топоръ далеко въ сторону.

— Нѣтъ, не я убью тебя, пьяница! Поди, съумѣй самъ найти себѣ смерть!

— Если такъ, то я самъ убью себя тутъ же на твоихъ глазахъ, государь!—проговорилъ березаркъ и пошелъ поднять свой топоръ, засѣвшій въ доскахъ пола.

— Стой! Погоди! Ты можешь еще совершить какое-нибудь дѣло, а убить себя всегда успѣешь!—остановилъ его Эрикъ, и Скаллагриммъ опять повиновался. Онъ бросилъ свой топоръ и, въ припадкѣ отчаянія, кинувшись на полъ, зарыдалъ, какъ дитя. Но Эрикъ не плакалъ и не рыдалъ. Онъ молча вынулъ мечъ изъ раны и долго смотрѣлъ на него, затѣмъ вложилъ его въ ножны, но не отеръ съ него крови Гудруды.

— Вчера свадьба, а нынче похороны!—глухо проговорилъ несчастный и приказалъ женщинамъ одѣть и обмыть Гудруду, а самъ съ Скаллагриммомъ приготовилъ ей могилу въ самой большой горницѣ замка, поднявъ нѣсколько плитъ каменнаго пола.

— Здѣсь ты родилась, здѣсь умерла и здѣсь же почіешь вѣчнымъ сномъ,—сказалъ Эрикъ,—и я предсказываю, что никто здѣсь въ этомъ замкѣ не будетъ жить, пока не рухнутъ эти стѣны и не станутъ твоимъ могильнымъ холмомъ!

Такъ и случилось: съ самыхъ дней Гудруды Прекрасной, дочери Асмунда жреца, никто не жилъ здѣсь, и долгіе годы стояли развалины, а теперь груды камней лежатъ на томъ мѣстѣ, и призраки бродятъ вокругъ.

Когда могила была готова, Эрикъ собственными руками надѣлъ ей сандаліи и, закрывъ глаза, долго сидѣлъ на краю кровати, подлѣ ея тѣла, затѣмъ поцѣловалъ ее прощальнымъ поцѣлуемъ, произнеся:

— Спи, дорогая, ненаглядная жена моя! Я скоро приду къ тебѣ, и тогда мы вновь сомкнемъ свои уста въ вѣчномъ поцѣлуѣ!—и, призвавъ Скаллагримма, опустилъ ее въ могилу, самъ же спѣлъ надъ могилой прощальную пѣсню.

Послѣ этого Эрикъ вооружился; то же сдѣлалъ и Скаллагриммъ. Они вышли во дворъ, гдѣ все еще стояли подъ навѣсомъ осѣдланные кони. Потрепавъ «Черногриваго», какъ звали коня Гудруды, по крутой шеѣ, Эрикъ сказалъ:

— Быть можетъ, ты понадобишься ей тамъ, гдѣ она теперь находится!—съ этими словами онъ взялъ изъ рукъ Скаллагримма его широкій топоръ, размахнулся имъ и во мгновеніе ока снялъ голову доброму коню. Затѣмъ друзья сѣли на своихъ коней и выѣхали изъ двора.

Ночь была темная; зги не видать. Эрику пришло въ голову спалить свой родной замокъ Кольдбэкъ вмѣстѣ съ Сванхильдой и Гизуромъ и ихъ людьми. Подъѣхавъ около полуночи къ замку Кольдбэкъ, когда всѣ спали, оба друга натаскали хворосту и собирались уже поджечь, какъ вдругъ Эрикъ одумался.

— Не хорошо сжечь виновныхъ и безвинныхъ; я далъ слово, что не пролью больше человѣческой крови иначе, какъ только въ защиту своей жизни!

Подумалъ Скаллагриммъ, что Эрикъ не въ умѣ, но ничего не сказалъ. Эрикъ приказалъ ему выѣхать изъ двора и отъѣхать немного въ сторону, самъ же взялъ его топоръ и ударилъ имъ нѣсколько разъ въ дверь и въ ставни замка; всѣ всполошились и выскочили къ двери.

— Это духъ Эрика стучитъ!—крикнулъ кто-то: всѣ думали, что Гизуръ въ честномъ бою убилъ Эрика, какъ онъ самъ разсказалъ имъ.

Гизуръ приказалъ отворить дверь и увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ Эрика Свѣтлоокаго на конѣ и въ полномъ вооруженіи.

— Я не духъ и не привидѣніе,— сказалъ Свѣтлоокій,—я живой человѣкъ, и хочу знать, здѣсь-ли Гизуръ, сынъ Оспакара.

— Здѣсь, и онъ клялся намъ, что убилъ тебя въ прошедшую ночь!

— Такъ онъ лгалъ; не меня убилъ онъ, а Гудруду Прекрасную, супругу мою новобрачную, спавшую подлѣ меня, убилъ ее позорно и предательски!

И поднялся ропотъ негодованія среди людей Гизура и Сванхильды.

— И вотъ я пришелъ сюда, чтобы сжечь васъ всѣхъ живьемъ въ этомъ замкѣ, но духъ Гудруды удержалъ меня отъ этого поступка, и я далъ слово, что не пролью больше безвинной крови иначе, какъ только защищая свою собственную жизнь. Теперь я ѣду на Мшистую скалу. Пусть Гизуръ явится туда со Сванхильдой, убійцей и колдуньей, и съ тѣми, кто пожелаетъ; я встрѣчу ихъ съ почетомъ и смою ихъ кровью кровь моей ненаглядной Гудруды съ лезвія Молніи Свѣта.

— Не бойся, Эрикъ, я приду къ тебѣ и тамъ ты убьешь меня!—воскликнула изъ-за двери проснувшаяся Сванхильда.

— Нѣтъ, на тебя я не подыму меча! Норны отомстятъ тебѣ лучше меня! Что смерть, это—отрада и успокоеніе, а я хочу, чтобы ты вѣчно казнилась и мучалась своими злодѣяніями. Я—не низкій убійца женщинъ, какъ Гизуръ! Его же я вызываю на бой, пусть явится и помѣряется со мной!

Съ этими словами герой повернулъ коня.

— Эй, люди, остановите его! Убейте его!—кричалъ Гизуръ, стараясь скрыть свой позоръ. Но никто не тронулся съ мѣста по его слову; въ толпѣ слышался ропотъ и презрительныя сло.а о Гизурѣ, убійцѣ спящей женщины.

XXXI.

Какъ Эрикъ Свѣтлоокій отослалъ своихъ товарищей съ Мшистой скалы.

Эрикъ и Скаллагриммъ вернулись благополучно на Мшистую скалу или Мосфелль; здѣсь Свѣтлоокій засталъ своихъ людей, въ числѣ которыхъ былъ теперь и Іонъ, его тралль, кото-

рый подошелъ къ нему и со слезами покаялся въ невольной измѣнѣ. Герой простилъ его и даже не упрекнулъ. Потомъ созвалъ всѣхъ товарищей и сказалъ имъ, что дни его, онъ чувствуетъ, сочтены, и онъ проситъ ихъ вернуться къ своимъ прежнимъ занятіямъ, а его оставить здѣсь одного: онъ—несчастливый и не хочетъ вовлекать и ихъ въ свое несчастье.

Всѣ, слушая его рѣчь, плакали, говоря, что лучше хотятъ умереть вмѣстѣ съ нимъ. Но Эрикъ снова сталъ уговаривать ихъ и, наконецъ, убѣдилъ ихъ вернуться къ своимъ полямъ и стадамъ. Послѣднимъ, кромѣ Скалагримма, ушелъ Іонъ; прощаясь со своимъ господиномъ, онъ до того былъ растроганъ, что не могъ произнести ни слова, а только цѣловалъ его руки и горько плакалъ.

(Впослѣдствіи этотъ самый Іонъ ходилъ изъ селенія въ селеніе и изъ замка въ замокъ, распѣвая про подвиги Эрика Свѣтлоокаго и про его горестную судьбу; онъ сталъ скальдомъ, и всѣ любили слушать его. Онъ дожилъ до глубокой старости, пока, наконецъ, странствуя зимою, въ метель, не сбился съ дороги и не погибъ въ снѣгу).

Когда всѣ удалились, кромѣ Скаллагримма, Эрикъ обернулся къ нему.

— Отчего же ты не идешь, пьяница? Пива и меду здѣсь нѣтъ, а тамъ, въ долинѣ, навѣрное найдется для тебя то и другое!

— Не думалъ я дожить до того, чтобы слышать отъ тебя, государь, такія слова,—печально отвѣтилъ вѣрный слуга и другъ,—но я ихъ заслужилъ. Только все же не хорошо такъ относиться къ человѣку, который любилъ и любитъ тебя больше себя самого. Я знаю, что согрѣшилъ противъ тебя, и этотъ грѣхъ мой истомилъ во мнѣ душу. Но скажи, неужели ты никогда ни противъ кого не грѣшилъ? Подумай о своихъ грѣхахъ и будь снисходителенъ къ моимъ; если же ты еще разъ прикажешь мнѣ уйти отъ тебя, то я уйду, хотя бы сердце мое надорвалось отъ горечи и обиды, уйду и лягу на тотъ край обрыва, гдѣ ты нѣкогда душилъ меня въ своихъ объятіяхъ, лягу и скачусь внизъ. Никого въ жизни своей я не любилъ

такъ, какъ тебя, и теперь слишкомъ старъ, чтобы искать другого господина. Повторяю, если ты того хочешь, я избавлю тебя отъ себя.

— Нѣтъ, Скаллагриммъ, Овечій Хвостъ! Сердце у тебя вѣрное и душа глубокая. Я согрѣшилъ въ своей жизни не меньше тебя и былъ прощенъ, а потому и тебѣ прощаю! Оставайся со мной и умремъ вмѣстѣ!

Закрылъ Скаллагриммъ лицо свое руками и громко зарыдалъ отъ этихъ словъ Эрика; а тотъ обнялъ его и поцѣловалъ.

Между тѣмъ Гизуръ вернулся къ Сванхильдѣ и сталъ упрекать ее, что она заставила его совершить столь постыдный поступокъ; теперь его собственные люди презираютъ его, и онъ едва смѣетъ взглянуть имъ въ лицо.

На это Сванхильда отвѣчала, что онъ можетъ идти, и что она не станетъ его женою, пока живъ Эрикъ Свѣтлоокій.

Она говорила это, не теряя надежды овладѣть Эрикомъ и въ этомъ смыслѣ и выразилась Гизуру, но тотъ понялъ ея слова иначе и потому сказалъ.

— Если только возможно это сдѣлать, Эрикъ, конечно, не останется живъ.—И онъ пошелъ переговорить со своими людьми.

Гизуръ объяснилъ имъ, что убилъ Гудруду по ошибкѣ, принявъ ее за Эрика.

— Все равно, убить спящаго, будь то мужчина или женщина, постыдное дѣло,—проговорилъ старый викингъ по имени Кэтель, нанятый Гизуромъ убить Эрика. Это—убійство и такое дѣло никому не можетъ принести счастья. Намъ зазорно имѣть общеніе съ убійцами и колдуньями!

Тогда Гизуръ сталъ разсказывать, будто Гудруда сама напоролась на мечъ, который онъ держалъ въ своей рукѣ, ожидая, что Эрикъ отзовется на его вызовъ. Однако, никто ему не повѣрилъ.

— Трудно отыскать правду между мыслью и рѣчью законника,—продолжалъ Кэтель.—Эрикъ же правдивый человѣкъ, это всякій знаетъ. Вотъ тебѣ наше послѣднее слово, Гизуръ: Или ты выступишь въ честномъ бою противъ Эрика и оправ-

даешь себя въ нашихъ глазахъ, или всѣ мы оставимъ тебя: мы не хотимъ служить убійцамъ, или имѣть съ ними какое-нибудь-дѣло.

Гизуръ и Сванхильда стали готовиться въ походъ противъ Эрика и съ большимъ множествомъ людей двинулись къ Мшистой скалѣ или Мосфеллю. Но, желая обмануть своихъ людей, Гизуръ отправилъ семерыхъ впередъ, приказавъ имъ обойти секретной тропой на вершину скалы на ту площадку, что нависла надъ пещерой Эрика, и, какъ только онъ покажется, закидать его комьями или забросать каменными глыбами сверху, обѣщая тому изъ нихъ, кто убьетъ Эрика, громадную денежную награду. Сванхильда же съ своей стороны обѣщала тайно отъ Гизура тоже денежную награду тѣмъ, кто доставитъ ей Эрика живымъ, связаннаго, но невредимаго.

XXXII.

Что видѣли въ послѣднюю ночь Скаллагриммъ и Эрикъ Свѣтлоокій.

Надъ Мшистой скалою спустилась ночь. То была страшная, необычайная ночь. Царила такая тишина, что малѣйшій звукъ доносился изъ далека, вселяя страхъ и суевѣрный ужасъ въ сердца людей. Эрикъ и Скаллагриммъ сидѣли на краю обрыва на небольшой каменной площадкѣ передъ входомъ въ пещеру; имъ было такъ жутко среди этой тишины, что сонъ бѣжалъ отъ очей ихъ, и оба они чутко прислушивались къ малѣйшему шороху, доносившемуся до нихъ.

Вдругъ они почувствовали, что гора плавно заколыхалась, какъ колышется грудь женщины, на землю спустился густой мракъ, такъ что и звѣздъ стало не видно.

Молча сидѣли Эрикъ и Скаллагриммъ. Вдругъ первый сказалъ:—Посмотри!—и указалъ рукой на вершину горы Геклы.

Словно зарево окутало всю вершину, и въ этомъ заревѣ, ясно выдѣляясь, появились три гигантскихъ женскихъ фигуры; то были три пряхи Норны; ужаснаго вида, пряли онѣ такъ

усердно и такъ быстро, что трудно было даже слѣдить за ними.

Но вотъ картина исчезла, и все потонуло снова во мракѣ.

Это явленіе видѣли не только Эрикъ Свѣтлоокій и Скаллагриммъ, но и Іонъ траль, сдѣлавшійся скальдомъ, который притаился въ расщелинѣ скалъ, желая видѣть конецъ Эрика Свѣтлоокаго.

Это были Норны,—произнесъ Скаллагриммъ,—онѣ пришли напомнить намъ, что смерть наша близка!

— Да, я чувствую, что мы съ тобой умремъ завтра, и радъ тому: я усталъ; мнѣ претитъ человѣческая кровь, громкіе подвиги, слава и самая великая сила моя; хочу я только покоя!—Разложи-ка огонь, Скаллагриммъ, мнѣ жутко въ этомъ мракѣ!

Они разложили яркій костеръ и опять молча сѣли у огня другъ подлѣ друга. Вдругъ имъ послышалось, что изъ обрыва какъ будто кто-то взбирается; они оглянулись и увидѣли, что прямо къ костру идетъ безголовый человѣкъ. Эрикъ и Скаллагриммъ переглянулись и разомъ узнали безголоваго. Это былъ тотъ березаркъ, котораго убилъ Эрикъ, когда впервые пришелъ сюда къ этой пещерѣ.

— Вѣдь, это мой товарищъ, которому ты отрубилъ голову, сказалъ Скаллагриммъ. Прикажешь-ли, я наброшусь на него и изрублю его, государь?!

— Нѣтъ, не тронь его, пусть сидитъ!

И они снова смолкли. И вотъ стали прибывать къ нимъ все новые и новые гости. Всѣ тѣ, кто когда-то пали отъ руки Эрика, приходили одни за другими съ ихъ зіяющими ранами и молча садились къ костру. Явился и Атли съ отрубленной рукой и громадной смертельной раной въ боку.

— Привѣтствую тебя, ярлъ Атли!—воскликнулъ Эрикъ,— садись рядомъ со мной!

Духъ Атли послушно сѣлъ подлѣ Эрика, печально смотря на него, но не сказалъ ничего.

Все больше и больше гостей сходилось къ костру; теперь оставалось только одно пустое мѣсто подлѣ Эрика.

Вдругъ послышался звукъ конскаго топота, доносшагося изъ долины, и Эрикъ со Скаллагриммомъ увидѣли, что на ворономъ конѣ скачетъ женщина въ бѣломъ одѣяніи; золотистые волосы густою волной стелятся у нея по плечамъ и за спиной, развѣваясь по вѣтру, словно золотой плащъ. Вотъ она соскочила съ сѣдла и идетъ къ костру, и видитъ Эрикъ, что это Гудруда Прекрасная. Вскрикнулъ Эрикъ отъ радости и вскочилъ со своего мѣста, протянувъ къ ней руки.

— Приди и сядь со мной, ненаглядная!— проговорилъ онъ.—Теперь мнѣ ничто не страшно! Приди, дорогая супруга моя, и сядь рядомъ со мной, дай мнѣ наглядѣться на тебя!

Гудруда подошла и сѣла подлѣ него, но не проронила ни слова. Трижды онъ протягивалъ къ ней руки, желая обнять ее, но каждый разъ руки его точно отнимались и безсильно падали внизъ. Но вотъ и еще новые гости, но уже въ видѣ туманныхъ призраковъ, появились на краю обрыва. То были Гизуръ, сынъ Оспакара, и многіе изъ его людей, и Сванхильда, дочь колдуньи Гроа. Вдругъ ихъ заслонили собою двѣ рослыя тѣни въ полномъ воинскомъ вооруженіи; одна изъ нихъ былъ Эрикъ Свѣтлоокій, а другая—Скаллагриммъ.

Такъ, еще будучи живыми, оба героя увидѣли свои собственныя тѣни, и при видѣ ихъ громко вскрикнули и лишились чувствъ. Когда же они очнулись и пришли въ себя, костеръ ужъ погасъ; стало совсѣмъ свѣтло.

— Знаешь-ли, Скаллагриммъ, мнѣ снился страшный сонъ!— произнесъ Эрикъ и разсказалъ другу о всемъ, что видѣлъ.

— Не сонъ то былъ,—отвѣтитъ Скаллагриммъ,—вѣдь, и я все это видѣлъ, государь мой. Какъ видно, намъ предстоитъ совершить сегодня нашъ послѣдній подвигъ. Пойдемъ же, умоемся, приберемся и поѣдимъ, чтобы, когда настанетъ часъ, быть бодрыми и полными силъ!

Такъ они и сдѣлали. Повеселѣлъ Эрикъ, зная, что теперь конецъ его близокъ. И вотъ увидали они облако пыли вдали въ долинѣ и сразу узнали, что то Гизуръ, Сванхильда и съ ними ихъ люди. Герои рѣшили ожидать враговъ здѣсь, на верху скалы, на площадкѣ, передъ пещерой. Тѣмъ временемъ

враги достигли подножья Мшистой скалы, но только послѣ полудня начали взбираться на гору, да и то взбирались не спѣша, сберегая свои силы. Пока Гизуръ со своими людьми взбирался въ гору, тотъ тралль съ шестью человѣками, что былъ посланъ впередъ, успѣли уже обойти гору и, тайной тропой выйдя на вершину скалы, теперь смотрѣли оттуда внизъ на Эрика и Скаллагримма, готовя камни чтобы скатывать ихъ внизъ.

XXXIII.

Какъ Эрикъ Свѣтлоокій и Скаллагриммъ берозаркъ бились въ своей послѣдней битвѣ.

— Ну, теперь ихъ пора прихлопнуть, не то не легко будетъ нашимъ товарищамъ устоять противъ Молніи Свѣта и топора Скаллагримма!—произнесъ тралль Сванхильды и первый сбросилъ сверху громадную глыбу камня. Глыба рухнула и упала подлѣ самаго Эрика, задѣвъ крыло его шлема и сплющивъ его.

— Шлемъ не голова!—сказалъ Эрикъ. Скаллагриммъ, поднявъ голову, увидѣлъ, въ чемъ дѣло.

— Хмъ!—сказалъ онъ.—Намъ теперь остается или спрятаться въ пещеру, или выйти навстрѣчу тѣмъ, въ узкій проходъ, и загородить его имъ.

Такъ и сдѣлали. Шумъ шаговъ и голоса Гизура и его людей неслись имъ навстрѣчу. Эрикъ и Скаллагриммъ спустились въ узкій проходъ и встали плечомъ къ плечу. Какъ увидѣлъ ихъ Гизуръ, разомъ отпрянулъ назадъ, и засмѣялся надъ нимъ Скаллагриммъ.

— Вѣдь, ихъ только двое!—крикнулъ изъ-за спины Гизура старый викингъ Кэттель!—Что же ты, Гизуръ, сынъ Оспакара, бей его!

— Стой!—крикнула повелительно Сванхильда и выступила впередъ,—я хочу говорить съ нимъ!—Сдайся, Эрикъ! Ты видишь, спереди враги и сзади враги; васъ только двое, а насъ

болѣе ста человѣкъ! Сдайся, говорятъ тебѣ, и, быть можетъ, ты будешь помилованъ!

— Ни я, ни Скаллагриммъ не привыкли сдаваться! Да и пощады отъ тебя я не хочу, а ему не надо!—отвѣчалъ Эрикъ,— мы хотимъ умереть и умремъ; для меня смерть отрада и желанная цѣль: она соединитъ меня съ моей возлюбленной супругой, съ Гудрудой Прекрасной, мы умремъ, но умремъ не одни; умретъ и Гизуръ; умрешь и ты сегодня. Такъ предсказали намъ въ эту ночь Норны! Умретъ викингъ Кэттель и многіе другіе! Такъ не трать даромъ словъ: чему суждено быть, то будетъ, и не тебѣ твоимъ бабьимъ языкомъ измѣнить волю судьбы. Отойди!.. Ну, Гизуръ, что-же? Гдѣ твой мечъ? Готовь свой щитъ!

— Слышишь, Гизуръ, Эрикъ вызываетъ тебя, чего же ты медлишь?!—крикнулъ Кэттель, старый викингъ.

Но Гизуръ, бѣлый, какъ мѣлъ, пятился назадъ, прячась за спины своихъ людей.

Тогда Кэттель не стерпѣлъ и, какъ разъяренный звѣрь, кинулся на Эрика, призывая за собой людей. И начался бой. Люди падали одни за другими подъ мечемъ Эрика и топоромъ Скаллагримма; трупы ихъ преграждали дорогу новымъ борцамъ; и сердца всѣхъ робѣли; никто уже не рѣшался выходить противъ Эрика и березарка.

Но Сванхильдинъ тралль, засѣвшій на вершинѣ скалы со своими 6-ю людьми, по звукамъ битвы, доносившимся до него, понялъ, въ чемъ дѣло, и угадалъ, что никто не можетъ одолѣть Эрика. Приказавъ своимъ людямъ укрѣпить надежную веревку, онъ спустился по ней съ товарищами къ пещерѣ и крадучись сталъ пробираться въ узкій проходъ, разсчитывая захватить Эрика врасплохъ и напасть на него съ тыла.

Хитро это было придумано, но Скаллагриммъ, уловивъ злорадный взглядъ Сванхильды, обернулся какъ разъ во время, чтобы успѣть спасти Эрика, надъ головой котораго коварный тралль уже занесъ свой мечъ.

— Спина со спиной!—крикнулъ Скаллагриммъ, отразивъ ударъ, и вотъ снова началась кровавая работа.

Враги, видя неожиданную поддержку себѣ, пріободрились и съ новымъ одушевленіемъ стали нападать на Эрика, который теперь отбивался отъ нихъ одинъ, тогда какъ тралль и его шесть человѣкъ съ бѣшенствомъ нападали на Скаллагримма. Но вскорѣ изъ нихъ не оставалось ни одного въ живыхъ, путь къ пещерѣ былъ свободенъ. Однако, въ этотъ моментъ одинъ отчаянный смѣльчакъ накинулся на Эрика, а Гизуръ сталъ красться за его спиной. Эрикъ отразилъ ударъ, поразивъ на смерть смѣльчака, но, пользуясь этой минутой, Гизуръ успѣлъ нанести Эрику смертельную рану въ голову. Герой упалъ.

— Моя пѣсня спѣта!—проговорилъ онъ Скаллагримму.—Взбирайся на скалу, а меня оставь здѣсь!

— Полно, государь, это просто царапина! Подымись. Взберись на верхъ, я приду слѣдомъ за тобой!—и съ громкимъ, пронзительнымъ крикомъ березаркъ одинъ устремился на враговъ, рубя направо и налѣво. Имъ овладѣлъ припадокъ бѣшенства; враги отступали передъ нимъ. Въ нѣсколько минутъ весь проходъ опустѣлъ. Тогда Скаллагриммъ послѣдовалъ за Эрикомъ вверхъ на площадку передъ пещерой. Съ трудомъ и чуть не падая, хватаясь за выступы скалъ, Эрикъ добрался до пещеры и опустился на землю, прислонясь спиной къ скалѣ и положивъ свой мечъ Молніи Свѣтъ на колѣни.

Но вотъ и Скаллагриммъ подлѣ него.

— Теперь мы съ тобой можемъ вздохнуть минутку, государь. Вотъ вода, попей!—и онъ напоилъ Эрика, затѣмъ самъ напился и вылилъ цѣлый ковшъ на рану друга. И будто новая жизнь влилась въ нихъ двоихъ, оба они поднялись теперь на ноги. Но люди Гизура и Сванхильды, видя, что никто не преграждаетъ имъ пути, собравшись съ духомъ, взобрались на скалы, Сванхильда—впереди всѣхъ, за нею Гизуръ и другіе. Однако, многіе люди остались внизу, не желая больше биться съ Эрикомъ и Скаллагриммомъ.

Сванхильда, подойдя къ Эрику, снова стала уговаривать его сдаться, но герой отвѣчалъ, что самъ хочетъ смерти, такъ какъ въ смерти онъ соединится съ той, которую онъ одну любилъ и любитъ больше жизни, хочетъ смерти потому еще, что

она избавитъ его на всегда отъ встрѣчи съ нею, съ Сванхильдой, лицо которой онъ желалъ бы никогда не видать.

Вскипѣла Сванхильда яростью, и лицо ея исказилось отъ злобы.

— Мало того,—продолжалъ Эрикъ,—я знаю, что и надъ тобой виситъ смерть, что и ты не уйдешь отъ своей судьбы. Но ты не найдешь радости и успокоенія въ смерти; тебя будутъ вѣчно мучить и терзать проклятія людей, злая совѣсть и неудовлетворенныя желанія. Всякій, кто вспомнитъ о тебѣ, вспомнитъ съ проклятіемъ!

— Идите и убейте этихъ людей, стоящихъ внѣ закона! Прикончите ихъ скорѣе!—злобно закричала Сванхильда.

И еще разъ люди Гизура наступили на двухъ витязей тѣсной гурьбой. Размахнулся Эрикъ разъ, другой, третій,—и всякій разъ ударъ его не пропадалъ даромъ. Но тутъ силы оставили его, и онъ въ изнеможеніи упалъ на землю. Скаллагриммъ, видя это, заступилъ его своей мощной, плечистой фигурой и, точно косматая медвѣдица, стоя надъ своимъ раненымъ дѣтенышемъ, никого не допускалъ до него, одинъ отбиваясь отъ цѣлой толпы. Тогда, выбравъ удобную минуту, Гизуръ сзади пустилъ стрѣлу въ лежащаго на землѣ умирающаго Эрика. Стрѣла попала ему въ бокъ, глубоко вонзившись въ тѣло.

— Кончено!—громкимъ, звучнымъ голосомъ воскликнулъ Эрикъ, и голова его откинулась назадъ, а глаза сомкнулись. Вся толпа враговъ отпрянула назадъ и притихла: всѣ хотѣли видѣть кончину великаго витязя, Эрика Свѣтлоокаго.

Скаллагриммъ, склонившись надъ нимъ, бережно вынулъ стрѣлу изъ раны и поцѣловалъ умирающаго въ блѣдный лобъ.

— Прощай, Эрикъ Свѣтлоокій! Другого такого человѣка, какъ ты, не увидитъ Исландія. Не многіе могутъ похвастать такою славною смертью, какъ ты. Подожди немного, государь! Погоди, я поспѣшаю за тобой!

Съ крикомъ: «Эрикъ! Эрикъ!» онъ съ бѣшенствомъ накинулся на стоявшихъ вокругъ и снова сталъ разить вокругъ себя. Смѣшались и отступили передъ нимъ враги. Хотя кровь

сочилась у него изъ ранъ, онъ продолжалъ биться, пока, наконецъ, сѣкира не выпала у него изъ рукъ и самъ онъ, покачнувшись изъ стороны въ сторону, не упалъ мертвымъ на Эрика, подобно тому, какъ падаетъ вѣковая сосна, сраженная топоромъ, на родную скалу.

Но Эрикъ еще не былъ мертвъ. Онъ раскрылъ глаза, — и, при видѣ Скаллагримма, лицо его озарилось радостной улыбкой.

— Хорошій конецъ, товарищъ! Скоро свидимся, вѣрный другъ и братъ!—прошепталъ онъ.

— Эй, да этотъ Эрикъ еще живъ!—крикнулъ Гизуръ. — Ну, такъ я прикончу его, и мечъ Оспакара возвратится къ сыну Оспакара!

— Ты удивительно смѣлъ теперь, когда Эрикъ уже при послѣднемъ издыханіи!—насмѣшливо и злобно замѣтила Сванхильда.

И видно, Эрикъ слышалъ слова Гизура: сила на мгновеніе вернулась къ нему; онъ приподнялся на колѣни, затѣмъ, опираясь на скалу, всталъ на ноги. Толпа враговъ въ ужасѣ отхлынула назадъ. Взмахнулъ герой Молніи Свѣтомъ и, размахнувшись широко-широко, швырнулъ его въ бездну.

— Дѣло твое сдѣлано! Пусть ты не будешь ничьимъ! — воскликнулъ Эрикъ.— А теперь иди, Гизуръ, теперь ты можешь меня убить, если хочешь!

Гизуръ приблизился къ нему не совсѣмъ охотно. А Эрикъ продолжалъ громко и звучно:

— Безоружный, я убилъ твоего отца Оспакара, а теперь безоружный, обезсиленный и умирающій убью тебя, Гизуръ, убійца жены моей!—и съ громкимъ крикомъ онъ упалъ всей своею тяжестью на Гизура. Тотъ, отступивъ, нанесъ было ему еще новую рану, но Эрикъ, схвативъ его въ свои желѣзныя объятія, поднялъ отъ земли и упалъ вмѣстѣ съ нимъ на землю на самый край обрыва надъ страшной зіяющей бездной. Гизуръ, угадавъ его мысль, сталъ вырываться, но напрасно: Эрикъ поднялся, не выпуская изъ своихъ объятій Гизура, всталъ на край бездны и кинулся въ пропасть.

Враги были ошеломлены. А Сванхильда воскликнула, простирая впередъ руки:

— О, Эрикъ! Такой смерти я и ожидала отъ тебя! Ты изъ всѣхъ людей былъ прекраснѣйшій, сильнѣйшій и смѣлѣйшій!

Такова была смерть Эрика Свѣтлоокаго, Эрика Несчастливаго, перваго витязя въ Исландіи.

На другой день на разсвѣтѣ Сванхильда приказала своимъ людямъ обыскать все ущелье и принести ей тѣло Эрика, а, когда люди нашли его, приказала омыть его и нарядить въ золоченые доспѣхи; потомъ сама навязала ему на ноги башмаки и вмѣстѣ съ тѣлами всѣхъ убитыхъ въ тотъ день, а также вмѣстѣ съ тѣломъ Скаллагримма березарка, вѣрнаго граля Эрика, приказала перевезти къ прибрежью, гдѣ стояло на якорѣ ея длинное военное судно, на которомъ она прибыла сюда, въ Исландію. Здѣсь тѣла всѣхъ убитыхъ были сложены высокою грудой на палубѣ ея судна, а на верху, поверхъ всѣхъ убитыхъ, положили тѣло Эрика; голова его покоилась на груди Скаллагримма, а ноги попирали тѣло Гизура, Оспакарова сына. Когда все это было сдѣлано, Сванхильда приказала поднять паруса и сама взошла на судно, всѣ края котораго были изукрашены щитами павшихъ въ послѣдней великой битвѣ на Мосфеллѣ, названномъ съ тѣхъ поръ Эриксфеллемъ. Когда насталъ вечеръ, Сванхильда собственной рукой обрубила якорный канатъ,—и судно ея, точно птица, понеслось впередъ, а она, Сванхильда, распустивъ свои черныя кудри по вѣтру, стояла въ головѣ Эрика Свѣтлоокаго, запѣвъ предсмертную пѣсню. Вдругъ два бѣлыхъ лебедя спустились съ облаковъ и стали парить надъ судномъ, которое теперь быстро уносилось въ лучахъ заката на крыльяхъ бурнаго вѣтра. А вѣтеръ все свѣжѣлъ и крѣпчалъ; мракъ спускался на землю и на бушующее море. Большое боевое судно Сванхильды потонуло во мракѣ,—и предсмертная пѣсня Сванхильды колдуньи, дочери колдуньи Гроа, смолкла среди завывающей бури.

Но далеко на краю горизонта, среди моря, вдругъ вспыхнуло яркое зарево пожара; пламя его высоко подымалось къ

небесамъ. Всѣ догадались, что то горѣло судно Сванхильды съ мертвымъ трупомъ Эрика Свѣтлоокаго, Скаллагримма берсерка, Гизура, сына Оспакара и другихъ мертвецовъ, служившихъ имъ почетнымъ ложемъ.

Таково преданіе объ Эрикѣ Свѣтлоокомъ, сынѣ Торгримура, о Гудрудѣ Прекрасной, дочери Асмунда жреца, о Сванхильдѣ, незнающей отца, женѣ Атли Добросердечнаго, объ Унундѣ, прозванномъ Скаллагриммомъ Овечьимъ Хвостомъ, которые жили всѣ и умерли еще до того, когда Тангбрандъ, сынъ Вилибальда, сталъ проповѣдывать бѣлаго Христа въ Исландіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.